
Переплетно-Коробочная
С. Цвибакъ
въ Ростовѣ н/Д

2-я
библіотека-

ИСТОРІЯ
РУССКАГО ПРАВА

ОТЪ ИЗДАНІЯ

СОБОРНАГО УЛОЖЕНІЯ

ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА

ДО ИЗДАНІЯ

СВОДА ЗАКОНОВЪ

ПО ЛЕКЦІЯМЪ

ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Т. И. Числова.

ИЗДАНІЕ
ДЛЯ СЛУШАТЕЛЕЙ АВТОРА.

1896 г.

I.

ИСТОЧНИКИ ПРАВА.

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНІЕ
Царя Алексѣя Михаиловича
1649 года

-- * --

А. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ПАМЯТНИКА

§1) Причины изданія Уложенія

Царствованіе Алексѣя Михаиловича отмѣчено событіемъ, знаменательнымъ въ исторіи русскаго права въ третій годъ послѣ вступленія этого Государя на престолъ, т. е. въ 1648 году, было приступлено къ пересмотру дѣйствовавшаго тогда законодательства и результатомъ этого пересмотра было изданіе Соборнаго Уложенія. Памятникъ этотъ является важнѣйшимъ сборникомъ законодательства Московскаго государства по той исторической роли, которая выпала на его долю, такъ какъ, воспринявъ въ себя много началъ древняго права, какъ удѣльно-вѣчевого, такъ и московскаго періодовъ, онъ лежалъ краеугольнымъ камнемъ въ основѣ развитія русскаго законодательства вплоть до изданія при Имп. Николаѣ I, въ 1832 году, нынѣ дѣйствующаго Свода Законовъ Россійской Имперіи. Этотъ же послѣдній, въ свою очередь, воспринялъ много отдѣльныхъ постановленій Уложенія, которыя, такимъ образомъ, даже до настоящаго времени продолжаютъ регулировать наши юридическія отношенія.

Историческія причины, вызвавшія въ половинѣ XVII в. изданіе Уложенія, могутъ считаться достаточно выясненными въ настоящее время наукою*) Онѣ коренились въ политическихъ, экономическихъ и, главнымъ образомъ юридическихъ условіяхъ быта

Въ началѣ того вѣка, середина котораго ознаменована изданіемъ Соборнаго Уложенія, для Россіи наступилъ періодъ тяжкихъ испытаній, поколебавшихъ до основанія ея государственный строй Прекращеніе династіи Рюриковичей и наступившее затѣмъ вскорѣ смутное время уничтожили созданное многовѣковыми тяжелыми усиліями московскихъ князей и русскаго народа государственное единство Россія снова была близка къ раздѣленію на области, Москва распалась на партіи и политическая независимость послѣдней, а съ нею и всей страны, несомнѣнно, погибала И хотя съ избраніемъ на царство въ 1613 году династіи Романовыхъ въ лицѣ Царя Михаила Ѳеодоровича государственное единство формально возстановилось, но этого было еще недостаточно для водворенія полнаго спокойствія: надлежало утвердить это государственное единство, утвердить сознаніе въ народѣ о наличности законной власти, что, конечно, могло быть достигнуто лишь законодательнымъ путемъ, посредствомъ обновленія законодательства, сообщенія ему санкціи со стороны вновь народившейся власти Но если состояніе государственнаго строя того времени требовало законодательныхъ работъ, то еще съ большею силою вызывало ихъ необходимость положенія, въ которомъ находилось государственное управленіе Смутное время, повергнувъ Россію въ анархію, лишивъ ее власти и закона, невыгодно отозвалось и въ области администраціи, гдѣ продажность, произволъ и всевозможныя притѣсненія со стороны правителей, составлявшія издавна

---

*) См Морошкина *„Рѣчь объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи“*, Соловьева *„Исторія Россіи“*; Загоскина *„Рѣчь объ Уложеніи“*, Мейчика *„Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія 1649 года“*

корень зла, усилились, благодаря отсутствію власти а, слѣдовательно, и контроля, до невѣроятныхъ размѣровъ. О крайнемъ разстройствѣ въ сферѣ администраціи мы узнаемъ изъ сказокъ (мнѣній) выборныхъ на Соборъ 1642 года, такъ называемомъ Азовскомъ. Выборные изъ городовыхъ дворянъ заявляютъ между прочимъ въ своей сказкѣ. „дьяки и подъячіе, которые пожалованы государевымъ денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и вотчинам., находясь безпрестанно у государевыхъ дѣлъ *и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ своимъ мздоимствомъ*, накупили такія вотчины и домы строили многія, палаты каменныя такія, *что неудобь-сказаемый*“. Точно также и посадскіе люди жалуются на воеводскія притѣсненія говоря. *„въ городахъ всякіе люди обнищали и охудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ* а прежъ сего того не было въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами промежъ себя“. Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно что приказные люди того времени. дьяки подъячіе, а въ особенности, высшіе областные правители-воеводы, посылавшіеся „на кормленіе“ въ ту или другую провинцію, въ большинствѣ случаевъ отличались лихоимствомъ, продажностью и произволомъ, доходившимъ до того, что современники считали ихъ притѣсненія болѣе раззорительными чѣмъ татарскія нашествія. Въ упомянутой выше сказкѣ городовыхъ дворянъ, эти послѣдніе говорятъ Государю. *„разорены мы, холопи твои пуще Турскихъ и Крымскихъ бусурмановъ и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ“*. Но не одно смутное время давало широкій простор произволу администраціи самая организація приказной службы, система „кормленія“, много способствовала развитію притѣсненій со стороны органовъ управленія. Система эта замѣнила собою другую, практиковавшуюся при намѣстничьемъ и волостельскомъ управленіи и состоявшую въ томъ что размѣръ доходовъ этихъ областныхъ правителей точно опредѣлялся уставною грамотою, какъ напр., мы это видимъ въ Бѣлозер-

ской Уставной Грамотѣ. Съ введеніемъ воеводъ это точное опредѣленіе корма прекратилось и тѣмъ дана была возможность воеводамъ эксплоатировать населеніе по своему усмотрѣнію, такъ какъ правительство не могло, какъ прежде, опираясь на грамоту, сказать: *„а чрезъ сю грамоту кто что на нихъ* (т. е. на жителяхъ) *возьметъ, или чимъ изобидитъ, быти тому отъ меня, отъ великаго князя въ казни“*, не могло уже потому, что такой грамоты не существовало. Отсюда полная возможность недобросовѣстнымъ людямъ, попадавшимъ въ воеводы, всячески притѣснять народъ. Необходимо было положить конецъ своеволію органовъ управленія, искоренить взяточничество мѣрами карательными, и вотъ, Уложеніе, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, обращаетъ на этотъ предметъ самое серьезное вниманіе.

Къ полной расшатанности важнѣйшихъ основъ государственной жизни, присоединились тяжелыя экономическія условія. Достаточно указать на то страшное истощеніе матеріальныхъ силъ народа, о которомъ говорятъ всѣ дошедшіе до насъ историческіе документы отъ первой половины XVII вѣка. Безпрерывныя войны, ведшіяся царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ для искорененія внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, требовали огромныхъ издержекъ со стороны государства. Земскіе соборы, стоявшіе постоянно около Михаила, въ теченіе первыхъ лѣтъ его царствованія не отказывали въ матеріальныхъ жертвахъ. Проф. Загоскинъ въ своей „Рѣчи объ Уложеніи“ приводитъ примѣръ почти невѣроятной жертвы со стороны русской земщины на пользу государства: въ краткій промежутокъ времени съ 1615 по 1619 годъ земскій соборъ дважды постановлялъ сборъ пятой деньги, т. е. 20% со всѣхъ имуществъ, что за оба раза составило жертвованіе земщиною въ 40%. Подобныя жертвы ложились тяжелымъ гнетомъ на низшіе податные классы общества, въ лицѣ посадскихъ-городскихъ и уѣздныхъ-волостныхъ черныхъ общинъ, такъ какъ на нихъ исключительно падала податная повинность. Въ противоположность имъ, духо-

венство, служилые люди т. е. лица отбывавшія военную повинность и, наконецъ, гости т. е. купцы и торговцы двухъ высшихъ разрядовъ-гостинной и суконной сотень-освобождались отъ государственнаго финансоваго тягла были, по выраженію того времени бѣломѣстцами. Податная тягость посадскихъ и уѣздныхъ общинъ усиливалась, кромѣ изъятія перечисленныхъ лицъ отъ податной повинности, еще и тѣмъ, что въ допетровской Руси единицею податнаго обложенія было не отдѣльное лицо, какъ это устанавливается при Петрѣ, а община, члены которой были связаны круговою порукою и сами разверстывали между собою „по животамъ и промысламъ" причитавшуюся со всей общины сумму податей. При такой системѣ обложенія отдѣльныя лица массами уклонялись отъ платежа податей, избывали тягла, какъ тогда говорили, выходя произвольно изъ общинъ. Такъ посадскіе люди, избывая тягла, выходили изъ общинъ, частью закладываясь за бѣломѣстцевъ, частью продавая этимъ послѣднимъ свои тяглые дворы и угодья, вслѣдствіе чего эти дворы и угодья выходили изъ общей массы городскихъ имуществъ, подлежащихъ податному сбору. Уѣздные тяглые люди избѣгали платежа податей, или также закладываясь за бѣломѣстцевъ, или же переходя въ посады города для занятія городскими промыслами. Само собой понятно, что за выходомъ изъ общины ея членовъ податная тягость оставшихся увеличивалась, такъ какъ прежнюю сумму налоговъ приходилось платить меньшему количеству членовъ, почему доля каждаго отдѣльнаго члена становилась больше.

Въ свою очередь и крестьяне, въ концѣ XVI вѣка прикрѣпленные къ землямъ, на которыхъ сидѣли, измученные работами и всевозможными платежами, бѣжали массами отъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, въ особенности мелкихъ, и охотно селились на земляхъ сильныхъ людей, прибѣгавшихъ часто къ переманиванію, а то и насильственному вывозу кресьянъ изъ - за мелкопомѣстныхъ дворянъ. Указанная подвижность крестьянъ тяжело ста-

билась на положеніи служилаго класса, а существованіе такъ называемыхъ урочныхъ лѣтъ (до 1640 г. 5 лѣтъ, послѣ 1640 - десять, съ 1647 года - пятнадцать лѣтъ), по истеченіи которыхъ вотчинникъ или помѣщикъ, неуспѣвшій въ этотъ срокъ разыскать своего бѣглаго крестьянина, уже терялъ право требовать его возвращенія, еще болѣе вліяло на разстройство внутренняго быта служилыхъ и на отбываніе ими служилой повинности. Въ первую половину XVII вѣка правительству постоянно подавались челобитья и со стороны общинъ о прекращеніи свободнаго выхода, и отъ служилыхъ людей объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ. И та, и другая просьба имѣли своею конечною цѣлью остановить подвижность населенія, подвижность, которая приняла такіе обширные размѣры, что стала угрожать полнымъ разстройствомъ народному и государственному хозяйству. Необходимы были новыя общія мѣры и общій пересмотръ законовъ о переходѣ съ однѣхъ земель на другія.

Но кромѣ экономическихъ условій времени вызывали необходимость полнаго пересмотра законодательства, главнымъ образомъ, условія юридическія. Правосудіе въ Московскомъ государствѣ находилось вообще въ крайне печальномъ положеніи, помимо указанной выше продажности судей, просто въ силу дѣйствовавшихъ тогда порядковъ судопроизводства. Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ послѣдняго была извѣстная московская волокита. Всѣ сколько-нибудь цѣнныя дѣла разрѣшались не на мѣстѣ, а въ Москвѣ, въ приказахъ, между тѣмъ при тогдашнемъ состояніи путей сообщенія поѣздка въ Москву изъ отдаленной мѣстности сопряжена была съ большею тратою времени и денегъ, медленное же теченіе дѣлъ въ приказахъ, вызывавшее продолжительное пребываніе въ столицѣ, дѣлало суды для большинства жителей Московскаго государства почти недоступными. А это обстоятельство влекло за собою весьма печальныя послѣдствія, служа благопріятнымъ условіемъ для развитія немалаго беззаконія, произвола и самоуправства со

стороны сильныхъ и порождая неуваженіе и недовѣріе къ суду.

Впрочемъ, не одна московская волокита невыгодно отзывалась на состояніи правосудія; отправленіе его сильно затруднялось вслѣдствіе того хаоса, который царилъ въ самомъ законодательствѣ, что давало широкій просторъ произволу судей и дьяковъ. Дѣйствующимъ правомъ въ то время былъ Судебникъ Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича IV, изданный въ 1550 году. Но этотъ кодексъ за столѣтній періодъ потерялъ почти всякую жизненную силу, такъ какъ въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ онъ пересталъ дѣйствовать за отмѣною ихъ, въ другихъ же подвергся весьма значительнымъ перемѣнамъ и дополненіямъ. Эти перемѣны и дополненія совершались путемъ изданія отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ въ видѣ царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, носившихъ названіе дополнительныхъ указовъ къ Судебнику. Для записыванія этихъ дополнительныхъ узаконеній еще въ царствованіе Іоанна Грознаго были заведены во всѣхъ приказахъ особыя книги, называвшіяся указными. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ учрежденномъ имъ Челобитенномъ Приказѣ заведены были особые списки, извѣстные подъ именемъ статейныхъ, такъ какъ въ этихъ спискахъ писались по статьямъ доклады, дѣлавшіеся изъ различныхъ приказовъ по различнымъ вопросамъ, возникавшимъ на практикѣ, прежде въ законѣ непредусмотрѣннымъ, а потому и требовавшимъ законодательнаго опредѣленія. Сюда же вносились и представленія приказовъ о необходимости измѣнить существующія узаконенія или объяснить ихъ смыслъ. По выслушаніи доклада, Царь единолично или по совѣту съ Боярскою Думою давалъ отвѣтъ, который заносился тутъ же въ списокъ также особыми статьями противъ того вопроса, по который данный отвѣтъ состоялся. Со статейныхъ списковъ дѣлались росписи, разсылавшіяся по приказамъ, гдѣ онѣ подъ именемъ уложенія погодно заносились въ упомянутыя выше указныя книги. Книги эти годъ отъ года накоплялось бо-

лѣе и болѣе и, такъ какъ всѣ узаконенія записывались въ нихъ въ хронологическомъ, а не систематическомъ, попредметномъ порядкѣ, то пользованіе ими съ теченіемъ времени становилось все затруднительнѣе. Къ этому должно прибавить, что въ то время не одни царскіе указы и думные боярскіе приговоры имѣли силу закона. Отъ этихъ актовъ ничѣмъ не отличались и приговоры бояръ управлявшихъ отдѣльными приказами, приговоры же эти были весьма противорѣчивы, такъ что трудно было разобраться въ ихъ примѣненіи. Случалось даже, что изъ Челобитеннаго Приказа, гдѣ велись статейные списки законамъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. царскимъ указамъ и думнымъ боярскимъ приговорамъ, дѣлались запросы въ разные приказы о томъ, какіе боярскіе приговоры даннаго приказа принимать въ руководство по дѣламъ. Приговоры, признанные приказомъ въ его отвѣтѣ за руководящіе, вносились Челобитеннымъ Приказомъ въ статейные списки наряду съ законами. Понятно послѣ этого, какой хаосъ должно было представлять наше законодательство, разобраться въ этомъ хаосѣ было почти невозможно, тѣмъ болѣе, что не имѣлось подъ руками никакихъ вспомогательныхъ средствъ для изученія дѣйствующаго права, почему незнаніе законовъ было явленіемъ обыкновеннымъ. Не только частныя лица, но даже лица должностныя и само правительство часто сомнѣвались въ изданіи какого-нибудь закона. Не было, можно сказать, такого приказа, который могъ бы поручиться, что у него имѣются всѣ законы, относящіеся къ предметамъ его вѣдомства. Поэтому, если приказъ встрѣчался съ такимъ вопросомъ, на разрѣшеніе котораго у него законовъ не находилось, онъ сносился съ другими приказами съ цѣлью найти въ этихъ послѣднихъ подходящихъ указовъ. Такъ, напр., изъ указной книги Земскаго Приказа мы узнаемъ, что изъ разныхъ приказовъ въ разное время были присланы къ нему памяти въ отвѣтъ на тѣ вопросы, которые онъ предлагалъ имъ о существованіи того или другого закона, приведу нѣкоторыя въ 1623 г.

декабря 29 прислана была память изъ Разбойнаго на запросъ о томъ, кому принадлежатъ найденныя и пойманныя „приводныя" лошади находчику или казнѣ, въ 1629г въ ноябрѣ - память изъ Челобитнаго Приказа съ прописаніемъ указа 1626г марта 5 о томъ, дозволены ли закономъ проценты, въ 1643 году ноября 4 - память изъ Московскаго Суднаго Приказа на запросъ о послѣдствіяхъ неявки къ суду Приходилось иногда по одному и тому же дѣлу справляться въ нѣсколькихъ приказахъ заразъ, такъ Посольскій Приказъ обратился съ запросомъ къ Володимірскому Судному о томъ, нѣтъ-ли у него указа о порядкѣ выкупа закладныхъ вотчинъ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, спросилъ объ этомъ же Московскій Судный. Случалось и такъ, что приказъ спрашивалъ у другого свѣдѣнія объ узаконеніи, записанномъ у него же въ указной книгѣ; напр., запросъ Земскаго Приказа на который послѣдовала приведенная выше память отъ 1643 г. ноября 4 изъ Московскаго Суднаго, былъ излишнимъ, такъ какъ указъ о послѣдствіяхъ неявки къ суду былъ записанъ въ его указной книгѣ. Такое положеніе вещей вызывало настоятельную потребность соединить всѣ частныя разновременныя и противорѣчивыя узаконенія въ одно общее уложеніе и уже не въ хронологическомъ, а систематическомъ порядкѣ, объединивъ и измѣнивъ всю эту систему въ духѣ времени въ духѣ тѣхъ стремленій и требованій, которыя въ данное время были предъявлены общественною и частною жизнью.

Итакъ, расшатанность государственнаго строя, произволъ въ области администраціи, своеволіе сильныхъ, угнетеніе слабыхъ, тяжелыя экономическія условія печальное состояніе правосудія, полный хаосъ законодательства - вотъ тѣ главныя причины, которыя требовали уже въ началѣ XVII ст. кодификаціонныхъ работъ. Но въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича нечего было и думать о пересмотрѣ стараго законодательства и объ изданіи новаго законодательнаго сборника, такъ какъ на первой очереди стояла важнѣйшая задача - доставить внѣшнюю и

внутреннюю безопасность государству т. е. покончить съ иноземными врагами, неоставлявшими своихъ притязаній на русскую землю и прекратить неурядицы, разбои и усобицы, постоянно разжигаемыя новыми самозванцами. Только после осуществленія этой задачи и можно было приступить къ мирной кодификаціонной дѣятельности, но на водвореніе спокойствія и упроченіе безопасности государства потребовалось все царствованіе и дѣятельность законодательная выпала на долю сына и преемника Михаила - Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича.

§2) <u>Ближайшіе поводы къ изданію Уложенія</u>

Есть основаніе предполагать, что къ законодательнымъ работамъ было приступлено въ Москвѣ вслѣдствіе представленнаго Царю челобитья отъ земщины, такъ какъ объ этомъ прямо упоминается въ дошедшей до насъ грамотѣ отъ Новгородскаго воеводы, князя Хилкова, къ губному старостѣ Нагорной половины Обонежской пятины Ивану Кобылину, и содержащей въ себѣ приказаніе этому послѣднему о производствѣ выборовъ среди дворянъ и дѣтей боярскихъ и о присылкѣ выборнаго въ Москву къ земскому собору. „Въ нынѣшнемъ 156 году", говорится въ этомъ актѣ, „28 іюля въ грамотѣ Государя Алексѣя Михаиловича . . . писано: по государеву указу, и отца его государева и богомольца, святѣйшаго Іосифа, патріарха Московскаго и всея Русіи, и по приговору государевыхъ бояръ, *а по челобитью стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ Московскихъ, и жильцовъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ, и иноземцевъ, и гостей, и гостинныя и суконныя сотни, и всякихъ чиновъ торговыхъ людей велѣно на Москвѣ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому с товарищи на всякіе расправные дѣла написать Судебникъ и Уложенную книгу*, чтобъ впередъ по той Уложенной книгѣ всякія дѣла дѣлать и вершить безо всякаго переводу и безволокитно . . ."

Упоминаемое въ приведенной грамотѣ челобитье до насъ не дошло, между тѣмъ изъ этой грамоты, помѣчен-

ной 28 юля 1648 года, равно какъ и изъ предисловія къ Уложенію, узнаемъ, что въ 1648 г. правительство безповоротно рѣшило приступить къ законодательнымъ работамъ. Спрашивается, почему такое рѣшеніе падаетъ на этотъ именно годъ по счету третій въ царствованіи Алексѣя Михайловича? Въ этомъ году произошли важныя событія на Москвѣ, на которыхъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе, такъ какъ, несомнѣнно, они послужили ближайшимъ поводомъ къ изданію Соборнаго Уложенія.

Въ началѣ 1648 года царь, по совѣту своего воспитателя и любимца Морозова правившаго безконтрольно государствомъ, женился на дочери Милославскаго. Этотъ послѣдній воспользовался своимъ новымъ положеніемъ, чтобы нажиться, и со своими родственниками захватилъ въ руки доходныя должности. Такимъ образомъ, кромѣ царя къ всесилію Морозова присоединилъ еще вліяніе на государственныя дѣла тестя царскаго и его клевретовъ, изъ которыхъ двое, Плещеевъ и Траханіотовъ отличались непомѣрною жадностью, особенный вредъ причинялъ народу Леонтій Плещеевъ, бывшій судьею весьма важнаго Земскаго Приказа. Онъ окружилъ себя лицами, избравшими своимъ ремесломъ составленіе ложныхъ доносовъ на честныхъ и зажиточныхъ людей. Несчастныхъ схватывали, бросали въ тюрьму, заковывали въ цѣпи, подвергали пыткамъ, а затѣмъ слуги Плещеева вступали съ ними въ переговоры о выкупѣ. Обиженные жаловались царю, подавали челобитныя, но лица, окружавшія Царя Алексѣя Мих., представляли ему дѣло всегда въ такомъ видѣ, будто жалобы не заслуживаютъ вниманія, почему челобитья оставались безъ удовлетворенія. Народъ, уже съ самаго вступленія на престолъ Ал. Мих. недовольный Морозовымъ за его симпатіи къ иностраннымъ купцамъ и за наложеніе въ 1646 г. пошлины на соль, сталъ негодовать на своихъ новыхъ притѣснителей и, потерявъ всякую надежду на боярское правосудіе, рѣшилъ жаловаться царю словесно. Лѣтомъ 1648 года, въ маѣ или іюнѣ (съ точностью неизвѣстно) во время царскаго выхода толпа

окружила Государя, умоляя отставить Плещеева и опредѣлить на его мѣсто человѣка добраго. Царь обѣщалъ и довольный народъ сталъ было расходиться, какъ вдругъ приверженцы Плещеева изъ придворныхъ стали ругать народъ, пустивъ при этомъ въ ходъ нагайки. Народъ разсвирѣпѣлъ, камни посыпались на обидчиковъ, которые должны были спасаться бѣгствомъ во дворецъ, толпа стала ихъ преслѣдовать, остановилась предъ дворцемъ, шумѣла и требовала выдачи Плещеева. Морозовъ вышелъ на крыльцо съ увѣщаніями разойтись, но въ отвѣтъ ему посыпались такія же угрозы, какъ и по адресу Плещеева. Морозовъ скрылся во дворецъ, а мятежники бросились къ его дому и разграбили его, досталось домамъ и многихъ другихъ знатныхъ и богатыхъ людей. Въ числѣ потерпѣвшихъ былъ и бояринъ князь Одоевскій, будущій главный редакторъ Уложенія. Правительство употребило всѣ усилія, чтобы прекратить мятежъ. Царь смѣстилъ Морозова, соизволилъ на казнь Плещеева и Траханіотова, которыхъ народъ не далъ въ руки палача, а умертвилъ самъ, какъ это видно изъ лѣтописи, гдѣ говорится: „убиша міромъ Леонтія Плещеева, а Траханіотова казниша на пожарѣ". Далѣе, по свидѣтельству посла герцога Шлезвигъ-Гольштинскаго Олеарія, въ подробностяхъ описавшаго московскіе безпорядки, царь замѣстилъ негодныхъ чиновниковъ людьми разумными, кроткими и весьма уважаемыми народомъ, и произнесъ рѣчь, въ которой, выразивъ сожалѣніе по поводу безчинствъ Плещеева и Траханіотова, дѣлавшихся его именемъ, но противъ его воли, сказалъ: „на ихъ мѣста назначены теперь мужи богобоязливые, которые будутъ чинить расправу народу безъ посуловъ всѣмъ одинаково, о чемъ и самъ я отнынѣ буду имѣть бдительное смотрѣніе. Увеличенная пошлина на соль, вмѣстѣ съ этимъ, будетъ отмѣнена, выданныя до сего милостивыя грамоты на исключительную торговлю, смотря по обсто-

Тип. Дашкевича и К., Тверская. Складъ г. Карбасникова.
На правахъ рукописи Др. -Доц. Числова

ятельствамъ, будутъ отобраны, а нѣкоторыя льготы народныя и прежде дарованныя вольности желательно теперь расширить и умножить. И вотъ вскорѣ послѣ описаннаго бунта, именно 16 іюля того же года, былъ данъ царскій указъ о составленіи Уложенія и о созваніи по этому поводу собора. Всѣ наши историки и историко - юристы, занимавшіеся изслѣдованіемъ Уложенія, приводятъ указъ о составленіи этого памятника въ генетическую связь съ московскими безпорядками. Несомнѣнно, что бунтъ могъ послужить, какъ это и видно отчасти изъ рѣчи Царя, ближайшимъ толчкомъ къ возстановленію гражданскаго порядка, къ обузданію своеволія отдѣльныхъ личностей и, въ особенности, органовъ администраціи путемъ точнаго опредѣленія правъ и обязанностей каждаго, но если предположить, что мысль о необходимости въ новомъ уложеніи вызвана тѣмъ именно челобитьемъ, о которомъ упоминается въ приведенной выше грамотѣ въ Обонежскую пятину поданномъ, притомъ, земскими чинами во время описаннаго бунта, то связь между этими двумя событіями будетъ еще очевиднѣе. Сдѣлать же подобное предположеніе вполнѣ возможно на томъ основаніи, что дѣйствія правительства, направленныя на подавленіе мятежа, были очень миролюбивы и не шли, при этомъ, какъ мы видѣли, въ разрѣзъ съ желаніями народа: народъ желалъ казни Плещеева и Траханіотова - они выданы, желалъ смѣщенія другихъ ненавистныхъ приказныхъ - они замѣнены угодными народу; просилъ уничтоженія соляного акциза - онъ отмѣненъ; подалъ, вѣроятно, челобитную, до насъ, къ сожалѣнію, не дошедшую, о пересмотрѣ стараго Судебника - въ результатѣ указъ 16 іюля объ изданіи Уложенія.

Описанные выше безпорядки, такимъ образомъ, вызвали давно желаемыя и *подсказанныя* народомъ реформы, изъ которыхъ важнѣйшей было изданіе новаго законодательнаго сборника.

§3) Цѣль изданія Уложенія.

Основная цѣль, съ которой было предпринято соста-

Тип. Лашкевича и К. Тверская. Складъ у Карбасникова.
Изд. рус. пр. по лекц. Пр.-доц. Числова.

бленіе Уложенія, объяснена въ предисловіи къ нему: „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, *отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была* во всякихъ дѣлѣхъ *всѣмъ ровна*"

Для вѣрнаго объясненія приведенной выше цитаты, а съ тѣмъ вмѣстѣ и основной цѣли изданія Уложенія, необходимо остановиться на значеніи слова „ровный", часто принимаемаго изслѣдователями безразлично съ словомъ „равный", въ качествѣ синонима слову „одинаковый". „Ровный" въ прямомъ смыслѣ означаетъ „гладкій", „плоскій" и противополагается слову „шероховатый"; очевидно, что слово „одинаковый", являющееся, дѣйствительно тождественнымъ съ понятіемъ „равный", не можетъ служить синонимомъ слову „ровный". Это послѣднее, въ переносномъ своемъ значеніи, еще въ наше время употребляется, а тѣмъ болѣе въ эпоху изданія Уложенія употреблялось, въ качествѣ синонима понятіямъ: „нелицепріятный", „беспристрастный". А если это такъ, то приведенныя слова Уложенія означаютъ, что судъ долженъ быть справедливъ, нелицепріятенъ, не взирая на то большой или малый человѣкъ взываетъ къ правосудію Несправедливость же и лицепріятіе являлись тогда послѣдствіемъ непомѣрнаго лихоимства, которое было, какъ мы уже видѣли, истиннымъ бичемъ для народа, особенно для людей простыхъ, небогатыхъ, не имѣвшихъ возможности подкупить судей посулами (взятками). Выставляя требованіе „суда ровнаго", т. е. правдиваго, Уложеніе этимъ самымъ требуетъ „суда безпосульнаго", не высказывая только этого прямо. Такимъ образомъ, основная цѣль Уложенія не новая: она высказывалась уже за цѣлое столѣтіе въ Царскомъ Судебникѣ 1550 г., который предписываетъ „прокликати по торгомъ на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ Московскія земли и Ноугородскія земли и Тверскія земли и по волостемъ, что бы *ищея (истецъ) или отвѣтчикъ судіямъ и приставомъ посуловъ въ судѣ не давали и не сулили* " То же самое еще ранѣе было предусмотрѣно и Судебникомъ Великокняжескимъ 1497 г.

Основная цѣль всѣхъ этихъ памятниковъ тождественна: запретивъ взяточничество, даровать тѣмъ народу судъ справедливый

§4) Исторія составленія и изданія Уложенія

а) *Указъ 16 іюля 1648г.* Въ предисловіи къ Уложенію мы находимъ свѣдѣнія по вопросу о составленіи, утвержденіи и изданіи памятника, но свѣдѣнія эти нельзя считать достаточными, такъ какъ предисловіе не передаетъ въ точности всего, относящагося къ этому вопросу, почему данныя предисловія необходимо дополнить при изученіи хода законодательныхъ работъ данными изъ другихъ источниковъ

Въ началѣ предисловія говорится: „Въ лѣто 7156, іюля въ 16 день, Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михаиловичь, всея Русіи Самодержецъ, въ двадесятое лѣто возраста своего, въ третіе лѣто Богомъ хранимыя своея державы, совѣтовалъ со отцемъ Своимъ и Богомольцемъ, Святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ Московскимъ и всея Русіи, и съ Митрополиты, и со Архіепископы, и со Епископомъ, и со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ (т.е. съ прочими духовными властями), и говорилъ съ Своими Государевыми Бояры, и съ Окольничими и съ думными людьми (т.е. съ тремя чинами свѣтскаго состава Боярс. Думы): *которыя статьи написаны въ правилѣхъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ и въ градскихъ законѣхъ греческихъ царей* а пристойны тѣ статьи къ Государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ, *тѣ бы статьи выписать*, и чтобы прежнихъ великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, и Отца Его Государева, блаженныя памяти, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, *Указы и Боярскіе приговоры на всякія Государственныя и на земскія дѣла собрать и тѣ Государскіе Указы и Боярскіе приговоры съ старыми Судебниками справити*. А на которыя статьи въ прошлыхъ годѣхъ, прежнихъ Государей въ Судебникахъ Указу не положено и Боярскимъ приговоромъ на тѣ статьи не было: и тѣ бы *статьи* по тому же *написати и изложити*, по

Его Государеву Указу, *общимъ совѣтомъ* ... И указалъ Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи *то все собрати и въ докладъ написати Бояромъ Князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, да князю Семену Васильевичу Прозоровскому, да Окольничему Князю Өедору Өедоровичу Волконскому, да дьякамъ Гаврилу Левонтьеву, да Өедору Грибоѣдову*".

Изъ этого видно, что 16 іюля Царь, по совѣщанію съ своей Боярской Думой въ полномъ составѣ, рѣшилъ приступить къ кодификаціоннымъ работамъ, указавъ немедленно начать собираніе и выясненіе законодательнаго материала для будущаго сборника на основаніи перечисленныхъ источниковъ, на изученіи которыхъ мы остановимся ниже. Этотъ трудъ былъ возложенъ на особую коммиссію, спеціально для этого учрежденную изъ пяти лицъ: трехъ князей и двухъ дьяковъ; предсѣдателемъ этой коммиссіи былъ назначенъ Князь Никита Ивановичъ Одоевскій

Одновременно съ учрежденіемъ указанной коммиссіи Царь повелѣлъ, также по совѣщанію съ Боярской Думой, "*выбрати изъ Стольниковъ, и изъ Стряпчихъ, и изъ Дворянъ Московскихъ, и изъ Жильцевъ изъ чину по 2 человѣка, также всѣхъ городовъ изъ Дворянъ и дѣтей Боярскихъ взяти изъ большихъ городовъ, опричь Новгорода, по два человѣка, а изъ Новгородцевъ съ пятины по человѣку; а изъ меньшихъ городовъ по человѣку; а изъ Гостей трехъ человѣкъ, а изъ гостинныя и суконныя сотенъ по два человѣка, а изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ, и изъ городовъ съ посадовъ по человѣку, добрыхъ и смышленыхъ людей, чтобы Его Государево Царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставить*, чтобы тѣ всѣ великія дѣла, по нынѣшнему Его Государеву Указу и Соборному Уложенію, впредь были ни чѣмъ нерушимы", т. е. слѣдовательно, состоялся указъ о созваніи земскаго собора для участія въ "великомъ Государевомъ и земскомъ дѣлѣ" изданія новаго Уложенія Выборные должны были собраться къ 1му сен-

тября новаго, 1649 года (годъ начинался тогда съ 1-го сентября), объ этомъ мы узнаемъ изъ приведенной выше (§2) грамоты отъ Новгородскаго воеводы въ Обонежскую пятину, гдѣ между прочимъ говорится: „*а срокъ выборнымъ людемъ всѣмъ учиненъ статъ въ Москвѣ Сентября на 1ое число 157 году*“, такимъ образомъ, дано было полтора мѣсяца на пересылку грамотъ изъ Москвы, на производство выборовъ и на присылку выборныхъ столицу. Далѣе, въ приведенной грамотѣ слѣдуетъ указаніе на порядокъ производства выборовъ. „А какъ ся грамота къ тебѣ (т. е. къ губному старостѣ) пріидетъ, ты созови въ губный станъ всѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и прочти имъ государевъ указъ и вели имъ *выбрати изъ себя человѣка добра и смышленна, кому бъ государевы и земскія дѣла за обычай, которому бы бытъ на Москвѣ для государева земскаго дѣла съ государевы бояры, со княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ съ товарищи*“. Актами, удостовѣрявшими избраніе, служили „выборы за руками“, т. е. подписанные избирателями протоколы, которые вмѣстѣ съ выборными препровождались въ Москву.

Спрашивается, какую роль были призваны играть въ дѣлѣ составленія Уложенія упоминаемые въ приведенномъ началѣ предисловія 1) коммиссія кн. Одоевскаго „съ товарищи“ и 2) депутаты созваннаго земскаго собора? Вопросъ этотъ является крайне существеннымъ для исторіи составленія памятника.

б) *Значеніе коммисоіи кн. Одоевскаго.* Остановимся прежде всего на выясненіи сущности той рабсты, которая была поручена кодификаціонной коммиссіи кн. Одоевскаго, такъ какъ отъ вѣрнаго пониманія дѣятельности послѣдней зависитъ правильность взгляда на значеніе самаго земскаго собора.

Понять же значеніе названной коммиссіи не представляется затруднительнымъ, такъ какъ въ предисловіи къ Уложенію ясно указанъ характеръ работъ, поручавшихся Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ кн. Одоевско-

му „съ товарищи". Они должны были *„выписать"* „пристойныя" статьи изъ правилъ Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ и изъ градскихъ законовъ, *„собрать"* всѣ царскіе указы и боярскіе приговоры и *„справить"*, т.е. *сопоставить, сличить* эти указы и приговоры съ Судебниками, *„написать"* и *„изложить"* новыя статьи, иначе, подготовить къ разрѣшенію земскимъ соборомъ тѣ вопросы, которые прежнимъ законодательствомъ предусмотрѣны не были, а между тѣмъ, требовали законодательнаго разрѣшенія; наконецъ, сдѣлавъ все это, *„въ докладъ написати"*, т.е. приготовить для доклада Царю и земскому собору. Очевидно, что порученныя работы носятъ характеръ подготовительныхъ дѣйствій.

Въ предисловіи говорится лишь о предварительной обработкѣ всего законодательнаго матеріала и о составленіи проекта сборника, въ смыслѣ расположенія собраннаго и обработаннаго матеріала въ извѣстной системѣ, въ извѣстномъ порядкѣ, — безъ всякой претензіи, по справедливому замѣчанію проф. Загоскина, на законченность выполненной работы. Составленіе Уложенія въ окончательной редакціи составляло, какъ сейчасъ увидимъ, задачу земскаго собора; конечно, коммиссія кн. Одоевскаго принимала въ этомъ самое дѣятельное участіе, но работы ея въ этомъ направленіи не были самостоятельными. Такимъ образомъ, на коммиссію кн. Одоевскаго можно смотрѣть, какъ на учрежденіе, созданное для подготовленія проекта Уложенія, а не для сочиненія вполнѣ законченнаго кодекса.

б) *Роль земскаго собора въ дѣлѣ составленія Уложенія.* Для рѣшенія вопроса о значеніи земскаго собора въ нашемъ распоряженіи имѣются въ настоящее время, кромѣ данныхъ Уложенія, свидѣтельства и другихъ памятниковъ, которыя не только удостовѣряютъ насъ несомнѣннымъ образомъ въ фактѣ участія выборныхъ въ дѣлѣ составленія Уложенія, но и позволяютъ установить степень этого участія. Нѣкоторые изъ этихъ важныхъ историческихъ актовъ изданы въ послѣднее время проф. Лат-

кинымъ подъ заглавіемъ „Матеріалы для исторіи Земскихъ Соборовъ XVII ст.“

Приведемъ всѣ имѣющіяся свидѣтельства и на основаніи ихъ постараемся выяснить роль, выпавшую на долю Земскаго Собора въ дѣлѣ изданія Уложенія. Начнемъ съ данныхъ этого памятника.

Въ томъ мѣстѣ предисловія, гдѣ говорится по поводу постановленія о созваніи Земскаго Собора, указывается, какъ мы видѣли, и цѣль созванія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и роль выборныхъ людей: *„чтобъ его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставить*, чтобы тѣ всѣ великія дѣла по нынѣшнему его государеву указу и *соборному уложенію* впредь были ничѣмъ нерушимы“. Это мѣсто указываетъ на оффиціальное признаніе Земскаго Собора въ качествѣ законодателя, участіе котораго въ утвержденіи, а слѣдовательно, и въ обсужденіи памятника, считается самимъ царемъ необходимымъ для нерушимости „великихъ государевыхъ и земскихъ дѣлъ“. И, дѣйствительно мы знаемъ, что Уложеніе было подписано членами собора. А о томъ, что постановленія являлись результатомъ совмѣстнаго совѣщанія, т. е. обсужденія всѣхъ или нѣкоторыхъ участниковъ собора, имѣемъ: 1) прямое указаніе 42 ст. XVII главы Улож., гдѣ находится запрещеніе духовнымъ властямъ и монастырямъ покупать, принимать въ закладъ и „по душамъ въ вѣчный поминокъ“ вотчины, запрещеніе, данное Царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, который „*совѣтовавъ*“, сказано здѣсь, *„со Отцемъ своимъ ... Іосифомъ, Патріархомъ ... и со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ и говоря со своими Государевы Бояры и съ Окольничими, и съ Думными людьми и съ Стольники, и съ Стряпчими и съ Дворяны и дѣтьми Боярскими указалъ и соборомъ уложили ...*“ (слѣдуетъ указанное выше запрещеніе), и 2) свидѣтельство двухъ грамотъ о такомъ же совмѣстномъ совѣщаніи относительно уложенія всей VIII главы „о искупленіи плѣнныхъ“ — и постановленія объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ,

находящагося въ XI главѣ — „судъ о крестьянѣхъ". Эти два свидѣтельства даютъ, кромѣ того, право предполагать, что могутъ существовать документы, намъ еще неизвѣстные, въ которыхъ можно встрѣтить указанія на уложеніе соборомъ и другихъ ст. памятника, о чемъ въ этихъ послѣднихъ, подобно VIII и XI главамъ, не упомянуто. По крайней мѣрѣ, относительно статей, вылившихся изъ челобитій выборныхъ, сдѣлать такое предположеніе вполнѣ возможно: 1) на основаніи того соображенія, что вопросы, затрогивавшіеся въ челобитныхъ и касавшіеся, какъ увидимъ ниже, важныхъ интересовъ различныхъ общественныхъ классовъ, требовали всесторонняго ихъ разсмотрѣнія, почему и вызывали обсужденіе ихъ всѣми или нѣкоторыми участниками Собора; а 2) какъ на основаніи 42 ст. XVIII главы, представляющей собою рѣшеніе, уложенное по челобитью; такъ, въ особенности, на основаніи упомянутой грамоты объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ, въ которой, между прочимъ, говорится: „Мы Великій Государь, *слушавъ челобитья*... совѣтовавъ съ ... патріархомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ; и говорили съ бояры ... и съ дворяны московск.., и съ городовыми дворяны и съ дѣтьми боярскими всѣхъ городовъ, которые *били намъ челомъ о бѣглыхъ крестьянпхъ*, и мы указали и *Соборомъ уложили*..."

Изъ приведенныхъ данныхъ Уложенія и двухъ грамотъ активное участіе Земскаго Собора въ дѣлѣ обсужденія и утвержденія памятника не подлежитъ сомнѣнію. Но мы можемъ, кромѣ этого, установить фактъ участія, если не всѣхъ выборныхъ, то значительной ихъ части и въ дѣлѣ составленія проекта памятника совмѣстно съ коммиссіей кн. Одоевскаго „съ товарищи". На это указываютъ слѣдующіе изданные пр. Латкинымъ документы: a) память князю Хилкову отъ 16 сент. 1649 г. о выдачѣ денежнаго жалованья выборнымъ; в) память дьяку Силину о придачѣ къ денежному жалованью выборнымъ изъ Одоева; c) извѣстіе, находящееся въ одномъ столбцѣ Моск. Стола Разряднаго Приказа также о придачѣ къ жалованью выборнымъ изъ

разныхъ городовъ. Въ первомъ изъ этихъ документовъ, между прочимъ, говорится: „Гос. Царь и В. Кн. Алек. Михаиловичъ всея Русіи пожаловалъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые пріѣхали къ Москвѣ изъ городовъ по выбору всякихъ чиновъ людей, *а быти имъ на Москвѣ въ приказѣ у бояръ (у князя Н. И. Одоевскаго съ товарищи) для государевыхъ и земскихъ дѣлъ.* Велѣлъ имъ дати своего государева *жалованья* противъ своего, государеву указу, (по четырнадцати рублевъ человѣку)". Далѣе слѣдуетъ роспись выборнымъ въ количествѣ 68 человѣкъ изъ 41 города.

Въ памяти дьяку Силину читаемъ: „Да въ нынѣшнемъ въ 157 году генваря въ 17 день Хвалимера Шатилова да Өеодора Колупаева пожаловалъ Государь велѣлъ имъ своего, государева денежнаго жалованья *придачи учинить* къ прежнимъ ихъ окладамъ по пяти рублей *человѣку, за то что они въ нынѣшнемъ во 157 году по выбору Одоевски... всякихъ чиновъ людей были на Москвѣ для государевыхъ и земскихъ дѣлъ въ приказѣ съ бояры: со княземъ Н. И. Одоевскимъ, да со княземъ С. В. Прозоровскимъ, да съ окольничимъ со кн. Ө. Ө. Волконскимъ и съ дьяками*".

Наконецъ, третій документъ свидѣтельствуетъ, что „въ нынѣшнемъ во 157 году генваря въ 17 день ... дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, *которые были на Москвѣ для государева земскаго дѣла съ бояры: со княземъ Н. И. Одоевскимъ съ товарищи велѣно государева жалованья учинити придачи* по 100 чети, денегъ по 5 рублевъ человѣку ....." (слѣдуетъ поименный перечень пожалованныхъ; всѣхъ ихъ 10 человѣкъ и въ томъ числѣ выборные изъ Одоева, упоминаемые въ памяти дьяку Силину. Шатиловъ и Колупаевъ. При этомъ надо замѣтить, что шестеро изъ этихъ выборныхъ значатся и въ росписи, приложенной къ памяти князю Уилкову, а имена остальныхъ четверыхъ встрѣчаются только въ этомъ извѣстіи).

Изъ этихъ документовъ видно, что выборные *были въ приказѣ съ бояры: со кн. Н. И. Одоевскимъ съ товарищи.* „Быти въ приказѣ" - техническое выраженіе того

времени, означающее „участвовать въ занятіяхъ тѣмъ, что данному лицу или лицамъ было приказано", а мы знаемъ, что кн Н И Одоевскому „съ товарищи" было приказано составить проектъ Ул. Участниковъ въ составленіи проэкта, по этимъ документамъ, было 72 человѣка (68 + 4); но, конечно, ихъ участвовало больше, такъ какъ очевидно, не всѣ акты, подобные разсматриваемымъ, дошли до насъ, въ этомъ мы убѣждаемся изъ сличенія извѣстія, выписаннаго изъ столбца Разряднаго Приказа съ росписью, помѣщенною въ памяти князю Хилкову: четверо выборныхъ, перечисленныхъ въ извѣстіи, не попадаются въ росписи, слѣдовательно, объ нихъ дана была особая память съ росписью о вознагражденіи ихъ жалованьемъ, да особая память о придачѣ къ жалованію; между тѣмъ документовъ этихъ не найдено, а въ нихъ могли быть упомянуты еще и другіе выборные. Но какъ бы то ни было для нашей дѣли достаточно извѣстія объ участіи и 72 человѣкъ, что составляетъ 25% общаго количества выборныхъ, которыхъ было до 287 человѣкъ; а если сопоставить данное число участниковъ съ общимъ количествомъ выборныхъ изъ того класса, къ которому принадлежали эти 72 человѣка, то окажется, что участниковъ въ коммиссіи изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ было до 50% (всѣхъ - до 150).

Далѣе, приведенные документы свидѣтельствуютъ, что всѣмъ участникамъ въ работахъ коммиссіи дано было жалованье при самомъ началѣ дѣяній собора (16 сентября), а въ концѣ соборной сессіи (17 января) нѣкоторымъ изъ нихъ дана еще придача; послѣдняя, можно думать, послѣдовала въ качествѣ награды за особые труды, которые вложили въ дѣло составленія Улож. награжденные, причемъ, конечно, труды эти не могли быть кратковременны, а продолжались все время соборной сессіи.

Изъ разсмотрѣнныхъ свидѣтельствъ очевидно, что земскій соборъ, и въ полномъ своемъ составѣ, и въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ, принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ работахъ по изданію памятника.

Отдѣльные выборные были членами кодификаціонной коммиссіи съ самаго начала соборной сессіи и въ этомъ качествѣ участвовали въ составленіи окончательной редакціи проекта; нѣкоторыя ст. этого проекта подлежали уложенію всего собора; всѣ члены послѣдняго, далѣе, слушали чтеніе сборника въ окончательной редакціи и, наконецъ, санкціонировали его своею подписью.

Обращаясь къ литературѣ вопроса, замѣтимъ, что изслѣдователи послѣдняго, не имѣя подъ руками разсмотрѣнныхъ нами документовъ, полагали, будто активное участіе выборныхъ въ составленіи Ул. выразилось, главнымъ образомъ, путемъ подачи челобитій, въ чемъ и состояла „законодательная ихъ инціатива". Но право подачи челобитныхъ въ Московс. государствѣ не составляло исключительнаго права народныхъ представителей на земскихъ соборахъ, не являлось „законодательной инціативой" ихъ; это право принадлежало каждому классу общества въ отдѣльности и всему народу въ совокупности, и имъ могли пользоваться подданные всегда, независимо отъ того, былъ ли въ данное время Соборъ въ наличности, или нѣтъ. Право подачи челобитій есть право ходатайствъ о своихъ нуждахъ; ходатайства эти могли быть уважены правительствомъ, могли остаться безъ удовлетворенія; если челобитья принимались во вниманіе и по нимъ составлялись законодательныя опредѣленія, они становились, несомнѣнно, источниками вновь изданныхъ законовъ, но выводить изъ этого заключеніе объ активномъ участіи въ составленіи этихъ законовъ подавшихъ челобитье, даже если бы послѣднее шло отъ выборныхъ Собора, не представляется возможности, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда имѣются прямыя указанія на такое участіе.

Заслуга этихъ изслѣдователей сводится, такимъ образомъ, къ открытію весьма важнаго источника Улож..., но вопросъ объ активной роли выборныхъ на Соборѣ отъ этого еще не разрѣшался.

г) *Вопросъ о продолжительности составленія памят-*

чика Въ послѣсловіи къ Уложенію находится слѣдующая дата. „совершена сія книга ... лѣта 7157 *генваря въ 29 день*", принимавшаяся учеными за дату о напечатаніи Улож. Въ послѣднее время слушателями Археологическ. Инст. найденъ въ библіотекѣ Синодальн. типогр. важный памятникъ, представляющій собою расходную книгу Печатнаго Двора. Въ этой книгѣ помѣщена, между прочимъ, запись расходовъ по печатанію Уложенія въ 1649 году, причемъ упоминается объ указѣ по поводу печатанія послѣдняго: „*въ нынѣшнемъ 157 году априля въ 7 день* указалъ Гос. Ц. и В. Кн. Алек. Мих. всея Р. *печатати книги Уложенія судныхъ дѣлъ*". Изъ сопоставленія этого указа съ приведеннымъ мѣстомъ послѣсловія Ул. слушатели Инстит. и дѣлаютъ выводъ, что 29 января Улож. закончено не печатаніемъ, а составленіемъ или редакціей. Такимъ образомъ, время, потраченное на составленіе памятника, можно опредѣлить въ шесть съ половиною мѣсяцевъ, относя начало этого дѣла къ 16 іюля.

д) *Порядокъ законодательныхъ работъ*. Вслѣдъ за изданіемъ указа 16 іюля начались работы коммиссіи кн. Н. И. Одоевскаго. Работы эти состояли въ собираніи и сличеніи законодательнаго матеріала и расположеніи его въ опредѣленной, начертанной коммиссіей системѣ. Эти подготовительные труды осуществлялись исключительно членами коммиссіи, но насколько проявилось участіе каждаго изъ нихъ въ общемъ дѣлѣ, неизвѣстно. Неизвѣстно также, за полнымъ отсутствіемъ дѣлопроизводства по составленію памятника, были ли эти подготовительныя работы по собиранію и систематизаціи матеріала закончены къ 1 сентября, или коммиссія успѣла въ эти полтора мѣсяца собрать только часть подходящихъ „пристойныхъ" законодательныхъ опредѣленій. Можно думать, что въ общихъ чертахъ будущій кодексъ былъ уже намѣченъ. Какъ бы то ни было, но съ 1 сентября характеръ работъ кодификаціонной коммиссіи измѣняется. Съ этого момента открывается сессія Земскаго Собора и выборные, главнымъ образомъ, изъ служилаго класса, вступаютъ въ ком-

миссію въ качествѣ участниковъ въ дѣлѣ окончательнаго состовленія проекта памятника. Подготовленный матеріалъ просматривается, встрѣчающіеся при этомъ вопросы подвергаются обсужденію, редакція будущихъ статей Улож. намѣчается и дѣло восходитъ, по мѣрѣ накопленія готоваго матеріала на докладъ Царю и Боярской Думѣ. Такой порядокъ можно предположить съ большою вѣроятностью на основаніи знакомой уже намъ памяти кн. Юлкову и самаго предисловія. Мы видѣли, что выборные въ количествѣ 68 человѣкъ приняли участіе въ работахъ коммиссіи съ сентября. Спрашивается, что же они дѣлали до 3 октября, если считать этотъ день началомъ обсужденія и уложенія статей? Принимали участіе въ собираніи, систематизаціи и написаніи „пристойныхъ" статей? Но этого допустить нельзя, прежде всего, на томъ общемъ соображеніи, что подобный трудъ требуетъ большихъ свѣдѣній въ законахъ, почему и поручается спеціалистамъ (въ данномъ случаѣ опытнымъ приказнымъ), а затѣмъ и, главнымъ образомъ, потому, что, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, изъ числа 68 участниковъ, поименованныхъ въ этой памяти, 34 человѣка, т. е. 50% были неграмотными. Судить же о своихъ нуждахъ, а, слѣдовательно, обсуждать вопросы о примѣнимости тѣхъ или другихъ узаконеній можетъ и неграмотный. Это обстоятельство и даетъ намъ полное право относить начало обсужденія и уложенія ст., словомъ начало составленія проекта памятника къ 1 сентября, а на 3 октября смотрѣть, какъ на начало окончательнаго чтенія и слушанія Улож. соборомъ, т. е. принимать относящееся сюда мѣсто предисловія памятника въ буквальномъ смыслѣ („И....октября съ 3 числа, Государь...того собранія слушалъ и выборнымъ людемъ.....чтено....."). Далѣе, если выборные совмѣстно съ коммиссіей обсуждали ст. будущаго кодекса, то члены этой послѣдней ничего инаго и не могли *„приносить къ царю"* до 3 октября, какъ эти, именно, ст. Конечно, этотъ докладъ производился не разъ, а *несколько разъ по мѣрѣ накопленія въ проектѣ готовыхъ*

матеріала, такъ какъ обсужденіе ст. всего кодекса не могло закончиться къ 3 октября потому, что тогда оказалось бы, будто на обсужденіе всего проекта потребовалось времени въ четверо менѣе (съ 1 сент. - до 3 октября), чѣмъ на слушаніе проекта въ окончательной редакціи (съ 3 окт. до 29 января), но это, очевидно, невозможно. Такое, именно, объясненіе, на мой взглядъ, слѣдуетъ давать тому мѣсту предисловія, гдѣ говорится: „и по Государеву указу, бояре, князь Одоевскій „съ товарищи“ *выписавъ*“ (слѣдуетъ перечень источниковъ) ст. и „*написавъ вновь*“, къ Государю „*приносили*“.

Обратимся послѣ этихъ замѣчаній къ дальнѣйшему изложенію хода законодательныхъ работъ.

Выслушавъ докладъ, Царь, конечно, рѣшалъ всѣ находящіеся здѣсь вопросы и рѣшалъ, притомъ, или единолично, или по совѣту съ Освященнымъ Соборомъ и по выслушаніи мнѣнія бояръ (т.е. обыкновеннымъ порядкомъ, тогда практиковавшимся); но рѣшенія эти не были еще окончательными, иначе говоря, докладъ проекта не имѣлъ своимъ послѣдствіемъ уложенія статей памятника въ окончательной редакціи. Докладчики, записавъ рѣшеніе, сообщали его, вѣроятно, выборнымъ и, если послѣдніе, по обсужденіи этого рѣшенія, находили его недостаточнымъ, они облекали свое мнѣніе въ форму челобитной, т.е. ходатайства, которое и докладывалось Царю. Царь его разсматривалъ, измѣнялъ иногда предыдущее рѣшеніе въ духѣ ходатайства и новое опредѣленіе получало уже окончательную редакцію; словомъ, Царь съ Освященнымъ Соборомъ и Боярской Думой принималъ участіе въ обсужденіи законопроекта, а не сообщалъ ему, по первому же докладу, своей санкціи. Это съ полной достовѣрностью подтверждается дошедшими до насъ челобитными: двумя - отъ 30 октября и одной - 25 ноября. Всѣ эти челобитныя находятся въ тѣсной связи между собой. Первыя двѣ по содержанію аналогичны, но поданы только отъ различныхъ классовъ общества: одна - отъ служилыхъ людей; другая - отъ торговыхъ и посадскихъ людей. Въ этихъ челобит-

нихъ, выборные высказываютъ жалобы на появленіе и размноженіе въ окрестностяхъ Москвы частновладѣльческихъ слободъ, заселенныхъ крестьянами и ремесленниками, которые, избывая государева тягла, занимались торговлей и тѣмъ отбивали у торговыхъ и посадскихъ людей ихъ промыслы и причиняли большіе убытки. Ходатайства оканчиваются просьбой уничтожить указанное явленіе. Эти челобитныя докладывались 13 ноября кн. Одоевскимъ „съ товарищи" Царю и Боярской Думѣ, и вопросъ былъ рѣшенъ, хотя и въ духѣ ходатайствъ выборныхъ, но съ одной существенной оговоркой, которая парализовала силу всего рѣшенія. Это первое рѣшеніе мы узнаемъ не изъ Уложенія, а изъ указа Сыскному Приказу. Царь, не дожидаясь окончательной санкціи и вступленія въ обязательную силу вновь составляемаго кодекса, далъ названный указъ, конечно, въ виду важности вопроса, затрогивавшаго не только интересы челобитчиковъ, но и казны, и предписывалъ произвести сыскъ и отписку въ тягло на „его, Государя" какъ московскихъ, такъ и иногороднихъ частновладѣльческихъ слободъ со всѣми людьми, живущими въ нихъ, *начиная съ 1613 года*. Это предписаніе, несомнѣнно, и представляетъ собою первое рѣшеніе, послѣдовавшее по докладу на ходатайства выборныхъ. Вслѣдствіе оговорки: „*начиная съ 1613 года*" рѣшеніе это вызвало новое челобитье отъ 25 ноября, въ которомъ „всякихъ чиновъ выборные люди" просили Государя объ отпискѣ въ тягло слободъ и живущихъ въ нихъ людей „*безъ лѣтъ и безъ сыску, гдѣ кто нынѣ живетъ*...., чтобъ впредь слободамъ со крестьяны и съ бобыли и съ закладчики, съ торговыми и ремесленными людьми.... *всѣмъ быть его государевымъ, а ничьимъ инымъ*.........." Просьба была принята во вниманіе, послѣдовало новое рѣшеніе въ окончательной редакціи и ни въ одной ст. XIX глав. Ул. указанной выше оговорки не встрѣчается.

Если разсматривавшійся вопросъ являлся очень важнымъ, касался интересовъ всего государства или всѣхъ классовъ общества, описанный выше порядокъ обсужденія

и уложенія статей проекта измѣнялся. обсужденный выборными вмѣстѣ съ редакціонной коммиссіей вопросъ восходилъ на докладъ Царю и Думѣ, но рѣшеніе давалось не прежде, какъ или по совмѣстному совѣщанію Царя съ Патріархомъ, Освященнымъ Соборомъ, Боярской Думой и всѣми выборными, т. е. слѣдовательно, по обсужденію даннаго вопроса Земскимъ Соборомъ въ полномъ составѣ, на что имѣемъ указаніе въ извѣстной намъ грамотѣ объ уложеніи VIII главы, или же по совмѣстному совѣщанію Царя съ Думой и только частью выборныхъ, какъ это было принято, судя по знакомымъ намъ даннымъ. 42 ст. XVII главы и грамоты объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ, при обсужденіи вопросовъ по челобитьямъ.

Итакъ, съ 1 сентября началось обсужденіе и уложеніе памятника въ окончательной редакціи. До 3 октября, т. е. мѣсяцъ, соборъ былъ занятъ этимъ дѣломъ исключительно, а съ 3 октября, къ нему присоединилось еще чтеніе и слушаніе Уложенія соборомъ въ окончательной редакціи, которое шло одновременно съ дальнѣйшимъ (какъ это доказано выше) обсужденіемъ проекта, но отдѣльно отъ него. Какая часть проекта была окончательно готова къ этому времени и какъ шло чтеніе уложенныхъ опредѣленій, по системѣ ли, принятой въ памятникѣ, или въ иномъ какомъ-нибудь порядкѣ? вопросы эти, за неимѣніемъ данныхъ, должны остаться пока открытыми.

Слушаніе проекта соборомъ, подобно обсужденію большинства опредѣленій памятника, происходило въ раздѣленномъ составѣ. Освященный Соборъ, бояре, окольничьи и думные люди слушали его подъ предсѣдательствомъ самаго Царя, а выборные „всякихъ чиновъ люди“, т. е. стольники, дворяне московскіе, жильцы, городовые дворяне, дѣти боярскіе, (разные разряды служилаго класса), гости, гостинная и суконная сотня, (москов. купцы 3-хъ разрядовъ) и посадскіе люди, - подъ предсѣдательствомъ кн. Юрія Алексѣевича Долгорукова, засѣдая,

при этомъ, въ Отвѣтной Палатѣ, что видно изъ предисловія.

Какъ дальнѣйшее обсужденіе проекта, такъ и слушаніе окончательной его редакціи продолжалось до конца января, въ послѣднихъ числахъ котораго, не позже 29, наступилъ послѣдній актъ дѣяній земскаго собора - закрѣпленіе уложеннаго столбца, нетерпѣливо ожидаемаго, вѣроятно, по мѣрѣ чтенія проекта, подписями членовъ собора. Всѣхъ подписей до 315, а всѣхъ членовъ собора насчитывается до 329. Подписи находятся на оборотной сторонѣ уложеннаго столбца.

е) *Свѣдѣнія объ уложенномъ столбцѣ.* Подлинный уложенный столбецъ, по свѣдѣніямъ извѣстнаго нашего историка, И.Е. Забѣлина, заимствованнымъ имъ изъ дѣлъ Архива Оружейной Палаты за 1767 г. „о сыскѣ на Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича серебрянаго ковчега". былъ найденъ въ этой послѣдней исправлявшимъ въ то время должность генералъ-прокурора Сената княземъ Вяземскимъ.

Въ 1767 г., по случаю учрежденія въ Москвѣ коммиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія, Императрица Екатерина II пожелала видѣть подлинникъ Соборнаго Уложенія съ цѣлью узнать, кто именно закрѣпилъ его своимъ рукоприкладствомъ, и, слѣдовательно, кто входилъ въ составъ земскаго собора 1649 г. Представить этотъ подлинникъ Императрицѣ и было поручено кн. Вяземскому. Послѣ долгихъ поисковъ въ Сенатскомъ и Разрядномъ Архивахъ, въ Синодальной типографіи и даже подъ престоломъ въ Успенскомъ Соборѣ, гдѣ, обыкновенно, хранились важнѣйшіе государственные документы, кн. Вяземскій обратился въ Оружейную Палату, какъ древлехранилище, съ требованіемъ извѣстія о подлинникѣ Уложенія. Здѣсь онъ и былъ найденъ въ помѣщеніи древняго Приказа Большой Казны. Онъ хранился завернутымъ въ суконный красный мѣшокъ въ желѣзномъ сундукѣ вмѣстѣ съ печатнымъ экземпляромъ

[illegible] [illegible]
[illegible]

перваго его изданія 7157 года Сундукъ былъ вскрытъ 19 апрѣля и въ этотъ же день кн Вяземскій представилъ эти драгоцѣнные памятники Императрицѣ, которая поручила состоявшему тогда при Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ профессору Миллеру списать рукоприкладства членовъ Собора Миллеръ, находя неудобнымъ заниматься этимъ дѣломъ въ Оружейной Палатѣ, взялъ уложенный столбецъ подъ росписку послѣ формальнаго взвѣшиванія его въ присутствіи члена Конторы и двухъ купцевъ. Вѣса оказалось 11 фунтовъ 79 золотниковъ. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Миллеръ возвратилъ столбецъ въ Оружейную Палату, гдѣ Императрица и назначила хранить его по прежнему, приказавъ „на сохраненіе его сдѣлать немедленно серебряный ковчегъ съ позолотою", въ которомъ онъ и сохраняется до нашихъ дней. На этомъ ковчегѣ по сторонамъ вырѣзана слѣдующая надпись: *„Подлинное Уложеніе правъ в Государствѣ Россійскомъ сочиненное при державѣ Его Величества Царя Алексія Михайловича 1649 года"* – *„Для сохраненія сего Уложения ковчегъ сей зделанъ всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны Второй 1767 года"*. Въ 1875 году ковчегъ былъ переданъ изъ Оружейной Палаты въ Государственное Древлехранилище, учрежденное въ 1853 году для храненія важнѣйшихъ государ. актовъ и помѣщавшееся въ Кремлѣ, въ такъ называемомъ Теремномъ Дворцѣ, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ переведенное въ главный Архивъ Минист. Иностранныхъ Дѣлъ.

По своему внѣшнему виду уложенный столбецъ представляетъ ленту длиною въ 433 аршина 9 вершковъ, а шириною въ три съ половиною вершка; свернутый же колесомъ, имѣетъ въ діаметрѣ до шести вершковъ. Лента составлена изъ 959 столбцевъ, т.е. отдѣльныхъ листковъ склеенныхъ между собою. Склейки на лицевой сторонѣ, т.е. гдѣ помѣщенъ текстъ Уложенія, скрѣплены подписью думнаго дьяка Ивана Гавренова, а на оборотѣ подписью 2-хъ думныхъ дьяковъ: Θеодора Елизарова и Михаила Во-

ловечникова и двухъ рядовыхъ - членовъ редакціонной комиссіи - Гавріила Леонтьева и Феодора Грибоѣдова. На оборотѣ же листковъ слѣдуетъ рукоприкладство членовъ собора одно за другимъ, большею частью, складъ за складомъ, непрерывно по каждому листку (за исключеніемъ, впрочемъ, пяти) съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы всѣ листки подлинника были закрѣплены Земскимъ Соборомъ.

Самый текстъ Уложенія писанъ четкою, мѣстами даже красивою скорописью. Въ текстѣ можно различить три почерка, которые по столбцамъ распредѣлены неодинаково: то каждый новый столбецъ написанъ и новымъ почеркомъ, то одинъ почеркъ идетъ на нѣсколькихъ столбцахъ. Такихъ смѣнъ почерка, по вычисленію Миллера, можно встрѣтить до 400. Въ текстѣ, далѣе, попадаются поправки, приписки и вставки, число которыхъ, судя по описи поправокъ, найденной слушателями Археолог. Инст., можно насчитать до 111. На поляхъ столбца, противъ нѣкоторыхъ ст. помѣщены указанія на источники, изъ которыхъ онѣ заимствованы; указанія, неизвѣстно кѣмъ сдѣланныя, число ихъ доходитъ до 177, причемъ о Моисеевѣ законѣ упомянуто 2 раза, о градскихъ законахъ - 24 раза, о Судебникѣ - 12, о прежнихъ указахъ и уложеніяхъ - 65, о Литовскомъ ст. - 58, о Стоглавѣ - 2 раза; кромѣ того, противъ 17 статей находятся пометы: „вновь“, „вновь пополнено“, „вновь написано“. Сверхъ этихъ указаній еще имѣются 3 помѣты, неизвѣстно кому принадлежащія, но писанныя не той рукой, какой указанія на источники. Эти помѣты слѣдующія: „попомнить“, „поговорить съ бояры“, „поговорить о той ст. съ бояры“.

Надо замѣтить, что ко всѣмъ этимъ указаніямъ и помѣтамъ слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью. Помѣты эти, съ одной стороны, далеко не при всѣхъ стат. приводятъ ссылки на заимствованія изъ того или другого источника, а съ другой, какъ это не странно, даютъ невѣрныя свѣдѣнія, слѣдовательно, пользованіе ими возможно, только после провѣрки ихъ другими данными

ж) Печатаніе Уложенія и его обнародованіе. Въ предисловіи къ Уложенію, послѣ свѣдѣнія объ указѣ Государя относительно скрѣпленія уложеннаго списка подписью членовъ собора, говорится: *„а закрѣпя то Уложенье руками указалъ Государь списати въ книгу и закрѣпить тое книгу Дьякамъ Гаврилу Леонтьеву, да Θеодору Грибоѣдову; и съ тое книги, для утвержденія на Москвѣ во всѣ приказы и въ городы, напечатать многія книги и всякія дѣла дѣлать по тому Уложенію".* Изъ этого мѣста предисловія видно, что по указу Царя Уложеніе должно было быть напечатано для руководства въ приказахъ на Москвѣ и въ городахъ при рѣшеніи дѣлъ. Даннымъ указомъ сдѣланъ у насъ починъ въ дѣлѣ обнародованія законовъ путемъ оффиціальнаго ихъ печатанія и разсылки по присутственнымъ мѣстамъ печатныхъ экземпляровъ. До Уложенія же законы не печатались, а переписывались и обнародованіе происходило путемъ прочтенія новаго закона на площадяхъ; такъ, напр., предписывалось обнародовать Судебникъ 1550 года: „велѣти прокликати по торгомъ на Москвѣ", говорится въ 99 ст. его, „и во всѣхъ городѣхъ Московскія Земли и Ноугородскія Земли и Тверскія земли и по волостемъ...." Такъ какъ уложенный столбецъ, какъ подлинный документъ дѣяній Земскаго Собора 1649 г., долженъ былъ тщательно сберегаться, то для руководства при наборѣ въ типографіи и было велѣно списать постановленія Уложенія въ книгу, до насъ, къ сожалѣнію, недошедшую.

Независимо отъ этого указа, 7 апрѣля 1649 года, какъ было сказано выше (§4 г), состоялся еще указъ о напечатаніи Улож. Къ 20 мая того же года Уложеніе было напечатано въ количествѣ 1200 экземпляровъ и къ половинѣ августа все изданіе было уже распродано. Вѣроятно, въ виду спроса, 26 августа, какъ видно изъ той же расходной книги, данъ царскій указъ о печатаніи втораго изданія. Это второе изданіе въ количествѣ также 1200 экземпляровъ окончено печатаніемъ 21 декабря 1650 года.

Такимъ образомъ, въ концѣ мая или въ первыхъ числахъ іюня 1649 года Уложеніе, какъ обнародованное вступило въ дѣйствіе во всѣхъ своихъ частяхъ, но отдѣльныя его опредѣленія получили обязательную силу гораздо ранѣе этого времени, т.е. до обнародованія всего памятника въ цѣломъ, путемъ разсылки ихъ въ видѣ царскихъ грамотъ въ приказы и города. Такимъ порядкомъ совершилось вступленіе въ обязательную силу XIX главы Улож. „о посадскихъ людѣхъ". До насъ дошли 2 наказныя памяти, разосланныя въ февралѣ по городамъ и представляющія буквальную выписку постановленія данной главы. Точно также по утвержденіи Государемъ доложеннаго ему кн. Одоевскимъ съ товарищами челобитья выборныхъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ и по уложенію соборомъ соотвѣтствующихъ этому челобитью статей XI главы Уложенія - предписано было „съ нынѣшняго указу и Соборнаго Уложенія послать во всѣ приказы списки" а изъ приказовъ въ свою очередь послать о томъ грамоты въ подвѣдомственные имъ города „чтобъ указъ и соборное уложеніе ... во всѣхъ приказѣхъ и въ городѣхъ и во дворцовыхъ селахъ было вѣдомо.

Б. *ИСТОЧНИКИ УЛОЖЕНІЯ*

§5) Кормчая книга

Въ предисловіи къ Улож. первымъ источникомъ, изъ котораго должны были быть выписаны „пристойныя ст. къ государ. и къ земскимъ дѣламъ" помѣчены „*правила св. Апостоловъ и Св. Отцевъ и градскіе законы греческихъ царей*". Подъ этимъ названіемъ разумѣется сборникъ каноническихъ правилъ въ связи съ постановленіями византійскихъ императоровъ. Такой сборникъ вслѣдствіе своего смѣшаннаго состава изъ законовъ государств. и постановленій церковныхъ - каноновъ - получившій наименованіе *номоканона* впервые появился въ Византіи въ VI вѣкѣ, причемъ изданіе его приписывается константинопольскому патріарху Іоанну Схоластику. Въ VI же ст

былъ изданъ и другой Номоканонъ, извѣстный подъ именемъ Номоканона въ 14 титулахъ, такъ какъ онъ былъ раздѣленъ на 14 частей или титуловъ. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, легъ въ основу 2-яго Номоканона, составленнаго въ концѣ IX вѣка знаменитымъ патріархомъ Фотіемъ.

Съ принятіемъ христіанства всѣ указанные виды Номокановъ перешли и къ намъ, получивъ названіе Кормчихъ книгъ на томъ основаніи, что Св. Отцы первыхъ вѣковъ въ своихъ твореніяхъ постоянно называли Церковь Христову „кораблемъ“, управляемымъ Свящ. Писаніемъ и правилами Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ, какъ „кормиломъ“ или „кормчимъ“. До конца 60 годовъ нашего ст. ученые думали, что эти Номоканоны, или Кормчія были у насъ въ обращеніи сперва на греческомъ языкѣ и что только во второй половинѣ XIII вѣка митрополитомъ Кирилломъ II былъ пріобрѣтенъ изъ Болгаріи и введенъ во всеобщее употребленіе греческій Номоканонъ въ славянскомъ переводѣ. Но съ появленіемъ въ 1869 году классическаго труда проф. нашего Универс. А. С. Павлова подъ заглавіемъ „Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ“ господствовавшее въ литературѣ мнѣніе должно считаться оставленнымъ. Пр. Павловъ неопровержимо доказалъ существованіе у насъ уже въ XI и XII ст. греческаго Номоканона въ славянскомъ переводѣ какъ общими соображеніями такъ и прямыми свидѣтельствами. Первыя состоятъ въ томъ, что не только епархіальные архіереи, которые уже съ первыхъ вѣковъ христіанства на Руси поставлялись изъ русскихъ по преимуществу, но и сами митрополиты — греки — для управленія церковью нуждались въ славянскомъ переводѣ Номоканона. Вторыя, т. е. прямыя свидѣтельства, дошли до насъ отъ XVI столѣтія и находятся въ сочиненіяхъ ученика знаменитаго Максима Грека новгородскаго монаха Зиновія, видѣвшаго и читавшаго два списка славянской Кормчей, изъ которыхъ одинъ, по его словамъ, написанъ былъ въ Новгородѣ при князѣ Ярославѣ, сынѣ Владиміра, крестившаго русскую

землю, и при епископѣ Іоакимѣ, другой – при сынѣ Ярославовѣ – Изяславѣ. Далѣе, проф. Павловъ доказалъ, что Русская Церковь въ первые два съ половиною вѣка своего существованія имѣла въ славянскомъ переводѣ тѣ же самые Номоканоны, какіе употреблялись тогда и въ Греческой Церкви, именно: Номоканонъ Іоанна Схоластика и Номоканонъ въ XIV титулахъ, причемъ, послѣдній находился у насъ въ преимущественномъ употребленіи и еще до временъ митрополита Кирилла II снабженъ былъ русскими дополнительными статьями. Кириллъ II получилъ изъ Болгаріи сербскій переводъ Номоканона патріарха Фотія въ сокращенной редакціи, или такъ называемый синопсисъ съ толкованіями знаменитѣйшаго канониста XII вѣка Аристина. Эта сербская Кормчая послужила прототипомъ для двухъ списковъ Кормчихъ, изъ которыхъ одинъ по мѣсту своего первоначальнаго нахожденія извѣстенъ подъ именемъ софійскаго, другой – рязанскаго. По своему составу софійскій списокъ представляетъ соединеніе двухъ видовъ Кормчихъ: Кормчей въ XIV титулахъ и Кормчей, полученной митрополитомъ Кирилломъ; кромѣ того въ немъ находятся постановленія чисто русскаго происхожденія, напр. статьи изъ церковнаго устава Владиміра Св., Русской Правды, постановленій церковныхъ соборовъ, церковнаго устава Новгородскаго князя Святослава и т. п. Рязанскій же списокъ былъ буквальной копіей съ синопсиса патріарха Фотія, полученнаго Кирилломъ изъ Болгаріи, и статей русскаго происхожденія въ немъ не встрѣчается. Изъ градскихъ законовъ, т. е. сборниковъ свѣтскаго законодательства Византіи, помѣщенныхъ въ обоихъ спискахъ наиболѣе важными являются: 1) Эклога Льва Исавра и Константина Копронима 740 года, содержащая въ себѣ постановленія о бракѣ, наслѣдованіи, опекѣ, договорахъ и т. д., а также постановленія права уголовнаго. 2) Прохиронъ Василія Македонянина, изданный имъ въ 870-хъ годахъ и носившій въ нашихъ Кормчихъ наименованіе „градскаго закона“, 3) „Судный законъ людемъ“ или такъ назыв. „Су-

Судебникъ Царя Константина", — болгарская компиляція изъ различныхъ источниковъ византійскаго права не позднѣе конца X вѣка, ложно приписываемая въ Кормчихъ Константину Великому, 4) Уставъ о земскихъ дѣлахъ относящійся къ эпохѣ императоровъ — иконоборцевъ. Оба означенные списка появляются у насъ въ послѣдней четверти XIII ст., а софійскій списокъ получаетъ болѣе широкое распространеніе и удерживаетъ первенство въ церковномъ употребленіи вплоть до изданія печатной Кормчей при патріархѣ Никонѣ въ 1653 году.

Кормчая съ первыхъ же вѣковъ христіанства на Руси становится дѣйствующимъ правомъ по дѣламъ церковнымъ и оказываетъ вліяніе на содержаніе многихъ постановленій чисто свѣтскаго законодательства, почему въ эпоху изданія Уложенія можетъ считаться уже не чужеземнымъ новымъ источникомъ права, а своимъ издавна извѣстнымъ, подъ воздѣйствіемъ котораго сложилось много юридическихъ понятій. Но не смотря однако на такое значеніе Кормчей въ системѣ нашего древняго права, не смотря даже на то, что Кормчая оффиціально признана источникомъ Улож. самимъ памятникомъ, вліяніе ея на постановленія послѣдняго ни въ количественномъ ни въ качественномъ отношеніи нельзя признать значительнымъ.

Въ Уложеніи только около 40 ст., размѣщенныхъ въ разныхъ главахъ, заимствованы изъ этого источника, что составляетъ 4% общаго количества ст. памятника (всѣхъ 967). При этомъ надо замѣтить, что изъ первой части Кормчей, т.е. изъ постановленій чисто каноническихъ, заимствовано только 5 статей (о богохульникахъ, о [illegible] супруговъ, о процентахъ, о святопреступленіи и о непочтеніи къ родителямъ), остальныя вошли въ Уложеніе изъ свѣтскихъ постановленій византійскихъ императоровъ и, главнымъ образомъ, по преимуществу изъ Прохирона Василія Македонянина. По содержанію большинство заим-
[illegible]
[illegible]

скому, къ последнему принадлежатъ: постановленія объ отвѣтственности за цѣлость вещи, взятой въ ссуду, наемъ работу; запрещеніе процентовъ по долговымъ обязательствамъ; постановленіе о наслѣдованіи глухонѣмыми.

Въ качественномъ отношеніи вліяніе Кормчей въ указанныхъ 40 статьяхъ отражается, главнымъ образомъ, на понятіяхъ преступленія и гражданскаго правонарушенія, на системѣ же наказаній и взысканій проявляется въ слабой степени, такъ какъ Уложеніе въ выборѣ ихъ руководствуется своими соображеніями, замѣняя смягчая или усиливая наказанія по своему усмотрѣнію. Такъ, за богохульство по Моисееву закону назначается смертная казнь чрезъ побіеніе камнями. Уложеніе, заимствуя изъ этого закона понятіе преступленія и видоизмѣняя это понятіе подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній, замѣняетъ наказаніе - сожженіемъ преступника (Гл. I ст. 1). Въ ст. 4 XXII главы, гдѣ назначается наказаніе за непочтеніе къ родителямъ, Ул. смягчаетъ его постановляя: „такихъ забывателей закона христіанскаго за отца и матерь бити кнутомъ", тогда какъ въ Моисеевѣ законѣ непочтительныя дѣти наказуются смертною казнью. Въ ст. 13 той же главы, говорящей о заводчикахъ смутъ въ [illegible] и заимствованной изъ Прохирона Василія Македонянина, наказаніе усиливается: въ Прохиронѣ назначено битье палками и изгнаніе, въ Уложеніи - смертная казнь.

Такое отношеніе Уложенія къ Кормчей даетъ намъ возможность считать усвоеніе памятникомъ системы суговыхъ наказаній фактомъ, зависящимъ не отъ Кормчей непосредственно. Въ этомъ усвоеніи извѣстная доля вліянія принадлежитъ какъ Литовскому Статуту, который былъ однимъ изъ основныхъ источниковъ Уложенія, такъ, въ особенности, уголовной практикѣ того времени. На практикѣ [illegible] эти наказанія были въ ходу [illegible] [illegible]

этомъ Улож. не слѣдовало рабски указаніямъ практики, въ чемъ мы убѣждаемся изъ того, что оно не узаконяетъ такихъ видовъ казни, какъ посаженіе на колъ, утопленіе, четвертованіе, примѣнявшихся въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только въ XVII, но въ XVI и даже XV в. Нѣтъ сомнѣнія, что появленіе на практикѣ и усвоеніе законодательными памятниками до Уложенія уголовныхъ наказаній является результатомъ вліянія византійскаго права чрезъ посредство Кормчей, но вліяніе это начинается задолго до Улож. и карательная система, перенесенная, такъ сказать, съ византійской на русскую почву, прививается здѣсь и въ дальнѣйшемъ развивается самостоятельно, принимая мало-по-малу тотъ характеръ устрашенія и возмездія, съ которымъ встрѣчаемся въ Уложеніи. На практикѣ уже въ XIII вѣкѣ становится извѣстнымъ одинъ изъ видовъ смертной казни - сожженіе;а въ концѣ XIV вѣка смертная казнь чрезъ повѣшеніе впервые санкціонируется закономъ, именно,Уставная Двинская Грамота назначаетъ смертную казнь въ одномъ только случаѣ - за кражу, совершенную въ третій разъ. Въ законодательномъ памятникѣ второй половины XV в., Псковской Судной Грамотѣ, смертная казнь безъ указанія ея вида назначается за святотатство, коноkрадство, поджогъ, кражу въ третій разъ и государственную измѣну. Въ Судебникахъ 1497 и 1550 г. карательная система получаетъ еще большее развитіе и по видамъ наказаній (появляются битье кнутомъ и пожизненное заключеніе въ тюрьму),и по количеству случаевъ ихъ примѣненія. Такъ, смертная казнь вводится во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ преступленіе совершается „вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ“, хотя бы преступленіе это при иныхъ обстоятельствахъ каралось только имущественными наказаніями. Въ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа мы встрѣчаемся, кромѣ того, и съ членовредительными наказаніями (отсѣченіе руки). На практикѣ же въ XV и XVI вѣкѣ примѣняются утопленіе,посаженіе на колъ, четвертованіе, о чемъ сказано выше, а изъ членовредитель-

ныхъ — урѣзаніе ушей, носа. Изъ этого краткаго обзора развитія карательной системы видно, что послѣдняя въ теченіе почти трехъ вѣковъ слагается постепенно и ко времени изданія Уложенія получаетъ такія твердыя основанія, съ которыми послѣднему пришлось считаться помимо непосредственнаго заимствованія изъ рассматриваемаго источника.

Итакъ, заимствованіе нѣкоторыхъ статей изъ Кормчей несомнѣнно было, но вліяніе ея въ общемъ должно быть признано слабымъ.

§6) Судебники, дополнительные къ нимъ указы и боярскіе приговоры.

Вторымъ источникомъ Уложенія предисловіе называетъ указы и боярскіе приговоры, которые должны были быть сопоставлены съ Судебниками обоихъ Іоанновъ. Этотъ источникъ самый обильный: на основаніи Судебниковъ и дополнительныхъ къ нему узаконеній уложено до 320 ст. памятника, что составляетъ 33% общаго ихъ количества. Но изъ этихъ 320 ст. только 45 составлены на основаніи Судебника, остальныя 275 ст. заимствованы изъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, находящихся, по большей части, въ указныхъ книгахъ приказовъ. Изъ этихъ указныхъ книгъ до насъ дошли только слѣдующія: указная книга вѣдомства казначеевъ, Уставная Книга Разбойнаго Приказа и указныя книги Приказовъ Помѣстнаго, Земскаго и Холопьяго Суда. Изъ перечисленныхъ книгъ особенное значеніе по отношенію къ рассматриваемому памятнику имѣютъ указныя книги Приказовъ Помѣстнаго и Холопьяго Суда и Уставная — Разбойнаго. На основаніи первой составлено около 45 статей XVI главы „О помѣстныхъ земляхъ“ и до 18 статей XVII главы „О вотчинахъ“, на основаніи же второй — до 28 статей XX главы „Судъ о холопьхъ“. Изъ третьей заимствованы около 72 статей XXI главы „О разбойныхъ и татиныхъ дѣлѣхъ“.

Судебникъ больше всего повліялъ на уложенье X главы „О судѣ“, такъ какъ изъ 45 статей памят-

ника составленныхъ на основаніи Судебника, до 22, т.е. половина приходится на указанную главу, но если принять во вниманіе, что въ этой главѣ 287 статей, то заимствованіе изъ Судебника окажется незначительнымъ; гораздо больше вліянія на эту главу оказалъ Литовскій Статутъ, изъ котораго взято до 70 статей. Уже изъ этого чисто количественнаго сопоставленія ст. Судебника съ постановленіями Уложенія парализуется отчасти значеніе господствующаго въ литературѣ взгляда, будто X глава его есть ничто иное, какъ расширенный и дополненный составителями Уложенія Судебникъ, который такъ цѣликомъ и вставленъ въ эту X главу. Если же мы обратимъ вниманіе на то, что многія постановленія Судебника совершенно не встрѣчаются въ этой главѣ, а разбросаны, такъ сказать, по клочкамъ въ разныхъ главахъ памятника, то еще болѣе убѣдимся въ неправильности указаннаго взгляда. Такъ, постановленія о вотчинахъ (С.Ц. ст. 85) перешли въ 17 гл. Улож.; рядъ ст. подъ заглавіемъ „о холопствѣ судъ" - помѣщенъ въ XX гл., нѣкоторыя постановленія о татьбѣ встрѣчаются въ XXI гл. Улож. и т. д. Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать тотъ выводъ, что X гл. Улож. не представляетъ собою новаго изданія Судебника, а вполнѣ самостоятельное уложеніе, при составленіи котораго кодификаторы пользовались Судебникомъ точно также, какъ и другими источниками, не дѣлая ему никакого предпочтенія, не вставляя его *цѣликомъ*, какъ думаютъ, въ разсматриваемую главу.

Обращаясь послѣ этихъ указаній на количественное вліяніе разсматриваемаго источника Уложенія къ вопросу о вліяніи качественномъ, мы находимъ, что Уложеніе въ рѣдкихъ случаяхъ заимствуетъ постановленія буквально, по большей части оно дополняетъ и видоизмѣняетъ послѣднія, причемъ даже снова вызываетъ къ жизни нѣкоторыя давно отмѣненныя узаконенія. Эти дополненія, измѣненія и расширенія постановленій происходятъ въ [illegible] источника главнымъ образомъ въ духѣ ео

полнительныхъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, а не въ противорѣчіи съ ними; если Уложеніе и вноситъ что-либо новое, то это новое не нарушаетъ стройной, органически развившейся системы юридическихъ понятій, а составляетъ необходимое, требуемое условіями времени завершеніе ея.

§7) Челобитья.

Третьимъ источникомъ Уложенія были челобитья, о чемъ мы узнаемъ не изъ предисловія, а изъ самаго текста памятника, именно изъ 1 ст. XIII гл. (см. ниже).

На основаніи многихъ изслѣдованій, изъ которыхъ наиболѣе выдающимся является изслѣдованіе пр. Загоскина (§1 стр. 6), въ настоящее время можно вполнѣ утверждать, что 51 ст. памятника уложена подъ непосредственнымъ вліяніемъ челобитныхъ. Но эту цифру нельзя считать окончательной, такъ какъ нельзя поручиться за то, что намъ извѣстны всѣ данныя, свидѣтельствующія о составленіи той или иной ст. Уложенія въ отвѣтъ на челобитье выборныхъ. Въ настоящее время наука располагаетъ 4-мя различными актами, благодаря которымъ можно говорить объ уложеніи только 51 ст., размѣщенныхъ въ разныхъ главахъ. Сюда относятся XI, XIII, XVII и XIX главы памятника.

Постановленія XI главы „о крестьянѣхъ", размѣщенныя въ 13 ст. (именно въ 1 - 8, 11 - 14 и 22 ст.) явились въ отвѣтъ на челобитье представителей служилаго класса, поданнаго, какъ это видно изъ грамоты къ Звенигородскому воеводѣ, еще въ 1648 году, т.е. до открытія Земскаго Собора. Въ этомъ челобитьѣ служилые люди просятъ государя уничтожить урочныя лѣта для сыска бѣглыхъ своихъ крестьянъ (§1 стр. 9 и 10), запретить принимать кому бы то ни было бѣглыхъ, гарантировать исполненіе этого требованія наказаніемъ и установить пытку для тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, которые, не желая возвращаться къ прежнимъ владѣльцамъ, станутъ перемѣнять свои имена и отказываться отъ своихъ отцевъ. Мо-

тивомъ указанной просьбы служилые люди выставляютъ то, что *„они по вся годы бываютъ на службахъ и имъ въ тѣ указныя лѣта тѣхъ своихъ крестьянъ сыскивать и провѣдать не мочно, потому что тѣ ихъ бѣглые крестьяне, вѣдаючи указныя лѣта и живучи за сильными людьми и за монастыри, переходятъ изъ вотчины въ вотчину, хотя указныя лѣта выжить и отъ нихъ старинного крестьянства отбыть".*

Въ XIII главѣ „о Монастырскомъ Приказѣ" одна только статья, именно первая, составлена на основаніи челобитья, что видно изъ самаго текста этой ст., гдѣ говорится: „на Митрополитовъ, и на Архіепископовъ и Епископовъ и на ихъ приказныхъ ... и на монастыри, на Архимандритовъ и Игуменовъ ... и на рядовую братью ... и на поповъ и на церковный причетъ во всякихъ дѣлѣхъ, по нынѣшнее Государево Уложенье *судъ давали въ Приказѣ Большаго Дворца.* А нынѣ Государь ..., *по челобитью* Стольниковъ и стряпчихъ и дворянъ Московскихъ и городовыхъ дворянъ и дѣтей Боярскихъ и гостей, и гостинныя и суконныя и иныхъ разныхъ сотенъ и слободъ и городовыхъ торговыхъ и посадскихъ людей, *указалъ монастырскому Приказу быти особно* и на духовенство (слѣдуетъ перечень) во всякихъ исцовыхъ искѣхъ судъ давати въ монастырскомъ приказѣ". Отсюда видно, что выборные ходатайствовали объ учрежденіи Монастырскаго Приказа, что и было сдѣлано. Причина, почему всѣ классы общества высказались за учрежденіе этого приказа, состояла въ томъ, что исключительная подсудность духовенства Приказу Большаго Дворца причиняла всѣмъ большую волокиту въ судныхъ дѣлахъ съ нимъ и съ его людьми и крестьянами.

Въ XVII главѣ „о вотчинахъ" 42, 43 и 44 ст. вылились изъ челобитья, поданнаго, какъ это видно изъ одной памяти, до 9 ноября 1649 года выборными „отъ всея земли". Эти выборные просили о приведеніи въ дѣйствіе соборнаго приговора 1580 года, которымъ ограничивались права духовныхъ властей и монастырей въ отношеніи

пріобрѣтенія вотчинъ покупкой, принятіемъ въ залогъ и „по душамъ въ вѣчный поминокъ", вмѣстѣ съ тѣмъ они ходатайствовали объ отнятіи тѣхъ вотчинъ, которыя были пріобрѣтены духовенствомъ послѣ указаннаго соборнаго приговора, и о раздачи ихъ *„по розыску служилымъ людемъ безпомѣстнымъ и пустопомѣстнымъ и малопомѣстнымъ дворяномъ и дѣтемъ боярьскимъ"*. Это челобитье вполнѣ уважено не было. Государь подтвердилъ указъ 1580 г., но пріобрѣтенныхъ духовенствомъ въ обходъ этого указа вотчинъ не отобралъ.

Наконецъ, 34 ст. XIX главы „о посадскихъ людѣхъ" составляютъ очень близкое повтореніе 4 челобитныхъ, изъ которыхъ 3 вызвали къ жизни первыя 33 ст.; а на основаніи четвертой составлена 34-ая ст. этой главы. Содержаніе трехъ челобитенъ, поданныхъ выборными, какъ это видно изъ переписной книги сыскныхъ дѣлъ, отъ 30 октября и 25 ноября, уже приведено выше (§4 д.)

Что же касается четвертой челобитной, повліявшей на уложеніе 34 ст. данной главы, то она была подана московскими тяглыми людьми въ январѣ 1649 года; въ ней тяглые люди просили Царя дозволить лицамъ, принадлежащимъ къ гостинной и суконной сотнямъ, жить исключительно въ Москвѣ, а не въ другихъ городахъ, какъ это было установлено въ 1648 г. по просьбѣ посадскихъ разныхъ городовъ. Правительство уважило эту просьбу и издало указъ, который составилъ 34 ст.

Изъ разсмотрѣнія челобитныхъ, на основаніи которыхъ уложены приведенныя постановленія памятника, видно, что затронутые ими вопросы относятся къ числу самыхъ важныхъ, касающихся главныхъ сторонъ общественнаго быта того времени. Окончательное прикрѣпленіе крестьянъ путемъ отмѣны урочныхъ лѣтъ, ограниченіе привилегій духовенства въ отношеніи подсудности и правъ его на пріобрѣтеніе земель, закрѣпленіе посадскаго населенія, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ рѣзкое отграниченіе его отъ населенія уѣзднаго, волостнаго — вотъ тѣ реформы,

которыя несомнѣнно были созданы по желанію самого общества, выражаемуся въ ходатайствахъ, въ челобитьяхъ.

§8) Литовскій Статутъ.

Четвертымъ источникомъ Улож. былъ Литовскій Статутъ, о чемъ узнаемъ изъ помѣтъ на поляхъ уложеннаго свитка. Этотъ памятникъ литовско-русскаго законодательства по своему вліянію на постановленія нашего кодекса занимаетъ послѣ Судебниковъ и дополнительныхъ къ нимъ указовъ второе мѣсто: изъ него заимствовано до 175 ст., что составляетъ болѣе 18% общаго ихъ количества. Въ виду такого отношенія Литовскаго Статута къ Уложенію, а, съ другой стороны, въ виду несомнѣннаго сродства, такъ сказать, многихъ постановленій Статута съ важнѣйшимъ юридическимъ памятникомъ древности — Русской Правдой, онъ имѣетъ для исторіи русскаго права одинаковое значеніе съ памятниками чисто русскаго происхожденія. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ изученію Статута, какъ источника Уложенія, необходимо хотя бы въ краткихъ чертахъ познакомиться съ этимъ памятникомъ.

Появленіе сборника литовско-русскаго законодательства, носившаго сперва названіе „Книгъ правъ писанныхъ", „Права посполитаго всей земли", „Статута земскаго" и т.д., а позднѣе извѣстнаго подъ именемъ: „Литовскаго Статута первой редакціи", „Литовскаго Статута Сигизмунда I" и др., относится къ 1529 году, когда составленный спеціально назначенною для того коммисіей изъ духовныхъ и свѣтскихъ юристовъ и разсмотрѣнный панами рады Статутъ былъ утвержденъ Сигизмундомъ на виленскомъ сеймѣ и обнародованъ для руководства при рѣшеніи дѣлъ на всей территоріи вел. княж. Литовскаго.

Статутъ этотъ состоитъ изъ 13 раздѣловъ, заключающихъ въ себѣ до 282 артикуловъ. Каждый изъ этихъ артикуловъ снабженъ особымъ заглавіемъ.

Этотъ „Первый", или „Старый Статутъ" въ теченіе XVI вѣка былъ изданъ въ дополненномъ и исправленномъ видѣ еще 2 раза. Въ 1566 году при королѣ Сигизмундѣ Авгу-

стѣ появилось второе изданіе Статута, извѣстнаго подъ именемъ Волынскаго, такъ какъ примѣненіе его было обязательно для Волыни, Подоліи и прежняго Кіевскаго княжества. Волынскій Статутъ распадался на 14 раздѣловъ, дѣлящихся на артикулы, число которыхъ вдвое болѣе, чѣмъ въ Статутѣ Сигизмунда I.

Вскорѣ послѣ появленія этого новаго изданія Статута, именно, въ 1569 году, Литва, какъ извѣстно, соединилась съ Польшей. Это событіе вызвало необходимость согласовать законодательство Литвы съ законами польскими, т.е. потребовался новый пересмотръ Статута. Для этой цѣли была организована особая коммиссія, въ составъ которой входили 11 выборныхъ отъ сейма и областныхъ сеймиковъ. Работы продолжались до 1588 года, когда Статутъ, составленный означенною коммиссіею и пересмотрѣнный другою, учрежденною въ началѣ 80-хъ годовъ для согласованія Статута съ вновь изданнымъ въ это время уставомъ судопроизводства для верховнаго суда, былъ представленъ, наконецъ, на варшавскій сеймъ и утвержденъ на этомъ послѣднемъ королемъ Сигизмундомъ III. Этотъ Статутъ, распадающійся также на 14 раздѣловъ съ большимъ противъ второго числомъ артикуловъ и статей, представляетъ собою единственный печатный памятникъ литовскаго законодательства; первые два Статута по неизвѣстнымъ причинамъ напечатаны не были.

Обращаясь къ обзору источниковъ Статута, мы остановимся исключительно на главнѣйшемъ изъ нихъ, Русской Правдѣ, которая оказала вліяніе не только на разсматриваемый кодексъ, но и на законодательные памятники Литовскаго государства, вошедшіе на ряду съ нею въ качествѣ источниковъ въ Статутъ. Замѣтимъ только, что къ числу этихъ послѣднихъ относятся: 1) партикулярные законы, издававшіеся литовскими князьями подъ названіями постановленій, уставовъ, ухваловъ, привилеевъ и

Тип. Лашкевича и К., Тверская. Складъ у Карбасникова.
Нс. рук. пр. по лекц. Пр.-Доц. Числова.

т. п. и содержавшіе въ себѣ опредѣленія законодательствъ иностранныхъ, а именно, римскаго, нѣмецкаго (магдебургскаго) и польскаго, равно какъ и начала древняго русскаго права и 2) Судебникъ Казиміра Ягеллончика 1468 г., во многихъ своихъ ст. сходный съ Русской Правдой.

По вопросу о вліяніи Правды на Статутъ въ историко-юридической литературѣ имѣется классическое изслѣдованіе проф. Леонтовича подъ заглавіемъ: „Русская Правда и Литовскій Статутъ". На основаніи данныхъ этого изслѣдованія мы и изложимъ отношеніе этихъ двухъ памятниковъ.

Прежде всего надо отмѣтить тотъ фактъ, что Русская Правда до конца XIII ст. дѣйствовала вездѣ на Руси въ значеніи сборника общихъ законовъ, дѣйствовала она поэтому и въ юго-западныхъ русскихъ областяхъ, такъ какъ юридическій бытъ населенія этихъ областей не отличался отъ быта остальнаго русскаго народа. Въ XIV столѣтіи въ восточной Россіи, въ Москвѣ, слагаются новые порядки: наступаетъ эпоха такъ называемыхъ мѣстныхъ законовъ, отступающихъ отъ началъ Русской Правды. Отступленіе это достигаетъ наибольшаго развитія въ Судебникахъ обоихъ Іоанновъ, въ которыхъ многіе юридическіе институты Правды совершенно изчезаютъ. Съ инымъ совершенно отношеніемъ къ этому древнему русскому памятнику встрѣчаемся въ юго-западной Россіи. Въ первой половинѣ XIV ст. русскія юго-западныя области подпадаютъ подъ власть Литвы и это событіе влечетъ за собою, по справедливому замѣчанію Бѣляева, удержаніе тѣсной связи законодательныхъ памятниковъ Руси Литовской съ Русской Правдой. „Сѣверо-восточная Русь", говоритъ онъ, „въ своемъ юридическомъ развитіи дѣйствовала свободнѣе, чѣмъ ея юго-западная сестра; ей, побѣдоносной и независимой, не было нужды въ борьбѣ и упорномъ отстаиваніи своей старины. Совсѣмъ другое положеніе Юго-западной Руси Литовской, тамъ старина являлась единственною опорою для охране-

нія національности, на ней только держалась нравственная самостоятельность и независимость народности; всякое нововведеніе тамъ грозило чужеземнымъ вліяніемъ. Все это сообщило законодательнымъ памятникамъ юго-западной Руси свой характеръ, отличающій ихъ строгою и какою-то несвободною покорностью Русской Правдѣ и вообще старымъ юридическимъ обычаямъ". Отсюда, основныя правила Рус. Правды, не только въ XIV, но и въ позднѣйшіе вѣка продолжали дѣйствовать въ литовскомъ государствѣ съ тою же силою, какую они имѣли прежде во всѣхъ русскихъ областяхъ (Леонтовичъ Кіевс. Универ. Изв. 1865 г. ст. 2).

Вотъ причина, почему въ Литовскомъ Статутѣ, представляющимъ собою кодексъ земскаго права Литвы, мы и находимъ цѣлые ряды статей съ разительнымъ, иногда буквальнымъ сходствомъ съ постановленіями Русской Правды. Институты, правда, иначе формулируются въ Статутѣ, чѣмъ въ Русской Правдѣ, но самая сущность ихъ одинакова. Таковы раздѣлы о судѣ, опекахъ, грабежахъ, злодѣйствѣ, или татьбѣ. Сходство институтовъ въ особенности замѣтно въ постановленіяхъ Статута о выволаньи, грабежѣ (потокѣ и разграбленіи Р. Пр.) о головщинахъ, винахъ, навезкахъ (лѣчебномъ Р. Пр.) цѣнѣ (урокѣ Р. Пр.) о мужебойствѣ, звадахъ, членоповрежденіяхъ, злодѣйствѣ (татьбѣ Р. Прав.), порчѣ межъ, границъ и разныхъ вещей,- с наслѣдствѣ простыхъ людей и шляхты, объ опекѣ, о вчинаніи иска, дѣцкихъ и т. д.

Можно указать на многія ст. Статута, въ которыхъ незамѣтно никакой отмѣны сравнительно съ Русской Правдой. Польское право вліяло, главнымъ образомъ, на государственное устройство Литвы и на отношенія между различными классами общества. Переходя въ чисто юридическую сферу, къ отношеніямъ уголовнаго и частнаго права и къ судопроизводству, мы замѣчаемъ въ Статутѣ присутствіе однихъ и тѣхъ же началъ, на какихъ основывается Русская Правда. Сохраненіе этихъ началъ есть главная заслуга Статута, гораздо ближе подходящаго къ

Правдѣ, чѣмъ памятники московскаго законодательства. Можно было бы подумать, что русскія начала сохранились въ юго-западной Россіи и перешли въ Статутъ потому, что они глубоко вросли въ ея бытъ. Но такое положеніе невѣрно; тѣ же начала въ старое время не менѣе глубоко коренились въ быту восточной Руси, а между тѣмъ здѣсь они очень рано утрачиваются - подъ конецъ XV столѣтія отъ нихъ почти не осталось и слѣда. Отмѣна древне-русскихъ началъ въ восточной Россіи и сохраненіе ихъ въ западной обязано исключительно вліянію законодательства: что безслѣдно исчезло въ Судныхъ Грамотахъ и Судебникахъ, то надолго удержалось въ литовско-русскихъ областныхъ привилеяхъ, уставахъ, ухвалахъ и, наконецъ, Статутахъ. Законод. литовск. въ отличіе отъ московск. всегда слѣдовало консервативному направленію, болѣе или менѣе проникавшему всѣ литовско-русскіе памятники. Тоже самое направленіе замѣчаемъ и въ Литов. Ст., въ особенности Старомъ, т.е., Ст. Сигизмунда I: гдѣ только дѣло идетъ о чисто юридическихъ отношеніяхъ, тамъ Статутъ строго консервативенъ, держится въ главномъ стараго юридическаго порядка, современнаго еще Русской Правдѣ (Леонтовичъ:-ст. 13 - 15).

Послѣ этого станетъ понятно, какое важное значеніе принадлежитъ Статуту, какъ источнику Уложенія. Въ послѣднемъ мы встрѣчаемъ много постановленій, восходящихъ до глубокой древности. Нѣкоторыя изъ нихъ неизвѣстны памятникамъ московскаго законодательства: Судебникамъ и дополнительнымъ указамъ, т.е. ближайшимъ к главнымъ источникамъ Уложенія. Спрашивается, откуда же они проникли въ этотъ памятникъ? Оказывается, изъ Литовскаго Статута. Несомнѣннымъ доказательствомъ этого могутъ служить 88 и 89 ст. XXI главы, въ которыхъ узаконяется ненаказуемость убійства вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія. Указанныя статьи взяты, какъ видно изъ помѣтъ улож. столбца, изъ Литовс. Статута и указаніе это при сличеніи подтверждается: въ

Раздѣлѣ XI ар 28 находимъ аналогичное постановленіе, а между тѣмъ это постановленіе Статута является повтореніемъ и развитіемъ той статьи Русской Правды, гдѣ говорится: *„Аще оубиють кого оу клпти или оу которопатбы, то оубиють во пса мпсто“* (тр. ст. 36); Улож., слѣдуя Статуту и воспринимая, благодаря ему, изстаринное узаконеніе Правды, не встрѣчающееся ни въ Судебникахъ, ни въ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа, предписываетъ: „А будетъ кто *татя съ поличнымъ убьетъ въ дому своемъ* и того убитаго тотъ часъ объявити окольнымъ людемъ, и объявя, вести къ запискѣ въ приказѣ... А будетъ тѣ *тати изымати себя не дадутъ и иного изъ тпхъ татей убьютъ или ранятъ;* и того убитаго или раненаго явити окольнымъ людемъ вскорѣ, и привести въ приказъ и записати *и тпмъ отъ того убойства свободится*“. Здѣсь, конечно, замѣтно вслѣдствіе вліянія Статута развитіе постановленія Правды, но принципъ остается тотъ же. Тоже самое видимъ въ ст. 105 главы X Уложенія, которая постановляетъ: *„А будетъ кто* передъ судьями *кому раны учинитъ или, кого убьетъ до смерти, бороняся отъ себя* для того, что тотъ, кого онъ ранитъ, или убьетъ, самъ его передъ судьями *напередъ учалъ бити,* а скажутъ про то судьи: *и такова никакою казнію не казнити, по тому что онъ то учинилъ, бороняся отъ себя*“. Это постановленіе взято изъ Литовскаго Статута, который воспринимаетъ и развиваетъ соотвѣтствующее постановленіе Правды: *„Аже кто кого оударить батогомъ, любо чашею...... не терпя ли протиеу тому оударитъ мечемъ, то вины ему въ томъ нптуть“*(Тр. 20). Смыслъ этихъ постановленій одинъ и тотъ же: ненаказуемость обидъ дѣйствіемъ и даже убійства, совершенныхъ подъ вліяніемъ аффекта, хотя слова Улож. *„бороняся отъ себя“* и могутъ навести на мысль, что въ указанной статьѣ памятника говорится о необходимой оборонѣ, а слѣдовательно, сходства у этой статьи съ приведенною статьею Правды нѣтъ никакого. Но мы встрѣчаемся въ данной ст. Улож., очевидно, съ неточностью

редакціи, такъ какъ объ оборонѣ въ ней не можетъ быть рѣчи въ виду того, что не имѣется на лицо тѣхъ условій, при которыхъ оборона считалась необходимой, а потому и ненаказуемой; здѣсь, несомнѣнно, говорится также, какъ и въ Русской Правдѣ, о дѣяніи, совершенномъ подъ вліяніемъ жгучаго чувства оскорбленія.

Такихъ статей, воспринятыхъ изъ Статута, но по содержанію своему близкихъ съ Правдой, можно найти въ памятникѣ нѣсколько; изъ нихъ мы убѣждаемся, что заимствованіе изъ Статута было собственно возвращеніемъ къ тѣмъ основнымъ началамъ нашего древняго права, отступленіе отъ которыхъ совершилось въ Московскомъ государствѣ, но не было допущено въ Литовскомъ.

Переходимъ вслѣдъ за этимъ общимъ указаніемъ на значеніе Статута, какъ источника Уложенія, къ вопросу о количественномъ и качественномъ вліяніи его на это послѣднее (см. ст. 84).

Руководствуясь помѣтами уложеннаго свитка, изслѣдователи считали, что изъ Статута заимствовано только 56 ст. Улож., но съ появленіемъ выдающагося изслѣдованія проф. Владимірскаго-Буданова: „отношеніе между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ Царя Алексѣя Михаиловича" оказалось, что всѣхъ статей, заимствованныхъ изъ Статута, можно насчитать до 175.

Тщательно сличивъ оба указанные памятника, проф. Владимірскій-Будановъ пришелъ къ заключенію, что II, III, IV, V, VII, IX и XXII главы Уложенія составляютъ или буквальный переводъ, или довольно точный перифразъ Статута, причемъ главы: II („о государской чести и какъ его государское здоровье оберегать"), III („о государевѣ дворѣ, чтобъ на государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства не было"), IV („о подпищикѣхъ и которые печати поддѣлываютъ"), V („о денежныхъ мастерѣхъ, которые учнутъ дѣлати воровскія деньги") и IX („о мытахъ, и о перевозѣхъ, и о мостѣхъ") представляютъ собою или переводъ, или точный перифразъ различныхъ артикуловъ раздѣла I Статута: „о персонѣ нашой

господарской", глава VII („о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства") есть не болѣе, какъ передѣлка II Раздѣла „объ оборонѣ земской"; а глава XXII („указъ за какія вины чинити смертная казнь и за какія вины смертію не казнити, а чинити наказаніе"), за исключеніемъ 2 ст., вся составлена изъ постановленій, заимствованныхъ, главнымъ образомъ, изъ XI Раздѣла Литовскаго Статута. (Владим.-Будановъ.- Сборникъ госуд. знаній Безобразова 1877 г. ст. 7.- 21).

Но кромѣ этихъ главъ отдѣльныя постановленія Статута встрѣчаются, за немногими исключеніями, во всѣхъ главахъ Уложенія, изъ которыхъ X глава „о судѣ" содержитъ такихъ заимствованныхъ ст. до 70 (Влад.-Будановъ насчитываетъ ихъ только 55).

Отношеніе Уложенія къ Статуту, какъ и къ другимъ источникамъ, вполнѣ свободно, такъ какъ рецепція перваго въ послѣднее является въ тоже время самостоятельнымъ творчествомъ права. Рецепція эта основана прежде всего на внѣшней свободѣ: при составленіи Уложенія никто не предписывалъ кодификаціонной коммиссіи обратиться къ Литовскому Статуту, какъ источнику для заимствованій. Далѣе, рецепція основывается на внутренней свободѣ, т.е. на свободномъ отношеніи къ содержанію источника. Пріемы рецепціи заключаются въ заимствованіи системы кодекса, усвоеніи предметовъ (вопросовъ кодификаціи), правовыхъ положеній и формы ихъ; но заимствованіе это происходитъ съ большими измѣненіями.

Заимствуя систему Статута (ниже §11), Уложеніе не рабски слѣдуетъ ей: усвоивъ ее въ общемъ и слѣдуя ей точно пока было можно безъ нарушенія основныхъ началъ собственнаго права, Улож. перерабатываетъ, а мѣстами и совсѣмъ оставляетъ ее, гдѣ требуетъ того духъ московскаго права.

Усвоивая предметы, вопросы права, Уложен. излагаетъ ихъ совершенно своеобразно. Возьмемъ для примѣра главу „о денежныхъ мастерѣхъ, которые учнут дѣлати

воровскія деньги". Глава эта говоритъ о двухъ совершенно разнородныхъ преступленіяхъ: дѣланіи фальшивой монеты и подмѣси золотыхъ дѣлъ мастерами въ золотыя и серебряныя вещи неблагородныхъ металловъ. Но Уложеніе не смѣшиваетъ этихъ 2-хъ преступленій: за первое полагается квалифицированная смертная казнь - залитіе горла расплавленнымъ металломъ, за второе - сравнительно ничтожное наказаніе - битье кнутомъ. Этимъ Ул. вноситъ поправку въ постановленія Статута, который, считая эти преступленія однородными, за то и другое опредѣляетъ одинаковое наказаніе - смертную казнь чрезъ сожженіе. Такимъ образомъ, Улож., согласно со Статутомъ, заговорило о подмѣси неблагородныхъ металловъ въ драгоцѣнныя вещи и заговорило, притомъ, вслѣдъ за постановленіемъ о поддѣлкѣ монеты; но опредѣлило наказаніе совершенно своеобразно: слѣдовательно, оно усвоило только вопросъ.

Такую же свободу сохраняетъ Уложеніе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда заимствуетъ самыя правовыя опредѣленія Статута: оно не переноситъ ихъ цѣликомъ, но видоизмѣняетъ ихъ.

Нѣсколько менѣе свободно отношеніе москов. кодекса къ литовскому относительно формы узаконеній. Такъ, своею казуистичностью Улож. обязано Статуту. Даже знаменитая форма, съ которой начинается почти всякая ст. Уложенія: „*А будетъ кто*", есть переводъ столь же обыкновенной формы Статута: „*кгды бы хто*". Но подчиняясь казуистической формѣ Статута, Улож. въ большинствѣ случаевъ старается отбросить фактическую оболочку съ юридическихъ понятій, благодаря чему и достигаетъ почти вездѣ сокращенія текста постановленій, взятыхъ изъ Статута. (Владимірскій-Будановъ стр. 23 и слѣд.)

§9) Стоглавъ.

Пятымъ источникомъ Уложенія были постановленія Стоглаваго Собора, какъ это видно изъ 2 помѣтъ на поляхъ улож. столбца. Но изъ сличенія постановленій

обоихъ памятниковъ оказывается, что Стоглавъ повліялъ на составленіе 6 ст., причемъ, въ 2 ст постановленія его выписываются дословно, въ остальныхъ же 4 они принимаются въ основаніе опредѣленій Уложенія; сами же опредѣленія излагаются въ иной редакціи. Къ двумъ первымъ относятся 1 статья VIII главы „о искупленіи плѣнныхъ", въ которой встрѣчаемся съ буквальной выпиской изъ Стоглава мотива необходимости подобнаго выкупа, и 10 ст. XIV гл. „о крестномъ цѣлованіи", дословно повторяющая постановленія гл. 37 и 38 Стоглава, въ которыхъ содержится предписаніе духовникамъ воздерживать духовныхъ дѣтей поученіями отъ преступленій вообще и отъ клятвопреступленій въ особенности, причемъ, объясняется значеніе присяги.

Къ постановленіямъ, составленнымъ на основаніи Стоглава, но въ иной редакціи, относятся: 1) опредѣленіе наказаній за оскорбленіе духовнаго лица при совершеніи имъ литургіи (1 ст. 2 и 3), взятое изъ 57 главы; 2) перечисленіе неприсутственныхъ дней (X ст. 25), заимствованное изъ 94 главы; 3) наконецъ, запрещеніе принимать иски отъ дѣтей на родителей (XXII ст. 6), составленное подъ вліяніемъ 36 главы Стоглава

§10) Уложеніе-кодексъ

Изученіе источниковъ Улож. и отношенія къ нимъ послѣдняго даетъ возможность рѣшить недостаточно, на нашъ взглядъ, выясненный въ литературѣ вопросъ о томъ, къ какому виду сборниковъ принадлежитъ изучаемый памятникъ: къ сводамъ или кодексамъ

Но прежде, чѣмъ отвѣтимъ на этотъ вопросъ, необходимо остановиться на понятіи кодификаціи и ея видовъ. Подъ кодификаціей разумѣется составленіе систематическихъ законодательныхъ сборниковъ. Составленіе такихъ сборниковъ можетъ быть различно въ зависимости отъ различія *въ отношеніяхъ со стороны составителей* къ матеріалу, подлежащему кодификаціи. Если составители изъ всей массы разрозненнаго законодательнаго матеріала, даннаго предшествующею жизнью, выбираютъ толь-

ко тѣ законы, которые въ данный моментъ считаются дѣйствующими и, не подвергая эти законы критикѣ и обработкѣ, располагаютъ въ опредѣленной системѣ, то мы имѣемъ дѣло съ такъ называемой инкорпораціей законовъ. Результатомъ инкорпораціи являются сборники, называющіеся у насъ *„сводами“*. Если же кодификаторы при выборкѣ и систематизаціи матеріала относятся къ нему критически, изслѣдуютъ правовыя начала, данныя предшествующею жизнью, очищаютъ ихъ, приспособляютъ къ потребностямъ общества, не ограничиваясь, при этомъ, однимъ только своимъ правомъ, но справляясь съ чужеземными источниками и ре
къ данному юридическому быту, сводятъ, наконецъ, все воспринятое къ единству основныхъ принциповъ, то мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ видомъ, который носитъ названіе кодификаціи въ собственномъ смыслѣ. Результатомъ ея являются сборники, извѣстные подъ именемъ „кодексовъ“, или, какъ у насъ, *„уложеній“*.

Разсматривая изучаемый нами памятникъ, мы видимъ, что въ немъ имѣются на лицо всѣ тѣ признаки, которыми характеризуется кодексъ или уложеніе; что это названіе придано ему не безъ основанія и вполнѣ соотвѣтствуетъ существу дѣла.

Отношеніе кодификаторовъ къ матеріалу, на основаніи котораго составился нашъ памятникъ, было какъ мы видѣли, совершенно свободнымъ: они не искали въ немъ только дѣйствующихъ законовъ, а *„пристойныя къ государевымъ и земскимъ дѣламъ“* опредѣленія. Отсюда исключеніе всего того, что хотя и дѣйствовало, но фактически потеряло свою жизненную силу и возобновленіе, воскрешеніе, такъ сказать, всего того что утратилось, или было оффиціально отмѣнено, но, на самомъ дѣлѣ сохраняло еще свое жизненное значеніе, почему и было способно регулировать отношенія. Въ своихъ поискахъ за „пристойными опредѣленіями“ кодификаторы обращаются не къ одному только своему, исторически накопившемуся матеріалу, что было бы вполнѣ достаточнымъ для

составленія свода: они останавливаютъ свое вниманіе и на законодательствѣ чужеземномъ, воспринимая изъ него только то, что могло войти необходимымъ звеномъ въ наше органически развившееся право, и проявляютъ въ этой рецепціи такую глубину юридическаго анализа, что вносятъ даже поправки въ право, ими реципируемое. Вслѣдствіе такой вполнѣ творческой работы, составляемый сборникъ заключаетъ въ себѣ не только критически очищенный законодательный матеріалъ, но и матеріалъ, сведенный къ единству основныхъ началъ. Такимъ основнымъ, послѣдовательно проведеннымъ началомъ является въ Ул. начало государственное. Интересы государства, или, выражаясь точнѣе, интересы государевы получаютъ преобладающее значеніе: изъ нихъ все истекаетъ, ими все опредѣляется. Не говоря уже о постановленіяхъ съ характеромъ политическимъ, которыя, благодаря, именно этому началу, и вводятся въ изучаемый памятникъ, причемъ выдвигаются на первое мѣсто (гл. 2 - 9), это государственное начало оказываетъ вліяніе и на опредѣленія чисто юридическія. Такъ, въ сферѣ права уголовнаго, подъ его воздѣйствіемъ, слагается взглядъ на преступленіе, какъ на дѣяніе, нарушающее государевъ приказъ, что ведетъ къ значительному расширенію области самыхъ преступленій. Далѣе, если преступленіе представляетъ собою дѣяніе, посягающее на государственное начало, то и преслѣдованіе его есть дѣло, не столько частнаго вчинанія, сколько самого правительства: отсюда развитіе сыска, какъ особой формы процесса, проникающаго даже и въ судъ по нѣкоторымъ дѣламъ исковымъ (гражданскимъ). Наконецъ, въ зависимости отъ указаннаго начала принимаетъ иной видъ и судоустройство. судъ переходитъ въ руки приказныхъ людей исключительно, участіе элементовъ земскихъ, имѣвшее мѣсто въ судѣ областномъ, устраняется.

Итакъ, изъ рукъ составителей Улож. вышелъ не сводъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, *а кодексъ*. Кодексъ этотъ, скажемъ здѣсь кстати, вполнѣ соотвѣтствовалъ духу

своего времени, понятіямъ и потребностямъ своего народа, и соотвѣтствовалъ, конечно, потому, что подводилъ итогъ всему предшествующему праворазвитію.

Б. *СИСТЕМА И СОДЕРЖАНІЕ УЛОЖЕНІЯ*

§11) Дѣленіе на главы.

Уложеніе заключаетъ въ себѣ 967 ст., раздѣленныхъ на 25 главъ. Относительно основанія, положеннаго въ это дѣленіе и въ послѣдовательное расположеніе главъ, т.е. относительно системы Уложенія было высказано въ литературѣ нѣсколько предположеній, которыя съ появленіемъ труда проф. Владимірскаго-Буданова „Отношеніе между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ", должны считаться оставленными, такъ какъ онъ вполнѣ доказалъ, что система Уложенія есть ничто иное, какъ система Статута, нарушенная въ серединѣ памятника вставочными главами, а въ самомъ концѣ- дополнительными.

Статутъ въ 3 редакціи, т.е. 1588 года, установилъ довольно правильную систему права слѣдующимъ образомъ: онъ говоритъ въ Раздѣлѣ I о правахъ верховной власти; въ Разд. II и III объ обязанностяхъ и правахъ сословій, преимущественно шляхетскаго; въ Разд. IV о судоустройствѣ и судопроизводствѣ, какъ гражд., такъ и уголовномъ, что, впрочемъ, и не различалось въ литовско-рус. госуд.; въ Разд. V и VI о семейныхъ правахъ и опекѣ; въ Разд. VII о правахъ обязательственныхъ; въ Разд. VIII о наслѣдствѣ въ порядкѣ завѣщательномъ; въ Разд. IX и X о правахъ вотчинныхъ, наконецъ, въ Разд. XI - XIV о правѣ уголовномъ. Съ перваго взгляда кажется, что съ этою системою система Улож., по словамъ Вл.-Буд., сходна только въ самомъ голомъ ея остовѣ; именно, и Улож. начинаетъ съ госуд. правъ, переходитъ къ судоустройству и судопроизводству, продолжаетъ вещными правами (не говоря особо о семейныхъ, обязательственныхъ и наслѣдственныхъ) и кончаетъ уголовнымъ правомъ, (если истиннымъ концемъ Уложен. считать XXII

главу). Не то однако оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла. Составители Улож. рѣшились вполнѣ слѣдовать системѣ Статута и выдержали ее довольно вѣрно до X главы включительно. Но затѣмъ, приступивъ къ изложенію гражданскаго права, нашли совершенную невозможность идти за Ст. съ полною вѣрностью его системѣ, потому что граждланс. институты представляютъ собою именно ту область права, въ которой наиболѣе отразились оригинальныя черты московскаго права. Здѣсь нельзя было не только заимствовать откуда либо постановленій (особенно по вотчинному праву), но даже и расположить законъ по чужой системѣ. Затѣмъ, перешагнувъ чрезъ это препятствіе, т.е. уложивъ по своеобразной системѣ 10 главъ съ XI до XX включительно, составители опять возвращаются къ системѣ Статута, именно, оканчиваютъ Уложеніе уголовными постановленіями. Послѣднія три главы, очевидно, дополнительныя.

Что высказанная мысль о подчиненіи системы Уложенія системѣ Статута не есть гипотеза, видно изъ простаго сопоставленія Раздѣлъ I Ст. въ послѣдовательномъ порядкѣ артикуловъ воспринятъ Улож. въ главу II, III, IV, V. Въ Статутѣ за первымъ Раздѣломъ слѣдуетъ Раздѣлъ II „объ оборонѣ земской“, въ Уложеніи ему соотвѣтствуетъ глава VII „о службѣ всякихъ ратныхъ людей“.

Далѣе, Улож. спустило изъ I Раздѣла Ст. постановленіе о мытахъ и выдѣлило ихъ въ особую главу. Причину подобнаго выдѣленія и нарушенія системы Статута Влад.-Буд. считаетъ непонятной; причина эта, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что Разд. I, посвященный вопросу о правахъ верховной власти, включилъ данное постановленіе случайно: его мѣсто въ Раздѣлѣ III „объ обязанностяхъ сословій“, Ул., перенося его въ главу IX, этимъ поправляетъ промахъ Статута. Наконецъ, оставя безъ рецепціи Раздѣлъ „о вольностяхъ шляхетскихъ“, по невозможности его заимствовать, составители Улож. на-

шли Раздѣлъ: „о судьяхъ и о судехъ" и въ параллель ему поставили свою главу „о судѣ". Этой главой слѣдованіе за системой оканчивается, въ виду крайней необходимости, нельзя было далѣе идти за Ст., говорить о приданомъ, потому что въ Московскомъ государствѣ юридическія свойства приданаго опредѣлялись, главнымъ образомъ, свойствами вотчиннаго права, о которомъ еще ничего не было говорено. Словомъ, и Ст., и Улож. начинаютъ далѣе излагать гражданскія постановленія не только несходныя по содержанію, но и по своеобразной системѣ. Что можно было взять изъ обязательствъ и вещнаго права Ст., то включено въ X главу. (Вл.-Буд. стр. 25 - 26).

Съ приведенными положеніями проф. Влад.-Буданова, по ихъ полной доказательности, нельзя не согласиться.

Такимъ образомъ, руководствуясь системой Статута, составители Уложенія раздѣлили все его содержаніе на слѣдующіе 6 отдѣловъ: I отдѣлъ, состоящій изъ одной 1-ой главы, посвященъ дѣяніямъ, направленнымъ противъ вѣры и церкви („о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ");II отдѣлъ отъ 2-ой до 9-ой главы включительно содержитъ въ себѣ тогдашнее государс.право; въ III отдѣлѣ, отъ 10 до 15 главы, помѣщены законы о судоустройствѣ и судопроизводствѣ; въ отдѣлѣ IV, заключающемъ въ себѣ 5 главъ (отъ 16 до 20),изложено право вещное;V отдѣлъ изъ 2 главъ (21 и 22) посвященъ уголовнымъ законамъ; VI отдѣлъ состоитъ изъ трехъ добавочныхъ главъ (23 - 25).

Переходя отъ этого общаго обзора системы къ подробностямъ, необходимо замѣтить,что II отдѣлъ, содержащій право государствен., въ свою очередь можетъ быть подраздѣленъ на 2 группы постановленій, причемъ, первая группа, состоящая изъ 5 главъ,содержитъ въ себѣ постановленія, направленныя на огражденіе личности и чести государя;здѣсь прежде всего ограждается жизнь и здоровье государя (гл. II „о государской чести и

какъ его государское здоровье оберегать"), честь государева двора (гл. III „о государевѣ дворѣ, чтобы на государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было"), далѣе, воспрещается поддѣлка государственныхъ актовъ (гл. IV „о подпищикѣхъ и которые печати поддѣлываютъ"; поддѣлка госуд. актовъ считалась преступленіемъ противъ особы государя, какъ злоупотребленіе его именемъ), запрещается поддѣлка монеты („о денежныхъ мастерѣхъ, которые учнутъ дѣлати воровскія деньги; - огражденіе государевой казны); наконецъ, преслѣдуется отъѣздъ заграницу безъ проѣзжихъ грамотъ (гл. VI „о проѣзжихъ грамотахъ въ иныя государства"; эту главу Строевъ считаетъ находящейся не на своемъ мѣстѣ въ виду того, будто она не имѣетъ никакой связи съ предшествующими главами, но глава эта также имѣетъ въ виду политическое преступленіе. Дѣло въ томъ, что со временъ Іоанна Грознаго на самовольный отъѣздъ заграницу правительство смотрѣло, какъ на государс. измѣну, что проглядываетъ и въ словахъ Улож.: „а иной кто начнетъ на него", т.е. на уѣхавшаго безъ проѣзжей грамоты, „извѣщати, что онъ ѣздилъ безъ проѣзжіе грамоты *самовольствомъ для измѣны* . . ." почему и было постановлено запасаться проѣзжими грамотами, чтобъ отъѣздъ былъ правительству извѣстенъ, а не производился „*воровски*"). Во второй группѣ постановленій этого II отдѣла идутъ главы о повинностяхъ подданныхъ, причемъ, въ VII главѣ („о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго Государства") говорится о повинности воинской и въ связи съ ней въ главѣ VIII („о искупленіи плѣнныхъ") о налогѣ на подданныхъ для выкупа плѣнныхъ, а въ главѣ IX („о мытахъ и о перевозѣхъ и о мостѣхъ") - о повинности дорожной

III-ій отдѣлъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ состоитъ изъ 6 главъ, но открыть систему расположенія этихъ главъ рѣшительно не представляется возможнымъ за отсутствіемъ хотя бы малѣйшихъ намековъ на основаніе, принятое при расположеніи. Въ своей послѣдова-

тельности главы эти идутъ такъ: за X главой „о судѣ", самой большой изъ всѣхъ главъ Уложенія, заключающей въ себѣ почти одну треть всего содержанія памятника, слѣдуетъ глава XI, озаглавленная „судъ о крестьянѣхъ"; въ XII главѣ („о судѣ патріаршихъ, приказныхъ и дворовыхъ всякихъ чиновъ людей и крестьянъ") говорится о подсудности патріаршихъ людей; XIII („о монастырскомъ приказѣ") посвящена вопросу объ учрежденіи послѣдняго; въ XIV („о крестномъ цѣлованіи") излагаются постановленія о присягѣ; XV („о вершенныхъ дѣлахъ") говоритъ о вершенныхъ дѣлахъ и третейскомъ судѣ.

Въ IV отдѣлѣ о вещномъ правѣ первое мѣсто отводится праву помѣстному (гл. XVI „о помѣстныхъ земляхъ"); за нимъ слѣдуютъ постановленія о правѣ вотчинномъ (гл. XVII „о вотчинахъ"), вслѣдъ за этимъ идутъ опредѣленія „о печатныхъ пошлинахъ" (гл. XVIII), что стоитъ въ тѣсной связи, такъ какъ печатныя пошлины взимались отъ разныхъ грамотъ, во главѣ которыхъ стояли грамоты на владѣніе помѣстьями и вотчинными землями, почему составителямъ казалось удобнѣе всего заговорить объ этихъ пошлинахъ непосредственно за главами о тѣхъ недвижимыхъ имуществахъ, за укрѣпленіе правъ на которыя взимались эти пошлины. XIX глава, озаглавленная: „о посадскихъ людѣхъ", говоритъ, между прочимъ, о тяглыхъ земляхъ, а глава XX („судъ о холопѣхъ") – о правѣ на холопов.

Въ V отдѣлѣ 2 главы, причемъ, XXI („о разбойныхъ и татиныхъ дѣлѣхъ"), какъ намъ уже извѣстно, взята изъ Уставной Книги Разбойнаго Приказа, а XXII („указъ за какія вины кому чинити смертная казнь, и за какія вины смертію не казнити, а чинити наказаніе") – изъ Литовскаго Ст.

Послѣдній VI отдѣлъ заключаетъ въ себѣ постановленія „о стрѣльцахъ" (гл. XXIII), „указъ о атаманѣхъ и казакѣхъ" (гл. XXIV) и „указъ о корчмахъ" (XXV). Такой разнообразный составъ свидѣтельствуетъ самъ собою о значеніи этихъ главъ, какъ дополнительныхъ

Въ заключеніе обзора системы Улож. надо замѣтить, что нѣкоторыя изъ указанныхъ главъ содержатъ въ себѣ постановленія, относящіяся исключительно къ какому-либо одному отдѣлу права и часто очень специальному, каковы, напр., главы: I „о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ“, V „о денежныхъ и золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерахъ“, VIII „о искупленіи плѣнныхъ“ и т. д., тогда какъ другія посвящены всякому праву: гражданскому, уголовному, процессу и пр., какова, напр., X глава „о судѣ“. Отсюда ясно, что для того, чтобы познакомиться съ какимъ нибудь видомъ права по Улож., недостаточно остановить вниманіе на главахъ, специально къ этому виду права относящихся, а необходимо пересмотрѣть все Уложеніе, такъ какъ во многихъ другихъ главахъ можно встрѣтить необходимыя постановленія. Такъ для того, чтобы познакомиться съ уголовнымъ правомъ по Улож., недостаточно ограничиться изученіемъ XXI и XXII главъ, специально посвященныхъ этому праву, необходимо пересмотрѣть всѣ главы, такъ какъ въ каждой изъ нихъ можно встрѣтить относящіеся сюда вопросы (Сергѣевичъ).

§15) Законы о судопроизводствѣ

А. Судоустройство

а) *Виды и степени судовъ.* Уложенію извѣстны 2 вида судовъ: 1) суды приказныхъ людей, воеводъ, или, употребляя современный терминъ, суды коронные, и 2) суды частныхъ лицъ, избираемыхъ сторонами по соглашенію, т. е. судъ третейскій.

а) Первый видъ судовъ распадался на три степени: а) областные, б) центральные и в) высшій. Установленія всѣхъ этихъ степеней не были исключительно судебными, они вѣдали и дѣлами управленія, такъ какъ административная и судебная дѣятельности въ то время не разграничивались. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ рѣчь, разумѣется, только

о послѣдней и, притомъ, постольку, поскольку о ней говорится въ Уложеніи.

1) *Областной судъ* былъ предоставленъ воеводамъ и губнымъ старостамъ.

Воеводы назначались въ города изъ бояръ, окольничихъ, стольниковъ и дворянъ московскихъ (X, 149), или одни, или вмѣстѣ съ дьяками (XIII, 3). Въ составъ воеводскаго суда не входятъ выборные отъ земства: старосты и цѣловальники, какъ это требовалось при судѣ намѣстничьемъ по Судебнику; Уложеніе устранило участіе общества въ судебныхъ дѣлахъ и тѣмъ придало областному суду характеръ суда исключительно приказнаго.

Воеводы вѣдали дѣла исковыя (гражданскія) цѣною до 20 рублей; исковъ выше этой цифры, равно какъ помѣстныхъ, вотчинныхъ и холопьихъ дѣлъ, они судить не могли; исключеніе въ этомъ отношеніи сдѣлано для тѣхъ воеводъ, при которыхъ находились дьяки, а также для воеводъ понизовыхъ городовъ, приписанныхъ къ Приказу Казанскаго Дворца (XIII, 3). Дѣла губныя (разбойныя, убійственныя, татиныя), по общему правилу, воеводами не вѣдались, ихъ судили губные старосты, но въ тѣхъ городахъ, гдѣ губнаго права не существовало, означенныя дѣла подлежали суду воеводъ и приказныхъ людей (XXI, 3).

Губные старосты представляли собою выборныхъ отъ общества судей. Избирались они всѣми жителями уѣзда, т. е. дворянами, дѣтьми боярскими, посадскими, „всякихъ чиновъ жилецкими и уѣздными сошными людьми" изъ средь дворянъ и дѣтей боярскихъ *„добрыхъ, прожиточныхъ и грамотныхъ"*, которые за старостью или ранами отставлены отъ службы, или за которыхъ несли службу ихъ дѣти или племянники. Выборные обязаны были явиться вмѣстѣ съ протоколами о ихъ выборѣ, подписанными избирателями, въ Москву, въ Разбойный Приказъ, гдѣ ихъ приводили къ присягѣ по особой записи, послѣ чего имъ выдавались наказныя памяти (XXI, 4); при по-

лученіи которыхъ они уплачивали одинъ рубль печатныхъ пошлинъ (XVIII, 66)

Въ составъ суда губныхъ старостъ, или Губной Избы, входили цѣловальники и дьячки, избиравшіеся тяглыми людьми изъ своей среды и получавшіе денежное содержаніе отъ избирателей (XXI, 4, 97). Эти выборные также принимали присягу предъ вступленіемъ въ должность, но только не въ Разбойномъ Приказѣ, а въ городахъ предъ воеводами по записямъ, присылаемымъ изъ приказа (XXI,4)

При Губной Избѣ состояли тюрьмы подъ надзоромъ сторожей и палачи. Тюремные сторожа и палачи также избирались тяглыми и приводились къ присягѣ (XXI,97)

Вѣдѣнію губныхъ старостъ подлежали исключительно разбойныя, убійственныя и татиныя дѣла (XXI, 3)

На обязанности губныхъ старостъ лежалъ, кромѣ того, надзоръ за всѣми лицами, входившими въ составъ губныхъ установленій, равно какъ наблюденіе за содержащимися подъ стражей и надъ тюрьмами, которыя они должны были „*осматривати почасту, чтобы тюрьмы были крѣпки и у тюремныхъ бы сидѣльцевъ ничего не было, чѣмъ имъ изъ тюрьмы вырѣзатися*“ (XXI, 101)

Сверхъ разсмотрѣнныхъ судовъ первой степени, были еще суды спеціальные, имѣвшіе съ ними равное значеніе, но вѣдавшіе дѣла служилыхъ людей исключительно это :- *суды полковые*

Суды эти поручались полковымъ воеводамъ или особымъ судьямъ по назначенію послѣднихъ. Предметами вѣдомства полковыхъ судовъ были иски объ обидныхъ дѣлахъ между служилыми людьми, за исключеніемъ тѣхъ дѣлъ, которыя начались до прибытія служилыхъ въ полки. Эти дѣла подлежали вѣдѣнію судовъ на общемъ основаніи, но не прежде, какъ по окончаніи полковой службы тяжущихся (X, 149)

2) Центральный судъ сосредоточивался въ приказахъ на Москвѣ. Уложеніе мало говоритъ объ организаціи приказовъ вообще и о предметахъ вѣдомства отдѣльныхъ

приказовъ въ частности, почему составить полнаго представленія объ этихъ установленіяхъ на основаніи данныхъ памятника нельзя

Такъ, о составѣ приказовъ прямо нигдѣ не упоминается, но изъ ст 23 главы X можно заключить, что въ составъ нѣкоторыхъ приказовъ, по указу государя, входили бояринъ, или окольничій, или думный человѣкъ съ товарищами въ количествѣ трехъ или четырехъ человѣкъ. Но въ какихъ отношеніяхъ стояли эти товарищи къ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ, пользовались ли они равнымъ съ ними голосомъ при рѣшеніи дѣлъ, или нѣтъ, иначе говоря, былъ ли построенъ составъ такихъ приказовъ на началѣ коллегіальномъ, или личномъ, сказать что либо положительное, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые изслѣдователи, невозможно Указанная ст , правда требуетъ *„вершити дѣло судьямъ всѣмъ вопче“*, предписываетъ, за отсутствіемъ одного или двухъ судей, *„судить и вершить дѣло ихъ товарищамъ“*, но изъ этихъ постановленій нельзя дѣлать никакихъ заключеній, такъ какъ, само собою понятно, что можно 1) участвовать въ общемъ рѣшеніи и съ совѣщательнымъ голосомъ, а 2) пользоваться особыми полномочіями только въ исключительныхъ случаяхъ, т е ни то, ни другое предписаніе еще не указываетъ на равноправность судей, а, слѣдовательно, и на коллегіальный составъ приказовъ Скорѣе надо думать, что составъ этотъ строился на началѣ личномъ, такъ какъ начало это было въ то время господствующимъ

Кромѣ судей въ составъ приказовъ для завѣдыванія дѣлопроизводствомъ входили дьяки и подъячьи. На обязанности послѣднихъ лежало составлять „записку“ всего, что происходило на судѣ. Записка эта (судный списокъ Судебника) подписывалась сторонами и затѣмъ переписывалась подъячимъ на бѣло. Бѣловая записка провѣрялась дьякомъ и скрѣплялась его подписью (X, 11) Имъ же скрѣплялись всѣ другія бумаги, напр., приставныя памяти (X, 100), поручныя записи (X, 123), книги для за-

писки судныхъ дѣлъ и пошлинъ, выдававшіяся на руки подъячимъ (Х - 128), дьяки держали, далѣе, списки недѣльщиковъ и ихъ заговорщиковъ (товарищей, Х, 148), распредѣляли дѣла между подъячими, словомъ, завѣдывали всѣмъ

При приказахъ состояли для вызова тяжущихся въ судъ приставы, называвшіеся иначе недѣльщиками, такъ какъ они исполняли свои обязанности по недѣлямъ. Приставы могли имѣть при себѣ избранныхъ ими товарищей, составлявшихъ вмѣстѣ съ ними заговоръ (т.е. товарищество, артель). Всѣ права и обязанности приставовъ оставлены въ Уложеніи сравнительно съ Судебникомъ 1550 года безъ перемѣны (Х, 147 - 148).

Что касается отдѣльныхъ приказовъ и ихъ предметовъ вѣдомства, то Уложеніе упоминаетъ только о нѣкоторыхъ изъ нихъ: сюда относятся по порядку главъ: Патріаршій Дворъ, Монастырскій Приказъ, Судные Приказы, Приказъ Холопій, Разбойный, Земскій, лецкій

На Патріаршемъ Дворѣ давался судъ на патріаршихъ приказныхъ, на дворовыхъ людей, дѣтей боярскихъ, крестьянъ и на всякихъ чиновъ людей, жившихъ въ патріаршихъ домовыхъ вотчинахъ (XII,1). Этотъ судъ состоялъ изъ свѣтскихъ лицъ, патріаршихъ приказныхъ, и жалобы на несправедливыя рѣшенія ихъ приносились государю, а не патріарху (XII,2).

Въ Монастырскомъ Приказѣ судили во всякихъ искахъ всѣхъ духовныхъ отъ низшаго церковнаго причта до высшихъ властей, кончая митрополитами, если всѣ эти лица являлись отвѣтчиками (XIII,1).

Въ Судныхъ Приказахъ вѣдались, между прочимъ, иски, возникавшіе по вопросу о выкупѣ заложенныхъ вотчинъ (XVII,32), дѣла о подговорѣ со стороны бѣглыхъ крестьянъ другихъ людей ихъ помѣщика къ побѣгу (XX,4), дѣла о татьбѣ и разбоѣ „безъ поличнаго“ и не по „лихованнымъ обыскамъ“, т.е. такія дѣла, которыя вершились по суду, а не по сыску (XXI,49)

Холопьему Приказу были подвѣдомственны бобыли, бѣглые, кабальные, дворовые люди бояръ и всякихъ чиновъ людей, даже бѣдные дворяне и дѣти боярскіе, верстанные и неверстанные для службы окладами; здѣсь же разрѣшались различныя тяжбы, возникавшія изъ холопства (XX,2,6,7,8,14,23 и др.)

Разбойный Приказъ вѣдалъ разбойныя, татиныя и убійственныя дѣла въ предѣлахъ Московскаго уѣзда въ качествѣ первой инстанціи и въ качествѣ второй, если преступленія эти совершались въ городахъ, уѣздахъ и на посадахъ (XXI,1).

Земскому Приказу подлежали также дѣла разбойныя, татиныя и вообще всякія воровскія, но совершаемыя только на Москвѣ (XXI,2)

Стрѣлецкій Приказъ рѣшалъ гражданскія дѣла между стрѣльцами и иски на нихъ, а также судилъ уголовныя дѣла стрѣльцовъ „опричь разбою и татьбы съ поличнымъ" (XXIII,1).

Приказы вообще являлись второю степенью по отношенію къ судамъ областнымъ и первою въ дѣлахъ, неподвѣдомственнымъ этимъ послѣднимъ.

3) Высшимъ судомъ являлась Боярская Дума, состоявшая изъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, которые засѣдали въ Палатѣ (X,2)

Сюда поступали дѣла „которыхъ въ приказѣхъ вершити было не мошно", на докладъ (X,2), а также жалобы на неправильныя рѣшенія въ Приказахъ (X,7). Другія какія бы то ни было челобитья подавать государю, т.е. въ Думу, минуя приказы, строго запрещалось; виновные подвергались наказанію: ихъ велѣно бить батогами, „а кто почестнѣе", прибавляетъ Улож., „того посадити въ тюрьму на недѣлю" (X,20)

Судъ третейскій впервые получилъ законодательную формулировку только въ Уложеніи; предшествующіе законодательные памятники о немъ умалчиваютъ.

Третейскій судъ состоитъ изъ судей въ количествѣ двухъ, избранныхъ сторонами по полюбовному соглашенію.

Третейскій судъ возникаетъ, такимъ образомъ, по договору и актомъ этого договора является запись, въ которой стороны обязуются „третейскаго приговору слушать“; если они этого обязательства не исполняли, то съ нихъ взыскивалась пеня на государя и безчестье въ пользу судей. Дѣла, подлежавшія третейскому суду, были, разумѣется, исковыми.

Единогласный приговоръ „третьихъ“ считался окончательнымъ и обжалованію не подлежалъ; приказамъ было запрещено принимать такія жалобы на томъ основаніи, что челобитчикъ „тѣхъ третьихъ себѣ самъ излюбилъ“. Если же „третьи“ расходились въ своихъ рѣшеніяхъ, то обжалованіе приказомъ принималось, но въ томъ только случаѣ, если въ третейской записи было упомянуто о „государевой пенѣ“; если же о послѣдней не упоминалось дѣло въ приказъ не поступало. Приказъ, принявъ дѣло, вершилъ его, причемъ, съ третейскаго судьи, написавшаго приговоръ „не дѣломъ“, не такъ, какъ слѣдуетъ, взыскивали пеню, по указу государя, и проѣсти и волокиты въ пользу истца имъ обвиненнаго (XV,5).

б) *Обязанности и отвѣтственность судей и другихъ приказныхъ.* Къ числу обязанностей относились присутствіе въ засѣданіяхъ, безволокитное рѣшеніе дѣлъ, добросовѣстность въ отправленіи правосудія.

Судьи обязаны были присутствовать въ приказахъ ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ, праздничныхъ и царскихъ дней, въ которые Улож. предписываетъ „*никого не судити, и въ приказахъ не сидѣть и никакихъ дѣлъ не дѣлати опричь самыхъ нужныхъ государственныхъ дѣлъ*“ (X,25). Впрочемъ, судья могъ отсутствовать, но только по причинамъ уважительнымъ, а таковыми считались болѣзнь и „нужный домашній недосугъ“. За отсутствіе въ засѣданіяхъ по причинамъ неуважительнымъ судья подвергался наказанію по усмотрѣнію государя (X,23 и 24).

Чтобы устранить волокиту, Улож. требуетъ „дѣлать дѣла вскорѣ“. За неисполненіе этого требованія судья

подвергается наказанію по усмотрѣнію государя, дьякъ битью батогами, а подъячій - кнутомъ, кромѣ того съ дьяковъ и подъячихъ взыскиваются проѣсти (X,15 и 16).

Но главною обязанностью судей и приказныхъ вообще было добросовѣстное исполненіе дѣлъ. При рѣшеніи ихъ судьи обязаны были *„ни въ чемъ другу не дружити, и недругу не мстити, дѣлати всякія дѣла Государевы, не стыдяся лица сильнаго и избавляти обидящаго отъ руки неправеднаго“* (X,1). За уклоненіе отъ этой обязанности они подвергались взысканію въ пользу потерпѣвшаго исковой суммы въ тройномъ размѣрѣ и всѣхъ пошлинъ на государя и, кромѣ того, несли наказаніе, смотря по своему общественному положенію. Такъ, у боярина, окольничаго и думнаго человѣка отнималась честь; всѣ остальные приказные подвергались наказанію кнутомъ и отрѣшались отъ должности (X,5).

Еще болѣе строгимъ наказаніямъ подлежали за взяточничество дьяки, подъячіе и приставы. Такъ, напр., дьякъ за приказаніе подъячему неправильно записать судное дѣло подвергался битью кнутомъ и отставкѣ, а подъячему за исполненіе такого приказанія отсѣкали руку (X,12). Подъячій, взявшій дѣло изъ приказа „для какія ни буди хитрости“ (X,13), или не записавшій въ книгу суднаго дѣла съ корыстною цѣлью воспользоваться пошлинами (X,129) подлежалъ наказанію кнутомъ и отставкѣ, а за рецидивъ послѣдняго дѣянія - сверхъ того, ссылкѣ въ украйные города. Приставъ за промедленіе вызова „по посуломъ“ или за пользованіе лишними противъ таксы пошлинами („хоженымъ“ и „ѣздомъ“) наказывается кнутомъ и отставляется отъ должности (X,146). За отпускъ „приводныхъ людей“, которыхъ поручали приставу держать до суда, Улож. налагаетъ на него обязанность отыскать ихъ въ теченіе опредѣленнаго срока и поставить на судъ, въ противномъ случаѣ съ него взыскивали искъ, за несостоятельностью же выдавали истцу головою до искупу (X,271).

Что касается судей областныхъ, воеводъ, губныхъ

старостъ и другихъ приказныхъ, то они за свои злоупотребленія подвергались отвѣтственности на основаніи описанныхъ выше постановленій (X,6). При этомъ надо замѣтить, что жалобы на притѣсненія воеводъ подавались государю и судъ по такимъ жалобамъ давался въ видахъ предупрежденія волокиты *безсрочно*. [illegible] Улож. устранило годовую давность, установленную Судебникомъ для исковъ объ обидныхъ дѣлахъ на намѣстниковъ; однако, оно сдѣлало исключеніе для воеводъ и приказныхъ людей, служившихъ въ Аатрахани, Сибири и на Теркѣ: на нихъ судъ по жалобамъ давался по окончаніи ихъ службы (X,149).

Губные старосты подлежали отвѣтственности не только за свои злоупотребленія, но и за неисполненіе обязанностей подчиненными имъ лицами цѣловальниками и тюремными сторожами. Такъ, за побѣгъ арестанта съ губныхъ старостъ взыскивались всѣ убытки въ пользу истца вдвое противъ цѣловальниковъ и сторожей (XXI, 101). За недостаткомъ же имущества у виновныхъ должностныхъ лицъ Губной Избы для покрытія убытковъ, послѣдніе доплачивались ихъ избирателями (XXI,84,101), это постановленіе очень важно: оно свидѣтельствуетъ, что избиратели ручались при выборѣ за добросовѣстность избраннаго ими должностнаго лица.

в) *Подсудность*. Подъ подсудностью разумѣется принадлежность данныхъ судебныхъ дѣлъ къ числу такихъ, которыя входятъ въ вѣдѣніе того, а не другого изъ однородныхъ судовъ. Основанія такой принадлежности или подсудности можно свести къ 2-мъ категоріямъ: основанія общія и особенныя.

Говоря объ общихъ основаніяхъ подсудности, по Ул., слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ то время всѣ судебныя дѣла раздѣлялись по различію видовъ процесса на судныя и сыскныя. Общимъ основаніемъ подсудности судныхъ дѣлъ тому или иному суду была подвѣдомственность отвѣтчика; отсюда, дѣла, возникавшія между лицами, подвѣдомственными двумъ разнымъ приказамъ, судимы были

въ томъ Приказѣ, въ вѣдомствѣ котораго состоялъ отвѣтчикъ (XII,1 и 3,XIII,1 и 2,XXIII,1 и 2). Общимъ основаніемъ подсудности сыскныхъ дѣлъ было мѣсто совершенія преступленія: дѣянія, совершенныя въ Москвѣ подсудны Земскому Приказу, преступленія, совершенныя въ Московскомъ уѣздѣ - Разбойному; совершенныя во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ государс. территоріи - губнымъ установленіямъ, а тамъ, гдѣ ихъ не было - воеводамъ (XXI - 1,2,3).

Особыми основаніями подсудности, представлявшими изъятія изъ указанныхъ общихъ началъ, являются: родъ дѣлъ, встрѣчный искъ, судебные иммунитеты.

1) Родъ дѣлъ. Нѣкоторыя дѣла разсматривались исключительно въ одномъ какомъ-нибудь судѣ, почему и отвѣтчикъ долженъ былъ отвѣчать въ этомъ послѣднемъ. Такъ, дѣла по обязательствамъ разсматривались въ Судномъ Приказѣ, помѣстныя и вотчинныя - въ Помѣстномъ, о холопствѣ - въ Холопьемъ и т.д.

2) Встрѣчный искъ отвѣтчика на истца въ интересахъ устраненія волокиты разсматривался тѣмъ же судомъ, куда была подана на него челобитная со стороны истца, хотя бы послѣдній былъ подвѣдомственъ иному приказу (XII,3; XIII,2; XXIII,2)

3) Судебные иммунитеты, или преимущества быть изъятыми изъ общей подсудности и подлежать особымъ судамъ, устанавливались до Улож. такъ называемыми несудимыми грамотами. Улож. уничтожило *отчасти* это особое основаніе подсудности, запретивъ давать вновь *въ городахъ* несудимыя грамоты и предписавъ отобрать всѣ существовавшія (X,153)

Б. Судопроизводство.

Виды процесса. Въ Улож. различается два вида процесса: судъ и сыскъ. Судъ представляетъ собою процессъ обвинительный или состязательный: на судѣ происходитъ споръ между тяжущимися, - главными дѣятелями здѣсь являются стороны. Сыскомъ или розыскомъ называется процессъ слѣдственный и, хотя дѣло иногда мо-

жетъ начаться по частному обвиненію, но главными дѣятелями сыска, ex officio преслѣдующими правонарушеніе, являются судьи: *„а то губнымъ старостамъ приказывати накрѣпко"*, говоритъ Улож. *„чтобы они про татей и про розбойниковъ сыскивали и того смотрѣли, чтобы татей и розбойниковъ розбойничьихъ становъ и пріѣздовъ не было"* (XXI,5).

Различіе между судомъ и сыскомъ заключается въ томъ, что первый, завися отъ воли сторонъ, главнымъ образомъ отъ воли истца, могъ быть прекращенъ въ любой моментъ примиреніемъ (X,121), второй, состоя изъ дѣйствій, независящихъ отъ воли челобитчика, а напередъ установленныхъ закономъ, не допускалъ примиренія: Улож. строго преслѣдуетъ мировыя сдѣлки съ разбойниками; виновные подвергались взысканію пени (XXI,31). Другой отличительной чертой суда и сыска было отсутствіе на судѣ пытки, какъ особаго средства къ раскрытію истины, и обязательное примѣненіе ея при сыскѣ.

Сыскомъ вѣдались государ. преступленія (гл. I-VI), тѣ изъ уголовныхъ дѣлъ, которыя совершались „вѣдомыми лихими людьми" (гл. XXI и XXII) и нѣкоторыя гражданскія, каковы: дѣла о лживыхъ обыскахъ (X,163), дѣла помѣстныя и вотчинныя (гл. XVI и XVII), дѣла объ отысканіи свободы изъ холопства на основаніи духовной господина (XX,14) и объ отреченіи холоповъ отъ родителей и родственниковъ (XX,25). Всѣ остальныя дѣла судились судомъ.

Разсмотримъ оба эти вида процесса отдѣльно.

а. Судъ.

а) О тяжущихся. Такъ какъ на судѣ главными дѣятелями являются стороны тяжущіяся, то о нихъ прежде всего и будетъ рѣчь.

Тяжущіеся носили названіе истца и отвѣтчика. Искать на судѣ, по общему правилу, могли всѣ, за исключеніемъ лицъ, вчинавшихъ три раза поклепные иски (X,188), принявшихъ ложную присягу (XI,27; XIV,9) и дѣтей противъ родителей (XXII,6). Кромѣ перечисленныхъ лицъ, без-

условно лишенныхъ права иска, Уложеніе запрещаетъ искать *лично* малолѣтнимъ: за нихъ ищутъ представители.

Права тяжущихся состояли: 1) въ правѣ выставлять за себя на судъ представителей, 2) въ правѣ отвода судей и свидѣтелей; 3) въ правѣ предъявлять доказательства.

1) Судебное представительство могло быть необходимымъ и свободнымъ. Къ числу необходимыхъ представителей относятся опекуны по всѣмъ тяжбамъ малолѣтнихъ и помѣщики или вотчинники, отвѣчавшіе за своихъ крестьянъ и холоповъ по всѣмъ дѣламъ „кромѣ татьбы, и разбою, и поличнаго, и смертныхъ убійствъ" (XIII,7). Свободными представителями, или повѣренными, выбранными по волѣ тяжущагося, могли быть дѣти, братья, племянники, друзья (X,149), люди и крестьяне (X,185). Всѣ указанныя лица являлись самыми обыкновенными представителями тяжущихся; лица, совершенно постороннія последнимъ, едва-ли выступали на судъ въ качествѣ повѣренныхъ, что можно съ полною вѣроятностью заключить изъ того постановленія, по которому давалась отсрочка суда, если истецъ или отвѣтчикъ за болѣзнью билъ челомъ объ отсрочкѣ, ссылаясь при этомъ на то, „что онъ человѣкъ *безсемейный* и *безлюдный* и прислать за себя на судъ никого не можетъ (X,108,109).

2) Право отвода судей состоитъ въ томъ, что тяжущіеся до начала суда могли просить о дозволеніи имъ искать или отвѣчать не передъ тѣмъ судьей, который являлся компетентнымъ въ ихъ дѣлѣ, а передъ другимъ. Основаніями отвода Улож. выставляетъ вражду („недружбу") съ челобитчикомъ, родство, свойство и дружбу съ его противникомъ (X,3 и 4). На тѣхъ же основаніяхъ допускался отводъ свидѣтелей (X,161,181).

3) Право предъявлять доказательства состояло въ равномъ для обѣихъ сторонъ правѣ пользоваться всѣми дозволенными закономъ средствами для доказательства справедливости своего требованія, всѣ такія доказа-

тельства должны были предъявляться сторонами при судоговореніи, по окончаніи послѣдняго, когда наступалъ второй моментъ процесса - вершеніе дѣла - никакія новыя доказательства „для пополненія суднаго дѣла“ судьи принимать не могли (X,21)

Къ обязанностямъ сторонъ и ихъ представителей относилось соблюденіе порядка и приличнаго поведенія на судѣ „Истцу и отвѣтчику“, говоритъ Улож., „искать и отвѣчать вѣжливо и смирно и нешумно и передъ судьями никакихъ невѣжливыхъ словъ не говорить и межъ себя не браниться“ Лица,виновныя въ нарушеніи этого требованія, подвергались наказаніямъ. Такъ, за брань и безчестье въ пользу обиженнаго и, сверхъ того, заключался въ тюрьму на недѣлю за безчестье судей, за ударъ рукою - платилъ безчестье вдвое; за причиненіе ранъ - подлежалъ битью кнутомъ, если рана была смертельной - подвергался смертной казни и т п

Послѣ этихъ замѣчаній о тяжущихся обратимся къ изложенію самаго процесса

Судъ, или процессъ состязательный, состоялъ изъ 2 отдѣльныхъ моментовъ изъ суда въ тѣсномъ смыслѣ, или судоговоренія и изъ вершенія, или постановленія приговора

б) Начало процесса - вызовъ отвѣтчика Судъ въ тѣсномъ смыслѣ начинался подачей истцомъ приставной памяти Приставной памятью называлось письменное заявленіе о вчиненіи иска,въ ней истецъ обязанъ былъ указать предметъ и цѣну иска (X,100),имя отвѣтчика и его мѣсто жительства Приставная подписывалась истцомъ и скрѣплялась рукоприкладствомъ дьяка, который записывалъ ее затѣмъ въ книгу и передавалъ приставу для вызова отвѣтчика (X,137), откуда и названіе приставной памяти

Приставъ обязанъ былъ явиться къ отвѣтчику, прочитать вызовъ и назначить срокъ явки къ суду,при этомъ, особой срочной грамоты, какъ было въ эпоху Судебни-

ка, Улож. не требуетъ съ отвѣтчика; явка на судъ гарантируется одною поручной записью (X,137), которая бралась съ отвѣтчика за подписью поручителей; поручительство это технически называлось „порукою къ суду" (X,155), или - „въ статьѣ на судъ" (X,205). Въ поручной записи должно было непремѣнно указывать число, когда она написана, такъ какъ съ этого числа начиналось исчисленіе срока, въ который отвѣтчикъ обязанъ былъ стать на судъ.

Итакъ, вызовъ считался состоявшимся, если отвѣтчикъ давалъ по себѣ поручную запись. Приставъ, исполнивъ возложенное на него порученіе, доносилъ объ этомъ въ такъ называемой „сказкѣ" приказу, гдѣ она и записывалась (X,110)

Но могло быть что отвѣтчикъ уклонялся отъ вызова на судъ, не давалъ по себѣ поручной На такой случай Улож устанавливаетъ цѣлый рядъ принудительныхъ мѣръ. Приставъ долженъ былъ, взявъ съ собою товарищей, стеречь отвѣтчика у двора до трехъ дней; при выходѣ отвѣтчика или кого-либо изъ его людей со двора, ихъ брали и представляли судьямъ, которые и отдавали на поруки къ суду (X,138) Если отвѣтчикъ отбивался отъ пристава, на послѣдняго возлагалась обязанность заявить объ этомъ окольнымъ людямъ и донести судьямъ. Судьи производили повальный обыскъ (т.е., допросъ) окольнымъ людямъ и, если показаніе пристава на обыскѣ подтверждалось, посылали къ отвѣтчику подъячаго, который вмѣстѣ съ приставомъ и понятыми являлся на дворъ отвѣтчика, вычитывалъ приставную память, дѣлалъ ему выговоръ за его дѣйствія и давалъ на поруки къ суду; если же отвѣтчикъ, отбившись отъ пристава, съѣзжалъ съ Москвы, то съ его двора брали людей на поруки и приказывали имъ поставить господина въ опредѣленный срокъ на судъ (X,139) Вызовы уклонившагося отъ дачи по себѣ поручной отвѣтчика производились до трехъ разъ; если и въ третій вызовъ „такой непослушникъ у пристава ухоронится и учинится приставу си-

ленъ, а послѣ того сыщется", Уложенiе предписываетъ доправить на немъ искъ и убытки *безъ суда*, а за уклоненiе отъ принятiя вызова бить батогами и посадить въ тюрьму на мѣсяцъ (X,140 и 141).

Описанный выше порядокъ вызова по приставной памяти примѣнялся на Москвѣ и въ ея окрестностяхъ; вызовъ же изъ городовъ производился по такъ называемымъ зазывнымъ грамотамъ (X,142). Зазывная предъявлялась воеводѣ, на которомъ и лежала обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы отвѣтчикъ далъ по себѣ поручную запись. Если отвѣтчикъ уклонялся отъ дачи по себѣ поруки къ суду, воеводы должны были отписывать государю и изъ приказа посылалась новая грамота, уполномочивавшая воеводу при помощи военной силы, т.е. стрѣльцовъ, пушкарей и т.п., насильно привести его въ городъ и оттуда прислать за поруками въ Москву. Такъ дѣлалось до 3-хъ разъ и послѣдствiя уклоненiя отъ дачи поручной такiя же, какiя и по приставной (X,119,120).

в) Срокъ явки на судъ и отсрочки. Если отвѣтчикъ давалъ по себѣ поручную запись въ статьѣ на судъ, то срокъ явки былъ по приставной памяти недѣльный со дня выдачи поручной (X,111), а по зазывной грамотѣ – мѣсячный (X,117). Но въ виду особыхъ причинъ допускались отсрочки явки. Эти причины можно раздѣлить на два вида: однѣ изъ нихъ вели къ продолжительной отсрочкѣ, другiя къ кратковременной. Къ числу первыхъ относятся: болѣзнь, государева служба, таможенные и кабацкiе откупы. 1) По болѣзни отсрочка давалась до выздоровленiя, если при этомъ отвѣтчикъ или истецъ не могли прислать за себя на судъ кого либо изъ родственниковъ или людей, въ качествѣ повѣреннаго. Въ дѣйствительности болѣзни и отсутствiя представителей судъ удостовѣрялся чрезъ освидѣтельствованiе челобитчика, для чего посылали изъ приказа подъячаго. О неявки къ суду по болѣзни должна быть послана челобитная или самимъ больнымъ, или же вмѣсто него кѣмъ-либо другимъ (X,108,109). 2) Государева служба

всѣхъ видовъ, за исключеніемъ воеводской въ городахъ, вела къ отсрочкѣ явки и освобожденію отъ присылки повѣреннаго. Отсрочка эта давалась обыкновенно правительствомъ, которое „указывало срокъ" явки и такой указанный срокъ технически назывался „отсрочнымъ". Воеводы по городамъ обыкновенно должны были высылать за себя къ отвѣту повѣренныхъ, единственное исключеніе установлено для воеводъ Астрахани, Сибири и Терка (X,149). 3) Таможенные и кабацкіе откупы только тогда служили условіемъ для отсрочки явки на судъ, если въ откупныхъ государевыхъ грамотахъ, выдававшихся откупщикамъ, „написано будетъ, что въ городѣхъ до тѣхъ мѣстъ, пока за ними откупы будутъ суда на нихъ не давати" (XVIII,22). Откупщики, имѣвшіе такія грамоты и взявшіе откупъ на два или на три года, по закону, могли отвѣчать по вчиненнымъ на нихъ искамъ черезъ годъ, т. е. если исковыя челобитныя подавались на нихъ въ первый годъ откупа, отвѣтъ слѣдовалъ во второй; если - во второй, отвѣчали въ третій и т. д.

Ко второй категоріи причинъ, которыя вели къ кратковременной отсрочкѣ относились неумѣнье отвѣчать на судѣ и незнакомство съ сущностью дѣла, по которому надлежало отвѣчать. 1) Неумѣнье отвѣчать, какъ уважительная причина неявки, существовала только для женщинъ и недорослей. Такія лица выставляли за себя представителей. И вотъ, если у нихъ не было родныхъ въ Москвѣ, они могли испрашивать себѣ отсрочку суда, чтобы пріискать родственниковъ, которые бы за нихъ отвѣчали (X,185). 2) Незнакомство съ сущностью дѣла для отвѣтчика могло произойти въ одномъ случаѣ, именно, когда за отсутствіемъ господина, который являлся необходимымъ представителемъ своихъ людей на судѣ, послѣдніе „учиняли какую нибудь ссору". Въ этомъ случаѣ господинъ могъ просить объ отсрочкѣ суда, „покамѣсть онъ про то дѣло провѣдаетъ", и ему давали обыкновенно поверстный срокъ (X,228).

Кромѣ перечисленныхъ причинъ, явка въ судъ могла быть отсрочена по полюбовному соглашенію самихъ тяжущихся. Срокъ явки опредѣлялся въ такъ называемой *полюбовной отсрочной челобитной*, которую тяжущіеся должны были, скрѣпя своими подписями, представить въ приказъ (X,108).

г) Послѣдствія неявки. Отвѣтчикъ, неявившійся безъ уважительныхъ причинъ послѣ недѣльнаго срока по приставной съ поручной записью, немедленно обвинялся. (X,111). Но если поручная запись дана была по приставной на отсрочный срокъ, то отвѣтчикъ неявкою не обвинялся, а по немъ посылалась зазывная грамота; если, давъ вторую поруку по зазывной, отвѣтчикъ не являлся, посылалась другая зазывная, и только послѣ неявки по третьей поручной отвѣтчикъ обвинялся безъ суда (X,114 и 115). Тоже самое правило дѣйствовало при вызовѣ по зазывнымъ грамотамъ. Отвѣтчикъ обвинялся только послѣ третьяго вызова (X,117). Этимъ, главнымъ образомъ, и отличался вызовъ по зазывной отъ вызова по приставной.

Неявка въ указный срокъ истца вела къ безусловной потерѣ права иска по данному дѣлу (X,110), за исключеніемъ дѣлъ крѣпостныхъ (X,109). Впрочемъ, искъ не терялся, если истецъ, не имѣя повѣреннаго, не могъ явиться лично въ срокъ по болѣзни (X,109).

д) Явка на судъ, ставочная и исковая челобитныя. Каждая изъ сторонъ, явясь въ срокъ или до срока на судъ, записывала въ приказѣ такъ называемое ставочное челобитье, которымъ удостовѣряла судъ въ своей явкѣ (X,108,110,111). Истецъ, кромѣ того, явясь на судъ, подавалъ исковое челобитье. Это исковое челобитье должно быть подано истцомъ при вызовѣ отвѣтчика по приставной въ теченіе недѣли со дня подачи приставной (X,110), а при вызовѣ по зазывной не далѣе недѣли

Тип.-лит. Кушнеревича и К. Тверская Складъ у Карбасникова
На рус пр по лекц Пр-доц Юскова

послѣ указнаго срока (X,108). Челобитная облекалась въ письменную форму, но была ли необходима при этомъ подпись челобитчика, изъ памятника не видно. Правда, ст. 21 гл. X говоритъ о „подписныхъ“ и „неподписныхъ“ челобитныхъ, однако это не значитъ, что первыя были подписаны истцомъ, а вторыя подавались безъ его подписи. Подписными челобитными назывались такія, которыя были *засвидѣтельствованы въ приказѣ истца*, если послѣдній вчиналъ искъ противъ отвѣтчика, подвѣдомственнаго другому приказу. Такое засвидѣтельствованіе было обязательнымъ; если истецъ являлся въ приказъ отвѣтчика безъ *подписной* челобитной, „давать [illegible]“ запрещалось (XXIII,3).

Въ исковой челобитной должна быть, по общему правилу, обозначена цѣна иска; отвѣтчикъ могъ отказаться отъ отвѣта на челобитную, если въ ней не была обозначена цѣна иска, челобитная, при такомъ отказѣ, возвращалась истцу для переписки и обозначенія цѣны (X,102). Впрочемъ, могли быть иски и безъ обозначенія ихъ цѣны. Сюда относятся дѣла о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ (XI,25,26), дѣла о помѣстьяхъ и вотчинахъ цѣна которымъ была опредѣлена закономъ (XXIV,2). Цѣна, обозначенная въ исковой челобитной, должна вполнѣ совпадать съ цѣной, указанной въ приставной памяти. Если это условіе не было соблюдено, истецъ, по челобитью отвѣтчика, терялъ свой искъ (X,104).

Къ челобитнымъ по искамъ, возникавшимъ изъ договоровъ (займа, поклажи, ссуды), истцамъ предписывалось прилагать документы (крѣпости), безъ которыхъ по такимъ челобитнымъ судъ давать запрещалось (X,189).

е) Судоговореніе и доказательства. Судоговореніе открывалось чтеніемъ челобитной отвѣтчику, который долженъ былъ дать на нее *отвѣтъ*. Если онъ не отвѣчалъ, „а въ челобитной искъ написанъ съ цѣною“, то онъ обвинялся безъ суда (X,101).

Самую главную, существенную часть судоговоренія составляютъ доказательства, Уложенію извѣстны слѣдующіе ихъ виды: признаніе, показаніе свидѣтелей (послушество), обыскъ, присяга, жребій, письменныя доказательства.

1. *Признаніе* имѣло рѣшающее значеніе, такъ, если отвѣтчикъ „винился", т. е. признавался въ извѣстной части иска, то судьи обязаны были основывать свое рѣшеніе единственно на этомъ признаніи, въ остальной части иска они должны были „чинити указъ по суду" (X,136). Иначе говоря, дѣйствіе признанія ограничивалось той стороною дѣла, къ которой оно прямо относилось. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано по отношенію къ такимъ отвѣтчикамъ, которые запираясь сначала во всемъ искѣ, винились затѣмъ предъ крестнымъ цѣлованіемъ только въ части: Улож. предписываетъ винить ихъ въ цѣломъ искѣ (XI,29).

2. *Показаніе свидѣтелей.* Свидѣтелемъ могъ быть всякій безъ различія пола и званія, за исключеніемъ: а) жены одного изъ тяжущихся по ссылкѣ противной стороны (X,177), в) холоповъ противъ господъ, такъ какъ даже отпущенные на волю не могли быть свидѣтелями противъ бывшаго господина и его дѣтей (X,174), с) принявшихъ ложную присягу (XI ст. 27). Право отвода свидѣтелей принадлежало тяжущимся въ широкихъ размѣрахъ: такъ, можно было отводить свидѣтелей по родству (X,161), или за стачку съ противной стороной (X,179), или по „недружбѣ" съ отводящей (X,181). Впрочемъ, право отвода было ограничено въ слѣдующихъ случаяхъ: а) при ссылкѣ на родителей противной стороны (X,176), в) при поименной ссылкѣ на 10 человѣкъ изъ служилыхъ людей, гостей и дворовыхъ людей въ искахъ цѣною до 50 рублей (X,158); с) при поименной ссылкѣ на 10 человѣкъ гостинной, суконной и черныхъ сотенъ и слободъ посадскихъ людей и крестьянъ въ искахъ цѣною до 20 руб. (X,159). Всѣ указанныя лица отводу не подлежали.

Свидѣтель долженъ былъ лично знать о томъ фактѣ, относительно котораго онъ давалъ показанія; если свидѣтель по допросу говорилъ, что онъ *„про то дѣло слышалъ отъ людей, а самъ того дѣла не вѣдаетъ“*, то показанія такого свидѣтеля судомъ не принимались (*„и та ссылка не въ ссылку“* X, 172). Свидѣтели давали свои показанія подъ присягой (X, 173).

Говоря о свидѣтельскихъ показаніяхъ необходимо упомянуть о *„ссылкѣ изъ виноватыхъ“* и объ *„общей ссылкѣ“*, являющихся особыми ихъ видами. Подъ *ссылкою изъ виноватыхъ* разумѣется ссылка стороны на одного или нѣсколькихъ свидѣтелей подъ условіемъ подчиниться обвиненію, если свидѣтель покажетъ противъ нея. Если тяжущійся ссылался изъ виноватыхъ на такихъ свидѣтелей, отводить которыхъ не дозволялось, то показанія ихъ должны быть единогласны; при показаніи хотя бы только одного изъ нихъ противъ тяжущагося – послѣдній обвиняется на томъ основаніи, *„что онъ на тѣхъ людей самъ слался изъ воли“* (X, 160). Что касается *общей ссылки* или *общей правды*, то подъ нею разумѣлось показаніе одного или нѣсколькихъ свидѣтелей, на которыхъ ссылались обѣ стороны. Показаніе общей ссылки имѣло рѣшающее значеніе и никакихъ другихъ свидѣтелей при общей правдѣ не допускалось (X, 168). Въ случаѣ, если при общей ссылкѣ на нѣсколько свидѣтелей, послѣдніе розни-ли между собой въ показаніяхъ, слѣдовало рѣшать дѣло по показанію большинства (X, 169).

На ложное показаніе общей ссылки можно было жаловаться; и если жалоба оказывалась справедливой, общая ссылка подвергалась нещадному битью кнутомъ и на ней доправлялись убытки въ пользу челобитчика (X, 170).

3. *Повальный обыскъ.* Подъ повальнымъ обыскомъ разумѣется допросъ мѣстныхъ жителей на которыхъ ссылаются тяжущіеся *„безымянно“*. Въ обыскѣ могутъ участвовать всѣ чины и разряды жителей, въ томъ числѣ инородцы и иностранцы, исключеніе составляютъ архіереи,

бояре, окольничіе и думные люди, неучаствующіе въ допросѣ. Обыскъ производили особые сыщики, которые и расправшивали лицъ свѣтскаго состоянія по крестному цѣлованію, лицъ чернаго духовенства по иноческому обѣщанію, лицъ бѣлаго духовенства по священству, инородцевъ и иностранцевъ подъ присягой по вѣрѣ каждаго. Всѣ обыскные люди обязаны были говорить правду; если же они давали ложныя показанія и про это сыскивалось, то солгавшіе подвергались пенѣ въ пользу государя отъ 1 - 50 р., смотря по общественному положенію виновнаго во лжи; кромѣ того духовные отсылались къ своимъ властямъ для смиренія; а изъ крестьянъ десятый подвергался наказанію кнутомъ (X,161,162).

Каждый изъ обыскныхъ людей допрашивался отдѣльно, причемъ, въ присутствіи сыщика, а не заочно, собственноручно писалъ свои „рѣчи" и скрѣплялъ ихъ своею подписью; рѣчи обыскныхъ русскихъ людей подписывались, сверхъ того, ихъ духовниками (X,161).

Отводъ повальнаго обыска, равно какъ тѣхъ или другихъ обыскныхъ людей не допускался (X,161). Впрочемъ, если одинъ изъ тяжущихся сослался на обыскъ въ дальнихъ городахъ, въ Сибири или Астрахани, а другой билъ на него челомъ, „что въ такіе дальніе городы шлется для волокиты", то обыскъ не производился.

Повальный обыскъ, по Улож., назначается по такимъ дѣламъ, „въ которыхъ у истца съ отвѣтчикомъ не будетъ ближнихъ общихъ ссылокъ" (X,167).

Рѣшеніе спорнаго дѣла основывалось на обыскѣ. При разногласіи обыскныхъ людей принималось во вниманіе мнѣніе большинства (X,161). При этомъ, обвиняемому предоставлялось прово заявить о томъ, что мнѣніе большинства ложно и тогда производился сыскъ о справедливости заявленія обвиняемаго; именно, изъ обоихъ половинъ обыскныхъ людей, безъ различія званія, выбирается по два изъ 100 человѣкъ, а изъ меньшаго количества - по одному; этимъ выбраннымъ дается очная став-

ка и та половина обыскныхъ людей, которая уличалась на очной ставкѣ во лжи, подвергалась указаннымъ выше наказаніямъ за лживые обыски (X,162).

4. *Присяга.* Присяга имѣла рѣшающее значеніе: дѣло немедленно рѣшалось въ пользу присягнувшаго. Къ присягѣ приводились не только тяжущіеся, но также обыскные люди и свидѣтели (X,173). Присягать могли всѣ лица безъ различія пола и религіи, т.е. женщины (X,173) и иноземцы (XIV,3). Исключеніе установлено для лицъ: а) принявшихъ ложную присягу (XIV,9, XI,27), в) присягавшихъ три раза въ своей жизни (XIV,2), с) недостигшихъ совершеннолѣтія (отъ 15 до 20 лѣтъ); къ присягѣ приводились по общему правилу лишь тѣ, которые достигли 20 лѣтъ; но этого правила держались строго только по отношенію къ тѣмъ, которые принимали присягу за другихъ, а также къ тѣмъ, которые могли вмѣсто себя послать кого-нибудь къ присягѣ (XIV,1); если же недостигшіе 20 лѣтняго возраста не имѣли никого, кто могъ бы за нихъ присягнуть, указанное правило не соблюдалось и дозволялось *„тѣмъ по неволѣ крестъ цѣловать и ко кресту приводити самимъ, хотя кто и меньше 20 лѣтъ“*; но такое дозволеніе было допущено для лицъ не моложе 15 лѣтъ; лица, недостигшія этого возраста, ни въ какомъ случаѣ къ присягѣ не приводились (XIV,5); присягать могли какъ сами тяжущіеся, такъ вмѣсто нихъ другія лица; а именно: люди (XIV,1), родственники, повѣренные (XIV,5). Присяга принимается, по общему правилу, отвѣтчикомъ, но отъ усмотрѣнія послѣдняго зависѣло присягнуть самому или отказаться отъ присяги, предоставивъ ее истцу (XIV,8), въ исковыхъ же дѣлахъ съ иностранцами вопросъ о томъ, кому присягать: истцу или отвѣтчику, рѣшался жребіемъ (XIV,4). Присяга допускалась только въ искахъ цѣною болѣе рубля (XIV,10). Выражалась присяга въ крестоцѣлованіи или въ образномъ хожденіи (XVII,52). Послѣднее примѣнялось въ поземельныхъ (межевыхъ) спорахъ при отсутствіи писцовыхъ, дозорныхъ и др. книгъ и состояло въ обходѣ по

границѣ спорнаго участка съ иконою (X,226). Присяга происходила публично въ извѣстные часы дня, опредѣленные различно для разныхъ мѣсяцевъ. Присяга принималась три дня подрядъ; при совершеніи обряда присутствовали дворянинъ, подъячій *„для береженья“* и цѣловальники изъ сотенъ. Каждый присягаетъ по своей вѣрѣ (XVI,6).

5. *Жребій* – доказательство, замѣняющее присягу и примѣняющееся: а) въ искахъ менѣе рубля (XIV,10), в) въ спорныхъ дѣлахъ съ духовенствомъ, которое къ присягѣ не приводилось (XIII,4) и с) въ дѣлахъ о холопахъ и крестьянахъ, вступившихъ въ бракъ во время бѣгства (XX,115).

6. *Письменныя доказательства.* Документы были необходимыми доказательствами по искамъ изъ договоровъ (X,189); исключеніе было сдѣлано для ратныхъ людей на время службы: отъ нихъ не требовались документы при искахъ ихъ о поклажѣ на тѣхъ, *„у кого они стоятъ........и всякую свою рухлядь и запасы оставливаютъ“* (X,190).

Документы являлись важнымъ, но нерѣшающимъ доказательствомъ. ихъ можно было опровергать другими документами (X,254) и объявлять подложными, или, употребляя техническое выраженіе того времени, „лживить“. При этомъ, если отвѣтчикъ лживилъ крѣпость „не дѣломъ“, то платилъ по ней долгъ въ двойномъ размѣрѣ (X,259).

Что касается до взаимнаго отношенія документовъ, то, по общему правилу, преимущество отдается старѣйшему изъ однородныхъ, исключеніе представляетъ тотъ случай, когда старшій документъ не записанъ въ книгахъ приказа, а позднѣйшій внесенъ въ эти книги: преимущество тогда отдается не старѣйшему, а записанному (XVII,34).

Сила нѣкоторыхъ документовъ терялась съ истеченіемъ давностнаго срока. Такъ, напр., заемныя кабалы, которымъ протекло 15 лѣтъ, считались ничтожными и суда по нимъ не давалось (X,256).

ж) Вершеніе дѣла По окончаніи суда, т.е. по выслушаніи судьями доказательствъ и возраженій тяжущихся, наступала вторая стадія процесса - вершеніе дѣла, или постановка *приговора*.

Судебное рѣшеніе постановлялось въ отсутствіи тяжущихся причемъ, судьи должны были руководствоваться при вершеніи дѣла только тѣмъ, „что было въ судѣ написано" (X,21): ни прибавлять, ни убавлять чего-нибудь изъ того, „что въ судѣ истецъ и отвѣтчикъ говорили", судьи не могли (X,22).

з) Ставочныя поручныя записи съ суда. Не смотря на то, что присутствіе сторонъ при вершеніи не допускалось, законъ однако не дозволяетъ имъ до окончанія дѣла уѣзжать изъ Москвы и съ этою цѣлью требуетъ отъ нихъ такъ называемыхъ *„ставочныхъ поручныхъ записей съ суда"*, т.е. записей за рукоприкладствомъ поручителей въ томъ, что до вершенія суднаго дѣла они съ Москвы не съѣдутъ. Эти записи отбирались съ поручителей приставомъ, который обязанъ былъ представить ихъ въ приказъ для помѣты дьяку не позже трехъ дней по окончаніи суда. Подъячій, неполучившій отъ пристава въ теченіе трехъ дней поручной съ суда, долженъ былъ заявить объ этомъ дьяку. Если приставъ допускалъ отъѣздъ тяжущихся тѣмъ, что во время не бралъ съ нихъ „поручныхъ съ суда", а подъячій не доносилъ о такихъ дѣйствіяхъ пристава, то съ обоихъ взыскивались всѣ судебныя пошлины, а за уѣхавшими посылали приставовъ съ зазывными грамотами и, по пріѣздѣ, доправляли на нихъ взятыя съ пристава и подъячаго пошлины и возвращали послѣднимъ (X,123).

Если стороны, давъ по себѣ поручныя ставочныя записи, съѣзжали до вершенія дѣла, то этимъ съѣздомъ и обвинялися. Если съѣзжалъ истецъ, онъ лишался своего иска и съ его поручителей доправлялись всѣ судебныя пошлины; если же съѣзжалъ отвѣтчикъ, то съ поручителей кромѣ пошлинъ доправлялся и самый искъ. Поручители, произведя уплату, получали право иска на тѣхъ,

за кого ручались (X,155). Впрочемъ, если съѣздъ былъ кратковременный, именно, не далѣе трехъ дней при добровольномъ возвращеніи, то онъ въ вину не ставился (X,112). Точно также съѣздъ не ставился въ вину, если тяжущіеся получали отсрочку „для государевой службы“: дѣло вершилось безъ нихъ и приговоръ объявлялся имъ послѣ „на отсрочный срокъ“ (X,113).

и) Докладъ. При вершеніи, въ сомнительныхъ случаяхъ, когда „вершити дѣло судьѣ было не мошно“, послѣдній обязанъ былъ обращаться за помощью къ высшему суду. Такое обращеніе называлось *докладомъ*. Областные судьи — воеводы — вносили дѣла на докладъ въ соотвѣтствующій приказъ, присылая сюда все судное дѣло и поручныя записи съ суда. За непредставленіе послѣднихъ съ воеводы, засудившаго дѣло, взыскивался искъ и судебныя пошлины (X,130,131). Изъ приказовъ дѣло вносилось на докладъ въ Боярскую Думу (X,2).

к) Приговоръ и его исполненіе. Состоявшееся рѣшеніе судьи объявляли тяжущимся, или, говоря языкомъ того времени, *„сказывали приговоръ истцу и отвѣтчику“* (X,113). По челобитью оправданной стороны, ей выдавалась *правая грамота*, въ которой писалось *„все судное дѣло подлинно“* (XVIII,58). Въ Судебникахъ на ряду съ правыми встрѣчаются еще *безсудныя грамоты*, выдававшіяся оправданной сторонѣ *безъ суда;* въ Уложеніи о такихъ грамотахъ не упоминается.

Исполненіе приговора состояло въ томъ, что сумму иска принудительно доправляли на отвѣтчикѣ, если, проигравъ дѣло, онъ не производилъ уплаты присужденной въ пользу истца суммы добровольно. Мѣрами принудительнаго взысканія иска служили правежъ, удовлетвореніе изъ имущества, выдача головою до искупа.

1) Правежомъ называлась публичная экзекуція, состоявшая въ томъ, что неисправнаго должника били по

босымъ ногамъ прутьями. Экзекуція эта производилась ежедневно предъ Приказной Избой въ теченіе всего присутственнаго времени.

Правежу, по Улож., подлежали всѣ, отказывавшіеся платить по иску, исключая архіереевъ (X,84), бояръ, окольничихъ, думныхъ людей и думныхъ дьяковъ (X,90). Отвѣтчики изъ служилыхъ людей сами ставились на правежъ или ставили за себя своихъ людей (X,261).

По объявленіи со стороны отвѣтчика о невозможности произвести уплату, для законности правежа истцу выдавалась „правежная выпись", а съ отвѣтчика брали поручную запись въ статьѣ къ правежу (X,151).

Срокъ правежа по Улож. опредѣленъ въ одинъ мѣсяцъ за каждые 100 рублей долга; *„а которые обвинены больше, или меньше ста рублевъ и тѣмъ стоять противъ того же по росчету".* Послѣ мѣсяца должнику было предоставлено право просить о переводѣ, т. е. объ отсрочкѣ платежа, которая давалась только на одинъ мѣсяцъ (X,261).

2) Удовлетвореніе изъ имущества. После правежа взысканіе падало на имущество. Если лица, которыя стояли на правежѣ, имѣли животы, дворы и пустыя вотчины, то истцу предоставлялось взять въ удовлетвореніе иска имущество, соразмѣрно цѣнности долга. При отказѣ истца, имущество продавалось, и изъ вырученныхъ суммъ истецъ и удовлетворялся, причемъ, излишекъ возвращался должнику; если же выручки не доставало, возобновлялся правежъ остальной суммы долга (X,262,263).

3) Выдача головою до искупа. При невозможности удовлетворить истца изъ имущества за полнымъ отсутствіемъ послѣдняго, взысканіе снова падало на лицо отвѣтчика: его выдавали головою до искупа, если онъ принадлежалъ къ тяглымъ или служилымъ людямъ меньшихъ чиновъ, т. е. казакамъ, пушкарямъ, затинщикамъ и др.

(X,266). Служилые люди прочихъ всякихъ чиновъ,„*опричь тѣхъ дѣтей боярскихъ, которые ходятъ въ присылкахъ*“ были изъяты отъ выдачи головою, хотя бы не имѣли никакихъ средствъ удовлетворить истца, съ нихъ и послѣ указнаго мѣсяца правили долгъ „безо всякія пощады“ (X,264). Точно также не выдавались головою и стрѣльцы, такъ какъ у нихъ вычитали изъ денежнаго жалованья по 4 руб. въ годъ на уплату долга, оставляя ихъ на одномъ хлѣбномъ жалованьѣ (X,265).

Выдача головою до искупа состояла въ томъ, что несостоятельнаго должника отдавали истцу для заработка долга, причемъ, съ истца брали поручную запись въ томъ, что ему выданнаго отвѣтчика не убить и не изувѣчить, за убійство полагалось наказаніе по указу государя (X,266,268). Выдача головою, такимъ образомъ, была рабствомъ, хотя и срочнымъ.

Время заработка долга опредѣлялась его величиною, раздѣленною на годовую указную оцѣнку работы, оцѣнивалась же работа въ годъ для мужчинъ въ 5 руб., для женщинъ въ 2 р. 50 коп. (X,266).

д) Обжалованіе приговора. Постановленій относительно обжалованія въ Улож. встрѣчается очень мало. Жалоба на неправильное рѣшеніе въ приказѣ подается въ Боярскую Думу, причемъ, всегда должна соединяться съ обвиненіемъ судьи въ несправедливости изъ цѣлей корыстныхъ. Тяжебное дѣло вносится тогда въ Думу къ слушанію боярами, которые и „*чинятъ въ томъ дѣлѣ указъ, смотря по дѣлу*“ (X,7). По поводу обвиненія судьи въ лицепріятіи начинался сыскъ. На сыскѣ могло обнаружиться: 1) что обвиненіе справедливо, 2) что „*челобитчикъ дѣло на судью затѣялъ напрасно*“, 3) что рѣшеніе дѣйствительно неправильно, но судья „*прося́дился безъ хитрости*“.

Въ первомъ случаѣ судья подвергался наказанію по указу (см. §12, б).

Во второмъ - челобитчикъ, обвиненный „по дѣлу, а не по посуломъ“, за ложное челобитье на судью подлежалъ

нещадному битью кнутомъ, заключенію въ тюрьму до государева указа и уплатѣ въ пользу судьи безчестья втрое (X,9)

Въ третьемъ случаѣ судья платилъ только пеню по указу государя, самое же дѣло перевершалось въ Думѣ, а если его *„всѣмъ боярамъ за чѣмъ вершити было не можно“*, тяжущимся давался „судъ съ головы“, т. е. дѣло считалось какъ-бы незасуженнымъ и снова начиналось судоговореніе (X,10).

б. Сыскъ.

а) Поводы къ начатію сыска. Поводами къ начатію сыска служили „лихованный обыскъ“, „язычная молвка“ и жалобы частныхъ лицъ.

1. Лихованный обыскъ. Выше было сказано (ст. 74), что губнымъ старостамъ вмѣнялось въ обязанность „про татей и разбойниковъ сыскивать“. Сыскивали они, обыкновенно, посредствомъ повальнаго обыска среди жителей данной мѣстности съ цѣлью узнать, кто въ этой мѣстности занимался разбоями и татьбой. Кого на такомъ обыскѣ называли лихими людьми, тѣхъ задерживали, дворы ихъ, животы и хлѣбъ молоченный опечатывали, а хлѣбъ на корню описывали и все это поручали *„беречь тутошнимъ и стороннимъ людямъ съ поруками, докуды дѣло вершится“*; относительно же задержанныхъ начинался сыскъ *„по лихованному обыску“* (XXI,35).

2. Язычная молвка, подъ которой разумѣлся оговоръ подъ пыткою однимъ лицомъ другого въ соучастіи, вела къ поимкѣ оговореннаго и къ начатію о немъ сыска (XXI,35,36). Имущество оговореннаго точно также запечатывалось. При этомъ, смертная казнь надъ языкомъ, т. е. надъ лицомъ, оговорившемъ другого въ соучастіи, если онъ подлежалъ таковой, откладывалась „для сыску товарищей“ на полгода. Если по прошествіи означеннаго срока оговоренные не отыскивались, языки безусловно подвергались казни, *„чтобы такіе воры“*, говоритъ Ул., *„отъ смертныя казни не свобожалися и безвинныхъ бы людей не клепали“* (XXI,21).

3. *Жалобы частныхъ лицъ* могли быть различны; сюда относятся: заявленіе потерпѣвшихъ, приводъ съ поличнымъ, обвиненіе „погонными людьми“ стороннихъ лицъ въ неоказаніи имъ помощи при поимкѣ татей и обвиненіе по неотведеннымъ слѣдамъ.

Заявленіе состояло въ томъ, что потерпѣвшіе отъ разбоя и кражи подавали въ приказъ или воеводамъ и губнымъ старостамъ письменное увѣдомленіе, или „явку“ о случившемся и перечисляли все то имущество, которое было покрадено. Если послѣ такой письменной явки потерпѣвшій находилъ у кого нибудь украденную вещь начинался сыскъ. Если же письменныхъ явокъ послѣ разбоя и кражи сдѣлано не было, то опознаніе вещи незаявленной вело не къ сыску, а къ суду (XXI,51).

Приводъ съ поличнымъ, т.е. открытіе предметовъ преступленія и доставленіе ихъ въ судъ вмѣстѣ съ владѣльцемъ вело къ начатію сыска. Поличнымъ считалось тогда только то, что находилось и вынималось изъ подъ замка. Порядокъ выемки поличнаго заключался въ слѣдующемъ: если истецъ предполагалъ у кого-либо найти поличное, то бралъ изъ приказа пристава; послѣдній, взявъ съ собою понятыхъ *„стороннихъ людей добрыхъ, кому мочно вѣрити“* отправлялся въ то мѣсто „куды посланъ искати“, вынималъ при понятыхъ поличное и, затѣмъ, отвозилъ его въ приказъ (XXI,87), гдѣ уже и приступали къ сыску, если только то лицо, у котораго было найдено поличное, *„того поличнаго не очиститъ и отводу ему не дастъ“* (XXI,50).

Обвиненіе стороннихъ лицъ въ неоказаніи помощи при поимкѣ воровъ и разбойниковъ имѣло мѣсто тогда, когда на крики о помощи при разбоѣ или на приглашеніе погонныхъ людей, т.е. лицъ, отправившихся въ погоню за разбойниками гнаться за ними по слѣдамъ, эти сторонніе люди *„на крикъ и на вопъ разбитыхъ людей......и въ погоню за разбойники и на слѣдъ не пойдутъ“*. По жалобѣ самихъ потерпѣвшихъ или погон-

ныхъ людей начинался сыскъ, который открывался обыскомъ (XXI,59)

Обвиненіе по неотведеннымъ слѣдамъ имѣло мѣсто въ томъ случаѣ, если послѣ разбоя или кражи, потерпѣвшіе и съ ними сторонніе люди, отправившись въ погоню за разбойниками и татями, пріѣзжали въ какое-либо село или деревню, а тѣ люди, къ которымъ приводили слѣды, этихъ слѣдовъ отъ себя не отводили Тогда, по жалобѣ потерпѣвшихъ, приступали къ сыску, причемъ, дѣло начиналось обыскомъ и, если „погонные люди" подтверждали на обыскѣ, что обвиняемые отъ себя слѣдовъ не отвели, то ихъ подвергали пыткѣ (XXI,60).

б) Средства сыска. Средствами для обнаруженія истины при сыскѣ служили очная ставка, повальный обыскъ и пытка.

1. Очная ставка состояла въ томъ, что лицо, оговаривавшее кого-нибудь заочно, должно было подтвердить свое обвиненіе въ его присутствіи, для чего ихъ и ставили „съ очей на очи"

По Улож., очная ставка употреблялась, какъ въ дѣлахъ губныхъ, такъ и въ тѣхъ изъ судныхъ, на которыя въ эпоху Улож было распространено примѣненіе сыска.

Въ дѣлахъ губныхъ очная ставка употреблялась, по большей части, при оговорѣ съ пытки, т.е. языкомъ, который долженъ былъ узнать, или какъ тогда говорили, спознать (XXI,35) оговореннаго „*во многихъ людяхъ*" (XXI,44) и повторить съ очей на очи тоже, что „и за очи въ распросѣ и съ пытки на него говорилъ" (XXI,35). Оговоренныхъ отдавали „за пристава", т.е. подвергали предварительному аресту и, по ихъ челобитью, обыскивали про нихъ большимъ повальнымъ обыскомъ (XXI,35). Впрочемъ, обыскъ производился и тогда, когда языкъ не узназалъ на очной ставкѣ оговоренныхъ, или узнавъ ихъ, сговаривалъ свое прежнее показаніе. При этомъ, самъ языкъ подвергался допросу подъ пыткой, не по „засылкѣ" ли онъ сговариваетъ? При утвердительномъ

отвѣтъ языку давалась очная ставка съ тѣми, которые приходили къ нему для того, „что бы онъ съ оговорныхъ людей оговаривалъ", а относительно приходившихъ производился обыскъ (XXI,44).

Итакъ очная ставка вела къ обыску; исключеніе допускалось только въ двухъ случаяхъ: 1) если оговоренный былъ бродягой и не просилъ обыска, ссылаясь на то, „что его нигдѣ не знаютъ" (XXI,38), и 2) если одно и то же лицо оговаривали два или три языка (XXI,40). Въ этихъ случаяхъ объ оговоренныхъ обыска не производилось, они непосредственно подвергались пыткѣ.

Что касается до дѣлъ, судившихся до Улож. судомъ, а по Ул. вѣдавшихся сыскомъ, то очная ставка употреблялась въ слѣдующихъ изъ нихъ: въ дѣлахъ помѣстныхъ и вотчинныхъ (XVI,28,54,59;XVII,17), при отысканіи свободы изъ холопства на основаніи духовной господина (XX.14), при обвиненіи въ подлогѣ крѣпостей путемъ насилія (X,251), по жалобамъ на судей въ лихоимствѣ (X,7), въ дѣлахъ о лживыхъ обыскахъ (X, 162 см. стр. 85).

2. *Повальный обыскъ* по дѣламъ сыскнымъ производился въ томъ же личномъ составѣ и тѣмъ же порядкомъ, какъ и по дѣламъ суднымъ; объ этомъ прямо говоритъ Ул. „а будетъ доведется про розбойное и татиное дѣло обыскивати повальнымъ обыскомъ, и *какъ* повальнымъ обыскомъ сыскивати, о томъ *указъ писанъ въ судной статьи выше сего*" (XXI,35, см. стр. 84 и 85).

Область примѣненія обыска была очень обширна. Не говоря уже о большомъ повальномъ обыскѣ, который примѣнялся „ex officio" съ цѣлью раскрыть преступниковъ, главнымъ образомъ разбойниковъ и татей (XXI,35), обыскъ примѣнялся и при всѣхъ другихъ поводахъ къ началу сыска. Такъ, при оговорѣ однимъ языкомъ производился обыскъ про оговоренныхъ. При этомъ, обыскъ примѣнялся, какъ мы видѣли (см. стр. 84), непосредственно за очной ставкой, а за нимъ уже слѣдовала пытка (XXI,35); ос-

ли же оговоръ сдѣланъ нѣсколькими, то за оговоромъ слѣдовала обыкновенно пытка (XXI 40) и только въ томъ случаѣ, если оговоренный на пыткѣ не сознавался, производился обыскъ (XXI,41 и 43); впрочемъ, Улож. дѣлаетъ здѣсь одно неизвѣстное прежнимъ узаконеніямъ исключеніе въ пользу „знатныхъ людей, дворянъ,дѣтей боярскихъ и торговыхъ людей, которые прежде того въ приводѣ не бывали"; всѣ эти знатные люди подвергались пыткѣ лишь по облиховании въ повальномъ обыскѣ, хотя бы ихъ оговаривало и нѣсколько языковъ (XXI, 39). Далѣе, обыскъ употреблялся и при приводѣ съ поличнымъ, причемъ, здѣсь различались два случая: приводъ съ поличнымъ съ приставомъ, который велъ непосредственно къ пыткѣ, и обыска не употреблялось (XXI,50); и приводъ съ поличнымъ безъ пристава. Въ этомъ случаѣ, если приводный билъ челомъ, что „истцы его сполична сильно", то производился повальный обыскъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его съ поличнымъ поймали и повелѣвалось „указъ чинить потому, что въ сыску (т е. въ обыскѣ) скажутъ,кто до чего доведется Если же „сыскати было некѣмъ", то это дѣло выходило изъ сферы сыскнаго процесса и подлежало „суду" (XXI,54). Точно также, при обвиненіи по неотведеннымъ слѣдамъ, непосредственно слѣдовалъ обыскъ и при подтвержденіи обвиненія на этомъ послѣднемъ - пытка (XXI,59).Наконецъ,при поимкѣ людей на разбоѣ" и при обвиненіи погонными людьми стороннихъ приступали къ обыску и, затѣмъ къ пыткѣ (XXI,60)

Вліяніе обыска на дальнѣйшій ходъ сыска и на самый приговоръ было различно. Такъ, „лихованный обыскъ" не сразу велъ къ пыткѣ: тѣ, которыхъ лиховали въ обыскѣ ближніе окольные люди, пользовались правомъ жалобы на то, что послѣдніе лихуютъ „по недружбѣ"; тогда, по первымъ лихованнымъ обыскамъ такихъ оговоренныхъ людей не пытали, а посылали обыскать про нихъ вторично и рѣшали дѣло на основаніи этого второго обыска. Обыски по язычной молвкѣ имѣли различное послѣдствіе

въ зависимости отъ различія добытыхъ на нихъ данныхъ. Обыскные люди могли одобрить оговореннаго, облиховать его, могли объяснить, что они оговореннаго не знаютъ, или, хотя и знаютъ, но лихой ли онъ человѣкъ или добрый „про то не вѣдаютъ“: наконецъ, мнѣнія обыскныхъ людей могли раздѣлиться, одна сторона могла назвать оговореннаго лихимъ человѣкомъ, другая - добрымъ.

При единогласномъ одобреніи Улож. освобождаетъ оговореннаго отъ уголовнаго наказанія, взыскивая съ него только выть въ исцовы иски (XXI, 36), исключеніе установлено для знатныхъ людей: при одобреніи на обыскѣ они освобождались даже и отъ платежа вытей (XXI, 39). Одобреннаго отдавали „на чистую поруку съ записью за тѣхъ обыскныхъ людей, которые его въ обыску добрили, въ томъ, что впредь ему никакимъ воровствомъ не воровать“.

При единогласномъ облихованіи, оговореннаго языкомъ въ разбоѣ казнили смертью (XXI, 41), если ранѣе на очной ставкѣ языкъ подтверждалъ обвиненіе; если же на очной ставкѣ онъ оговаривалъ свое прежнее обвиненіе, то облихованіе на обыскѣ вело къ смертной казни лишь при отсутствіи запирательства со стороны оговореннаго, подвергнутаго по обыску пыткѣ, въ противномъ случаѣ его, по обыску, сажали только въ тюрьму до государева указа (XXI, 44).

Тюремное заключеніе до государева указа примѣнялось и тогда, когда про оговореннаго двумя или тремя языками, несознавшагося на пыткѣ, обыскные люди говорили, „что его не знаютъ“ или, хотя и знаютъ, „но добрый ли онъ человѣкъ или лихой, про то не вѣдаютъ“. Наконецъ, если мнѣнія обыскныхъ людей раздѣлялись поровну: одна половина одобряла, а другая лиховала, оговоренный отдавался на поруки за тѣхъ обыскныхъ людей, которые его добрили. Если же обыскные люди раздѣля-

Тип Данкевича и К., Тверская. Складъ у Карбасникова.
Изд. рук. пр. по лекц. Пр-доц. Числова.

лись на двѣ неравныя стороны, причемъ въ средѣ лико-вавшихъ было больше, чѣмъ на сторонѣ одобряющей, человѣкъ на 15 или на 20, оговоренный подвергался тюремному заключенію (XXI, 43).

3. *Пытка.* Подъ пыткой разумѣлись разные виды тѣлесныхъ мученій, которымъ подвергали преступниковъ съ цѣлью вынудить у нихъ признаніе, служившее самымъ важнымъ доказательствомъ въ сыскномъ процессѣ. Что касается до самыхъ видовъ пытки, то Улож. ихъ не опредѣляетъ, оно устанавливаетъ только тѣ случаи, когда пытка должна была примѣняться. По общему правилу, пыткѣ во всѣхъ сыскныхъ дѣлахъ предшествовалъ обыскъ, за исключеніемъ слѣдующихъ случаевъ: а) привода съ поличнымъ, вынутымъ съ приставомъ, если при этомъ приведенный „*того поличнаго не очистить и отвода ему не дастъ*“ (XXI, 50); в) обвиненія крестьянъ и дворовыхъ людей ихъ господами въ разбояхъ и татьбахъ (XXI, 49), с) оговора двумя или тремя языками (XXI, 40); d) оговора даже и однимъ языкомъ, если предварительнаго обыска объ оговоренномъ, какъ о бродягѣ, сдѣлать было нельзя (XXI, 39). Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ обвиняемаго прямо подвергали пыткѣ.

Кромѣ сыскныхъ дѣлъ пытка, по Улож., стала примѣняться и въ нѣкоторыхъ судныхъ дѣлахъ. Сюда относятся: а) дѣла о бѣглыхъ холопахъ въ томъ случаѣ, если послѣдніе отрекаются отъ родства (XX, 25), в) дѣла по лживымъ обыскамъ, когда за отсутствіемъ улики спорящіе обыскные люди „учнутъ межъ себя иматися за пытку“ (X, 162); с) во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ необходимо было цѣловать крестъ сторонѣ, присягнувшей уже три раза въ жизни: вмѣсто 4-ой присяги назначается пытка. (XIV, 2).

Пыткѣ подлежали всѣ безъ различія пола и общественнаго положенія; исключеніе было установлено только на тотъ случай, если языки оговаривали въ разбоѣ дворянъ, приказныхъ людей и дѣтей боярскихъ вмѣстѣ съ ихъ людьми, дворниками и крестьянами. Пыткѣ подверга-

лись сначала люди, дворники и крестьяне, и только тогда, когда они *„учнутъ говорити въ разбоп на нихъ, на самихъ"*, (т.е. на господъ), пыткѣ подлежали и последніе; въ противномъ случаѣ ограничивались пыткой ихъ людей (XXI,47). Обвиненные подвергались пыткѣ три раза (XXI,99,98,100), причемъ Улож. допускаетъ производство пытокъ въ праздничные и табельные дни на томъ основаніи, *„что разбойники и тати и въ праздники православныхъ Христіанъ бьютъ, и мучатъ, и огнемъ жгутъ, и до смерти побиваютъ"* (XXI,32).

е) Последствія обвиненія. При обвиненіи подсудимыхъ, животы ихъ, т.е., движимое имущество, оцѣнивалось и отдавалось истцамъ въ уплату ихъ убытковъ, что называлось технически вытью; если имущества подсудимыхъ не доставало на удовлетвореніе истцовъ, иски последнихъ „клались въ выти на тѣхъ, на кого по сыску доводилось" (XXI,22). Такими вытчиками, т.е. лицами, подвергавшимися взысканію выти, могли быть: а) оговоренный языкомъ и одобренный на обыскѣ (XXI,38); b) поручившійся за оговореннаго въ томъ случаѣ, если онъ за нихъ порукою воровалъ (XXI,37); с) обыскные люди, если они одобривали кого на обыскѣ или укрывали, а затѣмъ обнаруживалось противное (XXI,36,42,81; X,162); d) засыльщики, приходившіе къ языкамъ *„для того, чтобы они* (т.е. языки) *съ оговорныхъ людей сговаривали"* (XXI,44), е) дворяне, приказные люди и дѣти боярскіе, которые не ставили на судъ оговоренныхъ языкомъ своихъ людей и дворниковъ (XXI,45) или укрывали ихъ (46); f) люди, которые, слыша крикъ разбитыхъ людей, не помогали имъ и не пошли въ погоню за разбойниками (59); g) укрыватели воровъ (62), лица, которыя принимали на сохраненіе или распродавали разбойную рухлядь (64), равно какъ и тѣ, которые покупали краденное, хотя и за чисто, но безъ поруки (65); h) лица, укрывающія оговоренныхъ языками (78). Выти уплачивались тѣми, на кого они падали, за исключеніемъ крестьянъ и вообще людей, оговоренныхъ языкомъ. За нихъ уплачивали выти тѣ, кому они

служили (66 и 67). Изъ разбойничьихъ и татиныхъ животовъ и изъ вытей вытчиковъ составлялось то количество имущества, которое распредѣлялось, или иначе „развыкивалось" между истцами. Если всего этого для удовлетворенія истцовъ было недостаточно, то послѣдніе такъ и оставались неудовлетворенными въ недостающей суммѣ на основаніи правила Улож. *„а будетъ которыхъ разбойничьихъ животовъ истцу въ выти не достанетъ и того истцу изъ иныхъ разбойничьихъ животовъ не давать и на вытчикахъ иныхъ разбоевъ того недостатка не розводить"* (XXI,27). Если же, за удовлетвореніемъ истцовъ, оказывался остатокъ имущества, то онъ оцѣнивался и продавался на Государя (26).

Самое развыкиваніе животовъ и вытей происходило по слѣдующимъ правиламъ: а) если разбойники во время пытки сознавались, сколько награбили они и ихъ товарищи и перечисляли награбленное, то истцы получали столько, сколько было указано разбойниками (XXI,23); в) если же разбойники, сознаваясь въ преступленіи, заявляли, что не помнятъ, сколько награбили, то истцамъ выдавали только четверть предъявленнаго ими иска (24); с) если, наконецъ, разбойники и сознавались сколько награбили и перечисляли награбленное, но не все, сказавъ *„про достальные истцовъ животы кто что взялъ, того не упомнятъ"*, то истцы удовлетворялись полностью только въ томъ, на что было указано разбойниками; остатокъ же иска взыскивался въ четверть (25).

При опредѣленіи цѣны имущества, показаннаго истцами взятымъ у нихъ, Улож. различаетъ цѣну: а) означенную самимъ истцомъ въ челобитной; в) указную, или опредѣленную самимъ закономъ, с) торговую (XXIV,2).

§19 Гражданскіе законы

А. Права вещныя.

а) *Право собственности.* Хотя Уложенію, какъ и другимъ древнимъ памятникамъ нашего права, извѣстно право собственности, но названія этого въ немъ не встрѣчается

а) Объекты права собственности. Объектами этого права могли быть какъ движимыя, такъ и недвижимыя вещи. Но названія эти Улож. неизвѣстны, для обозначенія первыхъ въ немъ принятъ терминъ „животы". Такъ напр., говоря о возвращеніи всѣхъ бѣглыхъ къ прежнимъ ихъ владѣльцамъ, Ул. постановляетъ: „и тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ ... сводити ... на старые ихъ жеребьи ... съ женами и съ дѣтьми *и со всѣми ихъ крестьянскими животы*; или говоря о пойманныхъ „по лихованному обыску", Улож. предписываетъ: „а дворы ихъ и во дворѣхъ *животы ихъ и хлѣбъ, молоченный*, запечатати". Для обозначенія недвижимыхъ имуществъ, кромѣ сейчасъ указаннаго „дворы", употреблялись слѣдующіе термины: земли, лавки, вотчины и т.п. Вотчины дѣлились на родовыя и купленныя. Къ родовымъ принадлежали: 1) родовыя вотчины въ собственномъ смыслѣ, т.е. дошедшія къ данному лицу изъ того же рода и 2) вотчины выслуженныя (XVII, 234), или иначе, пожалованныя за службу государемъ; къ купленнымъ - вотчины, пріобрѣтенныя путемъ купли. Разсмотримъ постановленія памятника о правѣ собственности на всѣ эти виды объектовъ отдѣльно.

б) Право собственности на движимыя вещи. Субъектомъ права собственности на движимыя вещи могъ быть всякій. Изъ способовъ пріобрѣтенія права собственности на вещи движимыя Улож. упоминаетъ о находкѣ. Постановленіе о находкѣ законодательнымъ путемъ формулируется впервые въ Улож. и заимствуется имъ изъ Литовскаго Статута. Для того, чтобы найденная вещь могла перейти къ нашедшему на правѣ собственности, необходимо было явить и записать ее въ приказѣ. Если эта формальность была соблюдена, вещь поступала въ собственность нашедшаго; если же обрѣтался ея хозяинъ, онъ долженъ былъ „дати выкупу нашедшему противъ торговой цѣны вещи вполы" (XXI, 91). Далѣе, Ул. говоритъ, также подъ вліяніемъ Статута, о находкѣ на дорогѣ или въ станѣ вещей, принадлежавшихъ служилымъ людямъ, подобная находка не вела къ пріобрѣтенію права соб-

ственности: вещь должна быть предъявлена полковому воеводѣ и вознагражденія за нее не полагается, исключая привода забѣжавшихъ лошадей служилыхъ; вознагражденіе за приводную лошадь опредѣлено въ размѣрѣ 3-хъ алтынъ и 2-хъ денегъ (VII,26).

Собственнику движимой вещи принадлежали и всѣ ея приращенія, отъ животныхъ - приплодъ. Но если, въ случаѣ незаконнаго завладѣнія животнымъ, собственникъ въ теченіе года не вчиналъ иска, то приплодъ не отдавался и, такимъ образомъ, въ силу давностнаго владѣнія на него пріобрѣталась собственность лицомъ завладѣвшимъ (X,285). Это первый законъ о пріобрѣтеніи права собственности на движимую вещь путемъ давности владѣнія.

Право собственности на движимость защищалось вещнымъ искомъ, т.е. лицо, нашедшее свою вещь у кого-нибудь, могло требовать ея возврата судомъ. При этомъ, собственнику предоставлялось право, въ случаѣ пропажи „животовъ“, подать письменную явку въ приказъ или воеводамъ и губнымъ старостамъ, обозначивъ въ этой явкѣ точно все пропавшее. И если послѣ такой явки, собственникъ находилъ у кого-нибудь свою вещь, начинался сыскъ (XXI,51).

Таковы постановленія Улож. относительно права собственности на движимыя вещи. Также отрывочны узаконенія памятника о правѣ собственности на вещи недвижимыя.

б) Право собственности на родовыя и выслуженныя вотчины. Подъ вотчиной вообще въ нашемъ древнемъ правѣ разумѣлось недвижимое имущество, дошедшее по праву наслѣдованія отъ отца. Но въ эпоху Улож. подъ этимъ названіемъ разумѣли всякое недвижимое имущество, принадлежащее на правѣ частной собственности, независимо отъ его пріобрѣтенія, отсюда „вотчины выслуженныя“, „вотчины купленныя“. Субъектами родовыхъ вотчинъ могли быть служилые люди, не исключая и иноземцевъ (XVII,2, 26). Лица, постригавшіяся въ монахи, не могли оставлять

за собою родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ, а должны были передать ихъ своимъ наслѣдникамъ, на которыхъ возлагалась обязанность „за тѣ вотчины кормить и одѣвать ихъ и всякимъ покоемъ покоити до ихъ смерти". Если они этого требованія не исполняли, вступившимъ въ монашество предоставлялось право продать данныя имъ вотчины или родственникамъ, или даже постороннимъ (XVII,43).

Вотчинникамъ вообще принадлежало право владѣнія, пользованія и распоряженія. Послѣднее было различно въ вотчинахъ родовыхъ и выслуженныхъ съ одной стороны и купленныхъ съ другой; что же касается права пользованія, то оно было одинаково какъ въ вотчинахъ, такъ въ имуществахъ тяглыхъ и помѣстьяхъ; поэтому мы разсмотримъ вопросъ о правѣ пользованія имуществами недвижимыми отдѣльно.

Право распоряженія состоитъ, главнымъ образомъ, въ правѣ возмездного или дарственнаго отчужденія объекта права собственности. Вотчинники родовыхъ и выслуженныхъ имуществъ пользовались и тѣмъ и другимъ; но родственникамъ ихъ принадлежало такъ называемое право выкупа въ случаѣ продажи или заклада вотчины. Право это принадлежало тѣмъ изъ боковыхъ родственниковъ, которые не были свидѣтелями при совершеніи сдѣлки купли-продажи на родовую и выслуженную вотчину. Нисходящіе, т. е. дѣти, внуки и т. д., правомъ выкупа не пользовались. Самый выкупъ происходилъ по цѣнѣ, указанной въ купчей или закладной и, сверхъ того, приплачивалось по указной цѣнѣ за постройки и улучшенія, которыя были сдѣланы въ купленной вотчинѣ (XVII,27). Правомъ выкупа родственники пользовались въ теченіе сорокалѣтняго срока, по истеченіи котораго право это терялось (XVII,30).

1) Право собственности на купленныя вотчины. Вотчины могли покупаться какъ у казны, такъ и у частныхъ лицъ, „чужеродцевъ". Покупать вотчины могли всѣ вообще лица, какъ служилые, такъ и неслужилые люди (XVII,45);

при этомъ, если покупалось въ вотчину помѣстье, то неслужилые покупщики должны были записаться въ службу съ городами; неисполнявшіе этого предписанія лишались своихъ купленныхъ вотчинъ, онѣ шли въ раздачу „кому Государь укажетъ" (XVII,37). Кромѣ этого существовало ограниченіе въ куплѣ вотчинъ для бѣлозерцевъ,казаковъ (XVI,49,50), татаръ, мордвы, черемисъ, чувашей и т.п (XVI,43). Всѣ эти лица могли пріобрѣтать и отчуждать вотчины только между собою, но не между другими разрядами служилыхъ. Совершенно не могли держать за собою и пріобрѣтать купленныхъ вотчинъ монахи (XVII,43), равно какъ боярскіе люди и монастырскіе слуги (XVII,41). Право распоряженія купленными вотчинами не подлежало ограниченіямъ. Владѣлецъ могъ свободно располагать своею вотчиною какъ при жизни, такъ и на случай смерти, могъ отчуждать ее, какъ возмезднымъ, такъ и дарственнымъ путемъ, за исключеніемъ жертвованія въ монастыри „по душѣ", такъ какъ право пріобрѣтенія послѣдними вотчинъ было запрещено (XVII,42). При отчужденіи купленной вотчины,право выкупа родственникамъ продавца не принадлежало;въ этомъ и лежитъ различіе между родовою и купленною вотчиною. Право выкупа,если не ограничивало,то, во всякомъ случаѣ стѣсняло право собственности на вотчину родовую, право же собственности на вотчину купленную было свободно отъ этого стѣсненія.

д) Право собственности на тяглыя имущества. Подъ тяглыми имуществами разумѣлось такое имущество, которое было обложено извѣстными повинностями, какъ денежными, такъ и натуральными. Сюда относились уѣздныя земли, городскіе дома, лавки, амбары, соляныя варницы и т.п. Субъектами права собственности на эти имущества могли быть только тяглые люди (XIX,5) и низшіе разряды служилыхъ (XIX,11 и 12). Собственники тяглыхъ имуществъ пользовались вполнѣ правомъ распоряженія ими; впрочемъ, право это, по Улож.,было ограничено въ одномъ отношеніи, именно, тяглымъ людямъ запрещалось

продавать свое имущество бѣломѣстцамъ, т.е. лицамъ не тянувшимъ никакого тягла, напр., служилымъ людямъ, духовнымъ лицамъ, гостямъ и т.п. (XIX,4).

в) Помѣстное владѣніе. Государство, удерживая за собою право собственности на помѣстныя земли, предоставляло ихъ для цѣлей государственныхъ, именно, съ цѣлью пользоваться службой данныхъ лицъ, этимъ послѣднимъ; помѣщики, такимъ образомъ, являлись владѣльцами и при томъ условными; условіемъ этимъ была служба: прекращалась служба - отбирались и помѣстья. Но въ эпоху Улож. произошло значительное сближеніе помѣстныхъ правъ съ вотчинными. Такъ, помѣщикамъ, за немногими исключеніями, принадлежало право распоряженія, т.е. возмезднаго и дарственнаго отчужденія помѣстій. Не могли отчуждать и совершать разныя сдѣлки на свои помѣстья только нѣкоторые разряды помѣщиковъ, напр., татары, черемисы и т.п. (XVI, 45). Всѣ остальные помѣщики могли не только мѣнять (XVI,2), но даже продавать свои помѣстья (XVII,9), но въ томъ и другомъ случаѣ требовалось дозволеніе государя. Кромѣ того, нѣкоторымъ помѣщикамъ принадлежало право сдачи помѣстій другимъ лицамъ съ тѣмъ, чтобы эти послѣднія кормили и содержали сдавшихъ помѣстья. Право сдачи принадлежало старикамъ, вдовамъ и дѣвушкамъ, достигшимъ 15 лѣтняго возраста. Сдача производилась при соблюденіи опредѣленныхъ формальностей. Именно, заключалась особая сдаточная запись въ Помѣстномъ Приказѣ. Сдаточная налагала указанную выше обязанность содержать сдавшаго. Если лицо, которому сдано было помѣстье, не исполняло этой обязанности, сдаточная запись считалась недѣйствительной и помѣстье переходило обратно помѣщику (XVI,9,10,11). Наконецъ, помѣстья наравнѣ съ вотчинами могли переходить по наслѣдству, о чемъ будетъ сказано ниже.

На ряду съ указанными правами на помѣщикѣ лежали и обязанности; такъ какъ помѣстье по существу своему было всетаки условнымъ владѣніемъ и могло для даннаго

лица прекратиться съ прекращеніемъ службы или по усмотрѣнію государя, то на помѣщика возлагалась обязанность не пустошить помѣстья, не разорять крестьянъ и не переводить ихъ изъ одного помѣстья въ другое.

ж) Право пользованія недвижимыми имуществами. Право пользованія недвижимыми имуществами всѣхъ видовъ, какъ замѣчено выше, было одинаково. Лицо, обладавшее недвижимымъ имуществомъ на вотчинномъ или помѣстномъ правѣ, могло по своему усмотрѣнію пользоваться имъ, т.е. извлекать изъ него матеріальныя выгоды. Однако право пользованія не было безусловнымъ, оно подлежало, по Уложенію, ограниченіямъ. Ограниченія эти можно свести къ двумъ категоріямъ. Одни ограниченія установлены въ интересахъ всѣхъ стороннихъ лицъ, другія - въ интересахъ только лицъ опредѣленныхъ.

Къ числу первыхъ принадлежитъ *право прохода и проѣзда по дорогамъ и водянымъ путямъ сообщенія*, пролегающимъ въ вотчинахъ и помѣстьяхъ. Поземельные владѣльцы не могли препятствовать проходу и проѣзду по этимъ путямъ сообщенія, но по особымъ жалованнымъ грамотамъ, а большею частью, самовольно они собирали съ проѣзжавшихъ разныя пошлины: мыто при сухопутныхъ заставахъ, мостовщину и перевозъ - при рѣчныхъ. Уложеніе, въ виду различныхъ злоупотребленій, остановилось на урегулированіи этого права мыта. Оно дозволило собирать мыто, мостовщину и перевозъ со всѣхъ лицъ, за исключеніемъ служилыхъ (IX,1,2), тѣмъ только поземельнымъ владѣльцамъ, которые изстари пользовались этимъ правомъ въ силу жалованныхъ грамотъ; всѣмъ же остальнымъ владѣльцамъ оно запретило собирать указанныя пошлины (IX,9). Но владѣльцы, пользовавшіеся правомъ мыта, обязаны были содержать на свой счетъ гати, мосты и плотины въ исправности, *„чтобы на нихъ ходячимъ и ѣзжимъ всякимъ людемъ ни въ чемъ простоя и задержанія и убытковъ не было"* (IX,11).

Если кто-нибудь изъ помѣщиковъ или вотчинниковъ потоплялъ запрудами или припахивалъ къ своей землѣ старыя дороги „для своей корысти“, то обязанъ былъ вмѣсто тѣхъ старыхъ дорогъ вблизи отъ нихъ провести новыя; въ противномъ случаѣ долженъ былъ очистить старыя дороги (IX, 14, 15).

По судоходнымъ рѣкамъ запрещено строить новыя запруды, плотины и мельницы. Если же на такихъ рѣкахъ плотины будутъ возведены, то въ нихъ должны быть сдѣланы ворота для судового хода (IX, 17, 18). Равнымъ образомъ, если кто поставитъ вновь мельницы и „учнетъ бити челомъ Государю, чтобы тѣхъ мельницъ не ломать“, можетъ держать послѣднія, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы были устроены при тѣхъ мельницахъ мосты и перевозы, за проѣздъ по которымъ никакихъ пошлинъ не взимать (IX, 20).

Ограниченія права пользованія второй категоріи, установленныя въ интересахъ только опредѣленныхъ лицъ, вызывались сосѣдствомъ двухъ поземельныхъ участковъ и смежностью построекъ.

При сосѣдствѣ двухъ поземельныхъ участковъ, расположенныхъ по берегу рѣки, Уложеніе устанавливаетъ слѣдующія ограниченія: 1) поземельные владѣльцы не имѣютъ права поднятіемъ въ своемъ имѣніи проточныхъ водъ посредствомъ запруды затоплять пашни и луга и останавливать дѣйствіе мельницы сосѣдняго имѣнія, лежащаго вверхъ по рѣкѣ, и 2) владѣлецъ одного берега рѣки не въ правѣ примыкать плотины къ противоположному берегу безъ согласія хозяина послѣдняго (X, 238).

Ограниченія, вытекавшія изъ смежности двухъ построекъ, состояли, по Уложенію, въ слѣдующемъ:

1) Никто не могъ возводить „хоромъ“ на межѣ сосѣда (X, 277).

2) Не дозволялось пристраивать печи или поварни къ стѣнѣ сосѣдняго дома (X, 278).

3) Запрещалось лить воду и сметать соръ на дворъ сосѣда (X 279)

б) *Права на чужія вещи.* Улож. известны также и права на чужія вещи, или сервитуты, какъ личные, такъ и реальные.

Къ числу личныхъ сервитутовъ принадлежало право служилыхъ людей во время похода останавливаться на прилежащихъ къ дорогѣ лугахъ, которые съ этою цѣлью не должны были запираться ранѣе Троицына дня, а послѣ Троицына дня они могли пользоваться пространствомъ въ 5 саженъ отъ дороги (VII,4). Далѣе, служилые люди, находясь на государевой службѣ, имѣли право беспрепятственно ѣздить во всѣ лѣса, за исключеніемъ заповѣдныхъ, для рубки дровъ и лѣса на становое строеніе (VII,28).

Къ числу реальныхъ сервитутовъ принадлежатъ:право въѣзда въ лѣса, право рыбныхъ, звѣриныхъ и другихъ промысловъ въ чужой дачѣ. Это право въѣзда и промысловъ довольно точно опредѣлено въ Ул.;такъ,кто имѣлъ право въѣзда для пчеловодства, ему позволялось устроить только улья на деревьяхъ, но самыми деревьями онъ пользоваться не могъ; онъ не могъ ихъ рубить и брать для постройки. Если бы даже такое дерево сгнило и свалилось, онъ не имѣлъ права взять его въ свою пользу, потому что право собственности на него принадлежало владѣльцу лѣса, а ему принадлежало только право бортныхъ угодій (X,238).

Реальнымъ сервитутамъ соотвѣтствовали, конечно, опредѣленныя ограниченія въ правѣ собственности на то имущество, которое являлось сервитутомъ. Въ силу этого владѣлецъ лѣса не могъ насильственно завладѣвать чужими бортными угодьями, рыбной ловлей, сѣнными покосами. Расчищая свой лѣсъ, владѣлецъ не долженъ дѣлать никакого вреда бортнымъ деревьямъ.Владѣлецъ,расчистившій и распахавшій весь свой лѣсъ, въ которомъ находятся чужія озера и сѣнные покосы, также ни подъ какимъ видомъ не долженъ въ нихъ вступаться и людей, которымъ послѣдніе принадлежатъ, не долженъ отбивать, а обязанъ давать имъ дорогу къ своимъ угодьямъ

(240 - 242). Эти постановленія о сервитутахъ заимствованы Улож. изъ Литовск. Статута.

Б. Права обязательственныя.

Источниками обязательствъ, по Уложенію, являлись договоръ и правонарушеніе.

а) *Обязательства изъ договоровъ.*

а) О договорѣ вообще. Главнымъ условіемъ для юридической силы договора, какъ источника обязательства, является свободная воля и сознаніе договаривающихся. Отсюда само собою слѣдуетъ, что договоръ, заключенный по принужденію, насилію долженъ считаться недѣйствительнымъ. И Уложеніе признаетъ договоръ неимѣющимъ никакого юридическаго значенія, если „кто, *умысля воровски и стакався съ площадными подъячими, напишетъ на кого... заемную кабалу или иную крѣпость... за очи и...... зазоветъ его къ себѣ... и велитъ ему къ той крѣпости руку приложить, или ему велитъ написать въ чемъ-нибудь заемную кабалу своею рукою неволею....*" Но чтобы договоръ, заключенный по принужденію, считался недѣйствительнымъ, необходимо соблюденіе одного условія: именно, о фактѣ принужденія потерпѣвшій обязанъ подать явку въ судъ въ теченіе семидневнаго срока (X, 251). Точно также терялъ свою силу договоръ, основанный на обманѣ или ошибкѣ. Напр., покупатель вещи, непринадлежавшей продавцу на правѣ собственности, подвергался опасности не только потерять вещь, но и быть привлеченнымъ къ суду въ качествѣ соучастника въ кражѣ (XXI, 65).

Для дѣйствительности договора, кромѣ свободной воли и сознанія договаривающихся, необходимо еще, чтобы воля сторонъ была выражена надлежащимъ образомъ вовнѣ. Обыкновенной формой внѣшняго выраженія воли служитъ слово и письмо. Договоры, по Улож., за немногими исключеніями, должны были совершаться въ видѣ письменныхъ актовъ. Всѣ эти акты назывались вообще крѣпостями. Крѣпости могли быть двухъ родовъ: домашнія и писанныя при посредствѣ площадныхъ подъячихъ. Домашними

могли быть: а) въ городахъ - крѣпости о займѣ денегъ на всякую сумму (X.246); б) въ селахъ и деревняхъ - крѣпости о займѣ денегъ, хлѣба и другихъ вещей, равно какъ и объ имущественномъ займѣ, на сумму не выше 10 рублей (247); в) въ городахъ, селахъ и деревняхъ - сговорныя свадебныя записи, духовныя и заемныя памяти. Всѣ другія крѣпости надлежало писать у площадныхъ подьячихъ (250).

Опредѣляя порядокъ совершенія крѣпостей, Улож. останавливается только на вопросахъ о количествѣ свидѣтелей и о подписи крѣпостей. Свидѣтелями въ крѣпостяхъ, писанныхъ площадными подьячими, могли быть только послѣдніе въ количествѣ 5 или 6 человѣкъ въ большихъ дѣлахъ, и двухъ или трехъ - въ сдѣлкахъ незначительныхъ, причемъ менѣе двухъ свидѣтелей не допускалось. Дающій крѣпость обязанъ подписать ее; за неграмотностью же можетъ поручить рукоприкладство отцу своему духовному, братьямъ, дядямъ, племянникамъ, вообще кому хочетъ. При совершеніи домашнихъ крѣпостей свидѣтелей не требуется; актъ долженъ быть только написанъ самимъ дающимъ и имъ подписанъ; впрочемъ, при безграмотности домашняя крѣпость можетъ быть написана и подписана тѣмъ, кому дающій крѣпость вѣритъ (X,246 - 247). Если безграмотный давалъ на себя крѣпость въ чужомъ селѣ или деревнѣ въ пользу ихъ владѣльца, то крѣпость должна быть написана земскими или церковными дьячками этого села, а подписана отцемъ духовнымъ или сторонними людьми, кому дающій крѣпость вѣритъ; въ противномъ случаѣ крѣпость считается недѣйствительною (248, 249).

Нѣкоторыя крѣпости, писанныя площадными подьячими, подлежали явкѣ въ приказѣ для записи въ книги. Такъ, крѣпости на вотчины и помѣстья представлялись въ Помѣстный Приказъ (XVII, 34, 35), крѣпости на дворы и дворовыя мѣста - въ Земскій (XIX, 40) и т.п.

б) Отдѣльные виды обязательствъ изъ договоровъ.

а) Мѣна. Объектомъ договора мѣны могли быть какъ

недвижимыя, такъ и движимыя имущества. О мѣнѣ послѣднихъ Улож. говоритъ мимоходомъ (XXI,75), постановленія же о мѣнѣ недвижимыхъ имуществъ касаются субъекта и объекта. Мѣнять недвижимыя имущества могли только тѣ лица, которымъ было предоставлено право распоряженія. Предметами мѣны могли быть вотчины, помѣстья, и тяглыя земли. Вотчины можно было мѣнять на вотчины и даже на помѣстья.

б) Купля-продажа. Субъектомъ купли-продажи могъ быть всякій, кому не было запрещено распоряженіе имуществомъ. Впрочемъ, для нѣкоторыхъ разрядовъ лицъ, не лишенныхъ права распоряженія своимъ имуществомъ, было ограничено право отчужденія въ томъ смыслѣ, что они не могли продавать его другимъ разрядамъ, а только лицамъ своего состоянія; сюда относятся: 1) тяглые (XIX, 4, 11, 12), 2) белозерцы (XVI, 48), 3) инородцы (XVI,45). Объектомъ купли-продажи могло быть всякое движимое, такъ и недвижимое имущество, принадлежащее на вотчинномъ (XVII,35) или помѣстномъ правѣ (XVII,9). Даже имущество, находящееся въ спорѣ, могло быть отчуждаемо путемъ купли-продажи. Но имущество, принадлежащее субъекту на правѣ пожизненного владѣнія, продано быть не могло; поэтому жены и матери служилыхъ людей, получившія послѣ ихъ смерти родовыя и выслуженныя вотчины на прожитокъ, не имѣли права отчуждать ихъ путемъ продажи (XVI,16; XVII,2).

При совершеніи договора купли-продажи допускалось договаривающимся ставить другъ другу разныя условія. Такъ, Улож. упоминаетъ о вотчинномъ очищеніи (X,245). Это условіе состояло въ томъ, что продавецъ посредствомъ особой записи принималъ на себя обязательство очищать покупщика отъ всѣхъ на отчуждаемое недвижимое имущество притязаній со стороны третьихъ лицъ; при этомъ онъ удостовѣрялъ покупщика, что имущество чисто, т.е., что раньше оно никому не было ни продано, ни заложено. Что касается покупки движимыхъ вещей, то самъ законъ предписываетъ соблюдать одно условіе, именно,

покупатель въ случаѣ неизвѣстности или неблагонадежности продавца долженъ былъ требовать поруки въ томъ, что проданная вещь принадлежитъ дѣйствительно ему (XVI,75). Если покупатель пріобрѣталъ вещь безъ поруки, а она оказывалась краденной, то онъ подвергался платежу выти въ истцовы иски за то, говоритъ Улож. *„не купи безъ поруки“* (XXI,65).

в) Имущественный наемъ. Объектомъ найма,могло быть всякое имущество: земли (XVI,43,45), дворы (X,227), угодья (X,247), лошади и проч.(X,274).Субъектами точно также могли быть всѣ лица дѣеспособныя, за исключеніемъ городовыхъ торговыхъ и тяглыхъ людей по отношенію къ найму лавокъ въ московскихъ торговыхъ рядахъ: такъ какъ торговля въ рядахъ была исключительнымъ правомъ московскихъ тяглыхъ людей, то нанимать здѣсь лавки городовымъ торговымъ людямъ запрещалось: они могли торговать только въ гостинномъ дворѣ (XIX,36).

Отношенія между договаривающимися, вытекающія изъ существа договора найма, состоятъ въ томъ, что наниматель долженъ сохранять въ цѣлости нанятое имъ имущество; поэтому, если наниматель двора обязывался по договору хранить его отъ пожара,то долженъ былъ уплатить цѣну двора, если пожаръ происшелъ по его небрежности (X,227), точно также, если движимое имущество, взятое въ наемъ, было попорчено, то оно отдавалось нанимателю, который обязанъ былъ заплатить хозяину того имущества, по оцѣнкѣ стороннихъ людей (X,277).

г) Заемъ. Субъектами займа могли быть всѣ дѣеспособные, за исключеніемъ воеводъ и приказныхъ людей въ мѣстахъ служенія: имъ запрещалось брать заемныя кабалы на кого бы то ни было изъ мѣстныхъ жителей (XX,63).

Объектомъ договора займа могли быть не только деньги, какъ это требуется въ настоящее время, но и другія движимыя вещи, напр., хлѣбъ (X,247).

Договоръ займа былъ безвозмезднымъ, такъ какъ условіе о платежѣ роста въ извѣстномъ процентномъ отношеніи къ суммѣ займа было совершенно запрещено на томъ основаніи, что *„по правиламъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ росту на заемныя деньги имати не велѣно“* (X,255).

Обязательство по займу могло быть обезпечено: 1) залогомъ недвижимаго и 2) закладомъ движимаго имущества.

1) Объектомъ залога могло быть только то недвижимое имущество, которое принадлежало залогодателю на правѣ собственности. Поэтому, выслуженныя вотчины мужей, данныя послѣ ихъ смерти женамъ на прожитокъ, залогу не подлежали (XVI,16; XVII,2). Но спорное имущество могло быть заложено тѣмъ, у кого оно находилось во время тяжбы; однако, если залогодатель проигрывалъ тяжбу, то договоръ залога прекращался, такъ какъ имущество отбиралось отъ залогопринимателя, который получалъ, такимъ образомъ, право требовать уплаты уже по простому, а не по обезпеченному займу (*„указати* на немъ по закладной *иныя* назадъ деньги“ X,244).

Прекращался договоръ залога уплатою по главному обязательству - займу. Если кредиторъ уклонялся отъ принятія платежа, желая воспользоваться заложенною вотчиною, то должникъ, не пропуская срока по закладной, могъ представить деньги въ Судный Приказъ, который вызывалъ залогопринимателя вмѣстѣ съ закладной, справлялся по ней, не прошелъ ли ей срокъ и, если удостовѣрялся, что срокъ пропущенъ не былъ, отдавалъ закладную должнику, уплачивая, при этомъ, внесенную послѣднимъ сумму займа кредитору (XVII,32). Если срокъ по закладной былъ пропущенъ, залогодатель лишался заложенной вотчины: она переходила на правѣ собственности къ залогопринимателю и справлялась за нимъ въ Помѣстномъ Приказѣ, на который Улож. возлагаетъ обя-

занность, прежде справки просроченнаго имущества, снестись съ Суднымъ Приказомъ, „не было ли с выкупѣ закладной вотчины въ Судномъ Приказѣ челобитья“ (XVII 38).

2) Объектомъ заклада могло быть всякое движимое имущество. Отношенія, возникавшія изъ этого договора между сторонами, состояли въ томъ, что вещь передавалась закладопринимателю, причемъ, последнему могло быть предоставлено право пользованія вещью. Въ последнемъ случаѣ закладоприниматель обязанъ былъ беречь вещь и по уплатѣ долга возвратить ее въ цѣлости закладодателю. Если имущество сгоритъ, или будетъ украдено вмѣстѣ съ имуществомъ закладопринимателя, то онъ долженъ заявить объ этомъ окольнымъ людямъ и подать письменную явку въ приказѣ. Если объектомъ заклада была лошадь или другое животное и то животное *„до сроку умирало собою, а не отъ надсады работныя, и не съ голоду, и не убито“*, то закладоприниматель получалъ въ уплату только половину долга. Прекращался договоръ заклада или уплатой по главному обязательству, или, наоборотъ, неисполненіемъ его. При неисполненіи закладная на движимое имущество обращалась сама собою въ купчую (X, 194, 196, 197).

Заемъ необезпеченный, или простой, прекращался уплатой долга. При уплатѣ долга, на заемной кабалѣ должна быть сдѣлана кредиторомъ соотвѣтствующая надпись или же выдана особая *„отпись“*, или росписка. И надпись на кабалѣ, и росписка должна быть за рукою кредитора, иначе удостовѣреніе въ платежѣ считалось недѣйствительнымъ и судомъ въ качествѣ доказательства не принималось (X, 254). При неплатежѣ долга по заемной кабалѣ, производится по опредѣленію суда взысканіе, о порядкѣ котораго было уже сказано при изложеніи постановленій памятника объ исполненіи судебныхъ рѣшеній.

Впрочемъ, если на судѣ выяснялось, что платежъ по займу не могъ быть произведенъ вслѣдствіе несосто-

ятельности должника, происшедшей не по его винѣ, а „изволеніемъ Божіемъ отъ огненнаго запаленія, или животы его какими мпрами потонули, или его разбойники, или тати, или иные какіе лихіе, или воинскіе люди разорили, и животы его разграбили“, то ему давалась разсрочка въ платежѣ maximum на 3 года и бралась поручная запись въ томъ, „что ему тѣ долги заплатить на указные сроки безъ всякаго переводу“ (X, 203). И только въ томъ случаѣ, если не находилось поручителей за такого должника, послѣдній выдавался кредитору головою до искупа (204). Точно также выдавался головою должникъ, взявшій въ заемъ деньги или въ долгъ товаръ и „истерявшій ихъ своимъ безуміемъ, пропившій, или какимъ-нибудь обычаемъ ихъ проворовавшій“.

д) Поклажа. Объектомъ поклажи, или отдачи вещей на сохраненіе, могло быть всякое движимое имущество (X, 190), за исключеніемъ разбойной рухляди, т.е., завѣдомо краденнаго или добытаго разбоемъ. Виновный въ пріемѣ разбойной рухляди, разсматривался какъ соучастникъ разбойниковъ и татей и подвергался соотвѣтствующимъ наказаніямъ (XXI, 64). Договоръ поклажи долженъ былъ совершаться безусловно въ письменной формѣ (X, 192); единственное исключеніе установлено для служилыхъ людей, состоящихъ на службѣ въ городахъ, при отъѣздѣ „для государевой скорой посылки“, они могли отдавать свои вещи на сохраненіе безъ всякихъ росписокъ хозяевамъ, у которыхъ они стояли (X, 196).

Отношенія, возникавшія между договаривающимися состояли въ томъ, что поклажепринимателъ долженъ былъ беречь вещи, отданныя ему на сохраненіе. Если отданное на сохраненіе сгоритъ или будетъ похищено вмѣстѣ съ имуществомъ поклажепринимателя, то онъ долженъ былъ объявить объ этомъ окольнымъ людямъ и подать письменную явку въ приказъ и этимъ освобождался отъ отвѣтственности (X, 194). Если имущество дано было на сохраненіе за замкомъ, или за печатью, а поклажеприниматель въ отсутствіи хозяина отпиралъ или распечаты-

валъ поклажу, то хозяинъ получалъ удовлетвореніе за тѣ вещи, которыхъ не доставало въ поклажѣ при ея возвращеніи, причемъ, отъ хозяина требовалась присяга въ томъ, что пропавшія вещи дѣйствительно заключались въ поклажѣ (X,195).

д) Личный наемъ. Нанимать кого-либо въ работу имѣютъ право, по Улож., „всякихъ чиновъ люди"; наниматься въ услуженіе могутъ также всѣ, за единственнымъ исключеніемъ: русскіе люди не могутъ быть *наймитами* у некрещеныхъ иноземцевъ въ виду того, что „православнымъ христіаномъ отъ иновѣрцевъ чинится тѣснота и оскверненіе" (XX,70).

Договоръ личнаго найма долженъ быть срочнымъ, причемъ, срокъ опредѣляется по соглашенію; законъ устанавливаетъ только, что тяглые люди могутъ отдавать въ услуженіе своихъ дѣтей нетяглымъ всякихъ чиновъ людямъ на срокъ не болѣе пяти лѣтъ (XX,116).

Совершаться договоръ личнаго найма могъ или въ письменной, или въ словесной формѣ (XX,32). Если договоръ совершался въ письменной формѣ, то актъ договора, называвшійся *житейскою записью*, должно было предъявить въ Холопій Приказъ для записи въ книгу; въ противномъ случаѣ, житейскія записи теряли юридическое значеніе: иски по такимъ записямъ судомъ не принимались (XX,45).

Нанявшійся подлежалъ отвѣтственности за неисполненіе принятыхъ на себя обязанностей. Такъ, съ нанявшагося стеречь дворъ или лавку и съ его поручителей доправлялось все *„покраденное за его сторожею"*; если же *„ему и поручикомъ его того покраденаго заплатити будетъ нечимъ"*, то они отдавались истцу головою до искупу (X,275). Это постановленіе Улож. свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что договоръ личнаго найма могъ быть обезпеченъ поручительствомъ.

Особымъ видомъ договора личнаго найма была служилая кабала, являвшаяся источникомъ такъ называемаго кабальнаго холопства. Поступленіе въ кабальные хо-

лопы, представляя съ внѣшней стороны обезпеченіе договора займа свободой должника, по существу своему, ко времени Уложенія приняло видъ личнаго найма, такъ какъ прекращеніе этого договора не зависѣло уже, какъ прежде, отъ уплаты по займу.

По Уложенію вступать въ услуженіе на правахъ кабальнаго холопа могли лишь вольные люди (XX,7), къ числу которыхъ принадлежали всѣ неслужившіе на государевой службѣ, нетянувшіе тягла, непринадлежавшіе къ частновладѣльческимъ крестьянамъ и холопамъ. Отсюда, служилые люди, „служилыхъ отцевъ" дѣти, тяглые посадскіе, крестьяне, бобыли и холопы не могли давать на себя служилыхъ кабалъ (XX,7). Вольные люди могли вступать въ кабальные холопы только по достиженію пятнадцатилѣтняго возраста (XX,20).

Возникало кабальное холопство по собственному желанію вольнаго человѣка, дававшаго на себя служилую кабалу, которую должны были писать площадные подъячіе; притомъ Уложеніе предписываетъ имъ „писати служилыя кабалы на одного человѣка *въ трехъ рубляхъ*, а больше и меньше не писати" (XX,19). Выдавать служилую кабалу можно было только на имя одного лица; кабала, взятая на одного холопа двумя лицами, освобождала послѣдняго отъ холопства, „потому", говоритъ Уложеніе, „что по Государеву указу велѣно всѣмъ людемъ служилыя кабалы имати порознь, а дву человѣкъ вмѣстѣ, отцу съ сыномъ, и брату съ братомъ, и дядѣ съ племянникомъ на одного холопа кабалъ имати не велѣно" (XX,47). Служилая кабала являлась для записки въ Холопій Приказъ, если выдавалась на Москвѣ (XX,78), - воеводамъ, приказнымъ людямъ и губнымъ старостамъ, если выдавалась въ городахъ, причемъ, кабальныя записныя книги изъ городовъ должны были ежегодно присылаться за подписью воеводъ, приказныхъ и губныхъ старостъ въ Москву въ Холопій Приказъ (XX,72

п 78), такъ что всѣ дѣла о кабальномъ холопствѣ сосредоточивались въ этомъ послѣднемъ.

Иногда кабальное холопство возникало недобровольно, именно, когда вольные люди „бьютъ челомъ кому въ холопство добровольно и, бивъ челомъ, учнутъ жити у тѣхъ людей безкабально" болѣе *трехъ мѣсяцевъ*, „и на тѣхъ людей кабалы давати и по неволѣ, хотя они къ нимъ итти въ холопи и не похотятъ" (XX,16).

Если вольный человѣкъ былъ женатъ, то со вступленіемъ его въ кабальные холопы, жена, на основаніи того общаго правила „по холопѣ - раба", становилась кабальной (XX,31,65). Что касается дѣтей, то рожденныя до вступленія въ кабальное холопство отца, записывались въ кабальные по его усмотрѣнію, причемъ Уложеніе требуетъ только, чтобы совершеннолѣтнія, т. е. достигшія 15 лѣтъ дѣти, записывались въ кабалу въ ихъ присутствіи, недорослей же отецъ могъ писать и заочно (XX,110); дѣти же рожденныя отъ кабальнаго, считались сами кабальными (XX,33).

Положеніе кабальныхъ отличалось отъ положенія полныхъ холоповъ. Кабальныхъ холоповъ нельзя было дарить, завѣщать (XX,63), давать въ приданое, продавать, словомъ, отчуждать, въ виду того, что служилая кабала была отношеніемъ чисто личнымъ, не допускавшимъ отчужденія.

Прекращалось кабальное холопство со кончиною того лица, которому холопъ служилъ по кабалѣ (XX,63); это самый обыкновенный способъ. Кромѣ этого Улож. указываетъ еще нѣсколько, изъ которыхъ одни зависятъ отъ воли господина, другіе предписаны закономъ.

Къ первымъ относятся: 1) прекращеніе кабальнаго холопства путемъ отпускной хозяина, выдаваемой послѣднимъ при жизни (XX,11) и 2) прекращеніе холопства для кабальныхъ холоповъ сыновей господина на основаніи его духовной (XX,106).

По предписанію закона кабальное холопство прекращалось въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) при измѣнѣ со сто-

гони господина Государю (XX,33); 2) при возвращеніи холопа, взятаго въ плѣнъ (XX,34); 3) при ссылкѣ хозяиномъ холопа со двора въ голодное время (XX,41); 4) при отчужденіи господиномъ кабальныхъ въ качествѣ полныхъ холоповъ (XX,81); 5) при принятіи православія некрещенымъ кабальнымъ, служившимъ также некрещеному (XX,71).

б) *Обязательства изъ правонарушенія*

Къ обязательствамъ этой категоріи относятся: 1) возвращеніе имущества и 2) вознагражденіе за причиненные убытки.

1) Возвращеніе имущества. Обязательство возвратить имущество возникаетъ изъ незаконнаго владѣнія. Уложеніе предусматриваетъ слѣдующіе случаи послѣдняго: а) насильственное завладѣніе чужою землей, б) пристанодержательство бѣглыхъ крестьянъ и в) завладѣніе чужими животными.

а) Завладѣвшій чужою землей долженъ возвратить ее настоящему хозяину съ уплатой такъ называемаго „владѣнья" по указу (X,237). Если незаконный владѣлецъ засѣвалъ эту землю хлѣбомъ, послѣдній поступалъ въ пользу хозяина. Если владѣлецъ, послѣ подачи на него хозяиномъ земли жалобы, засѣянный хлѣбъ погноитъ, потравитъ скотомъ, или сожнетъ, то онъ обязанъ заплатить за тотъ хлѣбъ вдвое (X,211).

б) Виновный въ пристанодержательствѣ бѣглыхъ крестьянъ обязанъ возвратить ихъ господину „съ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ крестьянскими животы", и кромѣ того, уплатить „за Государевы подати и за помѣщиковы доходы за всякаго крестьянина по десяти рублевъ на годъ" (XI,10).

в) Незаконный владѣлецъ чужими животными обязанъ возвратить ихъ хозяину, но приплодъ отъ нихъ остается въ его пользу, если хозяинъ началъ искъ спустя годъ послѣ завладѣнія (X,285).

2) Вознагражденіе за причиненные убытки. Преступленіе, представляя собою дѣяніе, запрещенное зако-

номъ, влечетъ за собою уголовное наказаніе. Но кромѣ этого, преступное дѣйствіе, нанося матеріальный ущербъ потерпѣвшему или третьимъ лицамъ, имѣетъ и частноправовыя послѣдствія, выражающіяся въ обязательствѣ правонарушителя вознаградить за причиненные убытки. Такое обязательство, по Уложенію, возникаетъ, какъ изъ преступленій, направленныхъ противъ личныхъ правъ, каковы убійство, причиненіе увѣчья, такъ и изъ преступныхъ дѣйствій, касающихся имущественныхъ правъ, къ которымъ относятся: разбой, татьба, истребленіе и порча чужаго имущества.

1) При *убійствѣ*, по Уложенію, изъ имущества убійцы уплачивались кабальные долги убитаго (III,8; X,105, 106).

2) За *увѣчье* виновный, кромѣ наказанія, уплачиваетъ потерпѣвшему за каждый изувѣченный членъ по пятидесяти рублей (XXII,10).

3) При *разбоѣ и татьбѣ* изъ животовъ разбойниковъ и татей, какъ было сказано при изложеніи послѣдствій обвиненія по сыску, уплачивались „выти въ истцовы убытки“.

4) При *истребленіи и порчѣ чужаго имущества* вознагражденіе за убытки назначается Уложеніемъ различное въ зависимости отъ разныхъ случаевъ; общихъ правилъ оно не устанавливаетъ. Уложеніе предусматриваетъ случаи: потравъ, поврежденія мѣстъ пчелинаго и птичьяго промысловъ и уничтоженія хмельника. Сюда же можно отнести и истребленіе межевыхъ знаковъ.

Потрава. При потравѣ скотомъ луговъ и пашни, необнесенныхъ городьбою, отвѣтственность падаетъ на хозяина скота. При этомъ, владѣлецъ пашни или луга имѣетъ право загнать скотъ къ себѣ и, заявивъ о томъ стороннимъ людямъ, призвать хозяина скота досмотрѣть учиненную потраву. При добровольномъ удовлетвореніи убытка, владѣлецъ пашни или луга долженъ возвратить скотъ въ цѣлости; если же хозяинъ скота на осмотръ потравы не явится, то владѣлецъ пашни или луга мо-

жетъ задержать скотъ до рѣшенія дѣла судомъ. Если искъ его судомъ будетъ признанъ, хозяинъ скота обязанъ уплатить ему убытки за потраву и, сверхъ того, за прокормъ скота. Если кто, загнавъ къ себѣ чужой скотъ за потраву, не будетъ его кормить и уморитъ съ голоду, то съ него взыскивается въ пользу хозяина стоимость скота по указной цѣнѣ (X,208,209).

При потравѣ пашни и луговъ, обнесенныхъ изгородью, отвѣтственность падаетъ на виновнаго въ неисправности той части изгороди, черезъ которую проникла въ поле скотина (X,230).

Поврежденіе мѣстъ пчелинаго и птичьяго промысловъ. За умышленную порчу бортнаго дерева въ чужомъ угодьѣ съ виновнаго взыскивается по жалобѣ истца убытки по указной цѣнѣ, именно за дерево съ пчелами по 3 рубля; за дерево безъ пчелъ, въ которомъ прежде онѣ водились, полтора рубля; за дерево съ новой бортью, но безъ пчелъ, 25 алтынъ (X,218).

Точно также за порчу чужой птичьей привады уплачиваются убытки по указной цѣнѣ, напр., за тетеревиный шатеръ - 3 рубля, за куропатную сѣть - рубль (X,217).

За *уничтоженіе хмѣльника* въ чужомъ угодьѣ уплачивается согласно съ исковой челобитной (X,215).

Истребленіе межевыхъ знаковъ. За порчу межи, вырытіе столбовъ, высѣченіе граней, уничтоженіе межевой ямы виновный уплачиваетъ истцу по 5 рублей за грань (X,231).

Б. Семейственное право.

а) *Бракъ.* Постановленія памятника касаются: 1) нѣкоторыхъ условій недѣйствительности брака, 2) личныхъ и 3) имущественныхъ отношеній супруговъ.

а) Условія недѣйствительности брака. Улож. говоритъ только о двухъ такихъ условіяхъ: о четвертомъ бракѣ и о наличности перваго брака.

Четвертый бракъ признается неимѣющимъ юридическихъ послѣдствій: *„а будетъ кто своруетъ, женится на чет-*

вертой женѣ и приживетъ съ нею дѣтей, и послѣ его той его четвертой женѣ и дѣтемъ, которыхъ дѣтей приживетъ онъ съ тою четвертой женою, помѣстій его и вотчинъ не давать (XVI,15).

Второй бракъ при существованіи перваго считается недѣйствительнымъ: *„а который старинной, или крѣпостной холопъ, у кого во дворѣ женяся сбѣжитъ, покиня жену, и въ бѣгахъ женится на иной женѣ, а первую жену утаитъ, а послѣ того придетъ онъ къ прежнему своему боярину и къ первой своей женѣ или его прежній бояринъ въ бѣгахъ изымаетъ и ему по старинѣ жити у того прежнего боярина съ первою своею женою...“* (XX,84).

б) Личныя отношенія супруговъ. Говоря о личныхъ отношеніяхъ супруговъ, прежде всего надо обратить вниманіе на постановленія о сообщеніи правъ состоянія отъ одного супруга другому. На основаніи опредѣленій о безчестьѣ можно установить то общее правило, что свободныя лица сообщали права своего состоянія женамъ. Такъ жены служилыхъ за безчестье получали вдвое противъ оклада мужей; жены посадскихъ и крестьянъ - вдвое противъ безчестья ихъ мужей (X,99). Впрочемъ, изъ этого правила было сдѣлано одно исключеніе: вольные люди, женившіеся на посадскихъ тяглыхъ вдовахъ и шедшіе къ этимъ послѣднимъ въ домъ (XIX,22), равно какъ женившіеся на дочеряхъ тяглыхъ посадскихъ и обязывавшіеся жить въ домѣ ихъ отцовъ и кормить ихъ по смерть, становились тяглыми (XIX,23).

По отношенію къ бракамъ лицъ свободныхъ съ несвободными дѣйствовало правило: „по рабѣ холопъ и по холопѣ раба“, т.е. права состоянія опредѣлялись по несвободному (XX,31); поэтому свободный, вступившій въ бракъ съ крѣпостной, если не желалъ сдѣлаться холопомъ, долженъ былъ получить отъ ея господина выводное письмо (XI,19).

Тоже самое нужно сказать о бракахъ, заключенныхъ бѣглыми посадскими и крестьянами, какъ свободными,

такъ и несвободными. Состоянie супруга опредѣлялось состоянiемъ бѣглаго или бѣглой. Такъ, женщина посадскаго состоянiя, вышедши замужъ въ бѣгахъ за крѣпостнаго, или вступившая съ нимъ въ бракъ по подговору его владѣльца, возвращалась по жалобѣ ея отца въ посадъ и въ тягло вмѣстѣ съ мужемъ (XIX,38). Бѣглые крѣпостные возвращались ихъ владѣльцамъ, мужья съ женами, жены съ мужьями (смотря потому, кто былъ бѣглымъ XX,84 и 85). Но изъ общаго правила, что состоянie супруга опредѣляется по состоянiю бѣглаго, Уложенie знаетъ одно исключенie: бѣглыхъ крѣпостныхъ женщинъ, вышедшихъ замужъ за служилыхъ людей Украйныхъ городовъ, не возвращали съ мужьями къ ихъ владѣльцамъ, а взыскивали съ такихъ служилыхъ выводныя деньги, т.е., бѣглыя въ силу этого становились свободными (XX,27).

Супруги обязаны были жить вмѣстѣ. Это требованie вытекаетъ изъ принципа нерасторжимости брака, который былъ признанъ памятникомъ во всей силѣ: „А кто кому старинныхъ своихъ или купленныхъ людей дастъ въ приданые за сестрою или за дочерью" говоритъ Улож., „и судомъ Божiимъ тоя его сестры или дочери не станетъ, а дѣтей послѣ ихъ не останется, и тѣхъ умершихъ мужьемъ такихъ приданыхъ людей по ряднымъ записямъ отдавати тѣмъ людемъ, кто ихъ въ приданые дастъ, хотя будетъ у кого приданые женки, или дѣвки за мужъ выданы, *а мужики поженилися, и ихъ отдати со всѣмъ*, (т.е. разумѣется, съ женами), *потому, по правилу св. апостолъ и св. отецъ, жены съ мужемъ разводить не велѣно; гдѣ мужъ, тутъ и жена, кому жена, тому и мужъ*" (XX,62).

Другихъ постановленiй относительно личныхъ правъ и обязанностей супруговъ, кромѣ указанныхъ, въ Улож. не встрѣчается.

в) Имущественныя отношенiя супруговъ. Постановленiя памятника по этому вопросу крайне отрывочны. На основанiи нѣкоторыхъ статей его можно сдѣлать тотъ

выводъ, что жена, какъ таковая, не отвѣчала своимъ имуществомъ за долги и преступленія мужа; отвѣтственность падала на нее только въ томъ случаѣ, если она являлась наслѣдницей мужа или соучастницей въ преступленіи. Улож. предусматриваетъ слѣдующіе случаи: 1) „А который отвѣтчикъ умретъ послѣ того, какъ онъ въ истцовѣ иску обвиненъ, а съ истцомъ онъ до смерти своей не раздѣлался: и за такихъ умершихъ отвѣтчиковъ велѣти *истцовъ искъ правити на женѣ его и на дѣтяхъ, или на братьѣ, кто послѣ его во дворѣ и въ животахъ его останется*" (X,132). 2) „А будетъ кто кому учинитъ какое насильство, или бой и раны, или какія нибудь убытки и обиды, и будутъ на него въ томъ челобитчики, и съ суда про то его насильство сыщется допряма, а онъ въ томъ въ иску не роздѣлався умретъ, а послѣ его останутся вотчины или животы, *а въ тѣхъ его вотчинахъ и животахъ будутъ жена его и дѣти:* и истцомъ велѣти *искъ ихъ доправити того умершаго на женѣ и на дѣтяхъ* (X,207). 3) „А будетъ кто кому давъ на себя въ заемныхъ деньгахъ кабалу, или въ вотчинномъ очищеньѣ, или въ иномъ въ какомъ дѣлѣ нибудь какую крѣпость, да умретъ, *а послѣ его въ животахъ его останутся жена его и дѣти, или иные кто его роду*, а какъ онъ живъ былъ и у него по тѣмъ кабаламъ въ заемныхъ деньгахъ и по записямъ въ вотчинномъ очищеньѣ съ истцы судъ былъ, а судныя дѣла по смерть его не вершены, а по тѣмъ суднымъ дѣламъ довелося было его обвинити: и истцомъ по тѣмъ дѣламъ велѣти *искъ ихъ правити того умершаго на женѣ и на дѣтяхъ, или на иныхъ роду его, кто послѣ его въ животахъ его останется, и кому даны вотчины его*" (X,245). Изъ приведенныхъ постановленій ясно, что жена платитъ по неисполненнымъ обязательствамъ мужа, не какъ жена, а какъ наслѣдница; къ такой же отвѣтственности привлекаются и дѣти, и братья, и иные его роду, т.е. каждый, принявшій наслѣдство, а потому и обязанный отвѣтствовать по обязательствамъ умершаго. Точно также при соучастіи въ преступленіи,

о чемъ говорится въ Улож. такъ: *„а будетъ поличное въ дому чьемъ выняли, а жена и дѣти про тѣ краденые животы вѣдали: и на нихъ имати выть, по указу“* (XXI,88), жена отвѣтствуетъ, не какъ таковая, а какъ соучастница.

Кромѣ указанныхъ постановленій въ Улож. встрѣчается нѣсколько статей, трактуюшихъ о приданомъ.

Объектомъ приданаго могли быть, какъ недвижимыя, такъ и движимыя имущества. Изъ недвижимыхъ имуществъ можно было „писать въ приданое“ только купленныя вотчины (XVII,45); выслуженныя же вотчины, данныя вдовамъ на прожитокъ, не могли быть объектами приданаго (XVI,16;XVII,2). Наоборотъ, помѣстья, данныя на прожитокъ вдовамъ и дочерямъ послѣ смерти мужей и отцовъ, дозволялось „писать въ приданое“ (XVI,17). Съ прожиточнымъ своимъ помѣстьемъ вдова или дочь служилаго могли итти замужъ только за служилаго, какъ безпомѣстнаго, такъ и за помѣстнаго (XVI,18,19); причемъ, помѣстье должно было быть справлено за женихомъ до брака. Если женихъ до женитьбы не просилъ о справкѣ помѣстья невѣсты, то послѣднее отдавалось безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ родственникамъ невѣсты, а если таковыхъ не было - челобитчикамъ изъ чужихъ родовъ (XVI,20).

Изъ движимыхъ имуществъ Улож. упоминаетъ только о холопахъ, изъ которыхъ объектомъ приданаго могли быть полные, докладные и купленные холопы; холоповъ же кабальныхъ писать въ приданое Улож. запрещаетъ; если это правило не соблюдалось, кабальный получалъ свободу (XX,61).

По прекращеніи брака смертью мужа, если не оставалось дѣтей, приданое возвращалось женѣ: „а женамъ тѣхъ умершихъ, которые останутся бездѣтны, давать имъ изъ животовъ ихъ четверть, *да приданое*“ (XVII,1); если же бракъ прекрашался смертью бездѣтной жены, то Уложеніе предписываетъ только возвратить приданыхъ ея холоповъ тому, „кто ихъ въ приданые далъ“,

не упоминая ничего о другихъ объектахъ приданаго (XX,62).

б) *Союзъ родителей и дѣтей.* Союзъ этотъ устанавливается рожденіемъ въ законномъ бракѣ. Дѣти, рожденныя внѣ брака (X,280) или въ бракѣ недозволенномъ (XVI, 15), считаются незаконно-рожденными и, по Улож., строго различаются отъ дѣтей законныхъ. Такъ, незаконныя дѣти не наслѣдовали отцу, ни въ вотчинахъ, ни въ помѣстьяхъ (X,280;XVI,15); иски ихъ на кого-либо о безчестьѣ судомъ не удовлетворялись; наконецъ, *„причитать ихъ въ законные дѣти"*, т.е. узаконять, Улож. запрещаетъ даже въ томъ случаѣ, если родители, приживъ ихъ внѣ брака, вступали впослѣдствіи въ бракъ (X,280).

Личныя отношенія родителей и дѣтей выражались, по Улож., въ томъ, что дѣти должны „быти у отца и матери во всякомъ послушаніи" (XXII,5). Непослушныхъ родители могли наказывать, и дѣти не имѣли права приносить на нихъ жалобъ въ судѣ. Если дѣти рѣшались жаловаться, они подлежали наказанію кнутомъ и отдавались родителямъ(XXII,6). Кромѣ права родителей исправлять своихъ дѣтей, имъ принадлежало право распоряженія свободой дѣтей. Такъ, имъ предоставлялось записывать дѣтей вмѣстѣ съ собой въ кабальное холопство (XX, 110). Что касается права родителей на жизнь дѣтей, то оно имъ не принадлежало, такъ какъ за убійство дѣтей, родители не освобождались отъ наказанія, хотя оно и смягчалось сравнительно съ другими видами убійства, именно, родители за убійство дѣтей подвергались не смертной казни, а только тюремному заключенію на годъ и покаянію: *„а будетъ отецъ или мать сына или дочь убіетъ до смерти и ихъ за то посадити въ тюрьму на годъ, а отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходити имъ къ церкви Божіей и у церкви Божіи объявляти тотъ свой грѣхъ всѣмъ людемъ въ слухъ, а смертію отца и матери за сына или за дочь не казнити"* (XXII,3). Дѣти же за убійство роди-

телей подлежали смертной казни „безо всякія пощады“ (XXII,1).

На обязанности дѣтей, кромѣ послушанія, лежало доставленіе пропитанія родителямъ въ старости. За неисполненіе этой обязанности дѣти по жалобѣ родителей подвергались нещадному наказанію кнутомъ (XXII,5).

Объ имущественныхъ отношеніяхъ родителей и дѣтей прямыхъ постановленій въ памятникѣ не встрѣчается. Но изъ одной статьи, разрѣшающей отцу отпускать кабальныхъ холоповъ своего сына на волю по духовному завѣщанію, видно, что отцу было предоставлено право распоряжаться въ указанномъ отношеніи имуществомъ дѣтей (XX,106).

в) *Опека.* Объ опекѣ имѣется въ памятникѣ одно только постановленіе, въ силу котораго лица, находившіяся подъ опекой, по достиженіи совершеннолѣтія, т. е. 15 лѣтняго возраста, имѣли право жаловаться на опекуна и требовать вознагражденія за растрату ихъ имущества. Срокъ для принесенія подобныхъ жалобъ былъ назначенъ пятилѣтній, считая со времени достиженія опекаемымъ совершеннолѣтія (XVII,13).

Г. Наслѣдственное право.

а) *Наслѣдованіе по завѣщанію.* О лицахъ, пользовавшихся правомъ дѣлать завѣщанія, въ Улож. ничего не говорится. Что касается до лицъ, въ пользу которыхъ могло быть завѣшано имущество, въ памятникѣ не встрѣчается никакихъ ограниченій, исключая ограниченія, установленнаго по отношенію къ духовнымъ властямъ и монастырямъ: ни тѣ, ни другіе не могли пріобрѣтать путемъ завѣщанія недвижимыхъ имуществъ (XVII,42). Объектомъ духовнаго завѣщанія могло быть всякое имущество, принадлежавшее завѣщателю на правѣ собственности, какъ движимое, такъ и недвижимое. Совершались духовныя завѣщанія въ письменной формѣ, причемъ, Улож. разрѣшаетъ писать ихъ на дому (X,250). Составленное духовное завѣщаніе должно было засвидѣтельствовать и,

если оно при свидѣтельствѣ никѣмъ не оспаривалось, то пріобрѣтало силу навсегда и впослѣдствіи не могло быть оспорено (XVII,31).

б) *Наслѣдованіе по закону.*

а) *Случаи открытія наслѣдства.* Наслѣдство открывалось смертью лица, неоставившаго завѣщанія и поступленіемъ въ монастырь. При поступленіи въ монастырь постригавшійся долженъ былъ распорядиться своими родовыми и выслуженными вотчинами, отдавъ ихъ своимъ законнымъ наслѣдникамъ, которые за то обязаны были его кормить, одѣвать и всякимъ покоемъ покоить до его смерти; вотчины же купленныя онъ имѣлъ право продать или подарить по усмотрѣнію (XVII, 43).

б) *Порядокъ наслѣдованія въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ.* Въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ наслѣдуютъ прежде другихъ нисходящіе, именно, сыновья умершаго; при нихъ дочерямъ жеребьевъ изъ вотчинъ не дается, пока братья ихъ живы; дочерямъ послѣ отцовъ ихъ даются въ такомъ случаѣ только участки изъ помѣстій на прожитокъ по указу; если сыновей совсѣмъ не останется, то дочери признаются *„тѣхъ вотчинамъ вотчинчи"*. Если послѣ умершаго лица мужскаго или женскаго пола останутся дочери и внуки или правнуки отъ дочерей, прежде умершихъ, то они наслѣдуютъ въ старинныхъ и выслуженныхъ вотчинахъ дѣдовъ и бабокъ вмѣстѣ съ дядьями и тетками. Послѣ лица, неоставившаго нисходящихъ, наслѣдуютъ родственники боковыхъ линій, кто будетъ ближе изъ рода умершаго, т.е., въ постепенности линій, причемъ, получившій вотчину обязанъ дать за нее деньги по душѣ умершаго въ вѣчный поминокъ въ количествѣ, которое требовалось давать по закону при выкупѣ вотчинъ изъ монастырей. Жена послѣ мужа, равно какъ и мать послѣ сына, въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ не наслѣдница, но изъ этого постановленія сдѣлано исключеніе на тотъ случай, когда послѣ умершихъ служилыхъ людей останутся матери ихъ, жившія вмѣ-

стѣ съ ними и не имѣющія за собою отъ своихъ мужей, а ихъ отцовъ, прожиточныхъ помѣстій, равно какъ и бездѣтныя жены; помѣстій же, изъ которыхъ можно было бы дать указную часть на прожитокъ матерямъ и женамъ послѣ тѣхъ умершихъ служилыхъ не останется; точно также не останется послѣ нихъ и купленныхъ вотчинъ, но будутъ у нихъ только родовыя и выслуженныя вотчины: тогда разрѣшается давать матерямъ и женамъ часть изъ выслуженныхъ вотчинъ на прожитокъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы тѣ вдовы не продавали, не закладывали, не отдавали по душѣ и не писали за собою въ приданое полученныхъ ими вотчинъ. По выходѣ такихъ вдовъ замужъ, по поступленіи въ монастырь или послѣ ихъ смерти вотчины поступали наслѣдникамъ, кто тѣмъ вотчинамъ будетъ ближе (XVIII, 2 - 4).

в) Порядокъ наслѣдованія въ вотчинахъ купленныхъ

Наслѣдованіе въ вотчинахъ купленныхъ было различно, смотря потому были ли вотчины куплены изъ порожнихъ казенныхъ земель, или изъ своихъ помѣстій, или, наконецъ, отъ частныхъ лицъ.

Вотчины, купленныя изъ порожнихъ казенныхъ земель, поступаютъ въ наслѣдство къ женѣ и дѣтямъ покупателя, если же послѣ него не осталось жены и нисходящихъ, то къ боковымъ родственникамъ (XVII, 45).

Вотчины, купленныя изъ своихъ помѣстій, переходятъ по наслѣдству къ женѣ, въ случаѣ кончины бездѣтнаго покупателя, на правѣ пожизненнаго владѣнія, или до выхода замужъ, или до постриженія; при выходѣ же замужъ, постриженіи, или смерти жены, вотчина отдается родственникамъ мужа по указу Государя непремѣнно на вотчинномъ правѣ, причемъ, родственники обязаны дать деньги за ту вотчину согласно купчей по его душѣ (XVII, 8).

Вотчины, купленныя отъ частныхъ лицъ, поступаютъ въ

наслѣдство женѣ умершаго. Но изъ этого правила сдѣлано одно исключеніе: если умершій, оставивъ послѣ себя вторую или третью жену и единокровныхъ дѣтей отъ всѣхъ женъ, имѣлъ только купленную вотчину, не имѣя ни родовыхъ, ни выслуженныхъ вотчинъ, ни помѣстій, то купленная вотчина дѣлится между женою и всѣми дѣтьми по жеребьямъ (XVII,5).

г) Порядокъ наслѣдованія въ помѣстьяхъ состоялъ въ слѣдующемъ: изъ помѣстій умершаго прежде всего дается указная часть его женѣ на прожитокъ и дѣтямъ; остатокъ отдается безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ родственникамъ, за отсутствіемъ же послѣднихъ - чужеродцамъ (XVII,13).

Жена и дочь умершаго получаютъ на прожитокъ изъ каждыхъ ста четвертей помѣстнаго оклада: если мужъ или отецъ убитъ на службѣ, жена по 20, дочь по 10 четвертей; если онъ умеръ на службѣ, жена - по 15, дочь - по семи съ половиною; наконецъ, если онъ умеръ дома, жена - по 10, дочь - по 5 четвертей (XVI, 30 - 32). По выходѣ замужъ прожиточное помѣстье вдовы или дѣвицы справлялось за женихомъ. Если, затѣмъ, мужъ, за которымъ было справлено прожиточное помѣстье, умиралъ, то вдова его могла просить, чтобы указная часть, по его окладу, была дана ей изъ справленнаго за нимъ прожиточнаго ея помѣстья (XVI,56).

Сыновья наслѣдовали въ помѣстьяхъ отца по своему помѣстному окладу.

д) Наслѣдованіе въ имуществахъ движимыхъ. О наслѣдованіи въ имуществахъ движимыхъ въ уложеніи встрѣчается одно только постановленіе, по которому бездѣтная жена изъ „животовъ" умершаго мужа получаетъ четверть (XVII,1).

е) Послѣдствія принятія наслѣдства. Принявъ наслѣдство наслѣдники должны были принять на себя исполненіе всѣхъ обязательствъ умершаго.

§14) Уголовные законы.

А. Преступленіе.

а) *Понятіе о преступленіи.* Хотя Уложеніе не даетъ опредѣленія преступленія, но изъ нѣкоторыхъ ст. его можно заключить, что подъ преступленіемъ оно разумѣетъ нарушеніе закона, ослушаніе царской волѣ и, такимъ образомъ, вводитъ чисто формальный взглядъ на преступленіе и, притомъ, съ примѣсью религіозныхъ воззрѣній на послѣднее, какъ на грѣхъ, забвеніе страха Божія. Наприм., запрещая мучительскія наругательства (отсѣченіе руки, ноги, урѣзаніе уха, носа и т.п.), Улож. грозитъ строгимъ наказаніемъ тому, кто *„не боясь Бога и не опасаяся государскія опалы и казни"*, учинитъ подобное преступленіе (XXII,10). Въ другомъ мѣстѣ, устанавливая наказаніе за поклепные иски, Улож. начинаетъ ст. такъ: *„а кто забывъ Божій страхъ и государево крестное цѣлованіе* похочетъ своимъ вымысломъ кого испродати напрасно....." (X,186). Разсматривая тотъ случай, когда сторонніе люди, слыша крики „разбиваемыхъ людей", не пойдутъ къ нимъ на помощь, Улож. предписываетъ „на тѣхъ людѣхъ за выдачку и *ослушаніе* имати пени" (XXI, 59). Или, полагая наказаніе кнутомъ за грубыя рѣчи родителямъ, Улож. называетъ виновныхъ въ этомъ дѣтей *„забывателями закона христіанскаго"* (XXII,4).

б) *Субъектъ преступленія.* Субъектомъ преступленія можетъ быть одно или нѣсколько лицъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такъ наз. соучастіемъ въ преступленіи.

Улож. различаетъ при соучастіи главныхъ и второстепенныхъ виновниковъ, или пособниковъ. Главные виновники, какъ интелектуальные, такъ и физическіе, наказываются одинаково. Такъ, если слуга совершалъ наругательство надъ кѣмъ нибудь по наученію своего господина, то Улож. предписываетъ тому, *„кто на такое дѣло научитъ и тому, кто такое дѣло сдѣлаетъ по тому же учинити жестокое наказаніе, бити ихъ кнутомъ*

по торгомъ и вкинуть ихъ въ тюрьму на мѣсяцъ" (XXII, 12). Точно также, если *„кто надъ кѣмъ учинитъ смертное убійство по чьему наученію, и того кто на смертное убійство научалъ, и кто убилъ, обоихъ казнити смертью же"* (XXII,19).

Второстепенные виновники, или пособники,называются въ Улож. товарищами и наказуются иногда легче, чѣмъ главные виновники, иногда наравнѣ съ ними. Такъ, за убійство главный виновникъ подлежитъ смертной казни, товарищи же - наказанію кнутомъ и ссылкѣ „куда государь укажетъ" (X,198). Напротивъ, пособникамъ въ разбоѣ, Улож. предписываетъ „указъ чинити такъ же, какъ и разбойникомъ".

Кромѣ участниковъ въ преступленіи различаютъ еще прикосновенныхъ къ преступленію лицъ. Сюда относятся: попустителя, укрыватели и недоносителей.

Лица, прикосновенныя къ преступленію, караются по Улож., или слабѣе главныхъ виновниковъ, или одинаково съ ними. Напр., попустители, видѣвшіе воровъ и не ловившіе ихъ, когда „имымать ихъ было можно",подвергались только штрафу (XXI,15). Укрыватели же и пристанодержатели разбойниковъ карались наравнѣ съ послѣдними (XXI,63). Но укрыватели краденыхъ вещей, разбойной рухляди и покупатели такихъ вещей подвергаются лишь тюремному заключенію въ случаѣ отсутствія поручительства (XXI,64). Наконецъ, о недоносителяхъ упоминается только по отношенію къ государственнымъ преступленіямъ. Недоносители наказывались одинаково съ главными виновниками смертною казнью. Причемъ, здѣсь не дѣлалось никакого различія между посторонними людьми и членами семьи (II,6,9,19).

в) *Преступное дѣйствіе.* Улож. разсматриваетъ преступленіе, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны.

Разсматривая преступное дѣяніе съ *внутренней стороны,* т.е. со стороны проявленія воли человѣка, на-

правленной къ достиженію преступной цѣли, Уложеніе различаетъ дѣянія умышленныя, неосторожныя и случайныя.

Дѣянія умышленныя Уложеніе называетъ различно: *„нарочнымъ дѣломъ“*, *„хитростью“*, *„воровствомъ“*, *„умышленіемъ“*, и назначаетъ за нихъ всегда высшую степень наказанія. Напримѣръ, *„а кого кто убьетъ съ умышленія. . . и такова убійцу казнити смертію“* (XXI, 72).

Неосторожныя дѣйствія различаются по степени неосторожности. Самымъ грубымъ видомъ неосторожныхъ дѣяній Улож. считаетъ небрежность, „небереженіе“, и наказываетъ послѣднее на ряду съ дѣяніями умышленными, произведенными „нарочнымъ дѣломъ“: *„а сыщется про то допряма что такой пожаръ* (въ лѣсу) *учинится нарочнымъ дѣломъ или пастуховымъ небереженіемъ, и на тѣхъ людѣхъ за такое пожарное разореніе взяти пени“* (X, 223). Менѣе наказуемымъ является такое неосторожное дѣйствіе, которое совершается въ состояніи опьяненія: подобное дѣйствіе противополагается умышленному, но не считается случайнымъ, а потому и ненаказуемымъ: *„а убьетъ чей ни буди крестьянинъ чьего крестьянина до смерти, а съ пытки тотъ убійца на себя учнетъ говорити, что его убилъ пьянымъ дѣломъ, а неумышленіемъ, и......того убойцу бити кнутомъ“* (XXI, 73).

Наконецъ, такія неосторожныя дѣйствія, которыя по своему существу граничатъ съ простою случайностью, по Улож., ненаказуемы: „а будетъ кто *стрѣляючи изъ пищали или изъ лука* по звѣрю, или по птицѣ, или по примѣтѣ и стрѣла или пулька вспловетъ и *убьетъ кого за горою, или за городьбою*, или кто *какимъ нибудь обычаемъ* кого *убьетъ до смерти деревомъ, или каменемъ, или инымъ нибудь, ненарочнымъ же дѣломъ*, а недружбы и никакія вражды напередъ того у того, кто убьетъ съ тѣмъ, кого убьетъ не бывало и сыщется про то допряма, что такое *убійство учинилося ненарочно, безъ умышленія* и за такое убійство никого смертью не казнити и въ тюрьму не

сажати потому, что такое дѣло *учинится грѣшнымъ дѣломъ, безъ умышленія*" (XXII,20).

Случайныя дѣйствія Улож. называетъ „*безхитростными*", совершающимися „*изволеніемъ Божіимъ*", „*ненарочнымъ*", „*грѣшнымъ дѣломъ*" и не налагаетъ за нихъ наказаній: „*а будетъ такое пожженіе* (на нивахъ или лугахъ) *учинится безъ хитрости...... и за такое пожженіе на отвѣтчикѣхъ истцовыхъ исковъ не правити потому, что такое запаленіе учинится изволеніемъ Божіимъ, а не отвѣтчиковымъ умышленіемъ* (X,225).

При разсмотрѣніи преступнаго дѣянія *съ внѣшней стороны*, т.е. со стороны проявленія злой воли во внѣ, Улож. различаетъ слѣдующія стадіи этого проявленія воли: голый умыселъ, покушеніе и совершеніе преступленія.

Голый умыселъ, о которомъ Улож. говоритъ въ двухъ случаяхъ, считается наказуемымъ, именно: „кто учнетъ *мыслить* на государское здоровье злое дѣло......такого по сыску казнити смертью" (II,1) и „а будетъ чей-нибудь человѣкъ *помыслитъ* смертное убійство на того, кому онъ служитъ, или противъ его вынетъ какое оружіе, хотя его убить и ему за такое его дѣло отсѣчь рука" (XXII,8). Изъ этого видно, что голый умыселъ въ преступленіи, направленномъ противъ особы государя наказуется наравнѣ съ совершеніемъ; умыселъ же холопа относительно убійства господина карается наравнѣ съ покушеніемъ. Особымъ видомъ голаго умысла являлась угроза и сама по себѣ, если не была приведена въ исполненіе, не считалась наказуемой. Такъ, похвальба полжегомъ вела къ отдачѣ виновнаго только на поруки, „что ему такого лихаго дѣла не сдѣлати" (X,202); похвальба же въ убійствѣ – къ выдачѣ опасной грамоты съ заповѣдью въ суммѣ отъ 5 до 7 тысячъ, если виновнымъ оказывался помѣстный и вотчинный „прожиточный человѣкъ" (X,133); если же виновникомъ былъ безпомѣстный человѣкъ, эквивалентомъ заповѣди служило заключеніе въ тюрьму на 3 мѣсяца (X,135).

Покушеніе, по Улож., всегда наказуемо, причемъ, или слабѣе самаго совершенія преступленія, или наравнѣ съ нимъ. Уравненіе наказанія за покушеніе съ наказаніемъ за совершеніе встрѣчается только въ преступленіяхъ государственныхъ. Такъ, *„кто, хотя Московскимъ государствомъ завладѣти и государемъ быти, для того своего умышленія начнетъ рать сбирать или кто съ недруги Царскаго Величества начнетъ дружитися и совѣтными грамотами ссылатися и помочь имъ всячески чинити, казнити смертью“* (II,2). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ наказаніе за покушеніе слабѣе. Напр., если кто либо въ присутствіи государя *„вымѣтъ на кого какое нибудь оружіе“*, но никого не ранитъ и не убьетъ, подлежитъ отсѣченію руки, если же убьетъ или ранитъ - смертной казни (III,3,4). Вынувшій же мечъ „не при государѣ“ и не ранившій никого подлежалъ тюремному заключенію, нанесшій же легкую рану - отсѣченію руки (III,5).

Совершеніе преступленія, по Улож., всегда наказуемо, если оно небезхитростно.

г) *Виды преступленій.*

а) Преступленія противъ вѣры и церкви. Изъ преступленій противъ вѣры Уложеніе говоритъ о богохульствѣ и совращеніи православныхъ въ мусульманство.

Государство, ограждая христіанское вѣроученіе, запрещаетъ *хулу* на святыню христіанскую: *„а будетъ кто иновѣрцы, или и русскій человѣкъ возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, или на Пречистую Богородицу ....или на св. крестъ и св. угодниковъ“*, тотъ подлежитъ смертной казни чрезъ сожженіе (I,1).

Совращеніе изъ православія въ мусульманство посредствомъ насилія или обмана наказуется смертною казнью чрезъ сожженіе (XXII,24).

Изъ преступленій противъ церковнаго благочинія Ул. упоминаетъ объ умышленномъ *перерывѣ* литургіи, наказу-

еиомъ смертною казнью (I,2) и объ *оскорбленіи священнослужителя въ храмѣ* и о перерывѣ такимъ путемъ богослуженія, за что полагается торговая казнь, т.е. битье кнутомъ на торгу (I,1). Далѣе Уложеніе строго преслѣдуетъ убійство (I,4), причиненіе ранъ (5), нанесеніе оскорбленія дѣйствіемъ (6) или словомъ (7) въ храмѣ.

б) Преступленія государственныя, къ которымъ относятся преступленія политическія, преступленія противъ порядка управленія и суда, преступленія по должности.

1) Изъ *политическихъ преступленій* Улож. говоритъ о преступленіяхъ противъ жизни, здоровья и чести Государя, заговорѣ и измѣнѣ.

Преступленія противъ жизни и здоровья государя наказуются смертью (II,1). Преступленіями же противъ чести государя, или такъ называемыми „оскорбленіями величества", считаются всякія незаконныя дѣянія, совершенныя не только по отношенію къ государю лично, но и по отношенію къ частнымъ лицамъ въ присутствіи государя и даже въ его отсутствіи, но на „дворѣ государевомъ". Сюда относятся: оскорбленіе словомъ кого-нибудь, побои, причиненіе ранъ и убійство въ присутствіи государя; оскорбленія дѣйствіемъ (ударъ мечемъ) на государевомъ дворѣ, „*хотя и не при Государѣ*" (III, 1, 2,3,4)

Заговоръ, для наличности котораго требуется а) сообщество, имѣющее цѣлью ниспроверженіе верховной власти и б) приготовленіе къ осуществленію этой цѣли путемъ сбора рати, ведетъ къ смертной казни и конфискаціи имущества (II,2,5). Такое же наказаніе полагается и за недонесеніе о заговорѣ.

Измѣной Улож. называетъ: а) сдачу города непріятелю (II,3), б) побѣгъ въ непріятельскую армію (VII,20), в) отъѣздъ безъ проѣзжей грамоты (VI,3). За всѣ эти преступленія полагается смертная казнь и конфискація имущества.

2) *Преступленія противъ порядка управленія и суда.* Къ числу преступленій противъ порядка управленія принадлежатъ преступленія противъ финансовыхъ правъ государства. Изъ преступленій противъ этихъ правъ Улож. говоритъ о *поддѣлкѣ монеты* и о *корчемствѣ.*

Поддѣлка монеты наказывалась смертною казнью чрезъ залитіе горла расплавленнымъ металломъ (V,1).

Подъ корчемствомъ разумѣлась недозволенная торговля виномъ. Отвѣтственными признаются не только „корчемники", но и потребители въ корчмахъ, „питухи". Наказаніе различно въ зависимости отъ повторенія преступленія. За первый разъ налагается штрафъ, за второй - сверхъ штрафа въ двойномъ размѣрѣ, корчемникъ подлежитъ битью кнутомъ, а питухъ - батогами, за третій - штрафъ въ четверо, кнутъ и заключеніе въ тюрьму до указа (XXV, 1 и 2); наконецъ, за четвертый разъ - ссылка въ дальніе города и конфискація имущества по отношенію къ корчемнику и торговая казнь съ тюремнымъ заключеніемъ *на годъ* по отношенію къ питухамъ.

Къ преступленіямъ противъ порядка *суда* Улож. относитъ: сопротивленіе приставу при отправленіи имъ своихъ обязанностей, лжеприсягу, лжесвидѣтельство и ябедничество.

За *сопротивленіе приставу* при вызовѣ въ судъ и за побѣгъ отъ него отвѣтчикъ подлежитъ тюремному заключенію на недѣлю (X,139); въ случаѣ же бѣгства при вторичномъ вызовѣ - наказанію батогами (X,141). За оскорбленіе дѣйствіемъ пристава при вызовѣ въ судъ виновный отвѣтчикъ подлежитъ наказанію кнутомъ и заключенію въ тюрьму на три мѣсяца (X,142).

Лжеприсяга ведетъ къ торговой казни, двухлѣтнему тюремному заключенію и лишенію права когда бы то ни было вчинать иски: „а кто на судѣ.......крестъ поцѣлуетъ не по правдѣ, и ему учинить жестокое наказаніе, бить его кнутомъ по торгомъ по три дни, что бы про то было вѣдомо многимъ людемъ, за что ему такое нака-

занье указано учинить, и бивъ его по торгомъ кнутомъ по три дни, посадить его въ тюрьму на годъ, и впредь ему ни въ чемъ не вѣрить, и ни въ какихъ дѣлѣхъ ни на кого суда не давать" (VI,27).

О *лжесвидѣтельствѣ* было уже сказано при изученіи повальнаго обыска. Если обыскные люди давали ложныя показанія, то они платили пеню, сумма которой соразмѣрялась съ общественнымъ положеніемъ лжесвидѣтеля; обыскные же люди низшихъ разрядовъ, сверхъ того, подлежали наказанію кнутомъ (X, 161,162).

Ябедничество или ложный доносъ, ложное челобитье и поклепный искъ наказуются различно. *Ложный доносъ* несвободнаго на господина въ совершеніи имъ политическаго преступленія наказывается нещадно кнутомъ (II, 13), ложный же доносъ свободнаго на кого нибудь въ совершеніи „великаго государева дѣла", или измѣнѣ, велъ къ тому же наказанію, какому подвергся бы ложно обвиненный въ случаѣ справедливости доноса, т.е. къ смертной казни. *Ложное челобитье* на судью въ неправильномъ рѣшеніи дѣла влекло за собой наказаніе кнутомъ, тройную плату безчестья судьѣ и тюремное заключеніе „до государева указа" (X,9). *Поклепные иски* наказывались штрафомъ и возмѣщеніемъ убытковъ потерпѣвшей сторонѣ (X,17,18)

б) *Преступленія по должности*, къ числу которыхъ относятся *лихоимство, неправосудіе и подлоги*. Обо всѣхъ указанныхъ преступленіяхъ было изложено въ отдѣлѣ объ обязанностяхъ и отвѣтственности судей и приказныхъ (см. §12, отд. А, пунк. б).

в) *Преступленія противъ частныхъ лицъ*. Въ преступленіяхъ этого рода, обыкновенно, различаются слѣдующіе виды: преступленія противъ жизни, противъ тѣлесной неприкосновенности, противъ чести и имущественныхъ правъ.

1) *Преступленіе противъ жизни*, т.е. *убійство*, вело къ смертной казни. Но въ Уложеніи встрѣчается нѣ-

сколько случаевъ ненаказуемаго убійства; сюда относятся: убійство татя съ поличнымъ въ своемъ домѣ (XXI,88), убійство татя, укравшаго съ поля сѣно или хлѣбъ, если онъ сопротивлялся при задержаніи (XXI,89), убійство при наѣздѣ кого либо на домъ съ цѣлью грабежа (X,200) и, наконецъ, убійство измѣнника, которое не только не наказывалось, но вознаграждалось: убійцѣ давали *„Государево жалованье изъ измѣнничьихъ животовъ, что государь укажетъ"* (II,15) На ряду съ убійствомъ ненаказуемымъ, Уложеніе перечисляетъ случаи убійства квалифицированнаго, влекущаго за собою квалифицированную же смертную казнь. Къ такому убійству относится убійство дѣтьми родителей, караемое смертною казнью „безо всякія пощады"; но убійство родителями дѣтей карается только тюремнымъ заключеніемъ на годъ и публичнымъ покаяніемъ въ церкви (XXII,1,3). Далѣе, къ квалифицированному убійству относится убійство женою мужа, за которое она подлежала смертной казни чрезъ „окопаніе живою въ землю", и убійство господина холопомъ, даже покушеніе на которое наказывалось отсѣченіемъ руки.

2) Преступленія противъ тѣлесной неприкосновенности дѣлятся на 2 группы. Къ первой группѣ принадлежатъ увѣчья, раны и другія повремденія, ко второй - тяжкіе побои.

Относительно всѣхъ этихъ преступленій слѣдуетъ замѣтить, что въ Уложеніи они обособляются отъ преступленій противъ имущественныхъ правъ, съ которыми смѣшивались въ эпоху Судебниковъ. Такъ, нанесеніе тяжкихъ побоевъ въ Судебникахъ всегда разсматривалось въ связи съ грабежомъ, по Улож. же оно разсматривается независимо отъ предположенія о послѣдовавшемъ грабежѣ и связывается совершенно правильно съ безчестьемъ.

За *увѣчье* виновный наказывается такимъ же увѣчьемъ и, сверхъ того, уплатой въ пользу потерпѣвшаго 50 рублей за каждый изувѣченный членъ (XXII,10).

Побои наказывались жестокой торговой казнью, тюремнымъ заключеніемъ и платою безчестья. „*А будетъ поругатель*, говоритъ Улож., *кого нибудь зазоветъ или силою завести къ себѣ на дворъ, учнетъ бити ослопомъ, или кнутомъ, или батоги.... и такому поругателю учинити жестокое наказаніе: велѣть его бити кнутомъ по торгамъ и вкинуть въ тюрьму на мѣсяцъ; да на немъ же доправити тому, надъ кѣмъ онъ такое дѣло учинитъ безчестье и увѣчье вдвое*" (XXII, 11).

Преступленія противъ чести могли проявиться въ двоякомъ видѣ: въ видѣ обиды и клеветы.

Подъ *обидой* Улож. разумѣетъ оскорбленіе словомъ, за которое полагается пеня, называемая *безчестьемъ*, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ главнымъ въ зависимости отъ общественнаго положенія обиженнаго и отчасти самого виновнаго. Впрочемъ, если между обиженнымъ и обидчикомъ существовала большая разница по ихъ общественному положенію, то уплата безчестья обиженному замѣнялась наказаніемъ батогами или тюрьмою (X,27-28).

Квалифицированнымъ видомъ оскорбленія словомъ считалось оскорбленіе женщины. За безчестье женщин полагается двойное безчестье противъ безчестья ея мужа, а за оскорбленіе дѣвицы – вчетверо болѣе того, что получилъ бы за обиду ея отецъ (X,99).

Подъ *клеветой* Уложеніе разумѣетъ неосновательное обвиненіе кого бы то ни было въ предосудительныхъ поступкахъ, въ незаконности происхожденія и т.п. За клевету назначается безчестье въ двойномъ размѣрѣ, что указываетъ на взглядъ Уложенія на клевету, какъ на квалифицированный видъ безчестья. По дѣламъ о клеветѣ допускалась повѣрка на судѣ взведенныхъ обвиненій и оскорбитель наказывался лишь въ томъ случаѣ, если бы обвиненіе оказалось ложнымъ (X, 280).

3) Преступленія противъ имущественныхъ правъ. Въ

этихъ преступленій мы разсмотримъ только постановленія памятника о татьбѣ, разбоѣ, грабежѣ и поджогѣ.

Татьба или тайное похищеніе чужихъ вещей по наказанію можетъ быть раздѣлена на 4 вида:

а) обыкновенная татьба, наказуемая отрѣзаніемъ лѣваго уха, кнутомъ, *двухлѣтнимъ* тюремнымъ заключеніемъ и ссылкою въ украйные города (XXI,9).

б) квалифицированная татьба, къ которой отнесены церковная татьба (святотатство), наказываемая смертною казнью (XXI,14) и кража лошади, принадлежащей служилому, находящемуся на службѣ, за что полагается отсѣченіе руки (VII,29).

в) татьба, наказуемая сравнительно легко; къ этому виду татьбы принадлежатъ татьба, совершенная во дворѣ государя (III,9) и татьба съ поля хлѣба, или сѣна, наказуемая кнутомъ (XXI,89); татьба овощей изъ огорода, которая наказуется „смотря по дѣлу" (X, 222).

г) татьба совершенно ненаказуемая — эта кража яблокъ и деревьевъ изъ сада, за что взыскивались только убытки.

Подъ *разбоемъ* Уложеніе разумѣетъ насильственное отнятіе имущества, составляющее ремесло, а слѣдовательно, свидѣтельствующее о вѣдомой лихости совершителя. Разбой наказуется строже татьбы. За разбой полагается отрѣзаніе праваго уха, кнутъ, *трехлѣтнее* тюремное заключеніе и ссылка въ украйные города (XXI, 16). За рецедивъ же Уложеніе предписываетъ смертную казнь (XXI,17), между тѣмъ какъ смертная казнь за татьбу полагалась лишь при совершеніи ея въ третій разъ (XXI,12).

Грабежомъ, по Улож., называется также насильственное отнятіе чужаго имущества, но совершенное не разбойниками, а слѣдовательно, не составляющее ремесла. Улож. говоритъ, напр., о грабежѣ ратныхъ людей „нарядныхъ дѣломъ для задору", о грабежѣ родителей дѣть-

ки. Грабежъ могъ быть двухъ видовъ: обыкновенный и квалифицированный. За первый полагается пеня по указу (X,156). Ко второму принадлежитъ грабежъ ратныхъ людей, за который полагалось наказаніе, „смотря по винѣ", (VII,30,32) и грабежъ родителей дѣтьми, наказуемый кнутомъ (XXII,5).

Поджогъ, по Улож., считается квалифицированнымъ преступленіемъ противъ имущественныхъ правъ частныхъ лицъ, почему и карается самымъ тяжкимъ наказаніемъ - сожженіемъ (X,228; II,4). Но Улож. извѣстенъ поджогъ, наказуемый сравнительно легко - это поджогъ лѣса, караемой пеней (X,224) и поджогъ нивъ, за который взыскиваются лишь убытки (X,224).

Б. Наказаніе.

а) *Цѣль наказанія.* Цѣлью наказанія, по Уложенію, служило возмездіе, представлявшее собою не столько формальное, сколько матеріальное уравненіе наказанія съ преступленіемъ: преступникъ лишался того же блага, которое онъ отнялъ своимъ преступленіемъ у другаго. Такъ, за нанесеніе увѣчья кому либо преступникъ самъ подвергается такому же увѣчью: „а будетъ кто учинитъ надъ кѣмъ нибудь мучительское наругательство, отсѣчетъ руку, или ногу, или носъ, или ухо, или губы обрѣжетъ, или глазъ выколетъ, и за такое его наругательство *самому ему то же учинить*...." (XXII,10). Таже самая цѣль преслѣдуется въ наказаніи за убійство. Напр., „а будетъ кто надъ кѣмъ учинитъ смертное убійство по чьему наученію, и того, кто на смертное убійство научалъ, и кто убилъ, обоихъ *казнити смертью же*" (XXII,19). Цѣль матеріальнаго уравненія наказанія съ преступленіемъ несомнѣнно проглядываетъ и въ квалифицированныхъ видахъ смертной казни за нѣкоторыя преступленія, каковы поджогъ, наказуемый сожженіемъ (II,4; X,228), подмѣсь простыхъ металловъ въ серебряныя деньги, караемая смертной казнью чрезъ залитіе горла расплавленнымъ металломъ (V,1).

Кромѣ возмездія, Уложеніе, назначая наказаніе пре-

ступнику, имѣло въ виду и другія болѣе частныя цѣли, между которыми важнѣйшее мѣсто занимала цѣль устрашенія. Эта цѣль выражена въ слѣдующей формулѣ, часто встрѣчаемой въ памятникѣ: *„чтобы на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать (такъ воровать)"*, или иначе: *„чтобы ему* (т.е. преступнику) *и инымъ такимъ неповадно было..."*

б) *Свойства наказанія.* Существенными свойствами наказанія считаются 1) его индивидуальность, т. е. примѣненіе его только къ лицу, совершившему преступленіе, 2) равенство въ отношеніи примѣненія наказанія ко всѣмъ преступникамъ.

Принципъ индивидуальности признанъ Улож. во всей силѣ. Оно запрещаетъ карать членовъ семьи преступника, если они не были соучастниками въ его преступленіи: „А будетъ чьятая жена, говоритъ Улож., про измѣну мужа своего или дѣти про измѣну же отца своего не вѣдали и сыщется про то допряма, *что они тое измѣны не вѣдали, и ихъ за то не казнить и никакова наказанія имъ не чинить"* (II,7). Такимъ образомъ, наказаніе не распространяется на невинныхъ членовъ семьи, оно падаетъ исключительно на преступника.

Что касается равенства наказанія для всѣхъ преступниковъ, то въ Улож. оно не проведено послѣдовательно; въ наказаніи отражается сословность, въ силу чего незнатные люди наказывались строже знатныхъ за одно и тоже преступленіе. И только въ важныхъ преступленіяхъ это различіе исчезало и наказаніе уравнивалось для всѣхъ.

в) *Способы опредѣленія наказанія.* По отношенію къ способамъ опредѣленія наказаній, Уложеніе придерживается 2 системъ: 1) системы безусловно опредѣленныхъ наказаній, назначая точно родъ, видъ и мѣру послѣдняго, и 2) системы наказаній безусловно неопредѣленныхъ, не указывая ни рода, ни вида, ни мѣры наказаній, а предписывая только „чинити наказаніе по разсмотрѣнію", „на-

казати, какъ государь укажетъ",„наказати смотря по винѣ", „чинить жестокое наказаніе". Иногда назначается родъ наказанія, но не обозначается ни вида, ни мѣры. Такъ, смертная казнь часто назначается безъ указанія ея вида:„казнити смертію",кнутъ и батоги - безъ означенія мѣры,но иногда прибавляется слово нещадно: „бити кнутомъ нещадно".

г) *Виды наказаній.* Виды наказаній, по Улож., крайне разнообразны. Для удобства разсмотрѣнія ихъ можно раздѣлить на 2 категоріи: 1) наказанія личныя, т. е. наказанія, направленныя противъ жизни, здоровья, свободы и чести преступника и 2) наказанія имущественныя, падающія на его имущество.

а) Наказанія личныя. Къ личнымъ наказаніямъ принадлежатъ: смертная казнь, тѣлесныя наказанія, лишеніе свободы и лишеніе чести.

1) Смертная казнь, какъ самое тяжкое наказаніе, примѣнялась къ важнымъ преступленіямъ, каковы преступленія противъ вѣры и церкви, преступленія государственныя, убійство, поджогъ. Что касается видовъ смертной казни, то Уложеніе упоминаетъ только о слѣдующихъ: о повѣшеніи, сожженіи, залитіи горла расплавленнымъ металломъ и окопаніи живой въ землю. Изъ указанныхъ видовъ первый былъ простымъ, послѣдніе три - квалифицированными видами, назначенными за особыя преступленія, именно: сожженіе - за богохульство (I,1), за совращеніе православнаго въ басурманскую вѣру (XXII,24), за поджогъ города (II,4) или двора (X,228); залитіе горла - за поддѣлку монеты (V,1); окопаніе въ землю живой - за убійство мужа (XXII,14). О повѣшаніи Уложеніе упоминаетъ только одинъ разъ, назначая его служилымъ людямъ, переѣзжавшимъ въ непріятельскіе полки „сказывати про вѣсти и про государевыхъ ратныхъ людей" (VII,20). Кромѣ указанныхъ случаевъ, Улож., при назначеніи смертной казни, не опредѣляетъ вовсе способа лишенія жизни, предписывая только „казнити смертью" и прибавляя иногда сло-

ва: „безо всякія пощады“, „безъ всякаго милосердія“.

Приговореннаго къ смерти преступника сажали на шесть недѣль въ особую избу при тюрьмѣ для покаянія и, по истеченіи этого срока, казнили (XXI,34) Для беременныхъ казнь отсрочивалась до разрѣшенія отъ бремени, а до того времени они содержались въ тюрьмѣ (XXII,15).

2) Тѣлесныя наказанія, по Улож., были двухъ видовъ: членовредительныя и болѣзненныя.

Членовредительныя наказанія, какъ то отсѣченіе рукъ, ногъ, отрѣзаніе носа, ушей, губъ, выколотіе глазъ, примѣнялись за нанесеніе соотвѣтствующихъ увѣчій (XXII,10). Но кромѣ этого *отсѣченіе руки* полагалось за покушеніе на убійство кого либо въ присутствіи государя (III,4); за покушеніе холопа на убійство своего господина (XXII,8); за нанесеніе ранъ на государевѣ дворѣ (III,5), въ приказѣ - судьѣ (X,106) и при наѣздѣ на чей домъ (X,199); за подлоги (X,12,106,251) и за два вида татьбы - за третью татьбу на государевомъ дворѣ (III,9) и за похищеніе лошади на службѣ (VII, 29) Точно также, *отрѣзаніе ушей* назначается по Улож. за первую и вторую татьбу, за второй разбой и за третью кражу рыбы изъ пруда или садка и, притомъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: за первую татьбу - лѣвое ухо (XXI,9), за вторую татьбу и разбой - правое (XXI,10, 16), за кражу рыбы говорится просто: „отрѣзати ухо“ (XXII,90). Это наказаніе имѣло значеніе полицейской мѣры, именно, отмѣтки воровъ и разбойниковъ (XXI,19), почему оно всегда было добавочнымъ къ другому наказанію. *Урѣзаніе носа* примѣнялось спеціально къ тѣмъ, которые свыше трехъ разъ попадались въ продажѣ и держаніи табаку (XXV,16).

Къ болѣзненнымъ наказаніямъ относятся кнутъ и батоги. Какъ кнутъ, такъ и батоги практиковались въ

двухъ видахъ: въ видѣ простаго и въ видѣ квалифицированнаго, *„нещаднаго наказанія"*.

Кнутъ былъ самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ въ эпоху Улож.; въ памятникѣ около 140 статей имѣютъ въ своей санкціи наказаніе кнутомъ; большая часть преступныхъ дѣяній, даже самыхъ незначительныхъ, влекутъ за собою кнутъ, или какъ самостоятельное наказаніе, или же какъ добавочное къ другимъ наказаніямъ.

Батоги употреблялись, какъ наказаніе и какъ орудіе правежа при гражданскихъ взысканіяхъ и считались болѣе легкимъ наказаніемъ сравнительно съ кнутомъ. Батоги также назначались за самыя различныя преступленія; нещадное же битье батогами примѣнялось лишь въ слѣдующихъ случаяхъ: за злоупотребленія по должности со стороны недѣльщиковъ (X,123,146) и за порчу чужой птичьей привады (X,217).

3) Лишеніе свободы проявлялось въ двухъ видахъ: въ видѣ тюремнаго заключенія и ссылки.

Тюремное заключеніе могло быть срочнымъ и безсрочнымъ. Срочное тюремное заключеніе имѣетъ по Улож. слѣдующіе виды: на три дня (X,31), на четыре дня (X,31), на недѣлю (III,7;X,20,105,139,231), на двѣ недѣли (III,1;X,92; XXV,3), на мѣсяцъ (I,5,7;III,2 X,31,141; XXII,11,12), на шесть недѣль (III,2), на три мѣсяца (X,135,142; XXII,17), на полгода (III,9; X,251,252; XXV,3), на годъ (X,127; XXII,3; XXV,1), на два (XXI,9,11), на три (XXI,16) и на четыре года (XXI,10) Безсрочное же тюремное заключеніе является въ двухъ формахъ: 1) „до государева указа", или „насколько Государь укажетъ" (I,9; X,8,9 148,251 и др. XXI,42 44 и др.); 2) до представленія поручительства -„покамѣстъ порука будетъ", или „до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ онъ (т.е. подсудимый) въ томъ поруки себѣ соберетъ" (X,202; XXI,38,64). Преступныя дѣянія, за которыя полагается тюрьма, крайне разнообразны. Сюда относятся: нарушеніе благочинія въ церкви (I,5,7,9) и на государевомъ дворѣ (III,1,2,7,9), многіе проступки по

службѣ (X,8,9,20,148), оскорбленіе чести (X,30,31,92, 105), подлоги (X,251), первая и вторая татьба (XXI,10), первый разбой (XXI,16), дѣтоубійство (XXII,3), убійство неумышленное (XXI,71) и другіе. Иногда тюрьма является самостоятельнымъ наказаніемъ, но по большей части соединяется съ кнутомъ, батогами и съ имущественнымъ наказаніемъ.

Что касается мѣстъ заключенія, тюремъ, то въ Москвѣ онѣ находились въ вѣдѣніи Разбойнаго Приказа и строились на счетъ государевой казны (XXI,94); въ городахъ же тюрьмы состояли въ вѣдѣніи губныхъ старостъ и строились на деньги, собиравшіяся по раскладкѣ съ посадовъ, дворцевыхъ селъ, черныхъ волостей, монастырскихъ, помѣстныхъ и вотчинныхъ земель (XXI,97).

Ссылка въ свою очередь подраздѣлялась на два вида: на ссылку въ украйные города и на ссылку въ Сибирь. Въ украйные города ссылались тати, разбойники и мошенники по отбытіи ими срочнаго тюремнаго заключенія (XXI,11,12,16), подъячіе, изобличенные во вторичной незаписки суднаго дѣла съ цѣлью сокрытія пошлинъ (X, 129) и др. Въ Сибирь ссылались тяглые посадскіе, закладывавшіеся за кого либо послѣ изданія Уложенія (XIX,13). Этотъ видъ наказанія всегда былъ добавочнымъ къ другимъ наказаніямъ.

4) Лишеніе чести и правъ. Къ наказаніямъ этого рода принадлежатъ выдача головою, отнятіе чести, отставленіе отъ должности и лишеніе права иска на судѣ.

Выдача головою, какъ наказаніе, практиковалась, по Улож., въ двухъ случаяхъ: при оскорбленіи словомъ Патріарха со стороны бояръ, окольничихъ и думныхъ людей и при оскорбленіи ими же прочихъ архіереевъ, но въ томъ лишь случаѣ, „если безчестья платити кому будетъ нечѣмъ" (X,27,28).

Отнятіе чести назначалось за неправосудіе и лихоимство судьямъ высшаго общественнаго положенія, т.е. боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ (X,5, 6,7).

Отставленіе отъ должности полагается за разныя преступленія по должности. Сюда относятся, главнымъ образомъ, неправосудіе и лихоимство (X, 5, 6, 7, 12, 13, 123, 129, 146; XXI, 84). Это наказаніе добавочное.

Лишеніе права иска въ судѣ сопровождало слѣдующія преступленія: лжеприсягу (XI,24) и поклепный искъ (X,18,19) и было добавочнымъ къ другимъ наказаніямъ.

б) Имущественныя наказанія. Къ имущественнымъ наказаніямъ принадлежатъ конфискація, отнятіе помѣстій и убавка оклада, штрафы.

1) *Конфискація* могла быть общей и спеціальной. При *общей конфискаціи* все имущество преступника Улож. предписываетъ „имати на Государя". Общая конфискація имѣла мѣсто при всѣхъ политическихъ преступленіяхъ (II,5), причемъ, женѣ и дѣтямъ, невѣдавшимъ о преступленіи, выдѣлялись изъ конфискованныхъ помѣстій и вотчинъ части, по указу государя, на прожитокъ (II,7). Общая конфискація была добавочнымъ наказаніемъ и соединялась всегда со смертною казнью.

Спеціальная конфискація проявлялась въ слѣдующихъ видахъ: въ видѣ 1) конфискаціи доходовъ, получавшихся отъ заведенныхъ безъ указу мытовъ, перевозовъ и мостовщины (IX,10); 2) конфискаціи частновладѣльческихъ земель, на которыхъ жили принятые владѣльцами этихъ земель въ закладчики посадскіе тяглые люди (XIX,13) 3) конфискаціи тяглыхъ дворовъ, лавокъ, погребовъ, амбаровъ и соленыхъ варницъ, купленныхъ крестьянами и иныхъ чиновъ людьми (XIX,15); 4) конфискаціи корчемнаго питія (XXV,8). И этотъ видъ конфискаціи былъ точно также добавочнымъ.

2) *Отнятіе помѣстій и убавка оклада.* Эти два имущественныя наказанія тѣсно связаны между собою и никогда не имѣли самостоятельнаго значенія, за исключеніемъ одного случая (см. пун а), и соединялись съ наказаніемъ кнутомъ, причемъ, если отбирались всѣ по-

мѣстья, то оставлялся нетронутымъ окладъ. если же изъ помѣстій отбиралась лишь часть, то слѣдовала убавка и помѣстнаго оклада. Всѣ помѣстья отбирались въ двухъ случаяхъ: а) когда помѣщикъ, розыскавъ у себя разбойниковъ изъ своихъ людей, самъ расправлялся съ ними „не хотя ихъ къ сыску отдать въ губу, укрывая за собою воровъ“ (XXI,79); б) когда служилые, не дождавшись отпуска, убѣгали въ третій разъ съ государевой службы „въ полкѣхъ“ (VII,8).

Отнятіе части помѣстья и убавленіе оклада назначалось за второй побѣгъ со службы (отнималось 50 четвертей помѣстья и убавлялось со ста четвертей помѣстнаго оклада по рублю VII,8) и за побѣгъ служилыхъ людей „съ бою къ себѣ домовь“ (отнималась половина помѣстья и убавлялась также половина денежныхъ и помѣстныхъ окладовъ (VII,19).

Штрафы или денежныя взысканія въ пользу потерпѣвшаго, по Улож., практиковались очень часто подъ различными названіями. Сюда относится: безчестье, проѣсти и волокиты и другія.

О безчестьи было уже сказано выше.

Проѣсти и волокиты взыскивались за вторичный искъ по рѣшенному дѣлу (X,16), за поклепный искъ (X, 18), за неправосудіе со стороны третейскихъ судей (XV,5).

В. Отношеніе наказанія къ преступленію.

Если въ Уложеніи наказаніе не всегда послѣдовательно соразмѣрялось съ преступленіемъ, что являлось послѣдствіемъ принципа матеріальнаго возмездія, на которомъ покоилась система наказаній уложенной эпохи, тѣмъ не менѣе законодатель стремился къ достиженію возможно большаго внутренняго соотвѣтствія между тяжестью преступленія и тяжестью наказанія. На такое стремленіе указываетъ знакомство памятника съ обстоятельствами, какъ увеличивающими и уменьшающими наказаніе, такъ даже и совершенно освобождающими отъ него.

Къ обстоятельствамъ, увеличивающимъ наказаніе, относились повтореніе преступленій, стеченіе ихъ, совершеніе преступленія „вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ" и общественное положеніе преступника.

Повтореніе преступленія. Что повтореніе преступленій усиливало наказаніе, видно изъ постановленій о кражѣ и разбоѣ. За первую кражу Уложеніе назначаетъ наказаніе кнутомъ, отрѣзаніе лѣваго уха, двухлѣтнее тюремное заключеніе и ссылку въ украйные города (XXI,9). За вторую - наказаніе кнутомъ, отрѣзаніе праваго уха, четырехлѣтнее тюремное заключеніе и ссылку въ украйные города (XXI,10). За третью же кражу - смертную казнь (XXI,13). За первый разбой преступникъ наказывается отрѣзаніемъ праваго уха, трехлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ и работою въ кандалахъ, „гдѣ государь укажетъ" (XXI,16). За второй же разбой - смертною казнью (XXI,17). Усиленіе наказанія влекли за собою повтореніе злоупотребленій по службѣ (X,129,146), повтореніе побѣговъ съ военной службы (VII,8), повтореніе корчемства (XXV,8) и др.

Стеченіе преступленій. При стеченіи преступленій, если одно изъ нихъ превышало по тяжести другое, то преступникъ подвергался наказанію за большее. Такъ, преступникъ, обличенный въ убійствѣ, на первой татьбѣ (XXI,13) или разбоѣ (XXI,18) прямо подвергался смертной казни.

Совершеніе преступленія „вѣдомымъ лихимъ" влекло за собою усиленіе наказанія. Напр., разбой, совершенный впервые преступникомъ, облихованнымъ на обыскѣ, велъ прямо къ смертной казни (XXI,41).

Общественное положеніе преступника служило обстоятельствомъ увеличивающимъ (а иногда и уменьшающимъ) наказаніе. Такъ, напр., за неправосудіе у бояръ, окольничихъ и думныхъ людей отнималась честь, а судьи не изъ думныхъ людей подвергались торговой казни (X,5). За запись дѣла „не такъ, какъ въ судѣ было" дьякъ подвергался торговой казни и отрѣшенію отъ

должности, а подъячему за тоже преступленіе отсѣкалась рука (X,12); за подачу челобитенъ мимо приказовъ прямо государю, челобитчики подлежали наказанію батогами, „а кто почестнѣе", того велѣно „сажать въ тюрьму на недѣлю" (X,20).

Къ *обстоятельствамъ, уменьшающимъ наказаніе,* Уложеніе относитъ только опьяненіе. За убійство „пьянымъ дѣломъ, а не умышленіемъ" виновный подлежалъ наказанію кнутомъ (XXI,69), за умышленное же убійство - смертной казни (XXI,72). Впрочемъ, если опьяненіе совершалось сознательно для бодрости при совершеніи преступленія, то оно приравнивалось умыслу и не служило обстоятельствомъ, уменьшавшимъ наказаніе (XXI, 17).

Обстоятельствомъ, совершенно освобождающимъ отъ наказанія, признается въ Уложеніи состояніе необходимой обороны

Подъ состояніемъ необходимой обороны Улож. разумѣетъ такое положеніе, когда человѣкъ вынужденъ къ защитѣ отъ нападенія на его жизнь, здоровье и имущество. Допуская отражать такое нападеніе, Улож., однако, не требуетъ соразмѣрности средствъ обороны цѣлямъ нападенія. Поэтому, напр., оно дозволяетъ убійство татя, пойманнаго, не только въ домѣ съ поличнымъ (XXI,88), но и во время погони за нимъ, когда онъ „учнетъ дратися и изымати себя не дастъ" (XXI,89). Но для того, чтобы преступленіе, совершенное подъ вліяніемъ необходимой обороны считалось ненаказуемымъ, совершившій его обязанъ поставить судъ въ извѣстность о случившемся. Такъ, при убійствѣ татей въ указанныхъ выше случаяхъ необходимо было доставить убитыхъ судьямъ, которые производили сыскъ и, если на сыскѣ удостовѣрялись въ наличности необходимой обороны, то наказаніе за убійство не налагалось.

---*---

СВОДЪ ЗАКОНОВЪ
Россійской Имперіи.

—*—

А. ИСТОРІЯ СОСТАВЛЕНІЯ СВОДА ЗАКОНОВЪ

§15) Причины изданія Свода.

О причинахъ, вызвавшихъ кодификацію нашего законодательства при Императорѣ Николаѣ I, результатомъ которой было изданіе нынѣ дѣйствующаго Свода Законовъ Россійской Имперіи, мы узнаемъ изъ рѣчи самого Императора, произнесенной имъ предъ Государственнымъ Совѣтомъ въ то достопамятное засѣданіе 19 Января 1833 года, когда Совѣту были предложены на обсужденіе Полное Собраніе и Сводъ Законовъ. „При самомъ вступленіи на престолъ“, говорилъ Государь, „я счелъ долгомъ обратить вниманіе на разные предметы управленія. Главнымъ, занявшимъ меня дѣломъ, было, естественно, правосудіе. Я еще смолоду слышалъ о недостаткахъ у насъ по этой части, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о несуществованіи полныхъ на все законовъ, или о смѣшеніи ихъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, нерѣдко между собою противорѣчивыхъ“. Для устраненія этихъ недостатковъ и были предприняты кодификаціонныя работы. Но ни указанные недостатки, ни кодификаціонныя работы не являлись новостью въ то время. Несуществованіе полныхъ на все законовъ, ихъ многочисленность, противорѣчіе, неизвѣстность, не только для народа, но даже для судей и администраторовъ, примѣнявшихъ ихъ нерѣдко по преданію, словомъ, полный хаосъ законодательства и, какъ неизбѣжное его послѣдствіе, непомѣрное лихоимство,

настоятельно требовали пересмотра накопившагося со времени изданія Уложенія Царя Алексѣя Михайловича законодательнаго матеріала еще въ царствованіе Петра Великаго, по почину котораго и открывается цѣлый рядъ кодификаціонныхъ работъ. Въ 1700 году Петръ учреждаетъ *„Уложенную Палату“*, предписывая ей „снести“ Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича съ послѣдующими узаконеніями. Съ этого момента до 1826 года, т. е., въ теченіе 126 лѣтъ для осуществленія задуманнаго Петромъ Великимъ предпріятія возникаетъ 10 коммиссій, но труды ихъ остаются безплодными.

Такъ, *Уложенная Палата* или *Палата о Уложеніи* 1700 года, состоявшая изъ 71 члена исключительно служилаго класса: бояръ окольничихъ, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ, и работавшая надъ составленіемъ „Новоуложенной книги“ до 1703, въ этотъ трехлѣтній промежутокъ времени хотя и выполнила порученное ей дѣло, однако труды ея пропали даромъ, такъ какъ Новоуложенная книга по неизвѣстнымъ причинамъ не была санкціонирована Петромъ. Первая неудача не остановила Петра отъ попытки осуществить задуманное дѣло и въ 1714 году Именнымъ Указомъ Сенату онъ снова предписалъ составить Сводное Уложеніе. Учрежденная для этого Коммиссія изъ дьяковъ и подъячихъ отъ каждаго приказа въ теченіе четырехъ лѣтъ успѣла составить только десять главъ Сводного Уложенія, неимѣвшаго никакихъ послѣдствій. Въ 1718 году Петръ рѣшился оставить прежній путь составленія Своднаго Улож и въ своей резолюціи на докладъ Юстицъ-Коллегіи повелѣлъ приступить къ переводу на русскій языкъ „шведскаго устава“ и „учинить сводъ русскихъ законовъ со шведскими“, т е говоря иначе, сочинить новое Уложеніе на основаніи иностранныхъ образцовъ Для этой цѣли въ 1720 году составлена коммиссія изъ русскихъ и иностранцевъ Коммиссія эта дѣйствовала безуспѣшно во все царствованіе Петра и, переживъ его,

просуществовала номинально до смерти Екатерины I, ничего не сдѣлавъ и въ это царствованіе.

Со вступленіемъ на престолъ Петра II правительство снова возвращается къ мысли о составленіи Своднаго Уложенія на основаніи національнаго, исторически сложившагося законодательнаго матеріала, и учреждаетъ въ 1728 году коммиссію, въ составъ которой кромѣ приказныхъ входятъ депутаты отъ общества по пяти изъ каждой губерніи. Коммиссія эта, вслѣдствіе замедлившейся высылки депутатовъ, не успѣла даже приступить къ работамъ, какъ смерть Петра II прекратила ея существованіе.

Императрица Анна Іоанновна отступаетъ отъ задачъ кодификаціи прошлаго царствованія и возвращается къ мысли сочинить Уложеніе на основаніи русскихъ и иностранныхъ источниковъ, предписывая указомъ Сенату отъ 1 іюня 1730 года „опредѣлить къ тому дѣлу добрыхъ и знающихъ въ дѣлахъ людей, выбравъ изъ шляхетства, духовныхъ и купечества, изъ которыхъ духовнымъ и купецкимъ быть въ то время, когда касающіеся къ нимъ пункты слушаны будутъ". Эта новая, по счету пятая коммиссія, извѣстная подъ именемъ *„Уложенной Коммиссіи"*, дѣйствовала съ перемѣннымъ составомъ во все время царствованія Императрицы и за одиннадцатилѣтній періодъ своего существованія составила только двѣ главы Уложенія: о судѣ и о вотчинахъ. Въ 1741 году, со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, коммиссія прервала свои занятія, хотя и существовала номинально до 1744 года, когда прекращаются о ней всякія извѣстія.

Въ 1754 году учреждается новая коммиссія, которой поручается „сочинить законы ясные, всѣмъ понятные и настоящему времени приличные". Черезъ годъ эта *„Коммиссія сочиненія новаго Уложенія"* часть своихъ работъ поднесла Императрицѣ на утвержденіе, котораго, однако, не послѣдовало. Въ 1756 году дѣятельность коммиссіи начинаетъ ослабѣвать и до 1760 года она су-

шествуетъ номинально. Въ этомъ году составъ коммиссіи преобразуется, а въ 1761 году составъ этотъ усиливается депутатами, выбранными отъ дворянства, духовенства и купечества, и образуется, такимъ образомъ, новая коммиссія, по счету седьмая, которой предписывается пересмотрѣть и исправить проекты, сочиненные предшествующею коммиссіей. Коммиссія эта, переживъ Императрицу Елизавету Петровну, продолжала существовать до 1767 года, но отъ дѣятельности ея не осталось никакихъ слѣдовъ.

Въ 1767 году Екатерина II учредила новую коммиссію, отличающуюся отъ всѣхъ перечисленныхъ, какъ своимъ составомъ - здѣсь участвовало 565 депутатовъ отъ всѣхъ сословій и присутственныхъ мѣстъ, - такъ и организаціей законодательныхъ работъ. Коммиссія эта, извѣстная подъ именемъ *„Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія“*, раздѣлялась на общее собраніе и 19 отдѣльныхъ коммиссій и, имѣя цѣлью сочинить новое Уложеніе, должна была руководствоваться: 1) знаменитымъ „Большимъ Наказомъ“, гдѣ были собраны самой Императрицей главнѣйшія теоритическія положенія права и политики, выясненныя выдающимися философами XVIII вѣка, особенно Монтескье, 2) нуждами подданныхъ, заявленными въ депутатскихъ наказахъ, 3) всѣмъ предшествующимъ законодательствомъ по каждому вопросу. Но и этому грандіозному предпріятію Имп. Екатерины не суждено было осуществиться. Общее собраніе дѣйствовало только полтора года и въ концѣ 1768 года было распущено; остались однѣ частныя коммиссіи, которыя въ теченіе 5 лѣтъ успѣли составить только планы оглавленія проектовъ и незначительныя части послѣднихъ, оставшихся безъ разсмотрѣнія, а въ 1774 году все это многосложное учрежденіе было упразднено и дѣло кодификаціи остановилось до воцаренія Императора Павла I.

При этомъ Императорѣ въ 1796 году въ силу указа, предписывавшаго „собрать существующія узаконенія и

извлечь изъ нихъ три книги законовъ: уголовныхъ, гражданскихъ и дѣлъ казенныхъ", учреждена 9-ая коммиссія для составленія законовъ, которая должна была, такимъ образомъ, заняться снова Своднымъ Уложеніемъ, но труды ея остались безуспѣшны.

Наконецъ, Императоръ Александръ I учредилъ въ 1804 году 10 коммиссію, которая просуществовала до 1826 года и за этотъ 22-лѣтній періодъ прошла три стадіи. Съ 1804 по 1808 г коммиссія работала вновь надъ сочиненіемъ новаго Уложенія, руководствуясь „общими теоретическими основаніями права", но работы ея не имѣли никакихъ результатовъ. Съ 1808 по 1812 годъ въ составѣ членовъ коммиссіи является Сперанскій, тотъ самый Сперанскій, который въ послѣдующее царствованіе пришелъ, наконецъ, къ блестящему разрѣшенію вѣковой задачи. Въ это время Сперанскій, полагая возможнымъ достигнуть результатовъ въ порученномъ ему дѣлѣ путемъ заимствованія готоваго матеріала изъ иностранныхъ образцовъ, не справляясь совершенно съ исторически даннымъ матеріаломъ, взялъ за такой образецъ Code Napoleon и составилъ на основаніи его къ 1812 году проектъ гражданскаго уложенія. Но въ мартѣ этого года, какъ извѣстно, послѣдовало паденіе Сперанскаго и вмѣстѣ съ нимъ раздѣлила его участь и попытка, упразднивъ свое гражданское право, замѣнить его чужимъ. Съ удаленіемъ Сперанскаго насталъ третій періодъ для коммиссіи 1804 года, періодъ полнаго бездѣйствія

Видя безуспѣшность изложенныхъ кодификаціонныхъ попытокъ своихъ предшественниковъ, Императоръ Николай, озабоченный печальнымъ положеніемъ правосудія и указанными выше недостатками законодательства, счелъ необходимымъ разсмотрѣть состояніе, въ которомъ находилась александровская коммиссія для составленія законовъ „Къ сожалѣнію, говорилъ Государь въ рѣчи 19 января 1828 года, предоставленныя свѣдѣнія удостовѣрили меня, что труды ея оставались почти совершенно

безплодными. Не трудно было открыть и причину этому: недостатокъ результатовъ происходилъ, главнѣйше, отъ того, что всегда обращались къ сочиненію новыхъ законовъ, тогда какъ надо было сперва основать старые на твердыхъ началахъ. Это побудило меня начать, прежде всего, съ опредѣленія цѣли, къ которой правительство должно направлять свои дѣйствія по части законодательства, и изъ предложенныхъ мнѣ путей я выбралъ совершенно противоположный первымъ. *Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ, я велѣлъ собрать сперва вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ*, а самое дѣло, по его важности, взялъ въ непосредственное мое руководство, закрывъ прежнюю коммиссію".

§16) Ходъ кодификаціонныхъ работъ.

а) *Указъ 31 Января 1826 г.* Поставивъ указанныя выше цѣли и желая привести къ окончанію важнѣйшее въ государственной жизни дѣло, Императоръ Николай Именнымъ Указомъ Правительствующему Сенату отъ 31 января 1826 г. повелѣваетъ преобразовать бывшую коммиссію во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и принимаетъ дѣло кодификаціи законовъ въ свое непосредственное вѣдѣніе. Незадолго до этого указа, онъ поручаетъ Сперанскому, который еще въ прошлое царствованіе былъ возвращенъ изъ ссылки и жилъ въ столицѣ „не у дѣлъ", изложить мысли о способахъ улучшенія нашего законодательства. Сперанскій выполнилъ возложенное на него порученіе и въ началѣ января 1826 г. представилъ двѣ записки, именно: краткое историческое обозрѣніе коммиссіи составленія законовъ и собственныя предположенія къ окончательному составленію законовъ. Въ этой послѣдней онъ предлогалъ составить: 1) Своды законовъ и 2) Уложенія, подъ которыми разумѣлъ „систематическое изложеніе законовъ по ихъ предметамъ, устроенное такъ, чтобы а) законы общіе предшествовали частнымъ и предыдущіе всегда приготовляли бы смыслъ и разумѣніе послѣдующихъ и

б) чтобы всѣ законы, по Своду недостающіе, дополнены были въ Уложеніи и обнимали бы сколь можно болѣе случаевъ". Императоръ, не отстраняя мысли о составленіи Уложенія, считалъ необходимымъ прежде всего остановиться на Сводѣ законовъ, предписавъ Второму Отдѣленію приступить къ составленію Полнаго Собранія всѣхъ законовъ и Свода законовъ существующихъ, съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, но безъ всякаго измѣненія въ ихъ существѣ.

Во главѣ этого Второго Отдѣленія оффиціально былъ поставленъ съ званіемъ его начальника старшій членъ совѣта упраздненной коммиссіи составленія законовъ, профессоръ Балугьянскій, но въ дѣйствительности управленіе всѣмъ дѣломъ и всѣ доклады по этой части у Государя были возложены на графа Сперанскаго, не получившаго никакого оффиціальнаго титула, такъ что имя главнаго двигателя всего предпріятія никогда и нигдѣ не появлялось въ бумагахъ.

б) *Составленіе Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи*. Сперанскій энергично принялся за осуществленіе той кодификаціонной программы, которую онъ начерталъ въ своемъ проектѣ. Первой стадіей работъ по этой программѣ являлось составленіе Полнаго Собранія Законовъ.

а) Цѣль составленія Полнаго Собранія. Составить такое Собраніе было необходимо въ виду того, что „усовершать законы", какъ говорится въ Предисловіи къ этому Собранію, „дополнительнымъ ихъ начертаніемъ (т. е. составлять Уложенія) невозможно безъ точныхъ и достовѣрныхъ ихъ Сводовъ, а Сводовъ нельзя составлять безъ *полнаго* и исправнаго ихъ текста, почему Полное Собраніе и есть первый, основной камень во всемъ составѣ усовершенія законовъ". Но помимо этой главной цѣли - „усовершенія законовъ" и, ближайшимъ образомъ, составленія Свода, Собраніе законовъ даже и при Сводѣ было необходимо на основаніи слѣдующихъ

соображеній, высказанныхъ Сперанскимъ въ „Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о Сводѣ“. Такое Собраніе было необходимо 1) „во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, начало которыхъ относится къ происшествіямъ, давно уже протекшимъ, которыя, посему должны быть разрѣшаемы не по законамъ настоящимъ, въ Сводѣ изложеннымъ, но по законамъ, дѣйствовавшимъ во время этихъ происшествій; 2) для разрѣшенія сомнѣній, которыя могли бы представиться въ истинномъ смыслѣ какой нибудь статьи Свода. Разумъ закона изображается въ причинахъ, на которыхъ онъ основанъ. Но причины эти не могли быть означаемы въ статьяхъ Свода; ихъ должно искать въ самыхъ источникахъ, въ самыхъ текстахъ, изъ которыхъ статьи составлены; 3) во всѣхъ тѣхъ законодательныхъ соображеніяхъ, гдѣ настоитъ вопросъ о поясненіи и дополненіи закона и гдѣ необходимо должно прежде всего пройти весь рядъ прежнихъ узаконеній, отличить тѣ изъ нихъ, которыя впослѣдствіи измѣнились, и потомъ сообразить силу ихъ въ совокупности, чтобы составить начертаніе закона не на одномъ умозрѣніи основанное, но утвержденное на общемъ разумѣ отечественнаго законодательства“.

На ряду съ этими главными цѣлями при составленіи Полнаго Собранія преслѣдовалась и цѣль побочная, „но также не маловажная“. „Извѣстно, что законы изображаютъ“, говоритъ Сперанскій въ Предисловіи къ Полному Собранію, „такъ сказать, внутреннюю жизнь государства. Въ нихъ видно, какъ нравственныя и политическія силы слагались, образовывались, возрастали и измѣнялись. Слѣдовательно, исторія государства безъ познанія законовъ не можетъ имѣть ни ясности, ни достовѣрности, такъ какъ съ другой стороны, законы безъ исторіи часто бываютъ неразумительны. Посему, чѣмъ благовременнѣе законы приводятся въ извѣстность: тѣмъ источники исторіи для современниковъ становятся удобнѣе, для потомства - достовѣрнѣе“. Говоря иначе, Полное Собраніе должно было имѣть значеніе и для науки.

б) Правила составленія и изданія Полнаго Собранія. Соотвѣтственно указаннымъ цѣлямъ составленія Полнаго Собранія были опредѣлены и главныя его правила, состоящія въ слѣдующемъ:

1) Все Собраніе раздѣлено на двѣ главныя эпохи. Первая начинается Соборнымъ Уложеніемъ 1649 года и продолжается до 12 декабря 1825 года, т е. до дня изданія Манифеста о восшествіи на престолъ Импер. Николая I. Эта эпоха, заключающая въ себѣ 176 лѣтъ, составляетъ *Первое Собраніе*. Началомъ ея принято Уложеніе потому, что всѣ законы и указы, прежде его состоявшіеся, признаются у насъ недѣйствительными. Изъ этихъ законовъ, важныхъ для исторіи, замѣтимъ здѣсь кстати, предполагалось составить особое Собраніе подъ именемъ „законовъ древнихъ", но предположеніе это не осуществилось. Вторая же эпоха, открывающаяся Манифестомъ 12 декабря 1825 года, должна была составить *Второе Собраніе* путемъ ежегоднаго изданія законовъ каждаго минувшаго года въ теченіе послѣдующаго. Этого послѣдняго правила придерживаются до настоящаго времени, благодаря чему мы имѣемъ теперь кромѣ Перваго еще два Полныхъ Собранія: *Второе*, доведенное до 1 марта 1881 года, т.е. до дня вступленія на престолъ покойнаго Государя Александра III и *Третье*, заключающее въ себѣ всѣ законодательные акты прошлаго царствованія.

2) Вторымъ правиломъ при составленіи Перваго Полнаго Собранія было установлено, чтобы въ составъ его были „вмѣщены, по порядку времени, всѣ постановленія, ко всегдашнему исполненію отъ Верховной Власти или Именемъ Ея отъ учрежденныхъ Ею мѣстъ и правительствъ происшедшія, по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, безъ всякаго изъятія", равно какъ и безъ всякаго различія между законами и постановленіями дѣйствующими и отмѣненными.

3) Положено помѣстить въ Собраніи и судебныя рѣшенія, но только тѣ изъ нихъ *а)* сила которыхъ распространена

въ самомъ ихъ изложеніи на всѣ случаи, имъ подобные, *б)* тѣ, которыя, являясь въ началѣ рѣшеніями частными, приняты были впослѣдствіи примѣромъ и образцомъ и, такимъ образомъ, сдѣлались общими, *в)* тѣ, наконецъ, въ которыхъ сдѣлано изъясненіе закона общаго, установленъ точный смыслъ его и отвергнуты толкованія, „съ разумомъ его несообразныя".

4) Все частное, все личное, всѣ мѣры временныя и случайныя исключены изъ состава Собранія; но изъ этого правила допущено исключеніе: всѣ распоряженія по существу частныя и случайныя, но по историческому ихъ значенію важныя, сохранены въ Собраніи, „какъ памятникъ того вѣка, какъ указаніе общественныхъ его нравовъ, какъ изображеніе гражданской его жизни".

в) Способъ составленія и изданія. На основаніи этихъ правилъ и было приступлено къ составленію и изданію Полнаго Собранія въ слѣдующемъ порядкѣ. Сперва были *произведены изысканія во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ хранились подлинники узаконеній съ 1649 года и составлены реэстры послѣднихъ.* Число указовъ по реэстрамъ простиралось до 53239 По сравненіи и повѣркѣ этихъ реэстровъ съ самымъ текстомъ открылось, что въ реэстрахъ было много указовъ, означенныхъ вдвойнѣ подъ разными заглавіями и числами, много отрывковъ или статей изъ другихъ указовъ и много такихъ положеній, которыя, не составляя закона, не подлежали изданію. Всѣ эти излишки были исключены и реэстры приведены въ точность и порядокъ. По окончаніи этой работы было приступлено *къ собранію самыхъ узаконеній по реэстрамъ.* По мѣрѣ поступленія, узаконенія *повѣрялись.* Повѣрка эта производилась три раза: 1) сличеніемъ списковъ съ подлинными указами; 2) ревизіей чрезъ назначенныхъ спеціально для этого чиновниковъ; 3) окончательною ревизіей другихъ чиновниковъ при составленіи связокъ для отправленія ихъ въ типографію, по-

Тип. Чаткевича и К. Тверская Складъ у Карбасникова. Ка. рус. пр. по лек. Пр.-Доц. Числова.

торая для печатанія трудовъ II отдѣленія была учреждена при немъ въ 1827 году. Составленіе Полнаго Собранія началось съ 1826 г. и продолжалось непрерывно по 1 марта 1830 года, печатаніе же было начато 21 мая 1828 и окончено къ 1 апрѣля 1830 г., т.е. въ два года.

г) Составъ и порядокъ расположенія. Полное Собраніе состоитъ: 1) изъ текста самыхъ законовъ; 2) изъ указателя; 3) изъ книги штатовъ и тарифовъ; 4) изъ книги чертежей и рисунковъ (См Пред.къ Пол.Соб ст.I-XXXI)

Текстъ законовъ. Перваго Собранія заключается въ 40 объемистыхъ томахъ въ 4-ую долю листа, въ два столбца на страницѣ. Въ этихъ 40 томахъ содержится 30920 отдѣльныхъ узаконеній подъ разными названіями (уложеніе, уставы, учрежденія, наказы, жалованныя грамоты, указы, трактаты и др.)

При напечатаніи текста соблюдались слѣдующія главныя правила: 1) каждый законъ напечатанъ слово въ слово съ подлинникомъ и, если первоначально онъ былъ изданъ на двухъ языкахъ, то и въ Собраніи сохраняется то же двоякое изложеніе; 2) въ проектахъ съ иностранными державами, въ манифестахъ и грамотахъ пропущены титулы, такъ какъ о послѣднихъ помѣщены въ томъ же Собраніи особые манифесты; 3) означеніе мѣсяца и числа поставлено въ началѣ каждаго указа, а годъ напечатанъ на верху каждой страницы; 4) законы поставлены въ изданіи по порядку времени, при этомъ, каждый законъ, сверхъ дня и мѣсяца его утвержденія, помѣченъ особымъ номеромъ для удобнѣйшаго его прінскания по указателю; 5) каждое узаконеніе имѣетъ свое оглавленіе, кратко означающее предметъ послѣдняго; тамъ, гдѣ въ прежнихъ указахъ такихъ оглавленій не было, они составлены вновь, другія же исправлены, если не имѣли надлежащей точности; 6) томы Собранія не могли быть уравнены: нѣкоторые содержатъ въ себѣ менѣе 100, другіе простираются до 180 печатныхъ листовъ Это неравенство произошло, главнымъ образомъ, отъ того, что принято было общимъ правиломъ соединять въ одномъ томѣ указы, относящіеся къ одному и тому же году.

Что касается *указателя*, то онъ состоитъ изъ двухъ реэстровъ: хронологическаго и алфавитнаго.

Реэстръ хронологическій идетъ по порядку номеровъ и заключаетъ въ себѣ число и содержаніе каждаго закона. Онъ помѣщенъ въ 41 томѣ.

Алфавитный реэстръ является словаремъ всего Собранія. Онъ содержитъ въ себѣ главныя слова и ссылки.

Главныя слова означаютъ главный предметъ узаконенія. Подъ каждымъ такимъ словомъ приводятся по порядку времени всѣ узаконенія, содержащія это слово съ означеніемъ тома и номера. Такимъ образомъ, по главному слову можно не только найти необходимый законъ, но открыть и обозрѣть весь рядъ узаконеній, относящихся къ данному предмету.

Подъ именемъ ссылокъ обозначены въ алфавитномъ указателѣ тѣ слова, которыя являются или синонимами главныхъ словъ, или же, не составляя главнаго предмета, относятся къ нему, какъ части къ цѣлому. Алфавитный реэстръ помѣщенъ въ 42 томѣ.

Книги штатовъ и тарифовъ занимаютъ 3 тома: отъ 43 до 45; наконецъ, книга чертежей и рисунковъ монетъ, вѣсовъ, мѣръ, плановъ межеванія, строеній и т.п. помѣщены въ особомъ 46 томѣ, не вошедшемъ въ общую нумерацію, такъ что все Полное Собраніе обнимаетъ 45 томовъ, раздѣленныхъ на 48 частей. Здѣсь же упомянемъ кстати, что Второе Полное Собраніе, которое ко дню окончанія печатанія перваго заключало въ себѣ 6 томовъ, впослѣдствіи разрослось до 55 томовъ; Третье же содержитъ въ себѣ по настоящее время 11 томовъ.

в) *Составленіе Свода Законовъ Россійской Имперіи.* По мѣрѣ того какъ Полное Собраніе возрастало, Сперанскій рѣшилъ, не дожидаясь окончанія работъ по его составленію, приступить ко второй стадіи кодификаціи, т.е. къ составленію Свода Законовъ. Съ этою цѣлью Сперанскій самъ установилъ общій планъ, или систему, систему эту распредѣлилъ между томами, томы подѣлилъ на части, книги, раздѣлы, главы и отдѣленія.

самъ установилъ терминологію, далъ оглавленіе рубрикамъ. И хотя многія изъ этихъ рубрикъ впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи подробностей, измѣнились, но работавшимъ, по крайней мѣрѣ на первый разъ, была дана нѣкоторая путеводная нить, полагавшая, вмѣстѣ съ тѣмъ, границы противъ произвольныхъ забѣговъ изъ одной части въ другую.

а) Составленіе историческихъ сводовъ. На основаніи установленнаго общаго плана, опредѣлившаго главныя части всей системы, было приступлено къ составленію отдѣльныхъ на каждую часть „историческихъ сводовъ", съ цѣлью подготовки необходимаго матеріала для Свода общаго. Для этого по даннымъ оглавленіямъ рубрикъ каждой части пріискивались изъ наличнаго матеріала Полнаго Собранія и отмѣчались на особыхъ выпискахъ относящіяся сюда узаконенія безъ всякаго различія дѣйствующихъ отъ недѣйствующихъ. Затѣмъ, эти выписки сырого матеріала подвергались разбору, который состоялъ въ сравненіи узаконеній одного года съ узаконеніями другого. При сравненіи обращали вниманіе на три главныя обстоятельства: на отмѣну закона, его поясненіе и дополненіе. Статьи отмѣненныя были исключаемы; напротивъ, поясненія и дополненія были прилагаемы къ первоначальному узаконенію. Такъ составлялась исторія измѣненій закона по каждому предмету, почему и сборники, отсюда получавшіеся, носили названіе „историческихъ сводовъ". Эти историческіе своды, по мѣрѣ накопленія законодательнаго матеріала въ Полномъ Собраніи, сами пополнялись и, ко времени окончанія послѣдняго, представляли собою готовый, очищенный матеріалъ, на основаніи котораго можно было приступить къ окончательнымъ работамъ по составленію Свода Законовъ.

б) Правила составленія Свода. При составленіи последняго былъ принятъ за образецъ Сводъ Юстиніана во всемъ, что касается объема его содержанія, т. е. было рѣшено, что „предположенный Сводъ долженъ быть Corpus juris. общимъ составомъ законовъ, и въ этомъ

понятіи долженъ обнимать всѣ части законодательства во всей ихъ совокупности". Опредѣливъ такъ существо Свода, Сперанскій принялъ въ руководство при редактированіи законодательныхъ постановленій, или статей, правила, содержащіяся отчасти въ томъ самомъ образцѣ, который былъ избранъ для Свода - въ кодексѣ Юстиніана; но, кромѣ этого, ближайшимъ образомъ, остановился на правилахъ, установленныхъ впервые англійскимъ философомъ Френсисомъ Бэкономъ (1561†1626) въ знаменитомъ его сочиненіи: „De dignitate et augmentis scientiarum", внеся въ нихъ, однако, измѣненія и ограниченія, необходимыя по свойству нашихъ законовъ. Правила Бэкона состоятъ въ слѣдующемъ:

1) „Исключить изъ Свода всѣ законы, вышедшіе изъ употребленія. Неупотребительными положеніями считать только тѣ, которыя отмѣнены силою другихъ позднѣйшихъ узаконеній.

2) Исключить всѣ повторенія и вмѣсто многихъ постановленій, одно и тоже гласящихъ, принять въ Сводѣ одно изъ нихъ полнѣйшее.

3) Сохранить слова закона, извлекая статьи Свода изъ самаго ихъ текста, хотя бы то было самыми мелкими и дробными частями; потомъ эти мелкія части связать и соединить по порядку, ибо въ законѣ нестолько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности древность драгоцѣнны. Безъ этого Сводъ былъ бы книгою ученою или учебною, а не составомъ законовъ положительныхъ. Правило это положено принять въ слѣдующемъ смыслѣ: а) тѣ статьи Свода, которыя основаны на одномъ дѣйствующемъ указѣ или постановленіи, излагать тѣми самыми словами, которыя стоятъ въ текстѣ, безъ малѣйшаго ихъ измѣненія; б) тѣ статьи, которыя составлены изъ двухъ или болѣе указовъ, излагать словами указа главнаго, съ присоединеніемъ изъ другихъ тѣхъ словъ, которыя служатъ ему дополненіемъ или поясненіемъ; в) статьи, составленныя изъ соображенія многихъ указовъ, излагать по тому смыслу, какой они

представляютъ въ ихъ собокупности, и притомъ, г) подъ каждою статьею излагать съ точностью тѣ указы и постановленія изъ коихъ она составлена.

4) Законы слишкомъ многосложные и обширные должны быть сокращаемы. На этомъ основаніи въ Сводъ положено вносить изъ указовъ и постановленій только самый текстъ закона и его распоряженія

5) Изъ законовъ противорѣчащихъ избирать тотъ, который лучше другихъ. Но, при этомъ, Сводъ переступилъ бы свои границы, если бы составители его приняли на себя судить, который изъ двухъ противорѣчащихъ законовъ лучше. Поэтому, принять другое правило:изъ двухъ несходныхъ между собою законовъ слѣдовать позднѣйшему, не разбирая, лучше ли онъ, или хуже прежняго, ибо прежній считается отрѣшеннымъ тѣмъ самымъ, что постановленъ на его мѣсто другой.

6) По составленіи такимъ образомъ Свода, онъ долженъ быть утвержденъ надлежащею властью, чтобы, подъ видомъ законовъ старыхъ,не вкрались законы новые. Согласно съ этимъ правиломъ положено:Своды каждой части законовъ подвергать ревизіи тѣхъ самыхъ мѣстъ- управленія, къ которымъ они ближе принадлежатъ.

7) Бэконъ полагаетъ составить два свода: одинъ изъ такъ называемаго въ Англіи закона общаго (common law), а другой изъ статутовъ. У насъ этого различія нѣтъ; но есть законы, дѣйствующіе вообще, на всемъ пространствѣ Имперіи;и есть законы мѣстные,особенные, дѣйствіе которыхъ допускается только въ нѣкоторыхъ областяхъ ея. Поэтому положено въ общемъ Сводѣ соединить всѣ законы перваго рода, а законы втораго рода, разобравъ, соединить въ двухъ сводахъ особенныхъ: для губерній западныхъ и остзейскихъ" (Обозрѣніе историч. свѣдѣній о Сводѣ стр. 105 - 113).

На основаніи изложенныхъ выше правилъ всѣмъ узаконеніямъ историческихъ сводовъ постепенно придавалась опредѣленная форма „законныхъ правилъ", т.е. статей

Свода

в) Ревизія Свода. Отдѣльныя части Свода, по мѣрѣ ихъ составленія, подвергались ревизіи комитетовъ, учрежденныхъ въ разныхъ министерствахъ и управленіяхъ. Сущность ревизіи Свода была опредѣлена двумя Высочайшими рескриптами и состояла въ томъ, что комитеты обозрѣвали Сводъ со стороны его точности и полноты, т.е. разсматривали 1) всѣ ли дѣйствующіе въ каждой части законы представлены въ Сводѣ въ истинной ихъ силѣ, и 2) не приведено ли законовъ излишнихъ, отмѣненныхъ послѣдующими. Замѣчанія на Сводъ велѣно было комитетамъ представлять на Высочайшее усмотрѣніе. Всѣ вообще замѣчанія комитетовъ, по разсмотрѣніи ихъ Государемъ, препровождались во II Отдѣленіе, гдѣ по соображеніи ихъ съ узаконеніями и съ другими частями Свода, а также по соображеніи ихъ съ указами, послѣдовавшими вновь, или составлялись новыя статьи Свода, или же исправлялись только прежнія, просмотрѣнныя комитетами.

Ревизія Свода началась въ апрѣлѣ 1828 года и окончилась въ маѣ 1832 года.

г) Время печатанія Свода. Въ началѣ 1832 года первая часть Свода поступила къ печатанію, а въ концѣ того же года всѣ части, которыя подъ общимъ заглавіемъ: *„Сводъ Законовъ Россійской Имперіи“* предназначены были къ составленію одного цѣлаго, кончены печатаніемъ.

д) Засѣданіе Государственнаго Совѣта 19 Января 1833 года. 19 Января 1833 года, Государственный Совѣтъ былъ созванъ въ чрезвычайное собраніе, которое происходило подъ предсѣдательствомъ самого Государя.

Объ этомъ важномъ засѣданіи Совѣта, гдѣ былъ рѣшенъ вопросъ о приданіи Своду той силы, какая принадлежитъ ему до настоящаго времени, мы имѣемъ единственное свидѣтельство бар. Корфа, которое и приведемъ дословно.

„На столѣ совѣтской залы“, говоритъ бар. Корфъ, „лежали 15 томовъ Свода и 56 частей Полнаго Собранія (48 - Перваго и 8 - Втораго). Въ длинной, продолжавшей-

ся более часа рѣчи, Импер. Николай, означилъ въ главныхъ чертахъ сущность и пространство труда, совершеннаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Канцеляріи, степень личнаго своего участія въ немъ и всѣ тѣ благодѣтельныя послѣдстыія, которыя онъ предусматриваетъ отъ новой грани, положенной этимъ трудомъ для дальнѣйшаго движенія нашего законодательства, для его изученія и для практическаго дѣлопроизводства. Рѣчь свою Государь заключилъ обращеніемъ къ членамъ: изъяснить ихъ мнѣніе о томъ, *въ какой силѣ и съ какого времени оконченный и обревизованный во вашихъ вѣдомствахъ Сводъ долженъ начать свое дѣйствіе?"*.

„Министръ Юстиціи Дашковъ представилъ нѣсколько замѣчаній на редакцію, но и онъ, и всѣ прочіе члены согласились въ несомнѣнной и чрезвычайной пользѣ предложеннаго имъ великаго труда. Сперанскій и Государь не отстаивали своей работы, сознаваясь, что и въ ней, какъ во всякомъ произведеніи рукъ человѣческихъ, могутъ быть недостатки, исправленіе которыхъ должно предоставить времени и опыту"

„Затѣмъ, по предложенному Государемъ вопросу, возникли три предположенія: 1) признать статьи Свода *единственнымъ основаніемъ въ рѣшеніи дѣлъ, но такъ, чтобы текстъ законовъ служилъ только указаніемъ источниковъ*; изъ которыхъ статьи составлены, и не былъ самъ собою употребляемъ; 2) признать статьи Свода *закономъ*, но не единственнымъ и не исключительнымъ, а дѣйствующимъ въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ нѣтъ сомнѣнія ни въ существованіи закона, ни въ его смыслѣ; какъ же скоро родится такое сомнѣніе, то прибѣгать къ самому тексту закона и разрѣшать сомнѣніе по этому тексту; 3) признать текстъ законовъ единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ при рѣшеніи дѣлъ, а *статьи Свода только средствомъ вспомогательнымъ*, или, такъ сказать, *совѣщательнымъ къ пріисканію ихъ и къ удостовѣренію въ ихъ смыслѣ"*.

„Третье предположеніе тотчасъ было отклонено, такъ

какъ съ принятіемъ его Сводъ, ни получивъ никакого законодательнаго значенія, никакой обязательной силы, былъ бы почти тоже самое, что частные труды нашихъ законовѣдовъ, и всѣ усилія столѣтнихъ начинаній кончились бы только - большею учебною книгою".

„Но выборъ между остальными двумя предположеніями далъ поводъ къ пространнымъ разсужденіямъ, и Совѣтъ лишь послѣ долгихъ преній остановился на первомъ; вслѣдствіе чего положено было: обнародовать Сводъ, давъ ему силу закона, и привести его въ дѣйствіе съ 1 января 1835 года, до того же времени предоставить подлежащимъ вѣдомствамъ дѣлать всѣ замѣчанія, какія могли бы возникнуть на практикѣ, для соотвѣтственныхъ исправленій статей Свода". (Бар.Корфъ - Жизнь гр.Сперанскаго стр. 317 - 319).

е) Манифестъ 31 Января 1833 года. На изложенныхъ основаніяхъ состоялся Манифестъ 31 Января 1833 года, которымъ установлены слѣдующія правила о силѣ его и дѣйствіи: 1) законная сила Свода, по вступленіи его въ дѣйствіе съ 1 января 1835 года, будетъ состоять въ приложеніи и приведеніи его статей въ дѣлахъ правительственныхъ и судебныхъ; 2) всѣ законы, которые изданы послѣ 1 января 1832 года, будутъ по порядку книгъ Свода и съ указаніемъ на ихъ статьи распредѣляться въ ежегодномъ продолженіи Свода и, такимъ образомъ, *Сводъ законовъ, единожды устроенный, сохранится всегда въ полнотѣ его и единствѣ;* 3) тѣ же законы, которые при ежегодномъ продолженіи Свода не войдутъ въ составъ его, приводить по числамъ ихъ и означеніямъ непосредственно; 4) такъ какъ Сводъ Законовъ ничего не измѣняетъ въ силѣ и дѣйствіи ихъ, но приводитъ ихъ только въ единообразіе и порядокъ: то какъ въ случаѣ неясности самаго закона, такъ и въ случаѣ недостатка или неполноты его, порядокъ поясненія и дополненія остается тотъ же, какой существовалъ до изданія Свода.

ж) Изданія Свода и его Продолженія. Сводъ нѣсколь-

ко разъ переиздавался и каждое послѣдующее изданіе замѣняетъ собою предыдущее, получая силу дѣйствующаго законодательнаго сборника. Но все это только различныя изданія одного и того же „Свода Законовъ Россійской Имперіи, повелѣніемъ Государя Императора Николая I составленнаго", а не новые Своды. Первое изданіе, по времени его напечатанія, называется изданіемъ 1832 г. Съ этого времени Сводъ выдержалъ еще два изданія всѣхъ 15 томовъ: въ 1842 и въ 1857 г. Съ 1857 года полнаго изданія всѣхъ томовъ Свода не было, но въ разное время переиздавались нѣкоторые томы и части его, такъ что въ настоящее время мы имѣемъ еще 7 неполныхъ изданій: 1876, 1883, 1885, 1886, 1887, 1889 и 1893 годовъ.

Что же касается до законовъ, издававшихся въ промежутокъ между новыми изданіями Свода, то они помѣщались въ *„Продолженіяхъ къ Своду"*, печатающихся время отъ времени по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія законодательства. Первое такое продолженіе вышло въ 1834 году, а послѣднее - въ 1893. Съ прошлаго царствованія стали издаваться кромѣ обыкновенныхъ еще „Сводныя Продолженія", въ составъ которыхъ входятъ всѣ перемѣны въ законодательствѣ со времени послѣдняго изданія Свода. Послѣднее Сводное Продолженіе издано въ 1890 г.

Б. *СИСТЕМА СВОДА ЗАКОНОВЪ.*

§17) Дѣленіе Свода на разряды.

Система, положенная въ основу Свода дана самимъ Сперанскимъ, который раздѣлилъ всѣ законы на 8 разрядовъ. При классификаціи законовъ на эти разряды, онъ исходилъ изъ той мысли, что „два союза, два порядка отношеній, необходимы въ государствѣ: союзъ государственный и союзъ гражданскій". „Гдѣ союзъ, тамъ есть права и обязанности", говоритъ Сперанскій въ Обозрѣніи историч. свѣдѣній о Сводѣ, „посему въ государствѣ есть права и обязанности государственныя и есть права и обязанности гражданскія. Тѣ и другія опредѣляются и охраняются законами. Отсюда два порядка законовъ: законы государственные и законы гражданскіе.

„Законы государственные суть двухъ разрядовъ: одни изъ нихъ опредѣляютъ существо союза государственнаго и правъ, отъ него происходящихъ. Въ этомъ разрядѣ прежде всего представляется порядокъ, коимъ власть верховная образуется и дѣйствуетъ въ законодательствѣ и управленіи, органы сего дѣйствія суть установленія; средства суть силы государственныя, для сего дѣйствія предназначенныя. Въ составѣ тѣхъ и другихъ предполагается извѣстная степень участія подданныхъ этимъ опредѣляется ихъ состояніе. Отсюда четыре вида законовъ государственныхъ:

1) законы основные,

2) учрежденія,

3) законы силъ государственныхъ и

4) законы о состояніяхъ.

Второй разрядъ государственныхъ законовъ составляютъ всѣ законы, которыми союзъ государственный, и гражданскій, и права отъ нихъ возникающія, охраняются въ ихъ дѣйствіи мѣрами общаго государственнаго порядка. Сюда принадлежатъ:

1) законы предохранительные, т.е. уставы благочинія и

2) законы уголовные.

Законы гражданскіе, также, какъ и государственные, дѣлятся на два разряда: къ первому принадлежатъ всѣ законы, которыми опредѣляются права гражданскія, т е. во первыхъ, законы, которыми установляется порядокъ правъ и обязанностей семейственныхъ; во вторыхъ, законы, которыми установляется порядокъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ въ имуществахъ; въ третьихъ, порядокъ дѣйствія сихъ послѣднихъ правъ въ особенномъ отношении ихъ къ государственному и частному кредиту, къ торговлѣ, къ промышленности и проч. Отсюда три вида гражданскихъ законовъ:

1) законы союзовъ семейственныхъ;

2) общіе законы объ имуществахъ. Эти два вида означаются по принятому обычаю, общимъ именемъ законовъ

гражданскихъ. Къ нимъ присоединяются законы межевые, которыми опредѣляется порядокъ развода границъ владѣнія;

е) особенные законы объ имуществахъ. По главной цѣли эти законы означаются законами государственнаго благоустройства или экономіи.

Ко второму разряду гражданскихъ законовъ принадлежатъ законы, которыми охраняется дѣйствіе правъ мѣрами порядка гражданскаго. Таковы суть:

1) законы о порядкѣ взысканій по дѣламъ безспорнымъ;

2) законы судопроизводства: общаго гражданскаго и особенныхъ межеваго и торговаго;

3) законы о мѣрахъ гражданскихъ взысканій.

Въ этомъ состоятъ главныя основанія принятаго въ сводѣ раздѣленія законовъ. Этотъ порядокъ соображенъ въ главныхъ его началахъ съ порядкомъ учебнаго раздѣленія законовъ. Отъ него встрѣчаются, впрочемъ, нѣкоторыя отступленія, обусловливаемыя практическими соображеніями. Такъ, послѣ изложенія государственныхъ законовъ перваго разряда слѣдовало бы изложить законы государственные второго разряда, т.е. уставы благочинія и законы уголовные; но такъ какъ эти законы составляютъ общее охраненіе какъ союза государственнаго, такъ и союза гражданскаго, то надлежало прежде изложить законы, опредѣляющіе союзъ гражданскій, и, слѣдовательно, послѣ перваго разряда законовъ государственныхъ перейти къ законамъ гражданскимъ. Хотя эти послѣдніе, какъ показано выше, дѣлятся также на два разряда, но второй изъ нихъ, содержащій въ себѣ законы гражданскаго охраненія правъ, такъ связанъ съ первымъ, что отдѣлить ихъ безъ важныхъ затрудненій въ практикѣ невозможно; поэтому и распредѣлены они въ сводѣ между законами перваго разряда, имъ соотвѣтствующими. Затѣмъ весь сводъ заключается государственными законами второго разряда, т.е. законами благочинія и уголовными.

§18) Распредѣленіе разрядовъ по томамъ Свода.

Всѣ указанные 8 разрядовъ размѣщены въ 15 томахъ Свода *изданія 1832 года*, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Первый разрядъ, подъ именемъ: *„учрежденій“*, распредѣленъ въ 3 томахъ, причемъ:

въ I томѣ 1 части содержатся законы основные;

„ „ „ 2 части - учрежденія государственныя;

во II томѣ - учрежденія губернскія;

въ III томѣ - уставъ о службѣ гражданской.

Второй разрядъ, подъ именемъ: *„уставовъ о повинностяхъ“*, заключается въ одномъ IV томѣ и содержитъ въ себѣ уставъ рекрутскій и уставъ о земскихъ повинностяхъ.

Третій разрядъ, подъ названіемъ: *„уставовъ казеннаго управленія“*, состоитъ изъ 4 томовъ, изъ которыхъ:

въ V томѣ помѣщены уставы о податяхъ, пошлинахъ и питейномъ сборѣ;

въ VI томѣ - уставъ таможенный;

въ VII томѣ - уставы монетный горный и о соли;

въ VIII томѣ - уставы лѣсной, оброчныхъ статей и арендныхъ имѣній.

Четвертый разрядъ, подъ названіемъ: *„законовъ о состояніяхъ“*, содержится въ одномъ IX томѣ, гдѣ изложены законы о сословіяхъ.

Пятый разрядъ, подъ именемъ: *„законовъ гражданскихъ и межевыхъ“*, содержится въ одномъ X томѣ, раздѣленномъ на 3 части, изъ которыхъ:

въ 1 части помѣщены законы гражд. опредѣлительные;

„ 2 „ - законы гражданскіе охранительные;

„ 3 „ - законы межевые.

Шестой разрядъ, подъ названіемъ *„уставовъ государственнаго благоустройства“*, распредѣленъ въ 2 томахъ, изъ которыхъ:

XI томъ содержитъ въ себѣ учрежденія и уставы кредитныхъ установленій; уставы и учрежденія торговые (со включеніемъ и законовъ о судопроизводствѣ по дѣламъ торговымъ), постановленія о фабричной, заводской и ремесленной промышлен

XII томъ содержитъ уставы: путей сообщенія, строительный, пожарный и постановленія о благоустройствѣ въ городахъ и селеніяхъ.

Седьмой разрядъ, подъ именемъ *„уставовъ благочинія"*, заключается также въ 2 томахъ, причемъ,

въ XIII томѣ находятся уставы о народномъ продовольст., объ общественномъ призрѣніи и врачебный;

въ XIV томѣ помѣщены уставы: о паспортахъ и бѣглыхъ, о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и о содержащихся подъ стражей и о ссыльныхъ.

Восьмой разрядъ, подъ именемъ *„законовъ уголовныхъ"*, состоитъ изъ одного XV тома и содержитъ въ себѣ законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ и законы о судопроизводствѣ по преступленіямъ.

Кромѣ этихъ 15 томовъ, имѣется еще одна книга *общаго оглавленія Свода Законовъ Россійской Имперіи* и *алфавитный указатель*, изданный въ 1884 году.

Нѣкоторые изъ этихъ 15 томовъ дѣлятся на части, части и тѣ томы, въ которыхъ нѣтъ дѣленія на части, подраздѣляются на книги, книги - на раздѣлы, раздѣлы - на главы, главы - на отдѣленія, въ которыхъ излагаются законодательныя постановленія въ видѣ *статей* за опредѣленной нумераціей. Всѣхъ статей въ Сводѣ изданія 1882 г. насчитывается до 42000. Каждое изъ указанныхъ дѣленій снабжено заглавіемъ, а подъ каждой статьей помѣщена ссылка, или цитата, содержащая указаніе на годъ, мѣсяцъ, число и номеръ, подъ которыми помѣщенъ указъ, служащій основаніемъ статьи, въ Полномъ Собраніи. Это было принято не только для сообщенія статьямъ Свода большей достовѣрности, но также и для того, чтобъ облегчить ихъ пониманіе. „Сіи указанія нужны", говоритъ Сперанскій въ Обозр. историч. свѣд. о Сводѣ, „какъ вѣрный путь къ разуму закона, какъ способъ къ открытію причинъ его, какъ руководство къ познанію истиннаго его смысла въ случаѣ сомнѣній; они нужны, какъ лучшая система истолкованій - система, основанная не на мнѣніяхъ и выводахъ произвольныхъ,

но на простомъ сличеніи двухъ формъ одного и того же закона: первообразной и производной. Они охраняютъ связь между сими двумя формами, связь столь необходимую, что безъ нея расторглось бы самое его единство". И не смотря на указанное значеніе, ссылки эти оказываются не всегда вѣрными: иногда въ Полномъ Собраніи не находится того законоположенія, которое приводится подъ статьей, равно какъ и оглавленія, данныя многочисленнымъ рубрикамъ Свода, подчасъ являются слишкомъ искусственными и несоотвѣтствующими содержанію самыхъ законоположеній.

Кромѣ цитатъ, при нѣкоторыхъ статьяхъ имѣются еще примѣчанія и приложенія. Примѣчанія обыкновенно помѣщаются въ текстѣ, вслѣдъ за статьями, къ которымъ относятся; приложенія же выносятся изъ текста и помѣщаются въ концѣ книги или части. При первомъ изданіи Свода было положено за правило излагать въ примѣчаніяхъ измѣненія, которыя сами по себѣ не представляютъ законодательнаго опредѣленія, а въ приложенія относить разныя формы; табели и такія изложенія подробностей, которыя „затемнили бы смыслъ главныхъ статей, прервали бы связь между ними, если бы помѣщены были среди текста". Но въ послѣдующихъ изданіяхъ Свода и въ продолженіяхъ къ нему это правило не соблюдалось и нерѣдко въ формѣ примѣчаній и приложеній включались въ Сводъ весьма важныя новыя узаконенія, совершенно измѣнявшія смыслъ тѣхъ статей, къ которымъ они относились.

§19) Законоположенія, не вошедшія въ Сводъ.

Не смотря на то, что Сводъ, по мысли Сперанскаго, долженъ представлять собою „общій составъ законовъ", онъ не обнимаетъ собою всѣхъ отраслей законодат.

Такъ, въ него не вошли нѣкоторые особенные и мѣстные зак., включенные въ особые своды. Сюда относятся.

а) *Сводъ военныхъ постановленій*, 1 изданія котораго вышло въ 1839 г. Въ 1859 г. было предпринято 2 его изданія по той же самой системѣ, которая была прида-

на ему Сперанскимъ при первомъ изданіи Но въ виду реформъ Имп. Александра II въ области военнаго управленія, система, принятая въ двухъ первыхъ изданіяхъ, оказалась неудобной, почему въ 1869 году приступлено было къ 3 изданію Свода военныхъ постановленій, до сихъ поръ незаконченному.

б) *Сводъ морскихъ уголовныхъ постановленій*, изданный въ одномъ томѣ въ 1851 году, содержалъ, какъ показываетъ названіе, одни уголовные законы всѣ же остальныя постановленія были присоединены къ этимъ послѣднимъ въ 1886 г и новое изданіе получило названіе *Свода морскихъ постановленій*.

в) *Сводъ мѣстныхъ узаконеній остзейскихъ губерній*, начатый изданіемъ въ 1845 г , когда вышелъ Сводъ узаконеній о правахъ состоянія и о мѣстныхъ учрежденіяхъ, и оконченный въ 1864 г , когда былъ изданъ Сводъ законовъ гражд. для названныхъ губерній.

г) *Собраніе гражданскихъ законовъ для губерній бывшаго Царства Польскаго*, представляющее собою переводъ оставшагося и до сихъ поръ въ силѣ кодекса Наполеона, который былъ введенъ тамъ въ 1808 году.

Кромѣ этихъ узаконеній, включенныхъ въ особые сборники, въ составъ Свода Законовъ изданія 1892 г. не вошли еще нѣкоторыя другія узаконенія, помѣщенныя въ позднѣйшія его изданія. Сюда относятся: а) узаконенія, относящіяся къ государственному контролю и народному просвѣщенію, б) узаконенія, принадлежащія къ управленію нѣкоторыхъ частей вѣдомства придворнаго, в) узаконенія по управленію духовными дѣлами Впрочемъ, законы, касающіеся духовныхъ дѣлъ Православной Церкви до сихъ поръ не включены въ Сводъ, равно какъ и не соединены въ особый сборникъ. Они примѣняются по тексту, находящемуся въ Полномъ Собраніи.

--*--

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА
въ XVIII и первой четверти XIX вѣка

*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

А. ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ.

§1. Порядокъ преемства престола.

Порядокъ преемства престола можетъ проявляться въ троякой формѣ: 1) въ формѣ наслѣдованія по закону (обычаю) въ порядкѣ нисходящаго первородства; 2) въ видѣ наслѣдованія по завѣщанію царствующаго монарха, 3) въ формѣ избранія. Въ XVIII вѣкѣ мы встрѣчаемся со всѣми этими видами преемства, изъ которыхъ ни одинъ не является преобладающимъ вплоть до конца этого вѣка, когда рѣшительный перевѣсъ получаетъ наслѣдованіе по закону, единственный, вполнѣ соотвѣтствующій монархической формѣ правленія, порядокъ преемства престола.

а) *Уставъ о престолонаслѣдіи 5 февраля 1722 года.* Первымъ законодательнымъ актомъ, посвященнымъ вопросу о преемствѣ престола въ Россіи, является слѣдующій уставъ о престолонаслѣдіи, изданный Петромъ Великимъ 5 Февраля 1722 года:

Понеже всѣмъ вѣдомо есть, какою Авессаломскою злостію надмѣчъ былъ сынъ нашъ Алексѣй, и что нераскаяніемъ его оное намѣреніе, но милостью Божіею ко всему нашему отечеству пресѣклось, а сіе ни для чего инаго у него взросло, токмо отъ обычая стараго, что большому сыну наслѣдство давали, къ тому-жъ одинъ онъ тогда мужска полу нашей фамиліи былъ, и для того ни на какое отеческое наказаніе смотрѣть не хотѣлъ. Сей недобрый обычай не знаю чего для такъ былъ затверженъ; ибо не точію въ людѣхъ по разсужденію умныхъ родителей бывали отмѣны, но и въ святомъ писаніи видимъ, когда Исаакова жена, состарѣвшуся ея мужу, меньшому сыну наслѣдство исходатайствовала, и что еще удивительнѣе, что и Божіе благословеніе тому слѣдовало. Еще-жъ и въ нашихъ предкахъ оное видимъ, когда Великій Князь Иванъ Васильевичъ ...., который *не по первенству* но *по волѣ* сіе чинилъ, и дважды отмѣнялъ, усматривая достойнаго Наслѣдника, который-бы собранное и утвержденное наше отечество паки въ расточеніе не упустилъ, перво мимо сыновей отдалъ внуку, а потомъ отставилъ внука уже вѣнчаннаго и отдалъ сыну свое наслѣдство......на что и другіе сему подобные есть довольные примѣры, о которыхъ краткости ради времени нынѣ здѣсь не упоминаемъ, но впредь оные особливо выданы будутъ въ печати Въ такомъ-же разсужденіи въ прошломъ 1714 году милосердуя мы о нашихъ подданныхъ, чтобъ и партикулярные ихъ домы не приходили отъ недостойныхъ Наслѣдниковъ въ разореніе, хотя и учинили мы уставъ, чтобъ недвижимое имѣніе отдавать одному сыну, однако-жъ отдали то въ волю родительскую, которому сыну похотятъ отдать, усмотря достойнаго, хотя и меньшему мимо большихъ, признавая удобнаго, который-бы не расточилъ наслѣдства: *кольми же паче должны мы имѣть попеченіе о цѣлости всего нашего Государства, которое съ помощью Божіею нынѣ паче распространено, какъ всѣмъ видимо есть!* Чего для заблаго разсудили мы сей уставъ учинить, *дабы сіе было*

II.

ИСТОРІЯ
РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА

въ XVIII и первой четверти XIX в.

паршей" на престолъ должна была вступить одна изъ дочерей Петра, не оставившаго сыновей. Но придворная партія во главѣ съ Меньшиковымъ нашла болѣе удобнымъ, конечно, въ своихъ личныхъ интересахъ, возвести на престолъ Екатерину I Слѣдовательно, постановленія устава о престолонаслѣдіи были обойдены, хотя въ манифестѣ о восшествіи на престолъ Императрицы и утверждалось, что „синодъ,сенатъ и генералитетъ избрали Екатерину I по силѣ указа 5 февраля 1722 года, такъ какъ въ 1724 г. Петръ удостоилъ ее коронованіемъ", а въ этомъ будто бы и выразилась воля Государя на назначеніе ее своей преемницей Но коронація эта не могла сообщить Екатеринѣ правъ на власть, она сообщала ей,подобно коронаціямъ государынь въ западно-европейскихъ государствъ, по обычаямъ которыхъ и совершена была Петромъ, только права на почетъ супруга.

в) *Тестаментъ 7 Мая 1727 года.* Законъ Петра, не примѣненный имъ самимъ и нарушенный вступленіемъ на престолъ Екатерины, былъ существенно измѣненъ ея тестаментомъ, вскрытымъ 7 мая 1727 года.Содержаніе этого важнаго акта, состоящаго изъ 16 пунктовъ, разнообразно Здѣсь, сверхъ порядка престолонаслѣдія, говорится объ опекѣ и правительствѣ, о приданомъ и содержаніи дочерямъ Императрицы, о назначеніи одной изъ дочерей Меньшикова въ невѣсты наслѣднику В. К. Петру Алексѣевичу,о союзѣ съ Герцогомъ Гольштинскимъ и т п. Постановленія, касающіяся разсматриваемаго нами вопроса, выражены слѣдующимъ образомъ:

1) „Хотя по материнской любви нашей, дочери наши, Герцогиня Гольштинская Анна Петровна и Цесаревна Елисавета Петровна, могли бы быть преимущественно назначены нашими преемницами; но принимая въ уваженіе, что лицу мужескаго пола удобнѣе перенесть тягость управленія столь обширнымъ государствомъ, *Мы назначаемъ себѣ преемникомъ Вел Кн. Петра Алексѣевича* (пун 1)

2) Царствовать ему съ такою же властью, какая намъ присвоена (пун 2)

3) Ежели Вел. Кн. скончается безъ наслѣдниковъ, то послѣ него вступаетъ на престолъ Герц. Гольшт. *Анна Петровна*, потомъ Цесар. *Елизавета Петровна* и, наконецъ, Велик. Кн. *Наталія Алексѣевна* (сестра Петра II) *съ ихъ потомствами*, такъ однако, чтобы *мужеское колѣно имѣло преимущество предъ женскимъ*, если же не останется никого изъ потомковъ фамиліи нашей, то наслѣдовать престолъ долженъ ближайшій и старѣйшій родственникъ нынѣ царствующей въ Россіи фамиліи, мужескаго пола (разумѣется линія Іоанна Алексѣевича, брата Петра Великаго); но ни одна изъ царствующихъ уже гдѣ-либо особъ или неисповѣдующихъ Грекороссійскаго Закона не можетъ быть на престолѣ россійскомъ" (пун. 8)

Въ концѣ акта постановлено: „все сіе имѣетъ тотчасъ по смерти нашей, публиковано, присягою утверждено и твердо содержано быть, а кто тому противенъ будетъ, яко измѣнникъ наказанъ быть имѣетъ" (Пол. Собр. № 5070).

Тестаментомъ этимъ законъ Петра впервые получалъ осуществленіе: наслѣдникъ былъ назначенъ волею царствующей Императрицы; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ дѣйствительности онъ совершенно отмѣнялся, такъ какъ тестаментъ допускаетъ субституціи. Являясь съ точки зрѣнія Екатерины завѣщаніемъ, актъ этотъ для преемниковъ становился закономъ, въ которомъ разъ навсегда устанавливался опредѣленный порядокъ преемства не только въ предѣлахъ семьи Петра Великаго, но даже во всей династіи, чѣмъ, конечно, волѣ послѣдующихъ государей не оставлялось никакого простора. Мало того, здѣсь провозглашался принципъ предпочтенія мужскаго пола предъ женскимъ и вводились важныя условія, препятствовавшія вступленію на русскій престолъ, именно: иностранное вѣроисповѣданіе и царствованіе на другомъ престолѣ. Все это впослѣдствіи вошло съ нѣкоторыми измѣненіями въ законъ Императора Павла I 1797 года.

всегда въ волѣ Правительствующаго Государя, кому оный хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнитъ, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость, какъ выше писано, имѣя сію узду на себѣ....." (Пол. Соб. № 3893).

Изъ приведеннаго устава видно, что Петръ Вел. въ вопросѣ о престолонаслѣдіи изъ двухъ порядковъ преемства - наслѣдованія по праву первородства и по завѣщанію, - сложившихся еще въ московскій періодъ нашей исторіи и дѣйствовавшихъ, какъ извѣстно, въ совокупности и одновременно, рѣшилъ предпочесть послѣдній. Ближайшимъ практическимъ поводомъ къ такому рѣшенію было поведеніе его сына, царевича Алексѣя Петровича.

Относя образъ дѣйствій царевича, не желавшаго смотрѣть „ни на какое отеческое наказаніе", на счетъ сознанія имъ своихъ правъ, какъ законнаго и, притомъ, единственнаго въ то время наслѣдника, Петръ пришелъ къ заключенію, что наслѣдованіе по закону неудобно по соображеніямъ государственной пользы, и отвергъ его какъ „обычай недобрый". Не излагая этихъ соображеній въ уставѣ, онъ поручилъ изложить ихъ псковскому архіепископу Ѳеофану Прокоповичу въ особой книгѣ, которая и вышла въ томъ же году подъ названіемъ: „*Правда воли монаршей въ опредѣленіи наслѣдника державы своей*". Въ этомъ замѣчательномъ сочиненіи, служащимъ дальнѣйшимъ развитіемъ устава, представлены двоякаго рода доводы, имѣющіе цѣлью доказать справедливость завѣщательной системы престолонаслѣдія. Одни изъ этихъ доводовъ вытекаютъ изъ разсужденія о родительской власти вообще, другіе - изъ разсужденія о власти родителей-государей въ частности.

1) Объясняя отношенія между родителями и дѣтьми, авторъ „Правды" исходитъ изъ той идеи, что отношенія эти строятся на естественномъ между ними договорѣ, почему если отецъ оставляетъ сыну наслѣдство, то это является ничѣмъ инымъ, какъ осуществленіемъ указаннаго есте-

ственнаго договора, по которому отецъ назначаетъ сына наслѣдникомъ потому, что сынъ ему покоренъ и впредь будетъ хорошъ. „Правда" доказываетъ это и библейскою исторіей, и римскимъ правомъ.

2) Разсуждая, далѣе, о власти родителей-государей и разсматривая на основаніи идей учителей церкви и сочиненія Гуго Гроція существо верховной власти вообще и самодержавной въ особенности, авторъ взвѣшиваетъ достоинство двухъ видовъ престолонаслѣдія - избирательнаго и наслѣдственнаго; онъ считаетъ оба вида неудобными съ точки зрѣнія государственной пользы, но находитъ возможнымъ устранить неудобства наслѣдственной монархіи тѣмъ, что наслѣдованіе должно быть сдѣлано не безусловнымъ, что государю должно быть предоставлено право назначать себѣ преемника.

Въ заключеніе „Правда" разрѣшаетъ тотъ случай, когда государь не оставилъ завѣщанія. Кто долженъ быть тогда государемъ? Долженъ быть, отвѣчаетъ „Правда", тотъ изъ сыновей умершаго государя, который былъ къ нему наиболѣе близокъ и былъ имъ наиболѣе любимъ. Въ этомъ случаѣ народъ, хотя и избираетъ государя, но избираетъ его не совершенно свободно; онъ долженъ руководствоваться симпатіями и антипатіями умершаго къ сыновьямъ, не обращая вниманія на то, хорошій или дурной сынъ былъ любимцемъ отца. Если же нельзя опредѣлить, кого изъ сыновей больше любилъ государь, то долженъ быть избранъ наиболѣе подобный отцу по характеру и направленію мыслей. Если умершій оставилъ одного только сына, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ остановиться на его избраніи, такъ какъ имперія наслѣдственная. Такихъ же правилъ должно придерживаться и тогда, когда послѣ умершаго безъ завѣщанія государя останутся только дочери (Пол. Собр. N 4870).

б) *Избраніе Екатерины I.* Издавъ разсмотрѣнный законъ, Петръ не примѣнилъ его на практикѣ: онъ умеръ не назначивъ себѣ наслѣдника. Кого же нужно было выбрать на престолъ? По смыслу словъ „Правды воли мо-

„того ради“, говорится дальше, „какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чиновъ вѣрные подданные, а особливо лейбъ-гвардіи нашей полки всеподданнѣйше и единогласно насъ просили, дабы мы, для пресѣченія всѣхъ тѣхъ происшедшихъ и впредь опасаемыхъ безпокойствъ и непорядковъ, *яко по крови ближняя,* отеческій нашъ престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили и *по тому нашему законному праву* по близости крови къ самодержавнымъ нашимъ вседрожайшимъ родителямъ Государю Императору Петру Великому и Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и по ихъ всеподданнѣйшему нашихъ вѣрныхъ единогласному прошенію, тотъ нашъ отеческій всероссійскій престолъ воспріять соизволили, о чемъ впредь всѣмъ со обстоятельствомъ и съ довольнымъ изъясненіемъ манифестъ выданъ будетъ....“(Полн. Собр. Зак. N 8473).

Обѣщанный манифестъ вышелъ 28 ноября. Въ немъ прежде всего объясняется, что, по тестаменту Екатерины I, единственною законною наслѣдницею престола по смерти Петра II была Елизавета, такъ какъ Анна Петровна скончалась ранѣе Императора, а сынъ ея не былъ православнаго исповѣданія и, слѣдовательно, не могъ, въ силу этого же тестамента, вступить на престолъ Такимъ образомъ, съ юридической точки зрѣнія воцареніе Елизаветы не представляетъ собою узурпаціи: ея права на престолъ были несомнѣнны на основаніи закона 1727 года, который вслѣдствіе движенія верховниковъ и „недоброжелательными и коварными происками“, какъ говорится въ манифестѣ, Остермана, скрывшаго по смерти Петра духовную Екатерины, не былъ приведенъ въ исполненіе (Полн Собр Зак N 8476)

ж) Вступленіе на престолъ Петра III. Импер. Елизавета Петровна въ 1742 г издала манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола племянника ея Петра, Герцога Гольштинскаго, *„яко по крови къ намъ ближайшаго“*. При этомъ объявлено, что наслѣдникъ принялъ

„благочестивую вѣру греческаго исповѣданія" (Полн. Собр. Зак № 3658).

Этимъ манифестомъ признавалось, такимъ образомъ, одновременное дѣйствіе обоихъ началъ - наслѣдованія престола по кровной близости и по волѣ правящаго государя, и, слѣдовательно, старинный порядокъ преемства, сложившійся въ московскій періодъ, готовъ былъ возстановиться. Этотъ порядокъ подтверждается и Императоромъ Петромъ III въ манифестѣ 25 декабря 1761 года о восшествіи своемъ на престолъ Импер. Петръ III объявляетъ, что Императ. Елизавета „*оставила ему* въ самодержавство прародительскій всероссійскій императорскій престолъ, *яко сущему наслѣднику по правамъ, преимуществамъ и узаконеніямъ принадлежащій* (Полн. Собр. Зак. № 11390). Но въ формѣ клятвеннаго обѣщанія, по которой должны были присягать новому Императору подданные, снова, по примѣру Петра I, выставляется одно только завѣщательное начало, именно, подданные присягали Императору Петру Ѳеодоровичу „и по немъ по самодержавной его императорскаго величества и по высочайшей его волѣ избираемымъ и опредѣляемымъ наслѣдникамъ" (Полн. Собр. Зак. № 11391).

Царствованіе Петра было очень кратковременно: онъ былъ низвергнутъ, какъ извѣстно, своею супругою Екатериною, которая и вступила на престолъ 28 іюня 1762 года. По формѣ новаго клятвеннаго обѣщанія подданные присягали ей „и сыну ея, Великому Князю Павлу Петровичу, *законному* всероссійскаго престола наслѣднику. Имп. Павелъ I вступилъ на престолъ въ 1796 году безъ назначенія и безъ избранія.

в) *Актъ о престолонаслѣдіи 5 Апрѣля 1797 года.* Изъ представленныхъ историческихъ данныхъ видно, что со смерти Петра Великаго и до воцаренія Павла I включительно, т.е., въ теченіе 71 года, престолъ россійскій послѣдовательно занимали восемь царствующихъ особъ, изъ которыхъ Им. Екатерина I и Анна Іоанновна были избраны на престолъ, Им. Петръ II и Іоаннъ Антоно-

Тестаментъ 1727 года представляетъ собою, такимъ образомъ, первую попытку формулировать законодательнымъ путемъ порядокъ преемства престола по закону и тѣмъ положить предѣлъ шаткости вопроса о престолонаслѣдіи. Но ему какъ и уставу Петра Великаго, не суждено было осуществиться вполнѣ, ибо Петру II, признавшему для себя законъ Екатерины обязательнымъ, а потому и неназначившему преемника, наслѣдовала не Елизавета Петровна, единственная тогда наслѣдница по Тестаменту, а Герцогиня Курляндская Анна Іоанновна, и престолъ, слѣдовательно, былъ отнятъ у рода Петра Великаго.

г) *Избраніе Анны Іоанновны.* Анна Іоанновна была избрана на царство всемогущимъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, учрежденнымъ еще имп. Екатериной I въ 1726 г. Члены этого Совѣта, такъ называемые верховники, возымѣли мысль избрать новую Государыню съ тѣмъ, чтобы ограничить въ свою пользу самодержавіе и тѣмъ de jure править государствомъ также безконтрольно, какъ правили они имъ de facto въ предшествующія два царствованія. Съ этою цѣлью они, не боясь „яко измѣнники наказаны быть“, обошли законъ Екатерины и обратились къ боковой линіи царствующей династіи, къ линіи Царя Іоанна Алексѣевича, причемъ избрали на престолъ не старшую дочь послѣдняго, Екатерину Мекленбургскую, супругъ которой могъ вмѣшаться въ дѣла государственныя и помѣшать ихъ планамъ, а младшую — Анну, вдовствующую Герцогиню Курляндскую, какъ личность наиболѣе подходящую, по ихъ мнѣнію, для осуществленія ихъ олигархическихъ притязаній.

д) *Уставъ о регентствѣ 16 октября 1740 года.* Новая Императрица поспѣшила подтвердить силу указа 1722 года, но съ тѣмъ, чтобы въ своемъ уставѣ о регентствѣ его нарушить. Въ самомъ дѣлѣ, по проискамъ Бирона Анна Іоанновна манифестомъ 5 октября 1740 года назначила наслѣдникомъ престола двоюроднаго внука отъ брата родной племянницы своей Анны Леопольдовны съ Гер-

цогомъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ, малолѣтняго Іоанна III Антоновича, и тѣмъ осуществила указъ Петра о престолонаслѣдіи, но 16 октября уставомъ о регентствѣ существенно измѣнила послѣдній, допустивъ, подобно Екатеринѣ I, субституцію Такъ, уставъ этотъ, между прочимъ, узаконяетъ „въ случаѣ, если Іоаннъ Антоновичъ скончается до совершеннолѣтія и послѣ него не будетъ законныхъ наслѣдниковъ, преемниками его должны быть родные его братья, рожденные отъ Принцессы Анны.. Но если случится, что и братья Іоанна Антоновича скончаются, не оставя по себѣ законныхъ наслѣдниковъ, то, для постояннаго блага Россійской Имперіи, регентъ съ первѣйшими чиновниками государства долженъ избрать наслѣдника престола"

Уставъ представляетъ собою, такимъ образомъ, вторичную попытку ввести преемство престола по закону. Мотивомъ изданія этого закона было наряду съ желаніемъ Бирона захватить власть въ качествѣ регента въ свои руки, желаніе самой Императрицы упрочить русскій престолъ за членами новой, призванной случайно линіи Царя Іоанна Алексѣевича.

е) *Вступленіе на престолъ Елизаветы Петровны.* По смерти Анны Іоанновны, въ силу устава о регентствѣ воцарился Іоаннъ Антоновичъ, но царствованіе его было кратковременнымъ - 13 съ небольшимъ мѣсяцевъ Однако и въ это краткое время произошли 2 переворота: 9 ноября 1740 года былъ свергнутъ и сосланъ регентъ Биронъ и регентство перешло въ руки матери малолѣтняго Императора, а въ ночь на 25 ноября 1741 года, по повелѣнію второй дочери Петра Великаго, Елизаветы Петровны, дѣйствовавшей, главнымъ образомъ, при помощи лейбъ-гвардейскихъ полковъ, Анна Леопольдовна вмѣстѣ съ малюткой-Императоромъ была арестована и на другой день манифестъ о восшествіи на престолъ Импер. Елизаветы уже читался народу Въ манифестѣ мотивомъ занятія престола были выставлены безпорядки и безпокойства, бывшіе во время двухъ регентствъ;

3) престолъ переходитъ по праву первородства (jus primogeniturae и по праву заступленія (jus representationis);

4) право на престолъ обусловливается исповѣданіемъ православной вѣры (Полн. Собр. Зак № 17910).

Актъ 5 апрѣля 1797 года былъ дополненъ при Императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I нѣкоторыми постановленіями. Такъ, въ 1820 году было издано постановленіе объ устраненіи отъ наслѣдованіи престола дѣтей, происшедшихъ отъ брака лица Императорской фамиліи съ лицомъ, непринадлежащимъ ни къ какому владѣтельному дому; а въ 1825 году вышло постановленіе о свободѣ отреченія отъ престола, въ силу котораго каждое лицо, имѣющее непосредственное право на наслѣдованіе престола можетъ отъ него отречься, но при соблюденіи двухъ условій: 1) отреченіе можетъ имѣть мѣсто, если за симъ не предстоитъ никакихъ затрудненій въ наслѣдованіи престола; 2) когда отреченіе послѣдовало, было обнародовано и обращено этимъ въ законъ, оно признается невозвратимымъ.

Съ указанными дополненіями, актъ Императора Павла I представляетъ собою дѣйствующій по настоящее время законъ о престолонаслѣдіи.

Б *НАРОДЪ.*

§2) Дворянство *)

Служилое сословіе московскаго государства, раздробившееся на разные разряды (бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, московскихъ, городовыхъ дворянъ и т п) получаетъ въ XVIII вѣкѣ существенное измѣненіе въ своемъ политическомъ положеніи Измѣненіе это выразилось: 1) въ образованіи изъ служилыхъ людей (за исключеніемъ дѣтей боярскихъ) особаго въ государствѣ благороднаго сословія, „шляхетства"; 2) въ

*) *Ср. специальное изслѣдованіе Проф. Романовича-Славатинскаго. „Дворянство въ Россіи съ XVIII в. до отмѣны крѣпостного права"*

обязательной и, притомъ, постоянной для шляхетства государственной службѣ и въ обязательной ихъ научной подготовкѣ къ ней; 3) въ освобожденіи всего сословія отъ обязательной службы и въ превращеніи его чрезъ это въ сословіе привилегированное; 4) въ организаціи изъ этого привилегированнаго сословія уѣздныхъ и губернскихъ обществъ съ правомъ участія въ мѣстномъ управленіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и разсмотримъ всѣ эти вопросы.

а) *Образованіе шляхетства, или дворянства.* Время и способъ образованія шляхетства нельзя опредѣлить въ точности, такъ какъ общаго узаконенія объ этомъ не было издано. Извѣстно только, что Петръ Великій не жаловалъ никому прежнихъ московскихъ чиновъ и въ одномъ изъ указовъ 1712 года, говоря о служиломъ классѣ, впервые назвалъ его in corpore „шляхетствомъ", а прежнее названіе „дворянинъ" примѣнилъ къ каждому отдѣльному члену сословія: „сказать всему шляхетству", читаемъ мы въ этомъ указѣ, „чтобы каждый дворянинъ (какой бы фамиліи не былъ) почесть и первое мѣсто давалъ каждому оберъ-офицеру (Пол. Собр. N 2467). Это названіе, заимствованное изъ Польши, сдѣлалось общеупотребительнымъ вплоть до изданія при Имп. Петрѣ III манифеста 18 февраля 1762 года: „о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству", въ которомъ термины „шляхетство", „шляхтичъ" исчезаютъ и замѣняются прежними выраженіями: „дворянство", „дворянинъ". Въ составъ шляхетства вошли разряды служилаго класса московскаго государства, за исключеніемъ дѣтей боярскихъ, изъ которыхъ составился классъ „однодворцевъ", примыкавшій къ состоянію казенныхъ крестьянъ. Но кромѣ чиновъ служилаго класса доступъ въ шляхетство былъ открытъ Петромъ всякому, который въ силу своихъ способностей оказывалъ пользу государству своей службой. Этотъ доступъ былъ предоставленъ знаменитою Табелью о рангахъ, изданною Петромъ 24 января 1722 года и сохранившею силу въ

вичъ - назначены волею царствующихъ монарховъ, Имп. Елизавета и Имп. Павелъ I вступили на престолъ по закону, Петръ III получилъ корону и по назначенію, и по закону, наконецъ, Имп. Екатерина II воцарилась въ силу узурпаціи. Такимъ образомъ, всѣ начала преемства смѣняли другъ друга въ XVIII вѣкѣ, но ни одно изъ нихъ не было преобладающимъ. Объясняется это, конечно, не тѣмъ, что въ 1722 году Петръ Великій издалъ свой уставъ о престолонаслѣдіи, въ которомъ давалъ рѣшительный перевѣсъ началу назначательному и который породилъ будто бы, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, много смутъ и переворотовъ. Законъ этотъ вовсе не имѣетъ того значенія, которое ему приписываютъ. Его, какъ мы видѣли, то отмѣняли, то игнорировали, то подтверждали, но никогда не исполняли въ томъ видѣ, какъ это было предписано Петромъ (тестаментъ Екатерины I, уставъ о регентствѣ Анны Іоанновны). Неопредѣленность системы преемства престола, равно какъ и тѣ смуты и перевороты, которые мы видимъ въ XVIII вѣкѣ, зависили отъ иныхъ совершенно причинъ.

Первой и, несмотря на свою случайность, главной, на мой взглядъ, причиной является крайній недостатокъ мужского элемента въ Императорской фамиліи за этотъ періодъ времени. Это обстоятельство вело за собой другую причину, внесшую въ интересующій насъ вопросъ много неожиданностей - разумѣю господство временщиковъ и борьбу партій. Какъ отдѣльныя случайныя личности, такъ и цѣлыя партіи стремились къ одному: къ захвату въ свои руки власти, а потому вопросъ о томъ, кто будетъ на престолѣ, для нихъ былъ самымъ важнымъ. Къ этому присоединялись еще и чисто династическіе интересы, побуждавшіе издавать законы о преемствѣ въ родѣ тестамента Екатерины, устава Анны Іоанновны, или же прибѣгать къ дворцовымъ переворотамъ, какъ это сдѣлала Елизавета.

Такая шаткость и неопредѣленность важнѣйшаго въ государственной жизни вопроса сильно тревожила Вели-

каго Князя Павла Петровича, который, желая положить этому конецъ, за восемь лѣтъ до своего вступленія на престолъ, именно, 4 января 1788 года, составилъ вмѣстѣ съ своею супругою Вел Кн Маріей Ѳеодоровной, актъ о престолонаслѣдіи въ формѣ завѣщанія. Въ этомъ актѣ, между прочимъ, говорится, *„что надлежитъ издать законъ, кому именно быть государемъ“* Закономъ этимъ и явился самый актъ, изданный въ день коронаціи Императора Павла I 5 апрѣля 1797 года и послѣ торжественнаго провозглашенія его положенный для храненія на престолъ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ

Въ актѣ этомъ, получившемъ силу основнаго государственнаго закона, изложены слѣдующія мотивы, вызвавшіе его составленія:

1) „дабы государство не было безъ наслѣдника“

2) „дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ“;

3) „дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать“,

4) „дабы сохранить право родовъ въ наслѣдствѣ, не нарушая права естественнаго, и избѣжать затрудненій изъ рода въ родъ“.

Такимъ образомъ, актъ о престолонаслѣдіи представляетъ третью, вполнѣ осуществившуюся, попытку утвердить въ Россіи, какъ государствѣ монархическомъ, свойственную этой формѣ правленія систему преемства престола по закону. Система эта основана въ актѣ на слѣдующихъ началахъ:

1) въ нисходящемъ потомствѣ Имп Павла I престолъ переходитъ *по закону*, въ силу этого будущіе наслѣдники должны обязаться свято соблюдать актъ о престолонаслѣдіи при своемъ вступленіи на престолъ и миропомазаніи;

2) къ наслѣдованію престола допускаются оба пола, но съ предпочтеніемъ мужчинъ и мужскихъ поколѣній;

главныя [illegible] сохранились до настоящаго времени

Табель о рангахъ раздѣляетъ службу на военную, гражданскую и придворную. До этого времени, какъ извѣстно, всѣ эти три рода службы были смѣшаны между собою и поручались часто однимъ и тѣмъ же лицамъ. Военную службу Петръ Великій поставилъ выше другихъ родовъ службы, причемъ, раздѣлилъ ее на сухопутную, гвардейскую, артиллерійскую и морскую. Морскую службу, въ свою очередь, онъ поставилъ выше другихъ родовъ военной службы.

Всѣ эти виды службы состоятъ изъ опредѣленныхъ чиновъ, или должностей, расписанныхъ на 14 классовъ или ранговъ, изъ которыхъ первый является самымъ высшимъ, четырнадцатый – самымъ низшимъ. Каждому рангу соотвѣтствуютъ извѣстныя права и преимущества.

По буквальному смыслу Табели о рангахъ, чины и классы означали не номинальныя степени или почетные титулы, созданные позднѣйшимъ законодательствомъ, а [illegible] самыя мѣста, т.е. военныя и гражданскія должности. Чинъ обусловливался должностью и обозначалъ [illegible], органически связанный съ нею, [illegible] чинъ, по идеѣ Петра Великаго, какъ внѣшній почетный титулъ, помимо должности, не имѣлъ никакого значенія. Такъ, напр., коллежскій совѣтникъ, коллежскій секретарь, коллежскій регистраторъ былъ дѣйствительно совѣтникомъ, секретаремъ и регистраторомъ въ коллегіяхъ. Производство въ гражданскіе чины или, правильнѣе сказать, въ должности было предоставлено Сенату, который въ высшіе чины баллотировалъ, а въ низшіе просто „сказывалъ".

Въ позднѣйшее время, начиная съ царствованія Анны Іоанновны, распоряженія правительства о чинахъ уклонились отъ первоначальной ихъ идеи: чины начали по-

лучать самостоятельное значеніе внѣшнихъ почетныхъ титуловъ, независимо отъ должностей. Затѣмъ, въ концѣ царствованія Елизаветы впервые опредѣлены и сроки для производства въ чины.

Въ силу постановленій Табели о рангахъ, всякій, происходящій не изъ дворянъ, но дослужившійся на военной службѣ до перваго оберъ-офицерскаго чина, или получившій на гражданской и придворной службѣ восемь первыхъ ранговъ, со всѣми своими законными дѣтьми, рожденными по производствѣ его въ указанные чины „въ вѣчныя времена лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтенъ быть имѣетъ, хотя бы онъ и низкой породы былъ". Такъ установился главнѣйшій способъ пріобрѣтенія *лучшаго старшаго дворянства съ потомствомъ*, получившаго поэтому въ нашемъ законодательствѣ названіе *потомственнаго*. Чинъ фендрика, а позднѣе - прапорщика или корнета на военной службѣ и коллежскаго ассесора на гражданской давалъ права этого потомственнаго дворянства.

Что же касается прочихъ чиновъ, т.е. отъ 14 до 7 включительно на гражданской и придворной службахъ, то о нихъ въ Табели о рангахъ постановлено: „прочіе же чины, какъ гражданскіе, такъ и придворные, которые въ рангахъ не изъ дворянъ, *оныхъ дѣти не суть дворяне*". Эти чины сообщали, слѣдовательно, дворянство только лицу, ихъ получившему, и не распространяли послѣднее на его дѣтей, почему дворянство это и стало называться *личнымъ* (терминъ, установленный Имп. Екатериной II).

Впрочемъ, изъ этихъ общихъ правилъ о пріобрѣтеніи дворянства сдѣланы были 2 исключенія: 1) если у лица не изъ дворянъ, получившаго первый военный оберъ-офицерскій чинъ, по производствѣ его въ этотъ чинъ, не родится дѣтей, а будутъ дѣти, рожденныя до производства, то отцу дозволено просить о пожалованіи дворянства одному изъ этихъ послѣднихъ и 2) относительно личныхъ дворянъ указомъ 31 января 1724 года

было постановлено: если дѣдъ отецъ и сынъ имѣли чины, сообщающіе личное дворянство, то потомству ихъ дозволялось просить дворянства потомственнаго равнымъ образомъ, если отецъ и сынъ имѣли чины, приносящіе личное дворянство и состояли двадцать лѣтъ безпорочно на службѣ, то внуку дозволялось просить потомственнаго дворянства.

На ряду съ выслугой Табель установила и другой способъ пріобрѣтенія дворянства — пожалованіемъ монарха (Полн. Собр. Зак. N 3980).

Такимъ образомъ, изъ этихъ постановленій видно, что Табель устраняла впредь назначеніе на государственныя должности по степени родовитости, „по породѣ", какъ это было установлено въ московскій періодъ, и ставила на первый планъ заслуги государству. Въ этомъ смыслѣ ей принадлежитъ важная историческая роль: она дала ходъ людямъ таланта и служебной пригодности, независимо отъ ихъ происхожденія. Поэтому справедливо мнѣніе, что Табель по духу своему была установленіемъ демократическимъ, ибо черезъ лѣстницу въ 14 ступеней давала возможность послѣднему плебею дойти до положенія перваго вельможи государства, чего прежде достичь было невозможно.

Слѣдствіемъ же такой возможности явилось то, что въ ряды шляхетства постоянно приходили новыя силы изъ народа, и оно, при всемъ своемъ стремленіи, не могло замкнуться въ особую самовосполняющуюся и недоступную для другихъ касту.

Табель вступила въ борьбу съ породою и на первый планъ поставила выслугу. Но позднѣе произошло нѣкоторое отступленіе отъ этого порядка: при вопросѣ о выслугѣ обращалось вниманіе и на происхожденіе. Именно, при Импер. Екатеринѣ было постановлено производить въ оберъ-офицерскій чинъ дворянъ предпочтительно предъ недворянами; 8 классъ въ гражданской службѣ давался также первымъ предпочтительно предъ послѣдними. При Павлѣ I и Александрѣ Благословенномъ

эти привелегіи усиливаются, причемъ, постановляется общимъ правиломъ не производить въ офицеры недворянъ

Установивъ пріобрѣтеніе дворянства чиномъ и пожалованіемъ, Табель о рангахъ свела въ одну общественную группу людей знатнаго происхожденія и богатаго состоянія и потомство мелкихъ и небогатыхъ чиновниковъ и офицеровъ, образовала сословіе - шляхетство, которому сообщила нѣкоторыя преимущества, отличавшія его отъ другихъ общественныхъ группъ.

б) *обязанности шляхетства.* Но всѣ преимущества, которыя были связаны съ чинами по Табели, давались шляхетству за дѣйствительную службу. Слѣдовательно, Петръ, образуя шляхетское сословіе, оставляетъ за нимъ прежній служилый характеръ. Если на Москвѣ каждому праву служилаго соотвѣтствовала обязанность нести служебное тягло, то и при Петрѣ Великомъ въ оправданіе своихъ правъ можно было привести ту же самую обязанность служебнаго тягла, которое стало тяжелѣе въ виду того, что благодаря постояннымъ войнамъ напряженіе всѣхъ силъ государства и подданныхъ дошло до ..йнихъ предѣловъ. Петръ Великій преобразовалъ войско, ввелъ постоянную армію, которая прежде всего должна была комплектоваться служилымъ сословіемъ, дворянствомъ. И эту обязанность дворянъ служить Петръ усиливаетъ еще тѣмъ, что требуетъ прохожденія всей военной службы, начиная съ солдатъ, причемъ, постановляетъ, что никто не можетъ быть произведенъ въ офицеры, не показавъ своего знанія солдатской службы. Вмѣстѣ съ этимъ, Петръ Великій выдѣляетъ изъ прочихъ видовъ службы службу гражданскую, „штатскую", сообщаетъ ей самостоятельное государственное значеніе, котораго она на Москвѣ не имѣла, и привлекаетъ шляхетство къ ея отбыванію За уклоненіе отъ службы назначаются штрафы, тѣлесныя наказанія, конфискація имущества, наконецъ - лишеніе правъ или шельмованіе, наказаніе, введенное впервые Воинскимъ Уставомъ Петра;

„неявившіеся на срокъ, нѣтчики довольно", говоритъ одинъ указъ 1722 года, „будутъ шельмованы и съ добрыми людьми ни на какое дѣло причтены быть не могутъ, а ежели кто таковыхъ ограбитъ, ранитъ, или что у нихъ отыметъ, или до смерти убьетъ, то челобитья не принимать и суда не давать, а движимое и недвижимое ихъ имѣніе отписаны будутъ на насъ безповоротно" (Полн. Собр. Зак. N 3874). Если военная служба для служилыхъ людей XVII вѣка была хотя и обязательной, но не постоянной, отправлявшейся только лишь тогда, когда призывались они царскимъ указомъ къ ратному дѣлу, къ ополченію, то служба шляхетства сдѣлалась постоянной, въ ней надлежало находиться на лицо въ теченіе всей жизни, какъ потому, что самое войско обратилось въ постоянное, такъ равно и по той причинѣ, что отставка допускалась только за старостью, ранами, увѣчьемъ и неизлѣчимыми болѣзнями. Такой же постоянной признается и служба гражданская.

Само собою понятно, что при такомъ положеніи служебной повинности, чтобы заставить исправно служить нуженъ былъ за нею надзоръ, нужны были списки ихъ, по которымъ бы можно было ихъ вызывать на службу. Такой надзоръ за дворянами былъ порученъ сначала Разряду, или Разрядному Приказу на прежнихъ основаніяхъ; по учрежденіи Сената 22 февраля 1711 года, списки дворянъ и все дѣла по ихъ службѣ перешли въ Сенатъ; канцелярія Сената производила дворянамъ смотры, но по значительному количеству дѣлъ и для лучшаго вѣдѣнія дворянъ нужно было особое правительственное мѣсто, которое бы только и занималось одними дѣлами о службѣ дворянъ: 12 января 1722 года Петръ Великій далъ такой указъ Сенату: „надлежитъ быть при Сенатѣ Герольдмейстеру или иному какому чину, что бы дворянъ вѣдалъ и всегда представлялъ къ дѣламъ, когда спросятъ". Этимъ указомъ учреждалась, такимъ образомъ, должность герольдмейстера, которой особой инструкцией предписывалось.

1) „Имѣть списки всѣхъ дворянъ“

2) „Понеже здѣсь еще ученіе не гораздо вкоренилось, паче же въ гражданскихъ дѣлахъ, а особливо въ экономическихъ дѣлахъ почитай ничего нѣтъ; того ради учинить ему (т. е. герольдмейстеру) краткую школу, и ему отъ всякой знатныхъ и среднихъ дворянскихъ фамилій обучать экономіи и гражданству указную часть, и смотрѣть ему, *дабы въ гражданствѣ болѣе трети отъ каждой фамиліи не было*, чтобъ служивыхъ на землѣ и морѣ не оскудить“

3) „Смотрѣть, дабы подъ именемъ малыхъ дѣлъ, по городамъ дворяне не укрывались, но имѣть всегда въ вѣдѣніи, когда къ какимъ дѣламъ гражданскимъ, какая, или какія персоны понадобятся въ Сенатѣ, чтобъ тотчасъ представить могъ, смотря по дѣлу и по его состоянію кто къ чему достоинъ, и потомъ въ тѣ мѣста отсылать, кого въ Сенатѣ опредѣлять“.

4) „Изъ воинскихъ чиновъ, которые дослужатся до оберъ-офицерства не изъ дворянъ, то когда кто получитъ вышеписанный чинъ, оныхъ вписывать во дворянскіе жъ списки, и его дѣтей, которые родятся въ оберъ-офицерствѣ“ (Полн. Собр. Зак. N 3896)

Надѣленный указанными обязанностями герольдмейстеръ производилъ дворянству смотры, которые при Петрѣ были очень часты На смотрахъ этихъ слѣдовала перепись всѣмъ недорослямъ и, затѣмъ, одни изъ нихъ опредѣлялись на военную службу, другіе зачислялись въ гражданскую, третьи записывались въ школы, а тѣ, которыхъ находили нужнымъ по какимъ-либо причинамъ освободить, отпускались домой до востребованія.

Кромѣ службы, какъ главной повинности дворянства, Петръ налагаетъ на него еще другую, неизвѣстную прежде обязанность – учиться. Съ этою цѣлью было основано много школъ, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ и въ губерніяхъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ; лучшихъ изъ учениковъ стали отправлять за границу для изученія разныхъ наукъ; для контроля за добросовѣст-

нымъ исполненіемъ этой обязанности были введены экзамены, а для пресѣченія возможности уклониться отъ ученія приняты разныя мѣры, въ родѣ запрещенія жениться лицамъ, неимѣющимъ свидѣтельствъ отъ учителей въ знаніи „цифири и геометріи", штрафованія родителей за необученіе дѣтей и т. п.

Таковы требованія Петра Великаго, предъявлявшіяся имъ къ шляхетству. Послѣ Петра эти требованія мало по малу слабѣютъ, пока, наконецъ, не исчезаютъ совершенно.

Такъ, при Аннѣ Іоанновнѣ, хотя мѣры къ распространенію просвѣщенія среди дворянства, а слѣдовательно и къ обязательному обученію, были усилены установленіемъ цѣлаго ряда экзаменовъ, но образовательный, такъ сказать, цензъ сокращалъ срокъ прохожденія военной службы въ нижнихъ чинахъ. Указъ 9 февраля 1737 года предписывалъ: „всѣмъ недорослямъ отъ 7 лѣтъ явиться и записаться въ Петербургѣ у Герольдмейстера, въ Москвѣ въ Сенатской Конторѣ, въ губерніяхъ у губернаторовъ, объявляя, кто чему учился, и впредь сихъ лѣтъ записываться въ этихъ мѣстахъ и тѣ книги по скончаніи года присылать къ Герольдмейстеру. Тѣмъ же недорослямъ явиться въ другой разъ въ 12 лѣтъ, но чтобъ они уже знали грамотѣ, читать и писать и, если отецъ или родственники пожелаютъ ихъ дома продолжать учить, то могутъ, но чтобы до другого смотра, кромѣ иностранныхъ языковъ, которые по своему желанію станутъ учить, и, само собою разумѣющаго, должнаго и нужнѣйшаго знанія закона и артикуловъ нашей православной каѳолической вѣры греческаго исповѣданія арифметикѣ и геометріи съ основаніемъ обучены были. Когда будетъ 16 лѣтъ недоросли должны явиться только въ двухъ мѣстахъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, и если окажется, что они со основаніемъ обучены арифметикѣ и геометріи, а родители ихъ пожелаютъ ихъ имѣть дома далѣе, то отпускать до 20 лѣтъ, только съ обязанностью учиться географіи, фортификаціи и исторіи. При

этомъ смотрѣ отцы и родственники должны объявить, кого они желаютъ изъ представленныхъ оставить дома для управленія экономіей, и тѣхъ уже не должно представлять на послѣдній смотръ. Если кто въ 16 лѣтъ явится [illegible] въ своихъ [illegible] и несмотрѣніемъ [illegible] родственниковъ, такихъ отдать въ матросы безъ произвожденія [illegible] достиженіи 20 лѣтъ недоросли [illegible] явиться въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ кому способнѣе, въ Герольдію для [illegible] ихъ въ военную службу и смотрѣть, чтобы [illegible] болѣе [illegible] предустѣнія, [illegible] (Полн. Собр. [illegible]).

Но [illegible] съ этимъ указомъ усиливались [illegible] и [illegible] военную службу [illegible] обращеніе на эту послѣднюю [illegible] который былъ издавъ немного раньше [illegible] 31 декабря 1736 года, и для [illegible] пользы и содержанія [illegible] и деревень" узаконили слѣдующія [illegible]

1) [illegible] двухъ и болѣе сыновей, можетъ оставить [illegible] дома для содержанія экономіи, или если нѣсколько братьевъ безъ отца могутъ оставить дома кого-нибудь изъ себя, съ тѣмъ давать имъ на волю, но чтобы тѣ оставшіеся въ домахъ довольно грамотѣ и по [illegible] мѣрѣ [illegible] обучены были, дабы они къ гражданской службѣ годны были.

2) [illegible] же братья, всѣ годные, должны вступать въ военную службу. До того [illegible] срокъ службы не опредѣлялся и [illegible] весьма старые и дряхлые, которые, пріѣхавъ въ свои домы, экономію [illegible] [illegible] смотрѣть уже въ состояніи не находятся; и для того всѣмъ [illegible] отъ 7 до 20 лѣтъ возраста [illegible] быть въ наукахъ, а отъ 20 лѣтъ употреблять въ военную службу и всякій долженъ служить въ воинской службѣ [illegible] 25 лѣтъ и по [illegible] 25 лѣтъ, [illegible] годенъ [illegible]

жить, отставать [illegible], но кто до-бровольно пожелаетъ служить, [illegible] по-мъ"

c) „Кто же [illegible] служить, таковыхъ отставлять [illegible]"

d) „Отъ такихъ [illegible], которые [illegible] собственныхъ крѣпостныхъ людей, [illegible] 100 душъ по одному, за кѣмъ больше [illegible] по каждой сотнѣ душъ по одному" (Полн. Собр. Зак. [illegible]).

[illegible] два [illegible], въ [illegible], [illegible] службу [illegible] обязательно для всего служилаго чина, второй и окончательный былъ сдѣланъ Петромъ III.

e) Освобожденіе [illegible] отъ обязательной службы и [illegible] всего [illegible] сословія. 18 февраля 1762 года Императоръ Петръ III издаетъ [illegible] для дворянства манифестъ *„о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству"*. Упоминувъ въ манифестѣ о трудахъ дѣда своего Петра Великаго, Императоръ объявляетъ: „но какъ къ совершенному познанію военныхъ, гражданскихъ и политическихъ дѣлъ нужно было, [illegible] государ-[illegible] благородное дворянство [illegible] [illegible] просвѣщенныхъ [illegible] противъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible] благородное [illegible] свободныхъ [illegible] и полезныхъ [illegible] употребленія"

Теперь мы [illegible] въ манифестѣ [illegible] въ [illegible] общей [illegible] [illegible]

знаніе и прилежность къ службѣ умножили въ военномъ дѣлѣ искусныхъ и храбрыхъ генераловъ, поставили въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ свѣдущихъ и годныхъ дѣлу людей....., а потому *и не находимъ мы той необходимости въ принужденіи къ службѣ, какая до сего времени потребна была*".

Выяснивъ мотивъ, побуждавшій отказаться отъ принужденія дворянъ къ службѣ, манифестъ постановляетъ: „отнынѣ впредь на вѣчныя времена и въ потомственные роды жалуемъ всему Россійскому благородному дворянству вольность и свободу, кои могутъ службу продолжать, какъ въ нашей имперіи, такъ и въ прочихъ Европейскихъ союзныхъ намъ державахъ на основаніи слѣдующаго узаконенія

1) „всѣ находящіеся въ разныхъ нашихъ службахъ дворяне могутъ оную продолжать, сколь долго пожелаютъ, но военные во время кампаніи и за 3 мѣсяца до ея открытія не дерзаютъ просить увольненія отъ службы, но могутъ просить по окончаніи кампаніи";

2) „всѣхъ служащихъ дворянъ за добропорядочную беспорочную службу награждать при отставкѣ по одному рангу, если въ прежнемъ чинѣ, съ которымъ къ отставкѣ идетъ, больше года состоялъ";

3) „ктоже, будучи въ отставкѣ нѣкоторое время, пожелаетъ паки вступить въ службу, таковые будутъ приняты, если къ тому достоинства окажутся, тѣми же чинами въ каковыхъ состоятъ";

4) „ктоже будучи уволенъ изъ нашей службы, пожелаетъ отъѣзжать въ другія Европейскія государства, таковымъ давать нашей иностранной коллегіи надлежащіе паспорты безпрепятственно, съ таковымъ обязательствомъ, что когда нужда потребуетъ, тобъ находящіеся дворяне внѣ государства нашего явились въ своемъ отечествѣ, когда только о томъ учинено будетъ надлежащее обнародованіе, то всякій въ такомъ случаѣ повиненъ со всевозможною скоростью волю нашу исполнить, подъ штрафомъ секвестра его имѣнія".

5) „по сему нашему всемилостивѣйшему установленiю никто уже изъ дворянъ Россiйскихъ неволею службу продолжать не будетъ, ниже къ какимъ либо земскимъ дѣламъ отъ нашихъ учрежденныхъ правительствъ употребится, развѣ особливая надобность востребуетъ, но то не инако, какъ за подписанiемъ нашей собственной руки именнымъ указомъ повелѣно будетъ.

За перечисленныя права манифестъ требовалъ только, чтобы взамѣнъ этого „никто не дерзалъ воспитывать дѣтей своихъ безъ обученiя".

Предоставляя дворянамъ свободу служить или неслужить, манифестъ Петра III, тѣмъ не менѣе, хотѣлъ возбудить желанiе къ службѣ, добавляя, что тѣхъ, кто нигдѣ и никакой службы не имѣли, „мы яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ презирать и уничтожать (т.е. унижать) всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ и сынамъ отечества повелѣваемъ и ниже къ двору нашему прiѣздъ или въ публичныхъ собранiяхъ и торжествахъ терпимы будутъ".

Въ заключенiе манифестъ объявляетъ „сiе наше всемилостивѣйшее учрежденiе всему благородному дворянству на вѣчныя времена фундаментальнымъ и непремѣннымъ правиломъ постановляемъ" (Полн. Собр. Зак. N 11444).

Итакъ, манифестъ 18 февраля 1762 года освобождалъ дворянство отъ обязательной службы и тѣмъ изъ тяглаго сословiя, какимъ оно было не только въ московскомъ перiодѣ, но и въ первую половину XVIII вѣка, обращалъ его въ сословiе привилегированное. Правда, при Петрѣ Великомъ положенiе шляхетства значительно измѣнилось сравнительно съ положенiемъ его въ предшествующее время, но права и преимущества, которыми дворяне стали при немъ пользоваться и которыя постепенно увеличивались, обусловливались исключительно ихъ службой. Служба эта теперь стала необязательной, тягло было снято, а права и преимущества оставлены въ неприкосновенности [illegible] сословiе, на-

[illegible] только правами и не несущихъ никакихъ обязанностей.

Но манифестъ Петра III, освобождая дворянство отъ обязательной службы, ни словомъ не упомянулъ о тѣхъ правахъ и преимуществахъ, которыми дворянство пользовалось прежде за свою службу; поэтому, чтобы довершить созданіе привилегированнаго сословія, необходимо было подтвердить всѣ эти права и преимущества, что и было сдѣлано Императрицей Екатериной II.

Съ этою цѣлью Императрица, которая послѣ вступленія своего на престолъ, учредила комиссію, которой и поручила разсмотрѣть актъ 18 февраля 1762 года „*дабы привести его въ лучшее совершенство*“. Результатомъ трудовъ этой комиссіи, принявшей, во всей широкости, въ основаніе всѣ тѣ заявленія, которыя были сдѣланы депутатами другой, учрежденной въ 1767 году, комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, явилась „*Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства*“, изданная 21 апрѣля 1785 года (Полн. Собр. Зак. № 16187).

Жалованная грамота представляетъ собою сводъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя въ разное время были предоставлены дворянству верховной властью, или прямо истекали изъ его привилегированнаго положенія: до изданія ея не было строгаго, опредѣленнаго правъ и преимуществъ дворянства, права и преимущества эти предоставлялись ему законодательству отдѣльными постановленіями. Грамота собрала всѣ эти постановленія въ одно цѣлое, дополнивъ ихъ нѣкоторыми новыми.

Къ числу послѣднихъ относится опредѣленіе дворянскаго достоинства: „дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ обращая самую службу въ достоин-

ство, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное" (ст. 1). Это опредѣленіе есть развитіе того понятія дворянства, которое установлено было самой Императрицей въ Наказѣ, данномъ коммиссіи 1767 года о сочиненіи проекта новаго уложенія, слѣдующимъ образомъ: „дворянство есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены" (ст. 360).

Опредѣливъ понятіе дворянства, грамота вслѣдъ за этимъ узаконяетъ, что дворянское достоинство должно пребывать „на вѣки неотъемлемо, наслѣдственно и потомственно тѣмъ честнымъ родамъ, кои онымъ пользуются, и слѣдственно: дворянинъ сообщаетъ дворянское достоинство женѣ и дѣтямъ" (ст. 2, 3, 4). Неотъемлемость же дворянскаго достоинства обезпечивалась тѣмъ, что дворянинъ не могъ быть лишенъ послѣдняго, „буде самъ себя не лишилъ онаго преступленіемъ, основаніямъ дворянскаго достоинства противнымъ". А такими преступленіями грамота, слѣдуя Наказу (ст. 371), считаетъ „1) нарушеніе клятвы, 2) измѣну, 3) разбой, 4) воровство всякаго рода, 5) лживые поступки, 6) преступленія, за кои по закону слѣдуетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, 7) подговоръ другихъ къ подобнымъ преступленіямъ" (ст. 5 и 6). Но и при совершеніи указанныхъ преступленій дворянинъ могъ быть лишенъ достоинства, чести, жизни и имѣнія не иначе какъ по суду и, притомъ, по суду „своими равными", а самое „дѣло благороднаго, впадшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства, или чести, или жизни, не могло вершиться безъ внесенія въ Сенатъ и конфирмаціи Императорскаго Величества" (ст. 8 - 13). Этимъ устанавливалась неприкосновенность дворянскаго достоинства и защита дворянскихъ правъ судомъ, неизвѣстная предшествующему законодательству.

Но принципу неприкосновенности дворянскаго достоинства противорѣчили тѣлесныя наказанія, позорящія

честь благороднаго, и грамота постановляетъ: „тѣлесное наказанiе да не коснется до благороднаго", распространяя это постановленiе и на служащихъ въ нижнихъ военныхъ чинахъ дворянъ, съ которыми предписываетъ „поступать во всѣхъ штрафахъ такъ, какъ по военнымъ правиламъ поступается съ оберъ-офицерскими чинами" (ст. 15 и 16). Свобода отъ тѣлесныхъ наказанiй являлась также новымъ, неизвѣстнымъ прежде преимуществомъ дворянства, такъ какъ ни служилые люди московскаго государства, ни шляхетство XVIII вѣка до жалованной грамоты отъ тѣлеснаго наказанiя избавлены не были.

Провозгласивъ указанные новые принципы: неприкосновенность дворянскаго достоинства и свободу отъ тѣлесныхъ наказанiй, грамота переходитъ затѣмъ къ подтвержденiю всѣхъ тѣхъ личныхъ правъ и преимуществъ, которыя были предоставлены дворянству разными узаконенiями и прежде всего даетъ полную и безусловную силу постановленiямъ манифеста 18 февраля 1762 г., именно, подтверждаетъ на вѣчныя времена въ потомственные роды россiйскому дворянству: а) вольность и свободу; б) дозволенiе находиться на государственной службѣ, продолжать ее и просить отъ нея увольненiя по установленнымъ на то правиламъ и в) право выѣзжать въ чужiе края и вступать въ службу прочихъ европейскихъ, союзныхъ Россiи, державъ (ст. 17 - 20).

Далѣе, грамота подтверждаетъ право благородныхъ - потомственныхъ дворянъ - на поземельную собственность, населенную крестьянами, предоставивъ имъ покупать деревни (ст. 26) и „писаться помѣщиками своихъ помѣстiй и вотчинниками родовыхъ, наслѣдственныхъ и жалованныхъ вотчинъ" (ст. 21). Вмѣстѣ съ этимъ подтверждалось право свободнаго распоряженiя своими имѣнiями, дарованное шляхетству еще Имп. Анной Iоанновной въ 1730 году въ отмѣну устава Петра Великаго о единонаслѣдiи, стѣснявшаго, какъ извѣстно право распоряженiя. Впрочемъ, жалованная грамота предо-

ставляла свободу распоряжаться только благопріобрѣтенными имуществами и ограничивала право распоряженія имѣніями родовыми (ст. 22). На ряду съ свободою распоряженія подтверждалась и свобода пользованія всѣмъ находящимся не только на поверхности земли (лѣсами, „прозрастеніями"), но и въ ея нѣдрахъ (металлами, минералами и пр.), свобода, дарованная самой Имп. Екатериной еще въ 1782 г. въ отмѣну тѣхъ ограниченій, которыя были установлены со временъ Петра Великаго (ст. 33 и 34).

Затѣмъ, грамота подтверждаетъ прежнее право дворянъ продавать оптомъ произведенія своихъ деревенскихъ хозяйствъ, расширяя это право тѣмъ, что допускаетъ отправлять продукты производства оптомъ заграницу. Кромѣ того, грамота дозволяетъ дворянамъ имѣть фабрики и заводы по деревнямъ и заводить въ своихъ вотчинахъ торги и ярмарки (ст. 27 - 29 и 32). Но этимъ право торговли въ собственномъ смыслѣ дворянамъ не предоставлялось, такъ какъ занятіе торговлей считалось несовмѣстимымъ съ достоинствомъ благороднаго.

Наконецъ, жалованная грамота признала свободу дворянъ отъ личныхъ податей, которая принадлежала имъ и прежде въ силу отбыванія ими служебнаго тягла. Но съ отмѣной обязательной службы свобода эта получила значеніе сословной привилегіи, основанной на достоинствѣ дворянскаго званія. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ личныхъ податей грамота постановляетъ: „по деревнямъ помѣщичій домъ имѣетъ быть свободенъ отъ постоя" (ст. 35, 36).

Такимъ образомъ, неприкосновенность дворянскаго достоинства, свобода отъ тѣлесныхъ наказаній, свобода отъ службы, право поземельной собственности и торговли продуктами деревенскаго хозяйства, свобода отъ личныхъ податей и постойной повинности - вотъ тѣ *„личныя преимущества"* которыя закрѣпила жалованная грамота за дворянами.

г) *Организація дворянства.* На ряду съ этими личны-

ми правами и преимуществами, грамота сообщила дворянскому сословію ту организацію, которая въ своихъ основныхъ чертахъ сохранилась до настоящаго времени.

Служилые люди московской Руси не имѣли сословной организаціи. Впервые встрѣчаемся съ попытками составить изъ дворянъ уѣздное общество, надѣленное правомъ выбора изъ своей среды должностныхъ лицъ для участія въ мѣстномъ управленіи, только въ XVIII в. Именно, Петръ Великій установилъ нѣкоторыя выборныя должности изъ дворянъ въ области мѣстнаго управленія. Для примѣненія излюбленнаго имъ коллегіальнаго начала къ губернскому управленію, Петръ ввелъ выборныхъ изъ дворянъ. Они получили названіе ландратовъ, т.е. земскихъ совѣтниковъ, и вѣдали вмѣстѣ съ губернаторами всякія дѣла. Съ введеніемъ подушной подати, была учреждена для сбора ея новая должность - земскихъ коммиссаровъ, которые также выбирались дворянами изъ своей среды и кромѣ сбора подушной подати вѣдали расквартированіе войскъ и наблюдали за благоустройствомъ и безопасностью въ уѣздѣ.

Завершеніе сословной организаціи дано жалованною грамотою 1785 года. Въ силу этой грамоты, дворянство каждой губерніи составляетъ отдѣльное дворянское общество. Органомъ этого общества является въ каждой губерніи свое дворянское губернское собраніе, соединяющее всѣхъ мѣстныхъ дворянъ въ одно цѣлое - въ корпорацію Собраніе это созывается одинъ разъ въ три года, какъ для выбора разныхъ должностныхъ лицъ для участія въ мѣстномъ управленіи и судѣ, такъ и для выслушанія предложеній начальника губерніи (ст. 37 и 38). Въ собраніи этомъ можетъ присутствовать каждый дворянинъ, достигшій 25-лѣтняго возраста, но, подавать голосъ, быть избираемымъ въ должности и, вообще, пользоваться корпоративными правами въ составѣ дворянскаго общества, можетъ только тогда, когда имѣетъ помѣстье и получилъ въ военной или гражданской службѣ

оберъ-офицерскій чинъ (ст. 63,64). Дворянскому губернскому собранію предоставлено важное право чрезъ посредство особыхъ депутатовъ дѣлать представленія о своихъ нуждахъ и приносить жалобы непосредственно Имп. Величеству (ст. 43 и 48). Дворянское губернское собраніе ни по какому дѣлу не можетъ быть потребовано къ суду, ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ стражѣ и имѣетъ право исключать изъ своего собранія посредствомъ баллотированія дворянина, „который опороченъ судомъ, или котораго явный и безчестный поступокъ всѣмъ извѣстенъ, хотя бы онъ и судимъ не былъ, пока не оправдается" (ст. 56, 57 и 65).

Дворянское общество разсматривается какъ юридическое лицо, которое можетъ имѣть свою собственность: домъ, капиталы, составляемые „добровольными складками", училища, предъявлять иски чрезъ особыхъ стряпчихъ и т. п. (ст. 50 - 56).

Во главѣ дворянъ поставленъ избираемый ими предводитель дворянства. Предводители дворянства впервые возникли по поводу избранія депутатовъ въ законодательную коммиссію 1767 года, когда было предписано избрать особыхъ предводителей для руководства выборами. Эти предводители дворянства потомъ остались навсегда, причемъ, къ уѣзднымъ были присоединены губернскіе.

Для попеченія о дворянскихъ вдовахъ и сиротахъ, дворяне получили особое учрежденіе - дворянскую опеку (ст. 59 - 61), а для веденія дворянскихъ книгъ - депутатскія собранія изъ дворянъ, которымъ предоставлено разбирать права на дворянское званіе и вносить дворянъ въ дворянскія книги (ст. 67). Грамота точно опредѣлила, кто принадлежитъ къ членамъ дворянскаго общества. Членами дворянскаго общества, по грамотѣ, считаются лица, занесенныя въ дворянскую родословную книгу (ст. 70). Въ эту книгу, по разсмотрѣніи доказа-

тельствъ на дворянство, точно опредѣленныхъ грамотой согласно съ табелью о рангахъ (ст. 91 и 92), вносятся рѣшеніемъ депутатскаго собранія лица дворянскаго званія. Родословная книга дворянства дѣлится на 6 частей; въ каждую изъ этихъ частей вносятся дворяне по различію способовъ пріобрѣтенія дворянства. Въ первую часть вносятся роды дѣйствительнаго дворянства, т. е. лица, пожалованныя дворянствомъ отъ верховной власти; во вторую - военные дворяне, т. е. лица, заслужившія дворянство на военной службѣ; въ третью - 8 классные дворяне, иначе лица, получившія дворянство на гражданской службѣ; въ четвертую - иностранные дворянскіе роды; въ пятую - титулами отличенные роды (князья, графы, бароны и т. п.) и, наконецъ, въ шестую - древніе благородные дворянскіе роды, т. е. тѣ роды, которые произошли отъ старинныхъ фамилій служилыхъ людей, „коихъ доказательства дворянскаго достоинства за 100 лѣтъ и выше восходятъ".

Таковы личныя и корпоративныя права дворянства, получившія впервые точную формулировку въ жалованной грамотѣ 1785 г., если не создавшей, то утвердившей окончательно то привилегированное положеніе, благодаря которому дворянство, „яко главный въ государствѣ членъ", рѣзко обособилось отъ всѣхъ другихъ общественныхъ группъ.

Въ царствованіе Импер. Павла нѣкоторыя положенія грамоты были отмѣнены. Такъ, возстановлено, напр., тѣлесное наказаніе, отмѣнено право коллективныхъ петицій и жалобъ на Высочайшее имя, запрещено дворянамъ собираться въ губернскія собранія, участвовать въ мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ и друг. Но отмѣны эти въ исторіи развитія дворянскихъ правъ не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ Импер. Александръ 2 апрѣля 1801 года подтвердилъ жалованную грамоту и съ тѣхъ поръ права и преимущества дворянства оставались безъ существенныхъ измѣненій до реформъ прошлаго царствованія, а многія изъ нихъ, въ особен-

ность корпоративныя, перешагнули и чрезъ нихъ послѣдствія и до сихъ поръ остаются въ томъ видѣ, какъ были установлены грамотой.

§3) Городскіе обыватели *)

а) *Законодательство Петра Великаго.* Во второй половинѣ XVII вѣка, правительство, какъ извѣстно, предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью обособить городское населеніе отъ сельскаго. Къ этимъ мѣрамъ, подготовившимъ обособленіе, относятся округленіе городской тяглой земли, попытка создать особое вѣдомство для купцовъ по ихъ торговымъ дѣламъ, введеніе стрѣлецкой подати. Окончательное же обособленіе городского населенія отъ сельскаго происходитъ лишь при Петрѣ Великомъ **).

Въ дѣятельности Преобразователя по отношенію къ устройству состоянія городскихъ обывателей можно различить два періода. Сначала Петръ Великій стремится къ тому, чтобы оградить торговыхъ и посадскихъ людей отъ притѣсненій со стороны воеводъ и другихъ приказныхъ, устранить причину недоборовъ съ нихъ государевыхъ податей. Исключительное преслѣдованіе фискальныхъ интересовъ и приводитъ къ учрежденію городскихъ установленій съ выборнымъ составомъ въ видѣ Земскихъ Избъ и Бурмистерской Палаты, въ первый же годъ своего существованія переименованной въ Ратушу. Въ указѣ 30 января 1699 г. объ учрежденіи этой послѣдней прямо указывается этотъ именно мотивъ: „Извѣстно ему Великому Государю учинилось, что гостямъ и гостинныя сотни и всѣмъ посадскимъ и купецкимъ и промышленнымъ людямъ во многихъ ихъ приказныхъ волокитахъ, и отъ приказныхъ и разныхъ чиновъ отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и

*) О городскихъ обывателяхъ см. Плошинскаго: „*Городское, или среднее состояніе русскаго народа въ его историческомъ развитіи*", и Дитятина: „*Устройство и управленіе городовъ Россіи*".

**) *См. Лекціи проф. П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго ст. 156*

разоренія, а иные оттого промысловъ своихъ отбыли и оскудали, *а его Великаго Государя съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ доимки, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы;* и, милосердуя онъ Великій Государь объ нихъ, гостямъ и гостиныя сотни и всѣмъ посадскимъ и купецкимъ и промышленнымъ людямъ и чернослободцамъ...... указалъ нынѣ и впредь ихъ въ приказѣхъ не вѣдать, а во всякихъ ихъ расправныхъ и челобитчиковыхъ и купецкихъ дѣлахъ, и въ сборахъ .. доходовъ вѣдать ихъ *Бурмистрамъ*...(Полн. Собр Зак. N 1674).

Бурмистерская Палата была одѣлана центральнымъ установленіемъ всего городскаго самоуправленія Россіи, мѣстными же установленіями явились Земскія Избы, замѣнившія, по отношенію къ управленію горожанами, воеводъ.

Земскія Избы состояли изъ выборныхъ, называвшихся земскими бурмистрами. Число послѣднихъ не опредѣлено закономъ, а предоставлено на волю избирателей. На обязанности земскихъ бурмистровъ лежали сборъ и доставка въ Москву въ опредѣленные сроки всѣхъ доходовъ, собиравшихся раньше съ горожанъ и чернослободцевъ въ Приказную Избу, надзоръ за платой пошлинъ иногородними торговцами, промышлявшими въ городѣ, отдача съ торговъ на оброкъ и откупъ доходныхъ статей, надзоръ за производствомъ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ, производство работъ на земскія средства (напр., постройка тюремъ, бань и т.п.) завѣдованіе отправленіемъ земскихъ повинностей и, наконецъ, судъ во всѣхъ расправныхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ купеческихъ людей и чернослободцевъ.

Центральный органъ самоуправленія торговыхъ и посадскихъ людей, Бурмистерская Палата, или Ратуша, была устроена на тѣхъ же началахъ, какъ и Земскія Избы. Въ указѣ 30 января 1699 г. предоставлялось гостямъ, гостинной сотнѣ и всѣмъ другимъ московскимъ сотнямъ и слободамъ выбирать „межъ себя погодно въ

бурмистры изъ гостей и изъ гостиныя сотни и изо всѣхъ сотенъ и слободъ добрыхъ и правдивыхъ людей, кого они межъ себя и по скольку человѣкъ похотятъ".

Въ качествѣ высшей инстанціи и центральнаго учрежденія на Бурмистерскую Палату, или Ратушу, возлагался надзоръ за производствомъ податныхъ и промысловыхъ сборовъ, шедшихъ въ казну отъ городскихъ и уѣздныхъ общинъ и за своевременною доставкою ихъ въ Москву, пріемъ собранныхъ денегъ и повѣрка отчетныхъ вѣдомостей и книгъ, представляемыхъ Земскими Избами. Въ качествѣ судебной инстанціи Бурмистерская Палата вѣдала тѣ дѣла, которыя 1) не входили въ кругъ вѣдомства земскихъ бурмистровъ (сюда, напр., относились дѣла по жалобамъ иноземцевъ на русскихъ купцовъ); 2) не могли быть по чему-либо рѣшены земскими бурмистрами и 3) переходили въ палату апелляціоннымъ порядкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ратуша имѣла значеніе для Москвы мѣстнаго установленія на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ другихъ городахъ Земскія Избы.

Надзоръ за Палатой былъ предоставленъ Приказу Большой Казны, куда московскіе бурмистры вносили остаточныя суммы и, отслуживъ свой годичный срокъ, предъявляли перечневые списки приходо - расходныхъ книгъ.

Таковъ составъ и предметы вѣдомства учрежденныхъ Петромъ Великимъ Бурмистерской Палаты и Земскихъ Избъ.

Учрежденіе указанныхъ установленій, однако, не отдѣлило еще окончательно городского населенія отъ сельскаго, т.к. Петръ, возлагая на органовъ самоуправленія посадскихъ людей, въ качествѣ главной обязанности, бездоимочное взиманіе податей и пошлинъ, предоставилъ право выбирать такихъ же бурмистровъ и чернымъ крестьянамъ уѣзда съ тѣмъ, чтобы они уплачивали „всякіе окладные повсягодные сборы въ казну противъ преж- [illegible]

лать въ Москву, гдѣ „принимать отъ нихъ тѣ доходы указано было гостямъ и торговымъ выборнымъ людямъ", т. е. Бурмистерской Палатѣ. Эта же послѣдняя, равно какъ и Земскія Избы не принесли съ своей стороны никакой пользы въ дѣлѣ объединенія и развитія торгово-промышленнаго сословія. Напротивъ, дѣйствуя въ интересахъ фиска, учрежденія эти проявились тѣми же тенденціями, которыя господствовали въ управленіи приказномъ, т. е. говоря иначе, выборные бурмистры стали также злоупотреблять предоставленною имъ властью въ свою пользу, какъ прежде злоупотребляли ею воеводы и разныхъ чиновъ приказные, почему кромѣ лишней тяготы ничего не доставляли торговымъ и промышленнымъ людямъ. Отсюда непрочность новыхъ учрежденій, возвращеніе правительства къ прежнему приказному началу. Такъ, въ первые годы XVIII ст. многія дѣла, подвѣдомственныя Бурмистерской Палатѣ, или Ратушѣ, и Земскимъ Избамъ передаются разнымъ приказамъ, а сама Ратуша теряетъ значеніе центральнаго установленія и переходитъ въ установленіе мѣстное исключительно.

Окончательное обособленіе городского населенія отъ сельскаго происходитъ во второй періодъ преобразовательной дѣятельности Петра, когда задачей его внутренней политики становится возбужденіе промышленной производительности и поднятіе торговли въ странѣ. Предпринимаемыя въ это время мѣры направлены на то, чтобы „купечество и мануфактуры размножить". Благодаря этимъ мѣрамъ городское населеніе получаетъ общую организацію для всей имперіи, организацію, заботы которой сосредоточиваются не только на сборѣ государевыхъ доходовъ, но и на развитіи въ городахъ промышленности, торговли и на улучшеніи быта купечества.

Преобразованія въ указанномъ направленіи начинаются со времени учрежденія коллегій.

3 марта 1719 года былъ изданъ регламентъ Коммерцъ Коллегіи, по которому главная обязанность коллегіи

состояла въ томъ, чтобы смотрѣть за торговымъ мореходствомъ и за купечествомъ. Съ этою цѣлью Коммерцъ-Коллегіи было предоставлено сочинять, разсматривать и измѣнять торговые уставы, разбирать и прекращать ссоры, которыя бы возникли между городами по поводу ихъ ярмарочныхъ и торговыхъ правъ, учреждать по городамъ купеческія гильдіи, смотрѣть за [illegible] Магистратовъ, „обще [illegible]" [illegible] регламента. Коммерцъ-Коллегія [illegible], что купечество [illegible] и въ доброе состояніе приведено можетъ, [illegible] довольныхъ смотрѣнія имѣть, но и трудиться, чтобъ такое [illegible] учинено [illegible] ло" (Полн. Собр. Зак. N [illegible]).

„Чтобъ сохраненіе сіе учинено не было", еще въ 1718 году было высказано мнѣніе о необходимости ввести возможно лучшую организацію городского управленія. Въ этомъ году иностранцемъ Фиксомъ былъ поданъ государю меморіалъ объ устройствѣ городскихъ Магистратовъ. Въ этомъ меморіалѣ онъ предлагаетъ Петру Великому „Магистраты городскіе учредить и добрымъ регуламентомъ снабдить; сіе есть едино изъ потребнѣйшихъ дѣйствій, чего всѣмъ Коллегіямъ, а наипаче Коммерцъ-Коллегіи желать надлежитъ, ибо безъ сего желаемый порядокъ и добрые плоды получить не можно". На это Петръ положилъ резолюцію: „учинить сіе по экономіи рижскаго и ревельскаго регламента по всѣмъ городамъ".

Дѣло устройства городскихъ Магистратовъ положено было въ 1721 году Главнымъ Магистратомъ, учрежденнымъ въ этомъ году въ Петербургѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Московская Ратуша утратила значеніе центральнаго учрежденія, посадскіе люди и чернослободцы не имѣли особой высшей судебной инстанціи по гражданскимъ дѣламъ.

Задавшись цѣлью „мануфактуры и купечество размножить", Петръ счелъ нужнымъ изъять торгово-промышленное городское населеніе отъ подсудности приказныхъ судей не только въ гражданскихъ, но и въ уголовныхъ дѣ-

лахъ и снова „собрать разсыпанную храмину" подъ вѣдомство одного общаго учрежденія (Полн. Собран. Зак. N 3708)

Съ этою цѣлью Петръ издаетъ 16 января 1721 года регламентъ Главному Магистрату, поручая ему: „1) во всѣхъ городахъ порядочный Магистратъ учинить; 2) оный добрыми уставами и учрежденіями снабдить; 3) смотрѣть, чтобъ было правосудіе; 4) добрую полицію учредить; 5) купечество и мануфактуры размножить (гл. II). Для успѣшнаго исполненія этихъ обязанностей Главный Магистратъ долженъ былъ собрать подробныя свѣдѣнія о состояніи всѣхъ городовъ и на основаніи полученныхъ свѣдѣній раздѣлить всѣ города на 5 разрядовъ, изъ которыхъ въ первый должны быть отнесены всѣ главные города, равно какъ и такіе, въ которыхъ имѣется отъ 2 до 3 тыс. и выше дворовъ; во второй - такіе, въ которыхъ отъ 1000 до 1500 дворовъ и выше; въ третій - тѣ, въ которыхъ - отъ 500 до 1000 дворовъ; въ четвертый - небольшіе города, гдѣ имѣется отъ 250 дворовъ и выше и, наконецъ, въ пятый - всѣ малые города и слободы, гдѣ какія обрѣтаются" (гл. III и IV). Этимъ постановленіемъ регламента создавалось формальное понятіе города: всякое населеніе, попавшее въ списокъ городовъ, стало de jure съ этого времени городомъ.

Раздѣливъ такимъ образомъ города, Главный Магистратъ долженъ былъ чрезъ посредство губернаторовъ и воеводъ устроить въ главнѣйшихъ изъ нихъ Магистраты, „къ чему выбирать во всѣхъ городахъ изъ гостей и изъ гостинной сотни и изъ гостинныхъ дѣтей и изъ гражданъ первостатейныхъ, добрыхъ, пожиточныхъ и умныхъ людей"; въ прочихъ же городахъ полагалось быть только бурмистрамъ. Число магистратскихъ членовъ должно было [illegible] ряда. Въ городахъ первостатейныхъ надлежало быть президенту и четыремъ бургомистрамъ; въ городахъ второго разряда - президенту и [illegible] бургомистрамъ; въ осталь-

ныхъ городахъ магистратовъ не полагалось, а только указано было быть въ городахъ третьяго и четвертаго разрядовъ двумъ, а въ остальныхъ одному бургомистру; къ каждому изъ бургомистровъ велѣно было приставить въ большихъ городахъ двухъ ратмановъ (совѣтниковъ), а въ среднихъ и меньшихъ „смотря по состоянію мѣста учинить по разсмотрѣнію" (гл. VI).

Вѣдѣнію Магистратовъ подлежатъ только граждане. А къ гражданамъ регламентъ относитъ лицъ, занимающихся торговлею, промыслами, ремеслами и работами. Поэтому „жители городовъ разныхъ чиновъ (изъ которыхъ каждый особливое состояніе имѣетъ), а именно шляхетство, священство, церковники и иностранцы между гражданами не числятся". Граждане въ указанномъ сословномъ смыслѣ дѣлятся на 2 группы. Къ первой принадлежали такъ называемые регулярные или настоящіе граждане, представлявшіе собою купцевъ двухъ гильдій, изъ которыхъ первую составляли банкиры, знатные купцы, „которые имѣютъ отъѣзжіе большіе торги и которые разными товарами въ рядахъ торгуютъ", доктора, аптекари, лѣкари, шкиперы купеческихъ кораблей, художники и „симъ подобные, изъ которыхъ первой гильдіи или первостатейные состоятъ и отъ другого подлаго гражданства привилегіями и преимуществы суть отмѣнны", во вторую же гильдію причислялись тѣ, которые „мелочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуютъ, также ремесленные рѣзчики, токари, столяры, портные, сапожники и симъ подобные". Вторую группу составляли нерегулярные граждане, „всѣ подлые люди, обрѣтающіеся въ наймахъ и въ черныхъ работахъ, которые нигдѣ между знатными и регулярными гражданами не числятся" (гл. VII).

Ремесленники, входя въ составъ гильдій, въ то же время по однородности мастерства подраздѣляются на отдѣльныя общества или цеха: „каждое художество и ремесло свои особливыя цунфты (цехи) или собранія ремесленныхъ людей и надъ оными алдерманов (старшинъ) по [illegible] города и по [illegible] ху[illegible]"

Альдерманы выбираются изъ мастеровъ. Сущность цехового устройства заключалась въ томъ, что только лица, записанныя въ цехи, имѣли право заниматься ремесломъ. Всякій мастеръ, имѣющій право заниматься извѣстнымъ ремесломъ, получалъ особую печать, которую обязанъ былъ выставлять на своихъ произведеніяхъ. Кромѣ того, на всякомъ произведеніи ставилась печать цехового старшины, и только тогда произведенія мастерства могли быть объектами продажи на рынкахъ. Чтобы сдѣлаться мастеромъ, необходимо было сдать въ цехѣ соотвѣтствующій экзаменъ, а для успѣшнаго ознакомленія съ мастерствомъ мастеровые должны были извѣстное время учиться у мастера.

Итакъ, вѣдѣнію Магистратовъ подлежатъ лица, записанныя въ гильдіи и цехи, равно какъ и простые черно-рабочіе и наемники.

Обязанности Магистратовъ судебно-полицейскаго характера. Они вѣдали всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей судомъ и расправою по всѣмъ, даже уголовнымъ дѣламъ подъ надзоромъ Главнаго Магистрата. Городскіе Магистраты не могли привести въ исполненіе смертнаго приговора, не представивъ его предварительно на конфирмацію Главнаго Магистрата. Остальныя дѣла рѣшались и приводились ими въ исполненіе безъ всякаго утвержденія со стороны Главнаго Магистрата и только переносились въ послѣдній по апелляціи (гл. IX).

Что касается до полицейскихъ функцій Магистратовъ, то имъ принадлежала какъ полиція безопасности, такъ и полиція благосостоянія, причемъ, регламентъ предписываетъ, чтобы Главный Магистратъ, „усмотря что полезное ко установленію полиціи или добрыхъ гражданскихъ порядковъ къ исправленію", представлялъ свои соображенія „для апробаціи" въ Сенатъ (гл. X).

Во главѣ всей этой городской организаціи, единообразной по всей Имперіи, былъ поставленъ, такимъ

образомъ, Главный Магистратъ, состоящій изъ назначенныхъ Императоромъ оберъ-президента, президента, выборныхъ бурмистровъ и ратсгеровъ, изъ которыхъ половина должна была быть замѣщена иностранными, достаточно знакомыми съ русскимъ языкомъ. При Магистратѣ „для смотрѣнія за тѣмъ, чтобы онъ свою должность хранилъ" находился особый прокуроръ. Главный Магистратъ подчинялся Сенату: оберъ-президентъ долженъ былъ доносить ему о купеческихъ дѣлахъ, а Магистратъ ежегодно представлять обстоятельные „доношенія" о состояніи городовъ" (гл. CCV).

Такова организація городского сословія на основаніи регламента Главному Магистрату. Созданіе сословія регулярныхъ граждан, раздѣленныхъ на гильдіи и цехи по образу государствъ западной Европы, установленіе Магистратовъ съ Главнымъ Магистратомъ во главѣ и учрежденіе Коммерцъ Коллегіи - вотъ мѣры, имѣвшія цѣлью „купечество и мануфактуры размножить" и купецкихъ и ремесленныхъ [illegible] людей „яко разсыпанную храмину паки собрать".

б) *Состояніе городскихъ обывателей при преемникахъ Петра Великаго до Импер. Екатерины II.* Но устройство состоянія городскихъ обывателей и органовъ его управленія, созданное Петромъ, осталось неизмѣннымъ только до его смерти. Съ воцареніемъ Импер. Екатерины I открывается цѣлый рядъ мѣръ, извращающихъ смыслъ и сущность Петровскихъ преобразованій. Такъ, вскорѣ послѣ смерти Петра, сборъ казенныхъ доходовъ былъ возложенъ на отвѣтственность Магистратовъ. Это прямо противорѣчило планамъ Петра Великаго, который избавилъ Магистраты отъ всякой отвѣтственности по сборамъ. Регламентомъ Главному Магистрату послѣднему указывалось только имѣть попеченіе о правильной раскладкѣ всѣхъ сборовъ, и, ежели усмотритъ или увѣдомится, что оные поборы тягостны, къ тому же [illegible] ровно расположены...." доносить о томъ въ Сенатъ. А чтобы раскладка этихъ сборовъ [illegible] производилась правильно,

на городовые Магистраты возложена была обязанность принимать непосредственное участіе въ распредѣленіи податей и смотрѣть, при этомъ, чтобы бѣднѣйшіе граждане не были непосильно отягощаемы. Этимъ и ограничивалась вся дѣятельность Магистратовъ по сбору податей (гл. XIII). Самый сборъ былъ порученъ Коммерцъ-Коллегіи, которая обязана была наблюдать за тѣмъ, чтобъ во всѣхъ городахъ слѣдуемые съ горожанъ поборы взимались исправно. Возлагая отвѣтственность по сбору доходовъ на Магистраты, Имп. Екатерина I возвратилась къ прежнему взгляду на городскія установленія, какъ на установленія, созданныя для цѣлей фискальныхъ.

Въ 1727 г. самые Магистраты были подчинены надзору воеводъ и губернаторовъ для лучшаго охраненія посадскихъ,"какъ выражается манифестъ,изданный по этому поводу Екатериной I. Главный Магистратъ, съ подчиненіемъ городовыхъ Магистратовъ воеводамъ и губернаторамъ, потерялъ прежнее свое значеніе и при Петрѣ II именнымъ указомъ, состоявшимся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ 18 августа 1727 года, былъ уничтоженъ и для производства суда надъ Петербургскимъ купечествомъ опредѣлено устроить Ратушу, состоящую изъ одного бургомистра и двухъ бурмистровъ, которыхъ указано было впредь выбирать погодно.

Наконецъ, наказомъ губернаторамъ и воеводамъ 12 сентября 1728 года было опредѣлено закрыть городовые Магистраты и замѣнить ихъ Ратушами на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Во главѣ городскихъ Ратушъ стоятъ бурмистры, избираемые по прежнему ежегодно.

2) Во всѣхъ городахъ ратушскіе бурмистры производятъ между купечествомъ судъ и расправу по всѣмъ дѣламъ, за исключеніемъ уголовныхъ, которыя подлежатъ суду губернаторовъ и воеводъ.

3) Губернаторамъ и воеводамъ вмѣняется въ обязанность охранять городскихъ обывателей отъ всякихъ обидъ

справедливость суда и притѣсненія всякій может подавать жалобы на бурмистровъ воеводамъ, на воеводъ - губернаторамъ, а на этихъ последнихъ - Юстицъ-Коллегіи.

4) Сборы всякихъ государственныхъ доходовъ возложены на Ратушу подъ надзоромъ губернаторовъ и воеводъ и, если Ратуша не уплатитъ къ назначенному сроку опредѣленнаго указомъ сбора, послѣдніе обязаны взыскать съ нея недобор.

На ряду съ измѣненіями въ организаціи городскихъ установленій, въ этомъ же году былъ изданъ указъ, по которому гостямъ и гостиной сотнѣ велѣно состоять въ подушномъ окладѣ наравнѣ съ прочими посадскими людьми, и производить между собою раскладку подушнаго оклада посредствомъ выборныхъ сборщиковъ и, такимъ образомъ, мысль Петра, о томъ что „первостатейные граждане должны быть отмѣнны отъ другаго подлаго гражданства своими привилегіями и преимуществами", была оставлена.

Указанныя измѣненія являются наиболѣе существенными въ ряду тѣхъ многочисленныхъ законодательныхъ мѣръ, которыя принимались правительствомъ въ отмѣну нововведеній Петра Великаго вплоть до вступленія на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны, которая указомъ 21 мая 1743 года повелѣла открыть въ Петербургѣ Главный Магистратъ, а въ прочихъ городахъ Магистраты на прежнихъ основаніяхъ и этимъ возвратилась къ политикѣ Петра въ дѣлѣ устройства состоянія городскихъ обывателей. Но полной реформѣ въ духѣ Петра Великаго города вновь подверглись лишь въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

2) *Законодательство Императрицы Екатерины II.* Екатерина II въ своей преобразовательной дѣятельности относительно организаціи городского сословія шла по стопамъ Петра Великаго. Дѣятельность эта начинается съ момента восшествія ея на престолъ и за-

вершается изданіемъ 21 апрѣля 1785 года, т. е., въ одинъ день съ изданіемъ жалованной грамоты дворянству, „грамоты на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи“ (Полн. Собр. Зак. № 16188)

Не останавливаясь на тѣхъ постановленіяхъ Имп. Екатерины II, которыя издавались въ промежуткѣ времени отъ ея воцаренія до изданія жалованной грамоты городамъ, такъ какъ постановленія эти цѣликомъ вошли въ грамоту, остановимся на изученіи этой послѣдней.

Все существенное въ грамотѣ на права и вольности городамъ Россійской Имперіи покоится на тѣхъ же основныхъ началахъ, которыя даны были Петромъ. Екатерина развиваетъ только подробности и частности. Если Петръ Великій желалъ поднять города чрезъ лучшую организацію торговаго сословія, организацію, которую онъ заимствовалъ съ Запада, то Екатерина задалась цѣлью провести самую идею западно-европейскаго средняго сословія. Еще въ „Наказѣ“, данномъ коммиссіи для составленія проэкта новаго Уложенія, она высказала мысль о томъ, что средняго рода люди должны имѣть свои собственныя преимущества и не должны смѣшиваться ни съ высшими, ни съ низшими разрядами. „Въ городахъ живутъ“, говорится въ Наказѣ, „мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, художествахъ, въ торговлѣ и наукахъ“. Такое же понятіе о мѣщанскомъ сословіи, или средняго рода людяхъ, даетъ и жалованная грамота 1785 года. Принадлежность къ этому сословію закрѣпляется внесеніемъ въ городскую обывательскую книгу, раздѣленную, подобно дворянской родословной книгѣ, на 6 частей, изъ которыхъ въ первую записывались настоящіе городскіе обыватели, такъ называемые дѣйствительные граждане, а дѣйствительными гражданами названы домовладѣльцы; во вторую – вносились купцы, записанные въ гильдіи, которыхъ было установлено три, причемъ, для записи въ первую гильдію должно было объявить капиталъ отъ 10000 до 50000 рублей; во вторую – отъ 5000

до 10000; въ третью – отъ 1000 до 5000; въ третью часть городской обывательской книги вносились цеховые ремесленники; въ четвертую – иностранные и иногородные гости, которые желали производить торговлю въ данномъ городѣ; въ пятую – именитые граждане; въ шестую – посадскіе. Само собою понятно, что нѣкоторыя лица могли быть внесены въ нѣсколько частей городской обывательской книги (ст. 68 – 89).

Указанные шесть разрядовъ и составляютъ вмѣстѣ сословіе городскихъ обывателей въ спеціальномъ смыслѣ этого слова, торгово-промышленный классъ, прежнихъ регулярныхъ гражданъ по регламенту Главному Магистрату. Въ отличіе отъ нихъ жалованная грамота называетъ гражданами обывателей въ широкомъ смыслѣ слова, городскихъ обывателей вообще, къ которымъ относятся всѣ лица, имѣющія въ данномъ городѣ, но не составляющія сословія этихъ людей.

Каждому изъ перечисленныхъ шести разрядовъ городскихъ обывателей въ особенности были предоставлены особыя права.

Такъ, 1) гильдейское купечество отличалось отъ всѣхъ другихъ разрядовъ преимуществами по торговлѣ (ст. 104, 110, 116) и избавлялось отъ подушной подати (ст. 93), а купцы первыхъ двухъ гильдій, сверхъ того, и отъ тѣлесныхъ наказаній (ст. 107 и 113).

2) Лица, записавшіяся въ цехи, не получали отъ этого особыхъ правъ состоянія. Они причислялись, или къ посадскимъ, если не объявляли капитала, или къ купечеству, если капиталъ ими былъ объявленъ. Но имъ принадлежало исключительное право на производство ремеслъ; только цеховой мастеръ пользовался правомъ открыть ремесленное заведеніе, имѣть опредѣленное количество подмастерьевъ и учениковъ (ст. 133 пун. 58). Что касается самаго цехового устройства, то оно получаетъ въ грамотѣ еще большее развитіе сравнительно съ тѣмъ, которое было введено Петромъ. Екатери-

на II вводитъ полное цеховое самоуправленіе. Во главѣ этого самоуправленія стоятъ ремесленный голова, управы, или цехи, и ремесленный сходъ. Ремесленный голова избирается ежегодно всѣми цехами города (ст. 123 пун. 1); на обязанности ремесленнаго головы лежитъ попеченіе о нуждахъ цеховъ, представительство ремесленнаго общества съ правомъ голоса въ шестигласной думѣ, разрѣшеніе споровъ между управами (цехами) разныхъ ремеслъ (ст. 123, 12 - 17). Управы, или цехи составляются изъ мастеровъ одинаковаго ремесла и только тогда, когда въ городѣ одного и того же ремесла находится не менѣе пяти мастеровъ (ст. 123, 3 и 4); изъ своей среды цеховые мастера ежегодно избираютъ управнаго старшину и двухъ старшинскихъ товарищей, которые и завѣдуютъ всѣми дѣлами цеха (9 - 25). Ремесленный сходъ собирается каждые четыре мѣсяца по приглашенію управнаго старшины и старшинскихъ товарищей для обсужденія дѣлъ даннаго цеха (ст. 123 пун. 21).

3) Именитое гражданство пользовалось нѣкоторыми правами дворянскаго состоянія, наприм., свободой отъ податей и отъ тѣлесныхъ наказаній (ст. 135), различными правами по торговлѣ безъ записки въ гильдіи и т.п. Къ именитымъ гражданамъ по жалованной грамотѣ причислялись:

1) тѣ, которые безпорочно прошли городскую службу и были выбраны вторично;

2) ученые, которые могутъ предъявить академическіе или университетскіе аттестаты;

3) художники трехъ художествъ, именно: архитекторы, живописцы, скульпторы и композиторы, которые состоятъ членами академіи, или имѣютъ академическія свидѣтельства о своемъ знаніи или искусствѣ;

4) всякаго званія и состоянія капиталисты, которые объявятъ за собою капиталъ отъ 50000 рублей и болѣе;

5) банкиры, переводящіе деньги, которые [illegible] ія объявить за собою капиталь отъ 100000 до 200000 рублей;
6) тѣ, которые торгуютъ оптомъ и не [illegible] вокъ;
7) кораблехозяева, отправляющіе за море [illegible] корабли (ст. 67 и 132).

Эт[illegible] именитое гражданство было уничтожено манифестомъ Импер. Александра I въ 1807 г., которымъ создано первостатейное купечество; но при Импер. Николаѣ, возвратившемся къ мыслѣ Екатерины II, учреждено почетное гражданство закономъ 10 апрѣля 1832 года, который остался безъ существенныхъ измѣненій до настоящаго времени.

4) Лица, необъявившія капиталы, неприписавшіяся къ цеху и непосвятившія себя занятію науками, художествомъ и мореплаваніемъ, составляли однообразную массу *посадскихъ*, впослѣдствіи *мѣщанъ* въ тѣсномъ значеніи слова, въ томъ значеніи, въ которомъ [illegible] это употребляется и до настоящаго времени. Посадское или мѣщанское общество каждаго города было [illegible] тяглою единицею. Посадскіе не были изъяты отъ [illegible] и повинностей [illegible] не пользовались никакими [illegible] ствами, исключая правъ на [illegible] [illegible] по части и торга (содержаніе [illegible], каравансараевъ, постоялыхъ дворовъ, трактировъ, торговли собственнымъ рукодѣліемъ и мелочью, ст. 141, [illegible] и 144).

[illegible] исчисленныхъ личныхъ правъ и преиму[illegible], всѣ эти шесть разрядовъ городскихъ обывателей въ собственномъ смыслѣ [illegible] и [illegible] корпоративны.

Только они представляли „градское общество“, надѣленное правомъ собираться для совѣщаній „по приказанію и дозволенію генералъ-губернатора или губернатора“ (ст. 29, 30). Въ составъ собра-

Тип. [illegible] и К. Терская. Складъ у Карабасникова
Над. руд. [illegible] по лекц. Пр.-Доц. Числова

нія градскаго общества съ правомъ голоса могутъ входить только городскіе обыватели, достигшіе 25 лѣтняго возраста, владѣющіе капиталомъ, приносящимъ болѣе 50 рублей ассигнаціями ежегоднаго дохода и неопороченные по суду, всѣ остальные члены городского общества (т.е., „безкапитальные" и недостигшіе 25 лѣтняго возраста), хотя и могутъ присутствовать въ собраніи, но правомъ голоса не пользуются, равно какъ не могутъ быть избраны въ должности, замѣщаемыя по выбору городского общества (ст. 50 - 52). Предметомъ совѣщаній собранія градскаго общества служили: 1) выборъ должностныхъ лицъ, какъ то городского головы, членовъ сословно-судебныхъ учрежденій, 2) выслушиваніе предложеній генералъ-губернатора или губернатора и отвѣтъ на эти предложенія, сходственный съ узаконеніями и съ общественнымъ добромъ; 3) представленіе о своихъ общественныхъ пользахъ и нуждахъ; 4) чтеніе городовой обывательской книги (ст. 30 - 38, 74).

Городское общество является вполнѣ юридическимъ лицомъ, пользующимся „мирно и вѣчно на основаніи законовъ землею со всѣми ея принадлежностями, всякаго рода недвижимостью" (ст. 2), общественной казной, составляемой добровольными складками и употребляемой на нужды города по общему согласію (ст. 42), и, наконецъ, разными доходами. Источники этихъ доходовъ точно опредѣляются грамотой. Къ числу ихъ относятся таможенный и питейный сборы, „выморочныя имѣнія" городскихъ обывателей, доходы съ городскихъ имуществъ и штрафныя деньги, взыскиваемыя съ купцовъ и мѣщанъ (ст. 146 - 150). Указанные доходы городское общество можетъ расходовать на „статьи", точно опредѣленныя грамотой. Такими статьями расходовъ, которые грамота называетъ „законными расходами" являются 1) содержаніе городскихъ выборныхъ установленій и должностныхъ лицъ, „которымъ по городской службѣ опредѣлено жалованье", 2) содержаніе городскихъ

школъ, сиротскихъ домовъ, госпиталей, домовъ для умалишенныхъ, богадѣленъ и другихъ заведеній, предоставленныхъ вѣдѣнію Приказа общественнаго призрѣнія учрежденнаго въ 1775 году, 3) наконецъ, содержаніе городскихъ строеній (ст. 151, 152). Внѣ указаннаго допускается ни установленіе новыхъ доходовъ, ни производство новыхъ расходовъ. Если окажутся отъ расходовъ какіе остатки, то городское общество должно отдавать ихъ „въ банки для приращенія"; если же оно найдетъ нужнымъ „для общей пользы, для выгоды и украшенія города" произвести какую либо затрату изъ городскихъ доходовъ, то „должно представить объ этомъ губернатору и ожидать его дозволенія" (ст. 153 и 154). Губернатору же городское общество обязано подавать вѣдомости по всѣмъ статьямъ городскихъ доходовъ и расходовъ и, сверхъ того, посылать отчеты въ Казенную Палату, созданную „учрежденіемъ для управленія губерній Всероссійской Имперіи 1775 года".

Для осуществленія возложенной на городское общество задачи – вѣдать свои городскія пользы и нужды, – ему было предоставлено образовать изъ своей среды особыя установленія, которыхъ жалованная грамота указываетъ два: это такъ называемыя Думы – Общая и Шестигласная:

1) Общая Дума состоитъ подъ предсѣдательствомъ городского головы изъ такъ называемыхъ гласныхъ отъ настоящихъ городскихъ обывателей, отъ гильдій, цеховъ, иногородныхъ и иностранныхъ гостей, именитыхъ гражданъ и посадскихъ, т. е., отъ всѣхъ шести разрядовъ, на которые дѣлится городское общество.

Городской голова избирается цѣлымъ обществомъ. Этотъ органъ, подобно уѣздному предводителю дворянства, появился впервые въ 1766 году, когда предписано было избрать городского голову въ каждомъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Имперіи для руководства при выборѣ депутатовъ отъ городовъ въ Коммиссію для со-

ненія проекта новаго Уложенія. Съ этихъ поръ это должностное лицо существуетъ непрерывно до изданія жалованной грамоты, по которой онъ входитъ въ составъ обоихъ разсматриваемыхъ нами учрежденій въ качествѣ ихъ предсѣдателя.

Гласные отъ шести разрядовъ городскихъ обывателей избирались слѣдующимъ образомъ: каждый разрядъ избираетъ отдѣльно, причемъ, настоящіе городскіе обыватели производятъ выборы по участкамъ, на которые въ полицейскомъ отношеніи разбивается городъ, купцы - по гильдіямъ, ремесленники - по цехамъ, иногородные и иностранные - по національностямъ, - „каждый народъ особо", именитые граждане - „по семи названіямъ" на которыя дѣлитъ ихъ грамота, если каждое изъ нихъ состоитъ не менѣе, какъ изъ пяти человѣкъ, и, наконецъ, посадскіе - по частямъ города, въ которыхъ живутъ. Такимъ образомъ, каждый изъ разрядовъ обывателей избираетъ въ Общую Думу по нѣскольку представителей. Но изъ этого не слѣдуетъ, что въ Общей Думѣ каждый изъ нихъ имѣлъ свой голосъ. Дума, въ сущности, состояла изъ шести голосовъ: всѣ представители отъ каждаго разряда обывателей составляли одинъ голосъ. Кромѣ того, каждый разрядъ совѣщался въ Думѣ отдѣльно отъ другого, такъ что члены послѣдней представляли не интересы цѣлаго города, а интересы только своего разряда (ст. 159 - 163).

Общая Дума по задачамъ, на нее возложеннымъ, представляла собою установленіе распорядительное и собиралась не постоянно, а періодически: „по одному разу всякій срокъ засѣданія (т. е., каждые три года) или, когда нужда и польза городская потребуетъ", какъ постановлено грамотой.

2) Для постояннаго же завѣдыванія городскими дѣлами, въ качествѣ установленія исполнительнаго по отношенію къ Общей Думѣ, „полагается Шестигласная Дума, избираемая Общею изъ среды ея гласныхъ". Въ составъ Шестигласной Думы подъ предсѣдательствомъ городско-

го головы входили гласные Общей Думы по одному отъ каждаго изъ шести разрядовъ городскихъ обывателей, откуда установленіе это и получило свое названіе. Шестигласная Дума обязана собираться не менѣе одного раза въ недѣлю для всегдашняго отправленія дѣлъ, тѣже должности исполняетъ, что и Общая Городская Дума; въ случаѣ же сомнѣнія по важности или трудности дѣла, предлагаетъ оные въ Общей Думѣ" (ст. 164 - 166, 174 и 175).

Но объемъ компетенціи послѣдней являлся несравненно болѣе узкимъ, чѣмъ вѣдомство сословныхъ установленій временъ Петра Великаго; такъ, дѣла судебныя поручены не ей, а Магистратамъ, дѣла благочинія - полиціи, сборъ чисто государственныхъ доходовъ - Казенной Палатѣ; ей подлежитъ только вѣдѣніе городского хозяйства и всего того, что служитъ къ пользѣ и нуждѣ города". Если къ этому прибавить, что контроль правительства надъ самымъ собраніемъ городского общества, какъ мы видѣли, былъ очень широкъ (собраніе составляется съ дозволенія губернатора, о всѣхъ доходахъ и расходахъ оно обязано давать отчетъ губернатору и Казенной Палатѣ), то станетъ понятно, что городскія установленія по жалованной грамотѣ 1785 года, въ противоположность Петровскимъ, пользовались весьма малой долей самостоятельности.

Таковы постановленія жалованной грамоты 1785 года, довершившія начатое Петромъ Великимъ устройство состоянія городскихъ обывателей и его общественныхъ установленій. Но не успѣла еще грамота привиться, какъ [illegible], въ жизни, не успѣли еще повсемѣстно начать отправленіе своихъ функцій новыя городскія установленія, какъ преемникъ Екатерины II, Императоръ Павелъ I, изданіемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ постановленій отмѣнилъ грамоту, преимущественно въ той ея части, которая была посвящена организаціи городского самоуправленія. Найдя городскія установленія жалованной грамоты слишкомъ „великими" по составу [illegible]

потому и составлявшими „тягость“ для городского общества, Имп. Павелъ I повелѣлъ упразднить новыя установленія сперва въ Петербургѣ, а затѣмъ и во всѣхъ городахъ Имперіи. Но съ вступленіемъ на престолъ Императора Александра I снова были призваны къ жизни упраздненныя установленія. 2 апрѣля 1801 года, т.е., въ тотъ же день съ подтвержденіемъ жалованной грамоты дворянству, былъ обнародованъ манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, объявлялось, что Государь „при-рукодѣлій и торговли, утвердитъ и возстановитъ городовое положеніе и грамоту, городамъ данную, во всей ея силѣ и пространствѣ ...“

Съ этого времени Грамота на права и выгоды городамъ продолжала дѣйствовать съ небольшими измѣненіями, произведенными въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія вплоть до 1870 года, когда было издано новое городовое Положеніе, реорганизовавшее городское самоуправленіе на началахъ не сословныхъ, какъ это было установлено Имп. Екатериной II, а всесословныхъ, но отдѣльныя постановленія грамоты о личныхъ правахъ разныхъ разрядовъ городскихъ обывателей и ихъ сословной организаціи остались почти безъ измѣненій и до нашихъ дней.

§ 4) Крестьяне *)

а) *Законодательство Петра Великаго.* Окончательное прикрѣпленіе крестьянъ, состоявшееся, какъ извѣстно, въ силу отмѣны Соборнымъ Уложеніемъ Царя Алексѣя Михаиловича „урочныхъ лѣтъ“ для сыска и возвращенія бѣглыхъ крестьянъ на прежнія мѣста ихъ жительства, имѣло своимъ послѣдствіемъ постепенное развитіе крѣпостной зависимости, достигшей на практикѣ къ началу XVIII вѣка такой степени, что, несмотря на различіе, проводимое въ законѣ между крестьянами и холопами, въ жизни было уже трудно установить между ними грани-

*) См. *Бѣляевъ „Крестьяне на Руси“, Романовича-Славатинскаго* [illegible] *сочиненіе*

цу. Полное же сліяніе этихъ двухъ столь различныхъ прежде группъ населенія, а, слѣдовательно, и ухудшеніе юридическаго положенія прикрѣпленныхъ, послѣдовало въ XVIII вѣкѣ, хотя законовъ, устанавливающихъ прямо крѣпостное состояніе, издано и не было. Состояніе это возникло косвеннымъ образомъ изъ различныхъ узаконеній, преслѣдовавшихъ финансовыя и государственныя цѣли. Первыми изъ такихъ узаконеній, оказавшихъ рѣшительное вліяніе на усиленіе крѣпостного права въ количественномъ и качественномъ отношеніи, были указы Петра Великаго о ревизіи.

Петръ Великій организовалъ постоянную армію, на содержаніе которой потребовалось значительное увеличеніе государственныхъ доходовъ. Между тѣмъ, финансовая система московскаго государства не обезпечивала, по мнѣнію Петра, интересовъ казны, главнымъ образомъ, потому, что объектомъ податного обложенія служили тогда земли и дворы тяглыхъ людей. А такъ какъ не всѣ лица были расписаны по тягламъ, то многія не платили податей и не несли государственныхъ повинностей. Не платили податей холопы, какъ несвободные, составлявшіе частную собственность владѣльцевъ; не несли никакихъ повинностей и государевы вольные гулящіе люди, не имѣвшіе опредѣленныхъ занятій. Желая привлечь и эти разряды лицъ къ платежу податей и замѣнить всѣ разнообразные платежи и повинности одной общей, Петръ Великій принялъ объектомъ обложенія не имущество, а личность, душу плательщика и ввелъ подушную подать. Для того, чтобы разложить эту подать и опредѣлить точно цифру государственнаго дохода, необходимо было познакомиться съ численностью населенія, для чего и предпринято было производство ревизіи или народной переписи. По поводу этого было издано нѣсколько указовъ, изъ которыхъ указъ 22 января 1719 года предписывалъ считать при ревизіи какъ крестьянъ и бобылей, такъ задворныхъ и дѣловыхъ людей, устроенныхъ пашнею, т. е. какъ людей, прикрѣпленныхъ только къ землѣ

чанъ касенниковъ и полныхъ холоповъ, чинъ бы владѣлецъ отъ [illegible] земле (Полн. Собр. Зак. N 3287). При переписи, слѣдовательно, холопы были занесены въ одинъ разрядъ съ крестьянами. Такимъ образомъ, ревизія возвысила, съ одной стороны, состояніе холоповъ, помѣстивъ ихъ въ число людей, несущихъ тягло въ пользу государства и тѣмъ уничтожила существованіе полнаго рабства въ Россіи, но, съ другой стороны, она приравняла крестьянъ къ холопамъ, уничтоживъ юридическое различіе между обоими разрядами и тѣмъ содѣйствовала усиленію помѣщичьей власти.

Далѣе, Петръ обратилъ вниманіе и на государевыхъ вольныхъ гулящихъ людей, приказывая указомъ 1722 года „собрать, которые на [illegible] ихъ самихъ же переписи и переписчиковъ [illegible] пересмотрѣть. И которые изъ нихъ по осмотру въ службу годны будутъ, тѣхъ писать въ солдаты и отсылать въ Военную Коллегію; а которые въ службу негодны, тѣмъ давать свободныя письма, что они въ службу негодны, токмо объявлять ихъ при томъ указомъ съ запискою, чтобъ никто изъ нихъ въ гулящихъ не были, а опредѣлялись бы въ другія службы, *или къ кому въ дворовое служеніе*, а безъ службы бы не шатались . . . , а если кто таковыхъ впредь поймаетъ, оные сосланы будутъ въ галерныя работы" (Полн. Собр. Зак. N 40[illegible]). Этотъ указъ распространялъ частное крѣпостное право и на вольныхъ гулящихъ людей.

Вмѣстѣ съ усиленіемъ крѣпостного права въ количественномъ отношеніи усиливалась и самая зависимость крестьянъ на практикѣ, хотя de jure послѣдніе во времена Петра пользовались нѣкоторыми правами и преимуществами.

Въ виду того, что въ подушный окладъ [illegible] съ [illegible] были положены и холопы, неимѣвшіе [illegible] собственности, а потому неспособные платить подать, обязанность уплачивать эту послѣднюю за своихъ людей вообще возложена была на самихъ владѣльцевъ, какъ [illegible] инструкціи 1722 г., гдѣ предписа-

[illegible] добыть двоѣ[illegible], чтобы платили со всякой души мужска пола крестьянъ, и дворовыхъ, и дѣловыхъ, и всякаго званія людей, какіе у кого въ деревняхъ обрѣтаются по осьми гривенъ съ персоны" (Полн. Собр. Зак. N 3901). Это повело къ тому, что владѣльцы стали взыскивать съ крестьянъ подушную подать не только за нихъ самихъ, но и за голосовыхъ, от которыхъ взять было нечего, что, въ свою очередь, вызвало массу злоупотребленій со стороны владѣльцевъ. Насколько сильны были эти злоупотребленія свидѣтельствуютъ какъ указы самаго Петра, такъ еще рѣзче знаменитый публицистъ того времени крестьянинъ Иванъ Посошковъ въ своемъ сочиненіи „о скудости и богатствѣ": „помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ", говоритъ онъ, „бремена неудобоносимыя; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ ни единаго дня, еже бы ему на себя, что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ. Или что наложено на ихъ крестьянъ оброку, или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ [illegible], требуютъ съ нихъ излишняго набору, и тѣмъ излишествомъ крестьянъ въ нищету пригоняютъ и, который крестьянинъ станетъ мало мало по сытнѣе быть, то на него и подати прибавятъ".

Противъ злоупотребленій помѣщичьей власти Петръ Великій сильно возставалъ и предпринималъ цѣлый рядъ мѣръ къ ея ограниченію и облегченію участи крѣпостныхъ. Такъ, для огражденія крестьянъ отъ непосильныхъ поборовъ и истязаній со стороны владѣльцевъ, онъ предписалъ воеводамъ отдавать помѣщиковъ, виновныхъ въ разореніи и угнетеніи крестьянъ, „до исправленія подъ началъ", а управленіе имѣніемъ поручать ближнимъ его родственникамъ; далѣе, онъ предоставилъ дворовымъ людямъ право поступать въ военную службу и безъ согласія господина – право, въ виду злоупотребленій помѣщичьей власти очень важное для крестьянъ; разрѣшилъ крестьянамъ, которые [illegible] [illegible] не извѣстную су-

му, приписываться къ городамъ, даже и вопреки желанію ихъ помѣщиковъ, причемъ, послѣдніе не могли брать съ нихъ оброка болѣе, чѣмъ съ остальныхъ крестьянъ; уничтожилъ право помѣщиковъ ставить за себя на правежъ своихъ крѣпостныхъ, наконецъ, обратилъ вниманіе на сильно развитую въ то время торговлю людьми, запретивъ продажу крѣпостныхъ безъ земли въ раздробь, отдѣльно отъ семействъ - дѣтей отъ родителей, родителей отъ дѣтей, - допустивъ продажу безъ земли только въ крайнихъ случаяхъ, но не иначе, какъ цѣлыми семействами.

б. *Положеніе крестьянъ при преемникахъ Петра Великаго.* При ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго, мы не встрѣчаемся съ постановленіями, стремящимися ограничить все болѣе и болѣе развивающуюся фактически власть помѣщиковъ. Крѣпостное право въ это время и распространяется и усиливается. Численность крѣпостныхъ увеличивается посредствомъ приписки по ревизіямъ. При Петрѣ II отмѣнено прежнее кабальное холопство указомъ 1729 года, въ которомъ предписывалось всѣхъ кабальныхъ людей, равно какъ и малолѣтнихъ дѣтей ихъ писать въ подушной окладъ за тѣми помѣщиками, за которыми они живутъ по кабаламъ (Полн. Собр. Зак. № 5392). Вслѣдъ за кабальными людьми подверглись той же участи вольные государевы люди. Они, какъ мы видѣли, по указу Петра Великаго въ 1722 году потеряли свое прежнее значеніе и должны были идти или въ солдаты, или за негодностью къ военной службѣ записаться къ кому либо въ дворовые люди; но это распоряженіе не совсѣмъ еще было приведено въ исполненіе, почему встрѣчались вольные гулящіе люди даже и послѣ Петра. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ изданія только что приведеннаго указа о кабальныхъ холопахъ, послѣдовало распоряженіе, чтобы вольные гулящіе люди или поступали въ военную службу, или, за негодностью, записывались за кого либо *въ подушный окладъ*, въ противномъ случаѣ они подлежали ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Этими

двумя указами многочисленные разряды кабальныхъ и гулящихъ людей слиты съ крѣпостными и о нихъ не упоминается уже болѣе въ указахъ (Полн. Собр. Зак. N 5441). Далѣе, при Имп. Елизаветѣ по инструкціи ревизорамъ 1743 года велѣно было писать въ подушной окладъ малолѣтнихъ неизвѣстнаго происхожденія, незаконнорожденныхъ и подкидышей; первыхъ – за желающими, вторыхъ – за тѣми, кому они подкинуты.

Рядомъ съ распространеніемъ крѣпостного права ухудшается положеніе крестьянъ частновладѣльческихъ и ограничиваются права, принадлежавшія до этого времени всѣмъ вообще крестьянамъ.

Ухудшается положеніе крѣпостныхъ частныхъ владѣльцевъ тѣмъ, что въ 1727 году въ отмѣну постановленія Петра Великаго дворовымъ запрещается поступать въ военную службу безъ дозволенія помѣщика; Императрица Елизавета не только подтвердила это постановленіе, но и приказала подвергать суровому наказанію крѣпостныхъ, самовольно подавшихъ прошеніе о принятіи ихъ въ военную службу (Полн. Собр. Зак. N 8577). При Аннѣ Іоанновнѣ разрѣшено было покупать крѣпостныхъ въ раздробь и ставить за себя въ рекруты. При Елизаветѣ Петровнѣ помѣщикамъ было предоставлено важное право ссылать крестьянъ въ Сибирь на поселеніе безъ суда. Мѣра эта, вызванная стремленіемъ правительства колонизировать Сибирь, укрѣпила, конечно, власть помѣщиковъ. Указъ Сената 1760 года дозволилъ помѣщикамъ ссылать въ Сибирь нерадивыхъ крестьянъ, воровъ и пьяницъ, женатыхъ съ женами, а если захотятъ помѣщики, то и съ дѣтьми; притомъ, правительство въ цѣляхъ административныхъ поощряло подобнаго рода ссылки тѣмъ, что давало за ссыльнаго рекрутскую квитанцію въ зачетъ, а если помѣщикъ ссылалъ крестьянина съ дѣтьми, то получалъ за послѣднихъ денежное вознагражденіе, смотря по ихъ возрасту (Полн. Собр. Зак. N 11666). Помѣщики не замедлили воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ, [illegible] въ [illegible] колонизаціи

Сибири, сколько въ своихъ личныхъ интересахъ. Они стали ссылать крѣпостныхъ, неспособныхъ къ работѣ, какъ то: увѣчныхъ, больныхъ, стариковъ и, получивъ за нихъ рекрутскую квитанцію, освобождались отъ обязанности выставить рекрута. При этомъ они раздробляли семьи и ссылали крѣпостныхъ не только безъ дѣтей, но даже и безъ женъ.

Что касается до ограниченія правъ крестьянъ вообще за рассматриваемый періодъ времени, то здѣсь надо отмѣтить прежде всего тѣ постановленія, которыми было запрещено всѣмъ вообще крестьянамъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія, даже ненаселенныя. Импер. Анна Іоанновна 25 октября 1730 года издаетъ указъ, которымъ подтверждаетъ правило Соборнаго Уложенія 1649 года, запрещавшее боярскимъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ покупать и держать въ закладѣ недвижимыя имѣнія. Это правило при Импер. Елизаветѣ было обобщено указомъ 1746 года, который предписываетъ: „впредь купечеству, архіерейскимъ и монастырскимъ слугамъ, и боярскимъ людямъ, и крестьянамъ, и написаннымъ къ купечеству и въ цехъ, также казакамъ, ямщикамъ и прочимъ разночинцамъ, состоящимъ въ подушномъ окладѣ, людей и крестьянъ безъ земель и *съ землями* во всемъ государствѣ не покупать и крѣпостей онымъ нигдѣ не писать" (Полн. Собр. Зак. N 9267). Здѣсь, на ряду съ запрещеніемъ покупать населенныя недвижимыя имѣнія, запрещалось, какъ видно, и покупка крѣпостными людей и крестьянъ безъ земли, что до этого указа случалось нерѣдко, такъ что крѣпостные, въ свою очередь, имѣли своихъ крѣпостныхъ.

Въ 1731 году запрещено всѣмъ вообще крестьянамъ вступать въ подряды и откупа: „крестьянъ ни въ откупы, ни въ подряды, кромѣ найма подводъ и судовъ и какихъ либо работъ, допускать не велѣно" (Полн. Соб. Зак. N 5789), а въ 1761 году они лишены были права вступать въ обязательства по векселямъ и быть пору-

чителями при займѣ подъ вексель: „крестьяне векселями и другими никакими вечными письмами, подъ образомъ векселя, хотя бъ они съ выбора вотчинъ и волостей даны были, отнюдь не обязывать, также и въ поручительство крестьянъ не принимать подъ потерянiемъ всѣхъ тѣхъ данныхъ денегъ. А кому изъ крестьянъ потребно будетъ денегъ занимать, или товарами въ долгъ брать; тѣмъ въ указанныхъ мѣстахъ писать заемныя письма, и тѣ съ удостовѣрительнымъ дозволенiемъ отъ ихъ помѣщиковъ, а дворцовымъ отъ ихъ правителей, монастырскимъ и черносошнымъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оные въ вѣдомствѣ состоятъ; и дабы заимодавцы были надежнѣе свои деньги получить, то и съ поруками, токмо не изъ крестьянъ, а изъ другихъ чиновъ" (Полн. Собр. Зак. № 11204).

Таково положенiе крестьянъ вообще и частновладѣльческихъ въ особенности въ первую половину XVIII вѣка. Какъ ни тяжело было это положенiе но до тѣхъ поръ, пока были закрѣпощены всѣ сословiя, пока всѣ они несли государственное тягло, закрѣпленiе крестьянъ за помѣщиками не казалось особенной аномалiей. Дворянство пользовалось правомъ владѣть крѣпостными крестьянами на томъ основанiи, что само было обязано нести служебное тягло: оно [illegible] было такъ же крѣпостнымъ сословiемъ относительно государства, какимъ относительно его были крестьяне. Въ кратковременное царствованiе Импер. Петра III послѣдовали важныя мѣры по отношенiю къ дворянамъ: обязательность службы, какъ извѣстно, была отмѣнена и имъ было оставлено на собственное благоусмотрѣнiе служить, или не служить. Съ измѣненiемъ положенiя дворянства измѣнялось и положенiе крестьянъ. Мотивъ прикрѣпленiя послѣднихъ былъ чисто государственнаго характера — доставить служилому классу для исправности отбыванiя имъ своей повинности постоянныхъ работниковъ; помѣщикъ освобожденъ теперь отъ службы: крестьянину не было основанiя на него работать

Такимъ образомъ, логическимъ послѣдствіемъ освобожденія дворянства отъ обязательной службы должно было быть освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Но этого не случилось. Мѣра Петра III не была распространена на крестьянъ. Напротивъ, въ этомъ же 1762 году было издано одно частное постановленіе, ограничивавшее право крестьянъ причисляться къ городамъ для торговли. Мы видѣли, что Петръ дозволилъ крестьянамъ, торговавшимъ въ городѣ, приписываться къ послѣднему даже и безъ согласія помѣщика. Указомъ 1762 года, въ противоположность закону Петра Великаго, велѣно было для причисленія крѣпостныхъ къ городу требовать отъ нихъ увольнительное письмо отъ помѣщика.

в) *Законодательныя мѣры по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ Императрицы Екатерины II.* Ничего не сдѣлала въ этомъ направленіи и Импер. Екатерина, не смотря на знакомство свое съ просвѣтительными идеями современныхъ ей западно-европейскихъ философовъ, наоборотъ, своими мѣрами по отношенію къ крестьянамъ она содѣйствовала распространенію крѣпостнаго права и ухудшенію положенія крѣпостныхъ.

При Екатеринѣ крѣпостное право распространяется на Малороссію. Хотя въ этой послѣдней крѣпостное право и существовало, какъ наслѣдіе отъ Польши подъ владычествомъ которой Малороссія находилась, какъ извѣстно, долгое время, однако же при Импер. Екатеринѣ II тамъ оставались еще вольные посполитые крестьяне, пользовавшіеся правомъ перехода отъ одного землевладѣльца къ другому. Малороссійскіе помѣщики постоянно стремились ограничить ихъ свободу, но попытки ихъ встрѣчали отпоръ со стороны крестьянства, постоянно подававшаго жалобы на ихъ притѣсненія въ царствованіе Петра Великаго, Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны. Жалобы эти всегда принима-

лись во вниманіе правительствомъ и закрѣплять крестьянъ запрещалось.

Въ началѣ царствованія Имп. Екатерины II однимъ изъ самыхъ главныхъ желаній малороссійскаго шляхетства было прекращеніе вольнаго перехода посполитыхъ крестьянъ. Въ прошеніи, поданномъ въ концѣ 1763 года Импер. Екатеринѣ, малороссійское шляхетство съ гетманомъ во главѣ просило „самовольный малороссійскихъ мужиковъ переходъ въ силу правъ малороссійскихъ навсегда пресѣчь, о перешедшихъ же въ слободскіе полки и въ великороссійскія слободы приказать учинить публикацію, чтобъ они на прежнія свои жилища въ положенный срокъ возвратились, а ежели не возвратятся, то чтобъ вольно было всякому помѣщику, своего мужика отыскавъ, взять и пожилыя деньги за оное доправить". Правительство не спѣшило немедленнымъ прекращеніемъ свободы перехода, но тѣмъ не менѣе постаралось его ограничить и указомъ 10 декабря 1763 года предписало: „никому малороссійскаго посполитаго народа людей безъ письменнаго отпуска одинъ отъ другаго владѣльца отнюдь не принимать" (Полн. Собр. Зак. N 11987). Землевладѣльцы стали пользоваться этимъ указомъ и ставить преграды свободному переходу своихъ крестьянъ, но ихъ притязанія не замедлили вызвать неповиновеніе и даже открытыя волненія. Тогда, въ 1766 году, въ виду дошедшихъ до Императрицы свѣдѣній о томъ, что малороссійскіе посполитые отказываютъ въ повиновеніи помѣщикамъ, она повелѣваетъ отдать такихъ крестьянъ въ полное послушаніе послѣднимъ. Но и это не помогло: переходъ крестьянъ не только не прекратился, но еще болѣе усилился. Въ 1783 году, наконецъ, Екатерина издаетъ указъ, совершенно запрещавшій посполитымъ переходы съ мѣста на мѣсто въ губерніяхъ Черниговской, Полтавской и Новгородъ-Сѣверской, вслѣдствіе чего малороссійскіе крестьяне сдѣлались такими же крѣпостными, какъ и ихъ собратья въ Великорос-

сіи (Полн. Собр. Зак. № 15540). Мотивомъ прикрѣпленія выставлялась необходимость вѣрнаго полученія казеннаго дохода. Подготовительными мѣрами закрѣпощенія служили перепись всѣхъ податныхъ сословій Малороссіи, а затѣмъ уравненіе малороссійскихъ посполитыхъ съ великороссійскими крестьянами въ платежѣ подати.

На ряду съ распространеніемъ крѣпостной зависимости на всю Малороссію шло расширеніе крѣпостного права путемъ пожалованія частнымъ лицамъ государственныхъ населенныхъ земель. Этотъ способъ возникъ раньше царствованія Екатерины, но при ней онъ практиковался въ обширныхъ размѣрахъ. Всего въ ея царствованіе было роздано до 800 тысячъ душъ государственныхъ крестьянъ въ частное владѣніе.

Такимъ образомъ, Импер. Екатерина II болѣе всѣхъ другихъ государей увеличила фактическій объемъ крѣпостного состоянія, хотя съ другой стороны, она запретила въ [illegible] году всякому свободному человѣку [illegible] въ крѣпостные.

[illegible] Екатерины II, содѣйствовавшихъ ухудшенію положенія крѣпостныхъ крестьянъ, нужно отмѣтить слѣдующія. Въ 1765 году былъ изданъ указъ, которымъ предоставлялось помѣщикамъ право ссылать крестьянъ [illegible] не только въ Сибирь на поселеніе, какъ это было установлено при Импер. Елизаветѣ Петровнѣ въ [illegible] году, а на каторгу и опять безъ всякаго суда. При этомъ, представленія уликъ противъ крестьянина со стороны помѣщика не требовалось; послѣднему оказывалось въ этомъ полное довѣріе и, если онъ находилъ крестьянина виновнымъ и представлялъ его властямъ; послѣднія, не входя въ разсмотрѣніе дѣла, обязаны были ссылать виновнаго на каторгу „на толикое время, насколько помѣщикъ ихъ похочетъ“ (Полн. Собр. Зак. № 12311). Въ слѣдующемъ же 1766 году подтвержденъ указъ Имп. Елизаветы Петровны, предо-

ствамъ право ссылать крестьянъ и дворовыхъ людей въ Сибирь на поселеніе за продерзости, причемъ правительство оставило за собою право опредѣлять годныхъ изъ ссылаемыхъ въ драгунскую службу (Полн. Собр. Зак. № 12556). Въ 1767 году Екатерина II предписала „если дворовые люди и крестьяне въ должномъ у помѣщиковъ своихъ послушаніи не останутся и недозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче въ собственныя руки Императрицы, подавать отважатся, то какъ челобитчики, такъ и сочинители сихъ челобитенъ наказаны будутъ кнутомъ и прямо сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ, съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты (Полн. Собр. Зак. № 12966). Этимъ было отнято у крестьянъ единственное средство оградить себя отъ произвола помѣщичьей власти — право подавать челобитныя на помѣщиковъ. Наконецъ, въ учрежденіи о губерніяхъ 1775 года постановлено, что помѣщики могутъ отдавать неповинующихся крестьянъ, „непотребныхъ крѣпостныхъ", въ смирительные дома. Въ этомъ же актѣ мы встрѣчаемъ постановленіе, затемняющее смыслъ Петровскаго закона о назначеніи опеки надъ имѣніями помѣщиковъ, разорявшихъ крестьянъ и жестоко съ ними обращавшихся. Здѣсь предписано государеву намѣстнику „пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишества, беспутство, мотовство, *тиранство и жестокость*". Предоставляя намѣстнику право „обуздывать излишества", Екатерина не указываетъ, подобно Петру Великому, средствъ къ этому обузданію, почему на практикѣ возникло даже сомнѣніе, можно ли отдавать въ опеку имѣнія жестокихъ и расточительныхъ помѣщиковъ.

Описанныя мѣры, въ связи съ постановленіями предшествующихъ царствованій относительно крестьянъ, привели къ тому, что крѣпостное право достигло апогея

Тип. Лашкевича и К. Тверская. Складъ у Карбасникова
На рус. пр. по лекц. Пр.-Доц. Числова.

своего развитія. Итти далѣе уже было нельзя. Въ это время крѣпостное состояніе de jure характеризуется слѣдующими чертами: крѣпостные люди состоятъ въ вѣчной зависимости у помѣщика-дворянина и обязаны безприкословнымъ повиновеніемъ своему владѣльцу во всемъ, что не противорѣчитъ общимъ государственнымъ законамъ. Личныхъ правъ крестьяне никакихъ не имѣютъ: имъ не дозволяется самовольно переходить отъ одного владѣльца къ другому, или поступать въ другое состояніе, а также переселяться на другія земли безъ воли помѣщика; они не могутъ вступать въ бракъ съ кѣмъ бы то ни было безъ дозволенія помѣщика (но послѣдній, по закону, не можетъ принуждать ихъ къ браку); имущественныхъ правъ крестьяне также лишены: недвижимыхъ имуществъ пріобрѣтать они не могутъ совершенно, а движимое ихъ имущество не обезпечено отъ притязаній помѣщика. Не имѣя личныхъ и имущественныхъ правъ, крестьяне несутъ однѣ лишь обязанности и не только въ пользу помѣщика, но и по отношенію къ государству, уплачивая подушную подать, отбывая рекрутскую и иныя повинности.

Владѣльцу принадлежитъ право хозяйственнаго пользованія крѣпостными, въ силу чего онъ можетъ налагать на нихъ всякія работы, взимать оброкъ, требовать отбыванія личныхъ повинностей, причемъ, опредѣленіе количества рабочихъ дней, размѣра оброка и повинностей предоставлено полной и безграничной волѣ помѣщика. Мало того, осуществляя свое право пользованія, помѣщикъ можетъ переводить крестьянъ во дворъ, а дворовыхъ людей на пашню, переселять крестьянъ съ одной земли на другую, впрочемъ не иначе, какъ съ дозволенія земскаго суда; можетъ передавать свою власть надъ крѣпостными кому угодно, какъ по арендному контракту на землю, такъ и въ силу передачи по найму отдѣльныхъ крестьянъ безъ земли во временное пользованіе.

Далѣе, владѣльцу принадлежитъ право распоряженія

крѣпостными, т. е. онъ можетъ продавать и мѣнять ихъ, какъ на людей, такъ и на другіе предметы, и, притомъ, съ землею и безъ земли, цѣлыми деревнями, семействами и по одиночкѣ.

Наконецъ, помѣщику принадлежитъ судебно-полицейская власть надъ крѣпостными: всѣ взаимные споры и иски крѣпостныхъ людей между собою разбираются и судятся владѣльцемъ окончательно. Для удержанія крестьянъ въ повиновеніи помѣщикъ можетъ наказывать ихъ по своему усмотрѣнію, но безъ увѣчья и безъ опасности для жизни; однако по уголовнымъ дѣламъ крѣпостные люди подсудны наравнѣ со всѣми другими подданными общимъ государственнымъ учрежденіямъ. Помѣщику предоставляется право отдавать крѣпостныхъ въ рекруты, ссылать на поселеніе въ Сибирь отдавать въ каторжную работу и смирительные дома на срокъ, опредѣляемый по его желанію при этомъ, подавать жалобы на жестокое обращеніе помѣщика крѣпостнымъ воспрещается подъ угрозой вѣчной каторжной работы

Таково положеніе крѣпостныхъ de jure. Но въ жизни положеніе это было еще тягостнѣе, такъ какъ и тѣ немногія ограниченія власти, которыя указаны выше, на практикѣ не существовали. Такъ, законъ запрещалъ помѣщику принуждать крѣпостныхъ къ браку, запрещалъ переселять крестьянъ съ одной земли на другую безъ позволенія начальства, запрещалъ увѣчить и убивать при осуществленіи помѣщикомъ своихъ карательныхъ функцій; всѣ эти запрещенія, какъ извѣстно игнорировались: помѣщикъ дѣлалъ, что хотѣлъ, съ крестьяниномъ, и послѣдній не имѣлъ никакихъ законныхъ средствъ обороны отъ злоупотребленій помѣщиковъ своею властью.

Такое бѣдственное положеніе крестьянъ не могло, конечно, оставаться долго незамѣченнымъ. Всякая крайность непремѣнно вызываетъ реакцію. И такая реакція въ пользу крѣпостныхъ не замедлила проявиться при-

чемъ, начало ея должно быть отнесено къ тому же самому царствованію, въ которое крѣпостная зависимость достигла своего наивысшаго развитія, т.е. къ царствованію Импер. Екатерины II. Вполнѣ раздѣляя идеи, провозглашенныя современной ей западно-европейской философіей, Императрица впервые выдвинула вопросъ о правомѣрности крѣпостнаго состоянія. Въ бытность свою еще Великой Княгиней, она стояла уже за освобожденіе крѣпостныхъ, что видно изъ ея записокъ за это время. „Противно христіанской вѣрѣ и справедливости", писала Екатерина, „дѣлать невольниками людей; они всѣ рождаются свободными", и притомъ, полагала, что можно постепенно уничтожить крѣпостное право, объявляя крестьянъ свободными во всѣхъ имѣніяхъ, переходящихъ въ руки новаго владѣльца. Но, сдѣлавшись Императрицей, она не приступила къ осуществленію на практикѣ высказанныхъ ею мыслей отчасти въ виду тѣхъ исключительныхъ условій, при которыхъ вступила на престолъ, а еще болѣе подъ вліяніемъ той оппозиціи ея освободительнымъ идеямъ, которую встрѣтила въ средѣ своихъ приближенныхъ. Тѣмъ не менѣе, въ Наказѣ, данномъ въ руководство Коммиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія она, хотя и въ иной формѣ, повторила эти мысли. „Не должно", читаемъ мы въ Наказѣ, „вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ" (ст. 260). „Но", продолжаетъ далѣе Императрица, „законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества". Въ этихъ словахъ Наказа выражена та же мысль, что и въ приведенныхъ выше словахъ записки, т.е. что уничтоженіе крѣпостного права должно совершиться не вдругъ, путемъ одной общей законодательной мѣры, а постепенно, но при этомъ прибавлено, что реакція противъ неограниченности помѣщичьей власти, въ силу которой крестьянинъ утратилъ всякія имущественныя права, во всякомъ случаѣ желательна и необходима. Такимъ образомъ, вопросъ о правомѣрности крѣпостного права,

такъ или иначе, былъ затронутъ оффиціально и сталъ предметомъ обсужденія депутатовъ въ Коммиссіи. Но здѣсь даже простое предложеніе объ улучшеніи быта крѣпостныхъ не встрѣтило сочувствія среди дворянъ и вопросъ остался открытымъ. А это, въ свою очередь, несомнѣнно, повліяло на дальнѣйшую политику Импер. Екатерины по отношенію къ крѣпостнымъ. Но независимо отъ практическаго разрѣшенія, крестьянскій вопросъ былъ однако поставленъ и поставленъ впервые Екатериной; на долю ея преемниковъ осталось только его осуществленіе.

г) *Послѣдующія мѣропріятія относительно крѣпостныхъ.*

И дѣйствительно, Импер. Павелъ открылъ законодательнымъ путемъ реакцію въ пользу крѣпостныхъ. Именно, манифестомъ, изданнымъ въ день коронаціи 5 апрѣля 1797 года, онъ впервые положилъ нѣкоторую границу власти помѣщика надъ трудомъ крестьянина. Манифестъ предписывалъ, чтобы помѣщики не принуждали крестьянъ къ работѣ по праздникамъ, да и въ будни пользовались только трехдневною работою въ недѣлю, а другіе три дня недѣли оставляли крестьянамъ для работъ по ихъ крестьянскому хозяйству (Полн. Собр. Зак. N 17909). Конечно, исполненіе этого закона обусловливалось бдительнымъ надзоромъ со стороны правительства и правомъ жалобъ со стороны крестьянъ. Но ни то, ни другое условіе не было, однако, обезпечено еще какъ слѣдуетъ. На другой годъ былъ изданъ новый указъ, запрещавшій продавать въ Малороссіи крестьянъ безъ земли (Полн. Собр. Зак. N 18708). Этимъ и ограничилась реакціонная дѣятельность Имп. Павла.

Императоръ Александръ I продолжалъ дѣло, начатое его предшественникомъ. Онъ не только принималъ мѣры къ ограниченію помѣщичьей власти и къ расширенію правъ крестьянъ вообще, но и дѣлалъ попытки къ ихъ освобожденію.

Къ мѣрамъ, направленнымъ противъ чрезмѣрнаго развитія власти помѣщиковъ должны быть отнесены прежде

всего указы, ограничивавшіе право наказывать крѣпостныхъ за продерзостные поступки. Указомъ 1802 года была пріостановлена ссылка крѣпостныхъ на поселеніе по желанію помѣщиковъ „впредь до повелѣнія“ (Полн. Собр. Зак. № 20119); а въ 1811 году именнымъ повелѣніемъ было разъяснено, что ссылка крѣпостныхъ на поселеніе производится не по просьбѣ или желанію помѣщика, а по закону, причемъ, преступникъ ссылается одинъ и безъ различія лѣтъ, тогда какъ по желанію помѣщика они должны ссылаться съ женами и не старѣе 45 лѣтъ; при этомъ, для ссылки на поселеніе по приговору судебныхъ мѣстъ крѣпостной долженъ совершить не какой нибудь маловажный проступокъ, а преступленіе, въ родѣ кражи на сумму болѣе 100 рублей, пристонодержательства и т. п. (Полн. Собр. Зак. № 24707). Впрочемъ, указанныя постановленія были измѣнены въ 1822 году, когда снова было предоставлено помѣщикамъ ссылать своихъ людей, но только тѣхъ изъ нихъ, „коихъ помѣщики за пьянство и другіе продерзостные проступки, причиняющіе имъ безпокойства, имѣть при себѣ не пожелаютъ, а къ военной службѣ такіе люди окажутся негодными“ (Полн. Собр. Зак. № 28954).

За указомъ, пріостанавливавшимъ ссылку крѣпостныхъ, въ 1809 году былъ изданъ указъ, въ силу котораго отъ помѣщиковъ было отнято право отдавать крѣпостныхъ въ каторжную работу (Полн. Собр. Зак. № 23530).

Въ 1817 году былъ изданъ указъ, возстановившій законъ Петра Великаго о назначеніи опекъ для управленія имѣніями тѣхъ помѣщиковъ, которые не обезпечатъ продовольствія крестьянъ или будутъ уличены въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами (Полн. Собр. Зак. № 27266).

Изъ мѣръ, клонившихся къ расширенію правъ крестьянъ, выдающейся является отмѣна запрещенія крестьянамъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія. Указомъ 1801

года было дозволено крѣпостнымъ, но, впрочемъ, не частновладѣльческимъ, пріобрѣтать ненаселенныя имѣнія. Мотивъ этого указа слѣдующій: „желая дать новое поощреніе земледѣлію и промышленности народной соразмѣрно способамъ, какіе Россія по пространству и положенію своему имѣетъ, признали мы нужнымъ право пріобрѣтенія всякихъ подъ разными именами извѣстныхъ земель безъ крестьянъ и владѣніе всѣмъ тѣмъ, что на поверхности и въ нѣдрахъ ихъ находится, распространить на всѣхъ россійскихъ подданныхъ, кромѣ тѣхъ, кои причислены къ помѣщичьимъ владѣніямъ" (Полн. Собр. Зак. N 20075).

На ряду съ перечисленными мѣрами при Александрѣ I былъ изданъ извѣстный законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, - первое изъ освободительныхъ постановленій. Поводомъ къ изданію этого закона послужила записка, поданная Государю графомъ Румянцевымъ, сыномъ знаменитаго фельдмаршала. Въ этой запискѣ онъ предлагалъ дозволить помѣщикамъ освобождать цѣлыя селенія, „утверждая крѣпостнымъ порядкомъ участки или угодья за каждымъ крестьяниномъ особливо, или же всю дачу за обществомъ на условіяхъ, согласныхъ съ государственными узаконеніями и обоюдною пользою". Такое дозволеніе, по словамъ Румянцева, поведетъ къ постепенному уничтоженію самаго рабства, которое иное ли что, какъ положительное и ужаснѣйшее бѣдствіе" и поведетъ потому, что „многіе помѣщики находятъ выгоднымъ для себя давать свободу крестьянамъ за извѣстную плату". Государь, разсмотрѣвъ записку и считая „что таковое утвержденіе земель въ собственность крестьянъ можетъ во многихъ случаяхъ представить помѣщикамъ равныя выгоды и имѣть полезное дѣйствіе на ободреніе земледѣлія и другихъ частей государственнаго хозяйства" поручилъ Румянцеву составить проектъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Проектъ этотъ вскорѣ былъ поданъ Румянцевымъ и, по [illegible] его [illegible] Го[illegible]

Совѣтъ, былъ утвержденъ Государемъ 20 февраля 1803 года. Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ дозволялъ, какъ самому Румянцеву, такъ и тѣмъ помѣщикамъ, которые по собственному желанію послѣдуютъ его примѣру освобождать крѣпостныхъ благопріобрѣтенныхъ и родовыхъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) крестьяне могутъ отпускаться на волю и по одиночкѣ и цѣлыми селеніями съ утвержденіемъ за ними участковъ земли или цѣлой дачи,

2) условія, заключаемыя по этому поводу между помѣщикомъ и отпускаемыми на волю крѣпостными, подлежатъ утвержденію Государя, которому представляются чрезъ губернскаго предводителя дворянства и министра внутреннихъ дѣлъ;

3) крестьянинъ или цѣлое селеніе, не исполнившее принятыхъ на себя обязательствъ, возвращается по прежнему во владѣніе помѣщика съ землею и семействами;

4) отпущенные на волю могутъ причислиться къ другимъ сословіямъ; если же этого не пожелаютъ, могутъ оставаться земледѣльцами на собственныхъ земляхъ и составляютъ „особенное состояніе *свободныхъ хлѣбопашцевъ*";

5) подушный окладъ свободные хлѣбопашцы уплачиваютъ въ томъ же размѣрѣ, какъ и помѣщичьи крестьяне, рекрутскую же и земскія повинности отбываютъ наравнѣ съ казенными крестьянами;

6) пріобрѣтя землю въ собственность, свободные хлѣбопашцы получаютъ право распоряженія ею, т. е. могутъ продавать, закладывать и завѣщать, однакоже не раздробляя участковъ менѣе 8 десятинъ (Полн. Собр. Зак. N 20620).

На другой день послѣ изданія указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ были изданы правила въ руководство министру внутреннихъ дѣлъ при разсмотрѣніи условій между помѣщиками и крестьянами. На основаніи этихъ правилъ условія могли быть трехъ родовъ:

1) помѣщикъ даетъ крестьянамъ *личную свободу* съ утвержденіемъ за ними въ собственность земли за опредѣленную въ условіи сумму, которая вносится при самомъ совершеніи отпускной;

2) *при увольненіи* плата разсрочивается въ года или назначается число лѣтъ, въ продолженіе которыхъ они обязаны исполнять въ пользу помѣщика опредѣленныя повинности;

3) крестьяне, *оставаясь крѣпкими земли*, заключаютъ съ помѣщикамъ условія, на основаніи которыхъ, *владѣя его землею*, они обязываются на извѣстное число лѣтъ, по жизнь его или навсегда, исполнять извѣстныя повинности или платить оброкъ деньгами или продуктами (Полн. Собран. Зак. № 20614).

Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, несмотря на заявленіе Румянцева, что помѣщики находятъ выгоднымъ для себя освобождать крестьянъ, слабо прививался въ жизни: число освобожденныхъ было не велико не только въ царствованіе Импер. Александра Благословеннаго, но и при восшествіи на престолъ Александра II т. е. чрезъ 50 лѣтъ послѣ изданія; именно въ это время насчитывалось свободныхъ хлѣбопашцевъ до 115735 душъ.

Но если помѣщики слабо воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ, то нельзя, тѣмъ не менѣе, не признать важнаго значенія за этимъ закономъ, такъ какъ онъ ставилъ помѣщикамъ преграды къ освобожденію крестьянъ *безъ земли*, что имѣло благотворное вліяніе на судьбу освобожденныхъ.

За разсмотрѣнной мѣрой къ освобожденію крестьянъ послѣдовала и другая въ томъ же направленіи. Въ 1816 г. были освобождены крѣпостные въ Остзейскомъ краѣ, но освобожденіе это состоялось безъ земли, крестьяне получили только личную свободу. Освободивъ крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, Императоръ хотѣлъ распространить эту мѣру и на всю Россію и съ этою

цѣлью поручилъ сперва графу Канкрину, а затѣмъ Аракчееву составить проектъ освобожденія. По проекту Канкрина, крестьяне должны были выкупить у помѣщиковъ назначенную имъ землю въ теченіе 60 лѣтъ. Проектъ же Аракчеева состоялъ въ томъ, что правительство должно было выкупить крестьянъ съ землею въ казну по соглашенію съ помѣщиками, на что ежегодно правительство должно ассигновывать только по пяти милліоновъ рублей, и, такимъ образомъ, операція выкупа могла окончиться лишь черезъ очень продолжительное время. Оба эти проекта остались безъ движенія, какъ и всѣ последующіе, вплоть до 19 февраля 1861 года, когда наконецъ, совершилась отмѣна крѣпостной зависимости и крестьяне были освобождены съ земельнымъ надѣломъ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

§51) Правительствующій Сенатъ *).

Въ исторіи Сената можно различать нѣсколько эпохъ, изъ которыхъ первая обнимаетъ собою время отъ первоначальнаго его учрежденія Петромъ Великимъ до образованія Верховнаго Тайнаго Совѣта при Импер. Екатеринѣ I (1711 - 1726); вторая заключаетъ въ себѣ послѣдующія царствованія, когда во главѣ управленія стояли сперва Верховный Тайный Совѣтъ, а затѣмъ Кабинетъ (1726 - 1741); третья совпадаетъ съ царствованіемъ Импер. Елизаветы Петровны (1741 - 1762), четвертая обнимаетъ собою царствованіе Имп. Екатерины II и Импер. Павла I (1762 - 1801) и, наконецъ, пятая открывается со временъ Александра I

*) См. Петровскаго — „Сенатъ при Петрѣ Великомъ"; Филиппова — „Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета"; Градовскаго — „Высшая администрація Россіи XVIII вѣка и генералъ-прокуроры".

А. Сенатъ при Петрѣ Великомъ.

Сенатъ въ своемъ развитіи при Петрѣ Великомъ прошелъ три стадіи а) отъ 1711 до 1718 года, т е до времени учрежденія коллегій; б) 1718 до 1722 года, т.е. до учрежденія должности генералъ-прокурора, и в) отъ 1722 года до конца царствованія Петра Великаго.

а) *Сенатъ въ первое время своего существованія*. Въ началѣ XVIII вѣка (именно, въ промежутокъ времени отъ 1700 до 1704 года) Петръ Великій упразднилъ, безъ всякаго на то указа, Боярскую Думу, какъ учрежденіе, но совѣщанія съ боярами въ такъ называемой Ближней Канцеляріи, которая сама по себѣ была не болѣе, какъ личною канцеляріею Царя и учрежденіемъ постояннымъ, продолжались. Бояре-министры, какъ называли ихъ теперь, должны были съѣзжаться въ Канцелярію „на консилію" по мѣрѣ надобности для обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ Во время своихъ отлучекъ Петръ поручалъ этимъ боярамъ-министрамъ, съѣзжавшимся „на консилію", управленіе за него государствомъ, но видя медленность и нерѣшительность въ ихъ дѣйствіяхъ, отсутствіе инициативы въ рѣшеніи дѣлъ, частую неявку нѣкоторыхъ изъ нихъ на засѣданіе, рѣшилъ замѣнить эти „консиліи" въ Ближней Канцеляріи установленіемъ прочнымъ, опредѣленнымъ и постоянно дѣйствующимъ

Такимъ установленіемъ и былъ Сенатъ, указъ объ учрежденіи котораго вышелъ въ одинъ день съ объявленіемъ манифеста о войнѣ съ Турціей, т е *22 февраля 1711 г.* „Опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ", говорится въ этомъ указѣ, „Правительствующій Сенатъ для управленія" (слѣдуетъ перечень лицъ, назначенныхъ сенаторами - числомъ 9 Полн Собр Зак. N 2321) Чрезъ нѣсколько дней, именно 2 Марта, изданъ новый указъ, опредѣлявшій власть Сената: „Повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ военнаго и земскаго управленія вышнимъ и ниж-

нимъ чинамъ, что мы для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ опредѣлили Управительный Сенатъ, *которому всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ такъ, какъ намъ самому подъ жестокимъ наказаніемъ или смертію, по винѣ смотря*" (Полн. Собр. Зак. N 2328). Тогда же Сенатъ получилъ отъ Государя и первую инструкцію, „что по отбытіи Его дѣлать". Здѣсь предписывалось Сенату:

1) „Судъ имѣть нелицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія, тожъ и ябедникамъ да послѣдуетъ"

2) „Смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ и ненужные оставить".

3) „Денегъ какъ возможно сбирать, понеже деньги суть артеріею войны"

4) „Дворянъ собрать молодыхъ для запасу въ офицеры"

5) „Векселя исправить и держать въ одномъ мѣстѣ"

6) „Товары, которые на откупахъ, посмотрѣть и посвидѣтельствовать"

7) „О соли стараться отдать на откупъ"

8) „Торгъ китайскій, сдѣлавъ компанію добрую, отдать"

9) „Персидскій торгъ умножить"

10) „Учинить фискаловъ во всѣхъ дѣлахъ" (Полн. Собр. Зак. N 2330).

Разумѣется, инструкція эта не исчерпывала всѣхъ предметовъ вѣдомства Сената, она указывала только на тѣ дѣла, которыми Сенатъ долженъ былъ заняться немедленно по отъѣздѣ Государя. Кругъ вѣдомства Сената выходилъ далеко за предѣлы указанного инструкціей: въ его рукахъ была не только вся правительственная и судебная дѣятельность, но и власть законодательная, и надзоръ за дѣйствіями всѣхъ установленій въ государствѣ. Въ это первое время своего существованія Сенатъ является вполнѣ представителемъ Государя, „онъ собирается", какъ сказано

въ указѣ, „вмѣсто собственной Его Величества персоны", т. е. вѣдаетъ то, что вѣдалъ бы самъ государь, если бы не мѣшали этому частыя его отлучки изъ предѣловъ государства.

Для осуществленія нѣкоторыхъ своихъ функцій Сенатъ нуждался въ помощникахъ. Такъ, онъ былъ поставленъ въ непосредственное отношеніе къ управленію не только центральному, но и мѣстному; между нимъ и учрежденными въ 1708 году губерніями не было посредствующихъ инстанцій. Всѣ представленія изъ губерній поступали прямо въ Сенатъ. Для установленія правильныхъ сношеній между губерніями и Сенатомъ, при послѣднемъ поставлены два комиссара отъ губерній. Они обязаны принимать отъ Сената указы, пересылать ихъ губернаторамъ и сообщать Сенату о всѣхъ дѣлахъ своихъ губерній.

Для облегченія возложенной на Сенатъ задачи надзора за всѣми дѣйствіями правительственныхъ органовъ, за исполненіемъ ими указовъ, за нелицепріятнымъ отправленіемъ правосудія, за правильнымъ сборомъ казенныхъ доходовъ, за неутѣсненіемъ народа, Петръ учреждаетъ фискаловъ, съ оберъ-фискаломъ во главѣ, состоящимъ при Сенатѣ и имѣющимъ цѣлую сѣть подчиненныхъ себѣ фискаловъ въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ. При оберъ-фискалѣ, по указу 1714 года, состояли 4 помощника; въ каждую губернію назначенъ провинціалъ-фискалъ съ тремя помощниками; во всѣ города, „смотря по препорціи (т. е. по величинѣ) города", — одинъ или два фискала. На фискаловъ, по указу 1711 года, возложена обязанность „надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, также въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, то долженъ фискалъ позвать его предъ Сенатъ (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличать, и буде уличитъ кого, то половина штрафа въ казну, а другая ему, фискалу; буде же и не уличитъ, отнюдь фискалу въ вину не ставить, ниже

досадовать подъ жестокимъ наказаніемъ и разореніемъ всего имѣнія" (Полн. Собр. Зак. N 2331). Впрочемъ, впослѣдствіи за неправильный доносъ, на фискаловъ возложена отвѣтственность; именно, если фискалъ не докажетъ ничего изъ взведеннаго имъ на обвиняемаго, однакожъ ежели оный то учинилъ ни для какой корысти, или злобы, то взять штрафъ съ него легкой, дабы впредь лучше осмотрясь доносилъ. Буде же фискалъ какой ради страсти или злобы затѣетъ и предъ судомъ подлинно и истинно отъ того, на кого то взвелъ, обличенъ будетъ, то оному, яко преступнику, тожъ учинить что довелось было учинить тому, еслибъ по его доносу подлинно виноватъ былъ" (Полн Собр Зак. N 2786).

Для завѣдованія служилымъ сословіемъ, при Сенатѣ учреждается особый разрядный столъ, куда переходятъ всѣ дѣла, сосредоточивавшіяся до этого времени въ Разрядномъ Приказѣ, который упраздняется.

Наконецъ, для завѣдованія дѣлопроизводствомъ учреждается канцелярія, состоящая подъ управленіемъ оберъ-секретаря изъ дьяковъ и подъячихъ трехъ статей.

Съ такою организаціей, властью, предметами вѣдомства и установленіями, при немъ состоящими, вступаетъ Сенатъ въ жизнь, въ качествѣ временнаго учрежденія, созданнаго для управленія государствомъ лишь при отсутствіи государя; но затѣмъ, онъ переходитъ въ установленіе постоянное, хотя и не остается при одномъ и томъ же устройствѣ, данномъ ему первоначально, а измѣняется въ зависимости отъ требованій времени. Первое преобразованіе Сената наступаетъ въ 1718 году.

б) *Сенатъ со времени учрежденія коллегій (1718 - 1722).* Въ этомъ году Петръ Великій упраздняетъ приказы и замѣняетъ ихъ коллегіями съ систематическимъ распредѣленіемъ между ними всѣхъ отраслей государ-

ственнаго управленія. Это обстоятельство повліяло на устройство и предметы вѣдомства Сената. Сенатъ составляется теперь изъ президентовъ коллегій и становится учрежденіемъ съ періодическими засѣданіями, когда съѣдутся президенты для обсужденія дѣлъ, а съѣзжаться они обязаны тогда, когда „кому въ коллегіи такое дѣло случиться что ему одному того учинить невозможно" (Полн. Собр. Зак. № 3264). Всѣ же текущія административныя задачи, „учинить" которыя возможно, отходятъ отъ Сената къ коллегіямъ.

Между Сенатомъ и мѣстными установленіями становятся теперь посредствующія инстанціи, коллегіи, по отношенію къ которымъ въ дѣлѣ управленія Сенатъ получаетъ значеніе высшей инстанціи съ правомъ надзора за ихъ дѣятельностью, которую направляетъ и объединяетъ. Вмѣстѣ съ прекращеніемъ непосредственныхъ сношеній съ мѣстными властями, которымъ предписывается обращаться къ Сенату только въ крайнихъ случаяхъ „яко о начатіи войны, мора, какого замѣшанія (т.е. мятежа) или какихъ припадковъ", съуживаются и судебныя функціи Сената, такъ какъ всѣ дѣла судебныя перешли къ Юстицъ-Коллегіи, переносъ дѣла изъ которой въ Сенатъ допускался только тогда, когда челобитную о томъ подпишетъ самъ Государь (Полн. Собр. Зак. № 3261).

Съ измѣненіемъ отношеній между Сенатомъ и областными установленіями должно было измѣниться и положеніе коммиссаровъ отъ губерній и, дѣйствительно, хотя они и остаются при Сенатѣ, но вся ихъ дѣятельность теперь ограничивается лишь передачею корреспонденціи между Сенатомъ, коллегіями и разными канцеляріями съ одной стороны и губернаторами и воеводами провинцій съ другой.

Далѣе, происходитъ измѣненіе и въ составѣ фискаловъ: оберъ-фискалъ изъ государственнаго фискала становится фискаломъ при Юстицъ-Коллегіи, а государ-

ственнымъ долженъ былъ сдѣлаться генералъ-фискалъ при Сенатѣ, но до 1723 года таковой назначенъ не былъ, а въ замѣну оберъ-фискала учреждено помѣсячное дежурство въ Сенатѣ штабъ-офицеровъ гвардіи. При каждой коллегіи теперь долженъ былъ находиться свой фискалъ.

Итакъ, съ учрежденіемъ коллегій вносится въ Сенатъ перемѣна въ личномъ составѣ и организаціи, перемѣна въ отношеніяхъ къ другимъ установленіямъ, перемѣна въ судебномъ его значеніи, вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и его канцелярія, гдѣ, вмѣсто прежнихъ дьяковъ и подъячихъ, подъ начальствомъ оберъ-секретаря явились секретари, нотаріусъ, актуаріусъ, регистраторъ и проч. Но нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій просуществовали недолго. Въ 1722 году Сенатъ вступилъ въ третью и послѣднюю стадію своего образованія при Петрѣ.

в) *Сенатъ со времени учрежденія генералъ-прокурора (1722 - 1726).* 12 января 1722 года издается указъ, измѣняющій снова составъ Сената и устанавливающій при немъ нѣсколько новыхъ должностей.

По устройству 1718 года Сенатъ состоялъ, какъ мы видѣли, изъ президентовъ коллегій и вмѣстѣ съ тѣмъ являлся учрежденіемъ, контролирующимъ эти послѣднія. Само собою разумѣется, что контролировать коллегіи и рѣшать дѣла по апелляціямъ на нихъ Сенатъ не могъ, такъ какъ членами контролирующаго учрежденія состояли тѣ же лица, которыя стояли во главѣ установленій, подлежащихъ контролю. Находя подобное устройство неудобнымъ и сознаваясь въ указѣ, что „сіе сначала не смотря учинено было, ибо необходимо чтобы члены Сената, смотрѣли надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ, а нынѣ сами будучи въ оныхъ, какъ могутъ сами себя судить“, Петръ назначаетъ сенаторами другихъ сановниковъ государства, изъ президентовъ же коллегій оставляетъ въ

немъ только президентовъ Военной, Адмиралтейской, Иностранной и Бергъ Коллегiй. Такою перемѣною въ составѣ все гражданское управленiе было теперь дѣйствительно подчинено Сенату и чтобы усилить его контролирующую власть Государь велѣлъ „Ревизiонъ Коллегiи быть въ Сенатѣ, понеже дѣло едино есть, что и Сенатъ дѣлаетъ", т. е. уничтожилъ ту коллегiю, которая, какъ показываетъ самое названiе, была учреждена для ревизiи, контроля и, главнымъ образомъ, для контроля финансоваго управленiя

Создавая указомъ 12 января 1722 года изъ Сената высшее надзирающее учрежденiе, Петръ незадолго до этого отнимаетъ у него право издавать указы, что либо вновь устанавливающiе. На одномъ докладѣ Императоръ собственноручно написалъ, что „если какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленiи генеральномъ, то не должно ни въ Синодѣ, ни въ Сенатѣ безъ подписанiя нашей руки чинить" Но отнимая законодательную власть, Петръ однако предоставляетъ Сенату широкое участiе въ дѣлѣ законодательства чрезъ дозволенiе всегда, когда онъ найдетъ въ какомъ либо законѣ темноту, противорѣчiе, или, наконецъ, просто отсутствiе на что либо закона - составлять проекты и представлять ихъ на разсмотрѣнiе и утвержденiе Государя.

Этими указами Сенатъ обращался въ учрежденiе независимое по составу отъ коллегiй и надѣлялся обширнымъ правомъ надзора за всѣмъ управленiемъ и правомъ участiя въ законодательной иницiативѣ, - функцiями, принадлежащими ему и въ настоящее время.

На ряду съ этими перемѣнами въ составѣ и власти Сената указомъ 12 января 1722 года было учреждено, какъ сказано выше, нѣсколько новыхъ должност-

ныхъ лицъ. Таковы должности экзекутора, герольдмейстера, генералъ-рекетмейстера и генералъ-прокурора.

На обязанности экзекутора лежалъ надзоръ за своевременнымъ отправленіемъ и исполненіемъ указовъ Сената.

[illegible]ніе должности герольдмейстера и предметъ его вѣдомства были указаны уже выше при изученіи обязанностей дворянства и тѣхъ учрежденій, которыя слѣдили за исполненіемъ этихъ обязанностей.

Что касается должности рекетмейстера, то въ ней сосредотачивается надзоръ Сената за отправленіемъ правосудія. Еще при первоначальномъ образованіи Сената, ему поручалось, какъ мы видѣли, «суда имѣть нелицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія». Отправленіе этого „нелицемѣрнаго суда“ и надзоръ за правосудіемъ возложены были на установленіе, унаслѣдованное отъ Боярской Думы, — расправную палату, которая, состоя при Сенатѣ, имѣла свой особый составъ. Ея разсмотрѣнію, какъ высшей судебной инстанціи, подлежали всѣ вообще дѣла, за исключеніемъ наиболѣе важныхъ, разрѣшавшихся самимъ Сенатомъ. Съ учрежденіемъ коллегій, послѣднею инстанціею по судебнымъ дѣламъ для всей территоріи государства была объявлена Юстицъ-Коллегія и въ ея вѣдѣніе переданы всѣ дѣла расправной палаты. Но на рѣшенія Юстицъ-Коллегіи дозволено было жаловаться въ Сенатъ, но не непосредственно, а чрезъ оберъ-секретаря Сената, на котораго возложенъ пріемъ челобитныхъ и докладъ ихъ Государю; „буде вышній“, говорится въ указѣ 1718 года, „тотъ Коллегіи-Юстиціи судъ, какою своею впредь неисправою, челобитчикамъ правосуднаго рѣшенія не учинитъ, тогда о томъ именно со изъясненіемъ прямыхъ важныхъ и правыхъ, а не притворныхъ причинъ, подавать челобитныя секретарю сенатскому, который, выслушавъ челобитную, представитъ ихъ нашему величеству,

которыя челобитныя будетъ подписывать царское величество самъ" (Полн. Собр. Зак. № 3261). Въ Сенатъ, какъ было сказано выше, поступали только челобитныя подписанныя Государемъ. Но такъ какъ сенатскій оберъ-секретарь былъ занятъ и другими дѣлами по канцеляріи, то Петръ рѣшилъ для пріема челобитныхъ учредить особую должность: эта должность и есть генералъ-рекетмейстеръ.

Указомъ 1720 года повелѣвалось „ради пріема челобитенъ такихъ, въ которыхъ объявлять будутъ челобитчики на Коллегіи, или на которую Канцелярію о многовременныхъ челобитчиковыхъ волокитахъ..., или кому изъ иностранныхъ въ какихъ долгахъ и въ счетахъ и о недоданномъ и заслуженномъ жалованьѣ надлежитъ бить челомъ, а оные люди о такихъ своихъ дѣлахъ не знаютъ, гдѣ челобитныя подавать, опредѣлить особаго человѣка, персону знатную, а съ нимъ быть секретарю, и тѣ челобитныя принимать имъ, и разсматривая, понуждать, чтобъ по тѣмъ челобитнымъ въ Коллегіяхъ и въ Канцеляріяхъ дѣла рѣшили въ указные сроки, безъ всякаго продолженія, какъ о томъ генеральной регламентъ и инструкціи и его государевы указы повелѣваютъ, и требовать о томъ изъ оныхъ Коллегій и Канцелярій извѣстія о рѣшеніи оныхъ, или зачѣмъ по которому дѣлу рѣшенія вскорѣ учинить не можно. А которыя челобитныя будутъ подавать на Коллегіи и на Канцеляріи въ неправосудіи, или такія челобитныя, которыхъ имъ собою помѣтить невозможно: и по такимъ докладывать Правительствующему Сенату, и тому имѣть имъ записныя книги, и для того при Сенатѣ опредѣлить имъ особое мѣсто" (Полн. Собран. Зак. № 3581).

Такимъ образомъ, генералъ-рекетмейстеру (названіе, данное разсматриваемой должности въ 1722 году) поручается пріемъ жалобъ на коллегіи, причемъ, если жалобы касаются волокиты, то онъ обязанъ понуждать ихъ къ скорѣйшему рѣшенію, если же жалобы поданы

на неправое рѣшеніе - долженъ перенести дѣло въ Сенатъ. При этомъ онъ докладывалъ жалобы сперва Императору и, по его надписи, требовалъ дѣло изъ коллегій для доклада Сенату. Кромѣ того, къ генералъ-рекетмейстеру направляются и иностранцы, незнакомые съ судебными порядками Россіи и онъ обязанъ давать имъ нужныя разъясненія.

Надѣленный такими обязанностями генералъ-рекетмейстеръ является отвѣтственнымъ за злоупотребленія предъ Сенатомъ, куда дозволяется „бить на него челомъ, буде для какой страсти онъ челобитень принимать не будетъ и тѣмъ учинитъ челобитчикамъ волокиты и убытки".

Генералъ-рекетмейстеръ облегчилъ занятія Сената по надзору за скорымъ въ указное время рѣшеніемъ дѣлъ и получилъ важное значеніе, какъ блюститель скораго и справедливаго правосудія.

Но самою важною должностью при Сенатѣ за это время была должность генералъ-прокурора, вызванная необходимостью контроля и надзора за дѣятельностью Сената, не всегда удовлетворявшею Петра Великаго. Учрежденные при первоначальномъ образованіи Сената фискалы являлись органами тайнаго надзора за всѣми установленіями и, состоя при Сенатѣ, подчиняясь ему, были, такъ сказать, средствомъ сенатскаго надзора въ губерніяхъ и другихъ мѣстахъ управленія. Открытый надзоръ за правильнымъ отправленіемъ дѣлъ въ Сенатѣ фискаламъ порученъ не былъ. Для такого надзора была создана прокуратура. Но она появилась не вдругъ, а вырабатывалась постепенно. Въ 1715 году была учреждена должность генералъ-ревизора, или надзирателя указовъ, постоянно присутствующаго въ засѣданіяхъ Сената и наблюдающаго за исполненіемъ его указовъ. Должность генералъ-ревизора существовала недолго, - до 1718 года, а въ 1720 ея функціи были переданы оберъ-секретарю, на котораго, сверхъ прямыхъ его обязанностей по канцеляріи Сената, воз-

ложенъ какъ наблюденіе за порядкомъ въ засѣданіяхъ сенаторовъ, „чтобъ суетныхъ разговоровъ, криковъ и прочаго не было", такъ и надзора за правильностью и законностью всѣхъ дѣйствій Сената (Полн. Собр. Зак. N 3264). Но чрезъ годъ оберъ-секретарь былъ освобожденъ отъ должности надзирателя за Сенатомъ, такъ какъ Петръ, намѣреваясь поручить надзоръ генералъ-фискалу, призываетъ на время къ осуществленію его обязанностей по отношенію къ Сенату штабъ-офицеровъ гвардіи, „понеже государственнаго фискала вскорѣ еще выбрать не можемъ" (Полн. Собр. Зак. N 3721). Однако, Петръ не поручаетъ надзора за Сенатомъ генералъ-фискалу, а создаетъ для надзора за всѣми вообще установленіями Имперіи въ 1720 г. должность генералъ прокурора съ подчиненными ему прокурорами, государ же фискала назначаетъ только въ 1723 году.

Генералъ-прокуроръ со своимъ помощникомъ въ лицѣ оберъ-прокурора состоитъ при Сенатѣ; при коллегіяхъ и надворныхъ судахъ состоятъ подчиненные ему прокуроры.

Генералъ-прокуроръ обязанъ постоянно присутствовать на сенатскихъ засѣданіяхъ и наблюдать за правильнымъ, по порядку, докладомъ дѣлъ, за спокойнымъ, безъ шума и брани, обсужденіемъ ихъ сенаторами и за согласнымъ съ законами рѣшеніемъ ихъ. Если сенаторы допускали въ засѣданіи излишніе разговоры и брань, то для прекращенія этого генералъ-прокуроръ пользуется тѣми же средствами, какія были прежде предоставлены оберъ секретарю и офицерамъ гвардіи, т.е. назначаетъ по песочнымъ часамъ срокъ для обсужденія вопроса, одерживаетъ порывы пылкихъ сенаторовъ, штрафуетъ ихъ за брань, а въ важныхъ случаяхъ доноситъ Государю. Если же сенаторы дѣлали постановленіе, противное регламентамъ, уложенію и именнымъ указамъ, то генералъ-прокуроръ своимъ [illegible] останавливаетъ исполненіе такого постановленія [illegible] Императорскому Величеству.

Наблюдая за внѣшнимъ порядкомъ въ сенатскихъ засѣданіяхъ и за законностью дѣйствій Сената, генералъ-прокуроръ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, начальникомъ канцеляріи Сената и, въ этомъ качествѣ, обязанъ наблюдать за тѣмъ, „чтобъ въ Сенатѣ не на столѣ только дѣла вершились, а самымъ дѣйствіемъ по указамъ исполнялись". Какъ только указъ былъ подписанъ сенаторами, генералъ-прокуроръ чрезъ подчиненныхъ ему органовъ, или съ особыми нарочными разсылалъ указъ по коллегіямъ и губерніямъ, записывая въ имѣющуюся въ канцеляріи книгу время его посылки и время исполненія. Если указы Сената проходятъ черезъ руки генералъ-прокурора, то, съ другой стороны, и всѣ рапорты и доношенія мѣстъ, подчиненныхъ Сенату, поступаютъ въ послѣдній чрезъ канцелярію, а, слѣдовательно, чрезъ начальника ея, генералъ-прокурора.

Начальство надъ канцеляріей и широкій надзоръ за Сенатомъ сдѣлали изъ генералъ-прокурора могущественную должность, умалившую власть сенатскаго присутствія; но умаленіе власти послѣдняго не должно смѣшивать съ ограниченіемъ власти самого Сената, учрежденіе генералъ-прокуратуры не ограничило этой власти; напротивъ, чрезъ эту должность Сенатъ сталъ въ непосредственную и постоянную связь съ монархомъ и получилъ лучшія средства надзора за всѣми учрежденіями и лицами. Генералъ-прокуроръ, это „око государево", по выраженію Петра Великаго, „и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ", чрезъ подчиненныхъ ему прокуроровъ при коллегіяхъ и надворныхъ судахъ, обращаетъ вниманіе Сената на всѣ упущенія въ администраціи и судѣ, представляетъ ему всякія отношенія прокуроровъ, по которымъ Сенатъ дѣлаетъ свои опредѣленія. Призванный „накрѣпко смотрѣть, дабы Сенатъ должность свою хранилъ и во всѣхъ дѣлахъ поступалъ истинно, ревностно и порядочно, безъ потерянія времени", генералъ-прокуроръ стоялъ у Сената все-

можность злоупотреблять своею властью, но не лишилъ его того значенія, которое принадлежало ему во все царствованіе Петра Великаго, какъ органу верховнаго управленія и надзора.

Въ заключеніе обзора Сената при Петрѣ надо замѣтить, что первоначально Сенатъ былъ учрежденъ въ Москвѣ, гдѣ съ перемѣщеніемъ его въ 1714 году въ Петербургъ устроивается канцелярія сенатскаго правленія, исполнявшая различныя порученія Сената. Въ 1722 году Петръ учреждаетъ въ Москвѣ по конторѣ отъ каждой коллегіи и надъ ними сенатскую контору.

Контора эта состояла подъ председательствомъ ежегодно назначавшагося сенатора, изъ членовъ коллежскихъ конторъ и двухъ ассесоровъ. При ней находились также прокуроръ, экзекуторъ и нѣсколько канцелярскихъ чиновниковъ. Отношеніе конторы къ Сенату было подчиненное, какъ и отношеніе всѣхъ вообще присутственныхъ мѣстъ къ Сенату: отъ него она получала указы и сносилась съ нимъ доношеніями и рапортами. Отношеніе сенатской конторы къ конторамъ коллежскимъ было такое же, какъ отношеніе Сената къ коллегіямъ: такъ, она наблюдала за исполненіемъ со стороны ихъ указовъ, за своевременнымъ и правильнымъ рѣшеніемъ въ нихъ дѣлъ; она же рѣшала и тѣ дѣла, которыя не могли быть рѣшены властью коллежскихъ конторъ. Дѣла, превышавшія власть конторы, она представляла на рѣшеніе Сената: такъ напр. на утвержденіе Сената представляла она всѣ приговоры, которыми осуждались виновные на физическую или политическую смерть и на ссылку на галеры (Полн. Собр. Зак. N 3951).

Такова исторія Сената въ царствованіе Петра Великаго. Не смотря на всѣ измѣненія, происшедшія въ этотъ 14 - лѣтній періодъ его первоначальнаго существованія Правительствующій Сенатъ былъ въ дѣйствительности таковымъ, т. е. органомъ верховнаго упра-

вленія, направлявшимъ дѣятельность всѣхъ административныхъ и судебныхъ установленій Имперіи и сосредоточивавшимъ въ себѣ надзоръ за ихъ дѣйствіями Могущественный помощникъ Императора, его „высокоповѣренный", Сенатъ наиболѣе всего, по мнѣнію Петра Великаго, соотвѣтствовалъ требованіямъ законной монархіи, гдѣ воля монарха должна выражаться чрезъ коллегію, „дабы не клеветали", какъ онъ выражался, „непокоривые человѣцы, что се или оное силою паче или по прихотямъ своимъ, нежели судомъ или истиною заповѣдаетъ монархъ".

Но со смертью Петра эта первенствующая коллегія была вытѣснена изъ области управленія верховнаго и принуждена уступить свое мѣсто инымъ установленіямъ.

Б. Сенатъ въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета

а) *Сенатъ при Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.* Императрица Екатерина I, находя, что сенаторы, обремененные массою разныхъ дѣлъ, не имѣютъ возможности надлежащимъ образомъ заниматься важнѣйшими государственными вопросами, указомъ 8 февраля 1726 года учреждаетъ совѣтъ при своей особѣ изъ шести лицъ подъ непосредственнымъ своимъ предсѣдательствомъ, получившій названіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ облегченіе Императрицы государственнаго управленія, этому Совѣту поручается рѣшеніе всѣхъ важныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ; въ виду этого предписывается, чтобы никакіе указы не издавались до тѣхъ поръ, „пока они въ Тайномъ Совѣтѣ совершенно не состоялись" и чтобы всѣ важнѣйшія дѣла, требующія высочайшаго разрѣшенія, представлялись въ Совѣтъ.

Неопредѣленность круга предоставленной Верх. Тайн. Совѣту дѣятельности открыла послѣднему широкій просторъ къ постепенному захвату въ свои руки всѣхъ отраслей государственнаго управленія и къ лишенію

Сената того значенія, которымъ онъ пользовался, какъ правительствующее учрежденіе.

Сенатъ занялъ теперь второстепенное мѣсто, сообразно чему измѣнилось и самое его названіе: ему велѣно именоваться не „Правительствующимъ“, а „высокимъ“. Впрочемъ, по отношенію ко всѣмъ остальнымъ установленіямъ Имперіи Сенатъ и теперь остался высшимъ учрежденіемъ; только съ Коллегіями Военной, Адмиралтейской и Иностранныхъ Дѣлъ онъ поставленъ наравнѣ. Эти послѣднія, а съ ними вмѣстѣ и Сенатъ, какъ равное имъ учрежденіе, подчинены непосредственно Верх. Т. Совѣту: на ихъ рѣшенія предписано аппелировать въ Совѣтъ. Вмѣстѣ съ этимъ, Сенатъ перестаетъ быть органомъ надзора; послѣдній переходитъ къ Верх. Т. Совѣту, который слѣдитъ за всѣми установленіями, не исключая Сената, обязаннаго представлять свои отчеты Совѣту. Судебныя функціи Сената также съуживаются: важнѣйшія уголовныя дѣла, по которымъ преступники приговариваются къ смертной казни или политической смерти, вносятся на разсмотрѣніе Совѣта.

Съ измѣненіемъ значенія и власти Сената происходятъ значительныя измѣненія и во внутреннемъ его устройствѣ: Ревизіонъ-Коллегія снова отдѣляется отъ Сената и подчиняется Верховному Т. Совѣту; должность генералъ-рекетмейстера упраздняется, а его дѣла передаются оберъ - прокурору. Наконецъ, должность генералъ - прокурора фактически уничтожается, такъ какъ бывшій тогда генералъ - прокуроръ Ягужинскій получилъ иное назначеніе и на его мѣсто никто не былъ назначенъ.

Въ описанномъ положеніи находится Сенатъ въ теченіи двухъ царствованій - Императрицы Екатерины I и Императора Петра II; съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны положеніе это улучшается, но не надолго

б) Сенатъ въ правленіе Кабинета. За свои дѣйствія при избраніи на престолъ Импер. Анны Іоанновны, Верх. Т. Совѣтъ, какъ извѣстно, былъ упраздненъ и въ отвѣтъ на просьбу шляхетства, указомъ 4 Марта 1730 года возстановленъ Правительствующій Сенатъ. Желая обезпечить за послѣднимъ его прежнее значеніе, Императрица даетъ ему новую организацію: въ составъ Сената входятъ теперь 21 сенаторъ; для освобожденія же Сената изъ подъ вліянія канцеляріи, онъ дѣлится впервые на 5 департаментовъ, состоящихъ изъ 4 или 5 сенаторовъ. Департаменты эти самостоятельнаго значенія не имѣютъ: они обсуждаютъ дѣла только предварительно, подготовляя ихъ тѣмъ къ слушанію въ общемъ собраніи всего Сената. Дѣла же распредѣляются между департаментами слѣдующимъ образомъ: первому департаменту поручается завѣдываніе дѣлами духовными, „въ чемъ они Правительствующаго Сената касаться могутъ". Второй департаментъ обсуждаетъ дѣла управленія военно-сухопутными и морскими силами, третій вѣдаетъ государственные доходы и расходы; четвертый — дѣла челобитчиковы и Юстицъ-Коллегіи и, наконецъ, въ пятомъ сосредоточиваются дѣла по торговлѣ и промышленности.

Вмѣстѣ съ возстановленіемъ Сената возстановляются и упраздненныя должности генералъ-рекетмейстера и генералъ-прокурора на прежнихъ основаніяхъ.

Такимъ образомъ, Сенату предстояло, по видимому, занять тоже первенствующее положеніе, въ какомъ онъ находился при Петрѣ Великомъ, и снова взять въ свои руки все управленіе государствомъ. Но чрезъ полтора года эта роль переходитъ къ новому учрежденію.

Указомъ 19 ноября 1731 года учреждается при особѣ Государыни совѣтъ подъ именемъ Кабинета для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ

государственныхъ дѣлъ къ нашему всемилостивѣйшему разрѣшенію подлежащихъ"

Кабинетъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ Императрицы изъ трехъ сановниковъ, получившихъ названіе кабинетъ-министровъ. Въ рукахъ этого установленія сосредоточиваются различныя дѣла, но, главнымъ образомъ, дѣла управленія финансоваго; ему же порученъ надзоръ за всѣми установленіями Имперіи: „Сенату, Синоду, Коллегіямъ, Приказамъ и Канцеляріямъ", говорится въ указѣ, „подавать въ Кабинетъ ежемѣсячные рапорты о челобитчиковыхъ дѣлахъ для усмотрѣнія безволокитно-ль онымъ рѣшенія бываютъ" (Полн. Собр. Зак. N 5872). Отнимая у Сената управленіе важнѣйшими государственными дѣлами, подчиняя его своему надзору и контролю, Кабинетъ лишаетъ его и права издавать указы, присвоивая это право себѣ въ силу того постановленія, по которому указъ, подписанный тремя кабинетъ-министрами, получаетъ значеніе равное указу самой Государыни.

Сенатъ снова, слѣдовательно, низводится на степень такого же второстепеннаго установленія, какимъ онъ былъ въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и въ этомъ подчиненномъ положеніи остается до вступленія на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны.

б. Сенатъ при Императрицѣ Елизаветѣ.

Импер. Елизавета вскорѣ послѣ своего воцаренія, именно, 12 декабря 1741 года издаетъ указъ, которымъ Сенатъ возстановляется снова на Петровскихъ началахъ. Указъ этотъ, относя непорядки въ области управленія, въ силу которыхъ „произошло многое упущеніе дѣлъ государственныхъ внутреннихъ всякаго званія, а правосудіе весьма въ слабость пришло", на счетъ дѣйствій Верховнаго Тайнаго Совѣта и „отличнаго отъ него только по имени" Кабинета, учрежденныхъ „по проискамъ нѣкоторыхъ" съ цѣлью умаленія существа Сената, повелѣвалъ къ отвращенію бывшихъ

до сего времени непорядков въ правленіи государства Правительствующій нашъ Сенатъ да будетъ имѣть прежде бывшую силу и власть въ правленіи *внутреннихъ* всякаго званія государственныхъ дѣлъ на основаніи имѣющихся въ Сенатѣ указовъ и регламентовъ".

Возстановленный Сенатъ переводится снова въ Москву, а въ Петербургѣ оставляется Сенатская Контора. Въ составъ Сената входить теперь 14 членовъ. Изъ указа видно, что ему поручено управленіе только *внутренними* дѣлами; для управленія же важнѣйшими внѣшними дѣлами была учреждена этимъ же указомъ 12 декабря 1741 года Конференція при Высочайшемъ Дворѣ, которая поставлена въ равное положеніе съ Сенатомъ (Полн. Собран. Законовъ. N 8480).

Въ области отмежеваннаго Сенату внутренняго управленія, ему принадлежалъ обширный кругъ вѣдомства. Важнѣйшія финансовыя дѣла, военная администрація, дѣла внутренней безопасности, заботы о народномъ благосостояніи, мѣры для содѣйствія развитію торговли и промышленности, попеченіе о народномъ образованіи, дѣла, касающіяся Малороссіи, иностранныхъ переселенцевъ, внутренняго благоустройства - все это сосредоточивалось въ рукахъ Правительствующаго Сената.

Далѣе, ему, по прежнему, принадлежала высшая судебная власть: онъ былъ послѣдней аппеляціонной инстанціей по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ.

Наконецъ всѣ части управленія и всѣ присутственныя мѣста Имперіи находились не только подъ его надзоромъ и строгимъ контролемъ, но и въ полной отъ него зависимости: даже духовное вѣдомство во главѣ съ Сvнодомъ было поставлено въ нѣкоторую зависимость отъ Сената: оберъ-прокуроръ Сvнода не имѣлъ права дѣлать непосредственныхъ докладовъ Императрицѣ,

всѣ его доклады поступали сперва къ генералъ-прокурору Сената и чрезъ него уже восходили на докладъ Государынѣ. При такихъ обширныхъ полномочіяхъ значеніе Сената увеличивалось еще и тѣмъ, что онъ въ большинствѣ случаевъ и, притомъ, особенно важныхъ, присвоивалъ себѣ роль законодателя. Такъ, напр., своею властью онъ пріостановилъ смертную казнь, смягчилъ тѣлесныя наказанія, принималъ чрезвычайныя мѣры при народныхъ бѣдствіяхъ.

Чтобы понять всю силу и значеніе Сената при Елизаветѣ, достаточно привести ту характеристику послѣдняго, которую сдѣлала впослѣдствіи Екатерина II въ своемъ „секретнѣйшемъ наставленіи" генералъ-прокурору кн. Вяземскому. „Сенатъ", говоритъ она, „установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ; а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, однимъ словомъ, почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случилось слышать въ Сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ Сенатъ представить, до чего однакожъ я тогда не допустила, но говорила господамъ присутсвующимъ, что сему радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ. Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, если оные не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а напослѣдокъ и ко мнѣ".

Такимъ образомъ, Сенатъ въ теченіе 20-лѣтняго царствованія Импер. Елизаветы Петровны былъ не только „правительствующимъ", но и „управительнымъ" въ полномъ значеніи этого слова; онъ не только *направлялъ и контролировалъ* дѣятельность другихъ государственныхъ органовъ, но и *управлялъ* лично дѣлами государства; передъ нимъ смолкли всѣ другія государственныя установленія, стали простыми помощни-

ками въ области внутренняго его управленія, послушными проводниками его воли: Сенатъ былъ все во всемъ. Правда, къ концу царствованія Елизаветы Конференція при Высочайшемъ Дворѣ получаетъ право рѣшать важнѣйшія внутреннія дѣла; въ это время за подписью ея членовъ издаются Высочайшіе указы. Несмотря, однако, на такое расширеніе круга вѣдомства Конференціи, установленіе это не получило той власти и значенія, которыя принадлежали когда-то Верховному Тайному Совѣту и Кабинету. Императрица продолжала смотрѣть на Сенатъ, какъ на „*первое* государственное мѣсто по своей должности и по данной ему власти", и, слѣдовательно, порученіе Конференціи нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ съузило нѣсколько объемъ компетенціи Сената, но не нанесло никакого ущерба его положенію среди другихъ государственныхъ установленій. Конференція была упразднена Импер. Петромъ III и дѣла ея переданы въ Иностранную Коллегію и Сенатъ.

V. Сенатъ
при Импер. Екатеринѣ II и Импер. Павлѣ I

Съ воцареніемъ Имп. Екатерины II положеніе Сената снова измѣняется. Время ея царствованія есть время частныхъ преобразованій разсматриваемаго нами учрежденія, преобразованій, лишившихъ Сенатъ его политическаго значенія и оставившихъ за нимъ лишь судебныя и правительственныя функціи, изъ которыхъ послѣднія de facto становятся незначительными и, слѣдовательно, Сенатъ сохраняетъ значеніе только судебнаго установленія, да органа надзора за точнымъ исполненіемъ законовъ. Но de jure въ теченіе всего своего царствованія Екатерина II признавала и подтверждала значеніе Сената, какъ высшаго правительственнаго и судебнаго установленія Имперіи.

Черезъ полтора года по восшествіи Имп. Екатерины на престолъ послѣдовало снова измѣненіе въ устрой-

ствѣ Сената. Считая необходимымъ ускорить теченіе дѣлъ въ Сенатѣ, гдѣ царствовала „ужасная", по выраженію Императрицы, „медлительность во всѣхъ дѣлахъ", происходившая отъ множества и разнообразія поступавшихъ въ Сенатъ дѣлъ, *„столь великаго, что превосходитъ силы человѣческія всѣ оныя рѣшить въ надлежащее время"*, Екатерина издаетъ 16 декабря 1763 года манифестъ, которымъ для устраненія указанныхъ недостатковъ сенатскаго делопроизводства, съ одной стороны, и для освобожденія Сената изъ подъ вліянія канцеляріи, съ другой, раздѣляетъ его на 6 департаментовъ, изъ коихъ четыре открыты въ Петербургѣ, куда переводится теперь Сенатъ, а два — въ Москвѣ вмѣстѣ съ бывшей Сенатской конторой. Каждый изъ этихъ департаментовъ, признанныхъ „въ равной силѣ и достоинствѣ", становится отдѣльною самостоятельною частью Сената, отдѣльнымъ самостоятельнымъ присутствіемъ, построеннымъ на коллегіальномъ началѣ. Каждый департаментъ вѣдаетъ опредѣленный родъ дѣлъ, именно, первый — государственныя внутреннія и политическія дѣла, къ которымъ относились дѣла ревизіи, по герольдіи, по Синоду, о доходахъ и расходахъ и вообще по финансовому управленію и др.; второй, подъ главнымъ управленіемъ генералъ-рекетмейстера, вѣдалъ дѣла, поступавшія изъ коллегій и приказовъ; третьему поручены дѣла по управленію частями территоріи, состоявшими на особомъ положеніи, каковы: Малороссія, Эстляндія, Лифляндія, Выборгская губернія; но кромѣ того, ему же принадлежалъ главный надзоръ за академіями, цензурой, медицинской коллегіей, ямскимъ приказомъ, путями сообщенія и за полиціей; четвертый завѣдывалъ дѣлами военныхъ коллегій. Московскіе департаменты вѣдали слѣдующія дѣла: пятый — „отправленіе текущихъ государственныхъ дѣлъ, которыя нынѣ исправляетъ Сенатская контора", шестой — „аппелляціонныя дѣла и по герольдіи, противъ втораго департамента." Впрочемъ, означенное распредѣленіе дѣлъ по

департаментамъ и уменьшеніе или увеличеніе количества послѣднихъ могло измѣниться по усмотрѣнію генералъ-прокурора.

Генералъ-прокуроръ состоялъ при первомъ департаментѣ и наблюдалъ за правильнымъ производствомъ дѣлъ, какъ въ этомъ департаментѣ, такъ и въ общемъ собраніи Сената. Въ прочихъ департаментахъ надзоръ порученъ былъ оберъ-прокурорамъ. Генералъ-прокуроръ и оберъ-прокуроры были, по прежнему, главными начальниками Сенатской Канцеляріи: генералъ-прокуроръ былъ начальникомъ канцеляріи всѣхъ департаментовъ каждый оберъ-прокуроръ - начальникомъ канцеляріи своего департамента (Полное Собран. Законовъ №11989).

Чрезъ два года(въ 1765 году) составъ Сената дополненъ учрежденіемъ при немъ межевой экспедиціи, на правахъ департамента для управленія административными и судебными вопросами по межеванію, переименованной въ 1794 году въ межевой департаментъ.

Дѣленіе Сената на департаменты при Импер. Екатеринѣ II рѣзко отличается отъ таковаго же дѣленія при Импер. Аннѣ Іоанновнѣ. Тогда департаменты самостоятельнаго значенія не имѣли, они подготовляли только дѣла, имъ порученныя, къ слушанію въ общемъ собраніи:Сенатъ продолжалъ оставаться единымъ и цѣльнымъ установленіемъ. Теперь эта цѣлостность нарушена. Общее собраніе, правда, существуетъ, но оно получаетъ совершенно иное назначеніе. Послѣдней инстанціей, окончательно рѣшающей дѣла, входящія въ кругъ его вѣдомства, является теперь отдѣльный департаментъ; общее собраніе дѣйствуетъ не постоянно, а лишь тогда, когда необходимо будетъ установить единогласное рѣшеніе въ департаментѣ или согласить мнѣнія сенаторовъ съ мнѣніемъ генералъ или оберъ-прокуроровъ. Дѣло въ томъ, что департаментъ имѣлъ право окончательно рѣшать дѣла только тогда,

когда рѣшеніе состоялось единогласно и не возникло несогласія съ прокуроромъ; въ противномъ случаѣ, дѣла изъ каждаго департамента вносились въ общее собраніе департаментовъ, въ Петербургѣ - петербургскихъ, въ Москвѣ - московскихъ. Въ общемъ собраніи дѣла рѣшались также единогласно; за отсутствіемъ единогласія или при несогласіи сенаторовъ съ мнѣніемъ генералъ-прокурора, дѣла должны были представляться на высочайшее усмотрѣніе. Изъ указаннаго выше раздѣленія предоставленныхъ Сенату дѣлъ по департаментамъ видно, 1) что ему поручены только правительственныя и судебныя функціи и 2) что между департаментами дѣла эти распредѣлены по началу раздѣленія властей, которое хотѣла провести Екатерина въ жизни. Въ силу этого же начала Сенатъ устраненъ отъ всякаго участія въ законодательствѣ. Но это устраненіе совершается не прямо, а косвенно, путемъ учрежденія въ 1767 году коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія и въ 1769 г. особаго совѣта, который принимаетъ участіе въ разсмотрѣніи законодательныхъ вопросовъ. Отдѣльные законодательные вопросы поручаются также различнымъ коммиссіямъ, какъ напримѣръ, пересмотръ акта Петра III о свободѣ и вольности россійскому дворянству, вопросъ объ улучшеніи военнаго и морскаго дѣла и другіе поручаются особымъ коммиссіямъ.

Въ 1774 году наносится ударъ и правительственному значенію Сената. Въ этомъ году точно опредѣляется должность генералъ-прокурора, обязанности его существенно измѣняются. Онъ перестаетъ быть только „окомъ государевымъ и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ“, къ нему отходятъ чисто административныя функціи, благодаря чему онъ становится первымъ министромъ относительно многихъ частей управленія

Тип. Дашкевича, Петровка, д. Обидиной. Склад у Карбасник.
Ис. рус. пр. по лекц. Пр.-Доц. Числова.

(Полн. Собр. Зак. N 14192). По замѣчанію Сперанскаго, генералъ-прокуроръ въ это время соединялъ въ лицѣ своемъ званія министра юстиціи, финансовъ, государственнаго казначея и государственнаго контролера и по всѣмъ симъ частямъ непосредственно подносилъ доклады Императрицѣ". Естественно, что тѣ же самыя функціи Сената, которыя теперь поручены генералъ-прокурору, умаляются: между нимъ и верховною властью появляется посредникъ, по отношенію къ которому Сенатъ попадаетъ въ подчиненное положеніе. Генералъ-прокуроръ становится теперь надъ всѣми департаментами, а въ первомъ его обязанности вручаются, какъ и въ другихъ, оберъ-прокурору.

На ряду съ измѣненіемъ должности генералъ-прокурора изъ органа контролирующаго въ административный и сосредоточіемъ въ его рукахъ нѣкоторыхъ частей управленія, развивается система личныхъ порученій разныхъ дѣлъ лицамъ, довѣреннымъ отъ Императрицы и ей непосредственно подчиненнымъ. Нѣкоторыя части управленія, какъ напр., межеваніе, полиція, народное образованіе были поручены отдѣльнымъ лицамъ, независимымъ ни отъ Сената, ни отъ коллегій. Это, конечно, еще болѣе ограничило дѣятельность Сената въ сферѣ управленія.

Наконецъ, новое учрежденіе для управленія губерній 1775 года также повліяло на правительственное значеніе Сената. Во главѣ мѣстныхъ установленій была поставлена сильная должность государева намѣстника (генералъ-губернатора). И по закону, и de facto намѣстникамъ предоставлены значительныя полномочія. Хотя законъ и дѣлалъ ихъ подвѣдомственными Сенату, но контроль послѣдняго имѣлъ номинальное значеніе, въ дѣйствительности же намѣстники сносились съ верховною властью непосредственно. Мало того, учрежденіе о губерніяхъ уничтожило прежнія коллегіи, перевело ихъ изъ центра въ губерніи подъ названіемъ палатъ, правленій и т.п. Вслѣдствіе этого

сенатскіе департаменты должны были естественнымъ образомъ превратиться въ коллегіи, а такъ какъ во главѣ ихъ стоялъ генералъ-прокуроръ, то вѣрнѣе, въ коллегіальныя министерства.

Такимъ образомъ, фактически Сенатъ въ своей власти былъ значительно сломленъ. Восторжествовало личное начало въ управленіи и, притомъ, какъ въ центрѣ, такъ и въ области. Всѣ задачи центральнаго управленія предоставлены генералъ-прокурору и особымъ довѣреннымъ лицамъ. Задачи управленія мѣстнаго переданы установленіямъ губернскимъ подъ контролемъ намѣстниковъ. За Сенатомъ остается значеніе высшаго судебнаго установленія и „хранилища законовъ".

Импер. Павелъ I держался по отношенію къ Сенату политики своей матери. Должность генералъ-прокурора при немъ еще болѣе усиливается. Къ прежнимъ функціямъ генералъ-прокурора присоединяется завѣдываніе ассигнаціоннымъ банкомъ, тайною экспедиціей, коммиссіей для сочиненія уложенія и всѣми экспедиціями, учрежденными при Сенатѣ. Сенатъ былъ окончательно устраненъ черезъ это отъ правительственной дѣятельности. Но и судебная его дѣятельность не оставлена безъ вниманія. Въ виду накопившихся во множествѣ нерѣшенныхъ дѣлъ въ Сенатѣ были учреждены три временные департамента и общее собраніе; при этомъ, порядокъ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ въ Сенатѣ измѣненъ тѣмъ постановленіемъ, по которому въ общемъ собраніи дѣла должны быть рѣшаемы уже не единогласно, а по большинству голосовъ, въ случаѣ же равенства ихъ, должны быть вносимы на высочайшее разсмотрѣніе.

Д. Сенатъ при Императорѣ Александрѣ I.

Со вступленіемъ на престолъ Имп. Александра I, казалось, что Сенату будетъ возвращено все имъ утраченное, что снова, подобно временамъ Елизаветы, онъ будетъ возстановленъ въ своей прежней силѣ и значеніи. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключить изъ

словъ знаменитаго указа 5 іюня 1801 г., въ которыхъ Императоръ выразилъ желаніе „возстановить Сенатъ на прежнюю степень, ему приличную и для управленія мѣстъ, ему подвластныхъ, толико нужную". Но къ осуществленію этого намѣренія представились немаловажныя затрудненія, главнымъ образомъ, потому, что послѣ многочисленныхъ измѣненій Сената, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе XVIII вѣка, трудно было найти самый путь къ „возстановленію его правъ". Къ этому присоединились организаторскія стремленія какъ самого Императора, такъ въ особенности стоявшей около него молодой партіи, стремленія, направленныя на проведеніе въ жизнь теоріи о раздѣленіи властей. Въ планы всеобщаго преобразованія Сенату, по мнѣнію этихъ новаторовъ, оставалось развѣ лишь мѣсто въ качествѣ судебнаго установленія.

Въ 1802 году появляется, какъ извѣстно, первое учрежденіе министерствъ; съ этимъ вмѣстѣ издается и новое учрежденіе Сената. По этому учрежденію Сенатъ признается верховнымъ мѣстомъ въ Имперіи, которому, какъ хранителю законовъ, поручено наблюденіе за правосудіемъ и за точнымъ исполненіемъ законовъ. Власть Сената ограничивается единою властью Императорскаго Величества; указы его предписано исполнять, какъ указы самого Государя и только послѣдній или его указъ можетъ остановить исполненіе указа сенатскаго. Далѣе, Сенату поручено обнародованіе всѣхъ законовъ и предоставлено извѣстное участіе въ законодательной власти: ему дано право представлять Государю о такомъ законѣ, который по мнѣнію Сената, сопряженъ съ великими неудобствами въ исполненіи или полнъ неясности и противорѣчій съ другими законами. Вотъ въ главныхъ чертахъ тѣ полномочія, которыми былъ надѣленъ Сенатъ по указу 1802 года (Полн. Собран. Зак. № 30405)

Если учрежденіе Сената опредѣляло его власть и

значеніе, то учрежденіе министерствъ касалось, между прочимъ, отношенія послѣднихъ къ Сенату: министры обязаны отчетностью предъ Сенатомъ, которому предоставленъ надзоръ за ихъ дѣятельностью и возложена обязанность доносить Императорскому Величеству о всѣхъ упущеніяхъ съ ихъ стороны (Полн. Собран. Зак. № 20706). Но эти постановленія объ отчетности министровъ не имѣли практическаго значенія.

Организація Сената снова подвергается измѣненіямъ. Для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ также, какъ и при Имперѣ. Павлѣ I, къ шести екатерининскимъ департаментамъ присоединены временные департаменты, а въ 1805 году вмѣсто временныхъ открыты два новые департамента въ Петербургѣ и одинъ въ Москвѣ и произведено новое распредѣленіе дѣлъ между всѣми 9 департаментами, причемъ, первому поручены дѣла административныя, куда отнесены публикація и храненіе законовъ, производство народной переписи, переводъ лицъ изъ одного состоянія въ другое, представленіе Государю объ опредѣленіи и увольненіи чиновниковъ (но не высшихъ) и судъ по дѣламъ казеннаго управленія; межевому - дѣла административно-судебныя по межеванію; всѣмъ остальнымъ департаментамъ вѣрены дѣла судебныя, причемъ, второму, третьему, четвертому, седьмому и восьмому - тяжебныя, а пятому и шестому - уголовныя. Присутствіе департамента составляется изъ сенаторовъ въ числѣ трехъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ изъ себя предсѣдателя. При каждомъ департаментѣ, по прежнему, состоитъ оберъ-прокуроръ.

Общее собраніе не получило особаго предсѣдателя: „единое лицо Императорскаго Величества", по учрежденію 1802 года, „засѣдаетъ въ Сенатѣ".

Министры входятъ въ общее собраніе Сената въ качествѣ его членовъ ex officio; съ должностью же министра Юстиціи соединяется званіе генералъ-проку-

рора. Относительно рѣшенія дѣлъ въ общемъ собраніи требуется уже не простое большинство, какъ при Импер. Павлѣ, а большинство двухъ третей голосовъ; если же таковаго не состоится должно составить оберъ-прокурорскую консультацію для соглашенія голосовъ.

Указанныя существенныя основанія, на которыхъ покоится учрежденіе Правительствующаго Сената, сохранились до настоящаго времени, исключая, впрочемъ, приведеннаго выше распредѣленія дѣлъ по департаментамъ и числа послѣднихъ.

При второмъ учрежденіи министерствъ въ 1811 году предполагалось предоставить Сенату правительственныя функціи, именно, направленіе и объединеніе дѣятельности министерствъ; но на практикѣ это не осуществилось, ибо роль такого объединяющаго учрежденія принялъ на себя Комитетъ Министровъ, и, слѣдовательно, за Сенатомъ осталось значеніе высшаго судебнаго установленія и хранителя законовъ.

Изъ представленнаго историческаго очерка видно, что въ теченіе XVIII и первой четверти XIX вѣка подъ названіемъ Сената разумѣлись совершенно различныя установленія, непосредственно смѣнявшія другъ друга.

§6) Коллегіи.

а) *Коллегіи при Петрѣ Великомъ.* Органами центральнаго управленія въ Московскомъ государствѣ, какъ извѣстно, были Приказы. Главною характеристическою особенностью системы приказнаго управленія являлось личное начало. Начало это вытекало изъ отношеній верховной власти къ лицамъ, стоящимъ во главѣ приказовъ и имъ подобныхъ установленій, а отношенія эти покоились на довѣріи: кому были довѣрены, „приказаны" верховною властью извѣстныя дѣла, тотъ и вѣдалъ ихъ, пока пользовался довѣріемъ. Къ этимъ дѣламъ могли прибавиться, по довѣрію, другія

дѣла, но могли быть отняты и переданы другому лицу. Отсюда происходила большая запутанность и непостоянство въ компетенціи приказовъ, отсюда непрочность и самыхъ установленій;

Такая шаткость въ составѣ, распредѣленіи дѣлъ и даже существованіи приказовъ противорѣчила совершенно взглядамъ Петра Великаго на государство и государственное управленіе. Поэтому Петръ Великій съ первыхъ же лѣтъ своего царствованія приступаетъ къ преобразованіямъ въ этой области. Сверва онъ ограничивается реорганизаціей приказовъ, стремясь ввести большую стройность въ распредѣленіе между ними предметовъ вѣдомства. Съ этою цѣлью онъ соединяетъ приказы съ однороднымъ кругомъ дѣлъ въ одинъ приказъ (напр., Иноземный и Рейтарскій въ Приказъ Военныхъ Дѣлъ; Казенный Приказъ соединяетъ съ Приказомъ Большой Казны), возстановляетъ упраздненные приказы, напр., Монастырскій, нѣкоторые учреждаетъ вновь, каковы: Адмиралтейскій, Преображенскій и др.

Но проникнувшись подъ вліяніемъ Лейбница той мыслію, что „правленіе соборное въ государствѣ монаршескомъ есть наилучшее" онъ отказывается отъ системы управленія приказнаго и задумываетъ обширный планъ преобразованія всего центральнаго управленія на началахъ коллегіальныхъ. Для осуществленія этого плана прежде всего необходимо было познакомиться съ коллегіальными установленіями Запада съ тѣмъ, чтобы произвести реформу по лучшимъ образцамъ. И Петръ долго изучаетъ вопросъ собираетъ справки, посылаетъ русскихъ заграницу для ознакомленія съ устройствомъ коллегій въ разныхъ государствахъ, выписываетъ иностранцевъ „въ правостяхъ искусныхъ" и знакомыхъ съ коллегіальнымъ устройствомъ. Такъ, онъ вызываетъ изъ Австріи, изъ каждой коллегіи по одному человѣку, преимущественно чеховъ и моравовъ, какъ лицъ славянскаго происхожденія, а.

слѣдовательно, способныхъ лучше и скорѣе усвоить русскій языкъ, приглашаетъ плѣнныхъ Шведовъ, состоявшихъ на службѣ въ коллегіяхъ. Придя, наконецъ, къ убѣжденію, что шведскія коллегіи являются наилучшими и болѣе другихъ удобными къ примѣненію въ Россіи, Петръ 11 декабря 1717 года назначаетъ президентовъ будущихъ коллегій, совѣтниковъ и ассесоровъ, а въ 1718 году приказываетъ имъ сочинить регламенты, или, говоря иначе, уставы по каждому вѣдомству на основаніи шведскихъ законовъ, но съ измѣненіемъ ихъ началъ примѣнительно къ положенію Россіи, и всѣ недоразумѣнія, которыя могли бы возникнуть при составленіи означенныхъ регламентовъ поручаетъ разрѣшать Правительствующему Сенату: „всѣмъ коллегіямъ надлежитъ нынѣ", говорится въ указѣ 28 апрѣля 1718 года, „на основаніи шведскаго устава, сочинить во всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ по пунктамъ; а которые пункты въ шведскомъ регламентѣ неудобны, или съ ситуаціею сего государства несходны, и оные ставить по своему разсужденію, и поставя, объ оныхъ докладовать Правительствующему Сенату, такъ ли имъ быть", (Полн. Собр. Зак. N 3197).

Составленіе регламентовъ замедлилось и Петръ, не дожидаясь ихъ появленія, въ концѣ этого же 1718 года издалъ указъ объ открытіи 9 коллегій: именно; чужестранныхъ дѣлъ, каморъ, юстицъ, ревизіонъ, воинской, адмиралтейской, коммерцъ, штатсъ-конторъ, бергъ и мануфактуръ коллегій и при этомъ предписано управляться имъ въ 1719 году еще „старымъ манеромъ, понеже новымъ манеромъ еще не управились, а съ 1720 начать новымъ"(Полн. Собр. Зак. N 3255), но лишь въ этомъ году, съ 28 февраля, т.е. съ изданія генеральнаго регламента коллегіямъ, новыя установленія организованы вполнѣ.

Генеральный регламентъ коллегіямъ (полн. Собр. Зак N 3534), состоявшій изъ 55 главъ, представляетъ собою общій наказъ всѣмъ коллегіямъ для руководства

въ ихъ дѣятельности. Здѣсь прежде всего указывается цѣль, для которой вводятся коллегіи: онѣ вводятся „для порядочнѣйшаго управленія государственныхъ дѣлъ, для исправнаго опредѣленія и исчисленія приходовъ////.и для прочихъ государственныхъ нуждъ". Здѣсь же указывается и значеніе коллегій, какъ установленій, наиболѣе удобныхъ для монархіи. Самые же мотивы, по которымъ Петръ считалъ коллегіальное начало наилучшимъ для монархіи, изложены въ духовномъ регламентѣ, учредительномъ актѣ Св. Синода. Мотивы эти слѣдующіе:

1) истина выясняется лучше при обсужденіи вопроса въ коллегіи, чѣмъ при разсмотрѣніи дѣла однимъ лицомъ;

2) сила и значеніе опредѣленія, принятаго въ коллегіи, является большей, чѣмъ сила повелѣнія единоличнаго, такъ какъ „приговоръ соборный" пользуется большимъ довѣріемъ;

3) въ коллегіи дѣла рѣшаются безъ остановокъ, тогда какъ при единоличномъ управленіи такія остановки весьма часты „за случающимися правителю необходимыми нуждами и за недугомъ и болѣзнью";

4) въ коллегіи „не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству, лихоимному суду";

5) коллегія независимѣе въ своихъ дѣйствіяхъ въ виду того, что въ ней нѣтъ мѣста личнымъ разсчетамъ, тогда какъ „единоличный правитель гнѣва сильныхъ боится";

6) коллегія, наконецъ, является самой лучшей школой, подготовляющей опытныхъ администраторовъ (Полн. Собр. Зак." № 3718).

За указаніемъ цѣли и значенія коллегій генеральный регламентъ переходитъ къ опредѣленію состава коллегій и степени ихъ власти.

Каждая коллегія состояла изъ присутствія и канцеляріи и имѣла, кромѣ того, въ Москвѣ особыя кон-

тару (иногда и нѣсколько). Присутсвіе коллегій составляли, подъ предсѣдательствомъ опредѣляемаго по назначенію Императорскаго Величества Президента, Вице-президентъ, четыре, а иногда пять Совѣтниковъ и четыре Ассесора (въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ - пять); Совѣтники и Ассесоры опредѣлялись и утверждались Сенатомъ. При назначеніи должностныхъ лицъ коллегіи строго наблюдалось, чтобъ въ ея присутствіи не засѣдали родственники.

Президентъ былъ первымъ лицомъ въ коллегіи, наблюдавшимъ за скоростью дѣлопроизводства, а главнымъ образомъ, за точнымъ и немедленнымъ исполненіемъ именныхъ и сенатскихъ указовъ; для чего у него имѣлись двѣ книги: въ одной записывались указы исполненные, въ другой (находившейся всегда на столѣ присутствія) указы, подлежащіе исполненію. Но, какъ предсѣдатель присутствія, построеннаго на коллегіальномъ началѣ, президентъ не былъ начальникомъ надъ прочими должностными лицами, а первымъ между равными, и безъ согласія членовъ коллегіи не могъ ничего постановить, „понеже коллегіи устроены для того, дабы каждая съ совѣту и приговору всѣхъ свои дѣла дѣлала". Въ этомъ, по объясненію Петра Великаго, и заключается существенное отличіе коллегій отъ старыхъ приказовъ: „коллегіи, т.е. собранія многихъ персонъ", говоритъ онъ въ одномъ указѣ, „въ которыхъ президенты, или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали, что хотѣли; въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ ничего учинить" (Полн. Собр. Зак. № 3261). Вице-президентъ былъ помощникомъ президента по исполненію особыхъ его обязанностей. Прочіе члены, сверхъ присутствованія въ засѣданіяхъ коллегій, имѣли ближайшій надзоръ за дѣлопроизводствомъ и отвѣчали каждый за ввѣренную ему часть.

Канцелярія состояла подъ начальствомъ Секретаря

изъ Натаріуса, Актуаріуса, Переводчика, Регистратора и прочихъ низшихъ чиновниковъ. Подъ наблюденіемъ Секретаря производилось все письмоводство коллегіи: всѣ важныя бумаги составлялъ онъ самъ, прочія могъ „между канцелярскими служителями по должности каждаго распредѣлять". Секретарь принималъ и всѣ подававшіяся въ коллегію просьбы, равно какъ и докладывалъ въ коллегіи всѣ дѣла. Натаріусъ велъ протоколъ всѣмъ дѣламъ, рѣшавшимся въ коллегіи. Актуаріусъ велъ журналъ всѣмъ входящимъ бумагамъ и завѣдывалъ заготовленіемъ всѣхъ канцелярскихъ принадлежностей и припасовъ. Переводчикъ занимался переводомъ съ иностанныхъ языковъ на русскій всѣхъ бумагъ, какія поручались ему; въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ переводчиковъ было нѣсколько, въ прочихъ же коллегіяхъ по одному. Регистраторъ велъ журналъ всѣмъ входящимъ и исходящимъ бумагамъ. Прочіе канцелярскіе чиновники, носившіе названіе канцеляристовъ и копіистовъ, занимались непосредственнымъ производствомъ дѣлъ по назначенію Секретаря. Всѣ канцелярскіе чиновники опредѣлялись и увольнялись, большею частью, самими коллегіями; только Секретари и Натаріусы назначались Сенатомъ.

Что касается до степени власти коллегій и ихъ положенія среди другихъ государственныхъ установленій, то, какъ органы второстепенные, онѣ стояли въ зависимости и подъ контролемъ Сената: отъ послѣдняго онѣ получали указы, сами же сносились съ нимъ рапортами и доношеніями; по отношенію же къ прочимъ мѣстамъ и лицамъ онѣ являлись высшими центральными установленіями: предписывали всѣмъ установленіямъ указами, а отъ нихъ получали доношенія и рапорты. Но если коллегіи въ указѣ Сената усматривали что либо противное государственнымъ интересамъ, или указамъ Императорскаго Величества, то должны были, не исполняя указа, представить о томъ Сенату; если

же Сенатъ подтверждалъ свой прежній указъ, коллегіи уже немедленно должны были исполнить его, но донести вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ Государю, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строжайшей отвѣтственности. Между собою всѣ коллегіи считались равными. Каждая коллегія имѣла право суда надъ своими чиновниками въ преступленіяхъ по должности, но въ случаѣ какихъ либо „тяжкихъ дѣлъ" судъ надъ всѣми чиновниками принадлежалъ Юстицъ Коллегіи.

Устроивъ на такихъ началахъ коллегіи, Петръ не оставилъ ихъ дѣятельность безъ надзора. Система надзора была двоякая: чрезъ генералъ-прокурора - явный надзоръ и чрезъ фискаловъ - надзоръ тайный. Съ учрежденіемъ генералъ-прокурора и подвѣдомственныхъ ему прокуроровъ эти лица получили право присутствовать въ засѣданіяхъ коллегій и могли требовать для просмотра относящіяся къ дѣлу бумаги. Тайный надзоръ производился фискалами, которые, какъ извѣстно, были учреждены при всѣхъ коллегіяхъ. Обязанности фискала опредѣлены въ генеральномъ регламентѣ слѣдующимъ образомъ: „фискалъ долженъ смотрѣть чтобъ все порядочно по даннымъ регламентамъ и указамъ управляемо было правдою и доброю ревностію; а кто въ томъ погрѣшитъ, о томъ онъ о всемъ фискальски въ Коллегіи доносить долженъ, какъ его инструкція повелѣваетъ. Однакожъ надлежитъ ему осторожно и со основательными свидѣтельствованіями поступать, и никого безвинно въ подозрѣніе не приводить. А ежели по страсти, или собственной корысти ради, невиннаго обвинитъ, или для онаго затѣетъ, то оный подлежитъ тому, чему бы хотѣлъ винный быть достоинъ. А ежели кромѣ вышеписанныхъ страстей учинитъ; однакожъ все то будетъ неправда, то легче накажется. А буде не все докажетъ, однако изъ одно или нѣсколько правды явится, и ему въ вину не ставить, понеже всего ему аккуратно вѣдать невозможно. Ежели же что за Президентомъ, или кто въ его небыт-

ность управляетъ, что онъ противнаго увидитъ, о томъ долженъ донести Генеральному Фискалу".

Таковы новыя учрежденія коллежскаго управленія, въ которомъ Петръ Великій видѣлъ залогъ законности управленія, большей независимости установленій, при полной обезпеченности интересовъ государственной власти опредѣленнымъ надзоромъ за дѣйствіями самыхъ коллегій.

Но если Петръ стремился провести возможно полнѣе новое коллегіальное начало, то на практикѣ единоличное начало, какъ и въ Московское время брало перевѣсъ. Этому способствовали какъ 3-хъ членный составъ присутствія, при которомъ голосъ президента при разногласіи рѣшалъ дѣло, такъ и преобладаніе прокуратуры и обращеніе ея, особенно впослѣдствіи, въ административную власть.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній объ организаціи коллегій разсмотримъ предметы вѣдомства отдѣльныхъ коллегій.

Выше было сказано, что при первомъ образованіи коллегій, ихъ было учреждено девять: иностранныхъ дѣлъ, военная, адмиралтейская, камеръ, штатсъ-контаръ, ревизіонъ, юстицъ, коммерцъ, бергъ и мануфактуръ коллегіи. Въ 1720 году къ этимъ 9 коллегіямъ была присоединена еще одна - главный магистратъ, относительно котораго говорилось въ отдѣлѣ о городскихъ обывателяхъ, а въ 1721 году - вотчинная коллегія.

Во главѣ перечисленныхъ коллегій по своему значенію стояли военная, адмиралтейская и иностранныхъ дѣлъ.

Военная Коллегія, замѣнившая собою всѣ старые военные приказы, вѣдала дѣла по управленію военно-сухопутными силами Имперіи, равно какъ и судныя дѣла надъ лицами военнаго званія, вносимыя въ Коллегію на ревизію изъ военныхъ судовъ.

Адмиралтействъ Коллегія, неимѣвшая соотвѣтствующаго учрежденія въ московское время, завѣдывала флотомъ и всѣми вообще морскими дѣлами. Но сверхъ того ей поручено было завѣдываніе и другими отраслями управленія: такъ, она слѣдила за лѣсоводствомъ и управляла казенными лѣсами, откуда получался матеріалъ, необходимый для постройки кораблей. Надо замѣтить, что въ 1700 году былъ учрежденъ Адмиралтейскій Приказъ, дѣла котораго и были переданы въ вѣдомство рассматриваемой коллегіи.

Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ образована изъ Посольскаго Приказа. Главнымъ предметомъ вѣдомства этой коллегіи были всѣ дѣла по сношеніямъ Россіи съ иностранными государствами. Но кромѣ того вѣдѣнію ея подлежали и другія дѣла: такъ, ей принадлежало высшее управленіе Малороссіей и главное управленіе почтой.

За рассмотрѣнными коллегіями по своему значенію слѣдуютъ коллегіи, которымъ поручено финансовое управленіе страной; къ числу ихъ относятся: камеръ, штатсъ-конторъ и ревизіонъ коллегіи.

Камеръ-Коллегія, замѣнившая многочисленные приказы, которые вѣдали доходы, имѣла своимъ назначеніемъ управленіе этими послѣдними, почему она и называлась также коллегіей казенныхъ сборовъ. 11 декабря 1719 года былъ изданъ регламентъ Камеръ-Коллегіи, по которому на нее возложено: 1) распредѣленіе окладныхъ земскихъ податей, причемъ, распредѣленіе это должно быть равномѣрнымъ, смотря по состоянію каждаго, чтобы „подати зѣло накрѣпко сообразны были обстоятельствамъ провинціи и цѣнѣ полевыхъ плодовъ и прочихъ товаровъ“, въ противномъ случаѣ, „государственные доходы со временемъ весьма умалятся“; 2) наложеніе пошлинъ на товары, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, которые облагать пошлиною регламентъ запрещаетъ, „дабы пропитаніе людемъ отъ того въ доро-

гую цѣну не превосходило", *а также и потому, что* пошлины на съѣстные припасы оказываютъ вредное вліяніе на мануфактуры, ремесла и торговлю; 3) заключеніе контрактовъ съ частными лицами на откупы и всякаго рода подряды; 4) завѣдываніе монетнымъ дѣломъ; 5) собраніе всѣхъ нужныхъ свѣдѣній и составленіе подробныхъ вѣдомостей о разныхъ видахъ государственныхъ доходовъ и расходовъ.

Предоставляя высшій надзоръ и управленіе надъ всѣми государственными доходами, регламентъ запрещаетъ Камеръ-Коллегіи самопроизвольно налагать новые налоги, перемѣнять одни на другіе, отмѣнять ихъ; обо всемъ этомъ Камеръ-Коллегія обязана была представлять Сенату и ждать его разрѣшенія. Управляя государственными доходами, Камеръ-Коллегія не завѣдывала расходами прямо, но косвенное вліяніе на управленіе расходами она, несомнѣнно, имѣла, такъ какъ всѣ государственныя установленія обязаны были ежегодно представлять Камеръ-Коллегіи вѣдомости о расходахъ, не исключая и Штатсъ-Контаръ Коллегіи, на которую возложена была обязанность заранѣе увѣдомлять Камеръ-Коллегію о предстоящихъ чрезвычайныхъ расходахъ съ тѣмъ, чтобы послѣдняя могла найти источники къ покрытію этихъ расходовъ.

Кромѣ перечисленныхъ предметовъ чисто финансоваго управленія, Камеръ-Коллегіи были предоставлены дѣла и по полиціи благосостоянія, именно: на ней лежали забаты, какъ о распространеніи населенія, такъ и о развитіи земледѣлія, скотоводства и другихъ промысловъ.

Штатсъ-Конторъ Коллегія, называвшаяся также Штатсъ-Конторой, завѣдывала исключительно государственными расходами. 13 февраля 1719 года былъ изданъ регламентъ Штатсъ-Контаръ Коллегіи, которымъ предписывалось ей собирать свѣдѣнія о всѣхъ предстоящихъ расходахъ и для каждаго изъ нихъ составлять особый штатъ, разсматривая, притомъ, нѣтъ ли какихъ лишнихъ

расходовъ и, если такие есть, представлять о нихъ Сенату. Въ регламентѣ исчислено всего 15-ть штатовъ, на которые Штатсъ-Конторъ Коллегія должна дѣлать росписанія и назначать деньги; штаты эти были слѣдующіе: 1) придворный штатъ; 2) штатъ на собственные расходы государя; 3) штатъ каждой государственной коллегіи; 4) штаты всѣхъ высшихъ и низшихъ судовъ; 5) штатъ гвардіи и пѣхоты; 6) штатъ конницы; 7) штатъ артилеріи; 8) штатъ фортификаціи; 9) штатъ генеральнаго штаба; 10) штатъ адмиралтейства; 11) штатъ каждой губерніи и провинціи; 12) штатъ всего духовнаго чина, церквей, академій, школъ, госпиталей, смирительныхъ и сиропитательныхъ домовъ; 13) штатъ архитекторовъ и всѣхъ служащихъ при казенныхъ постройкахъ; 14) штатъ состоящихъ въ службѣ докторовъ, лекарей и аптекарей; 15) штатъ пословъ, министровъ, резидентовъ и всѣхъ служащихъ въ посольствахъ. Изъ всѣхъ поименованныхъ отдѣльныхъ штатовъ Штатсъ-Контора въ концѣ каждаго года должна была составлять генеральный штатъ всѣмъ расходамъ и представлять его на утвержденіе Императорскому Величеству, а потомъ разсылать его ко всѣмъ губернаторамъ и воеводамъ для руководства при финансовомъ управленіи. Всѣ собранные доходы поступали въ вѣдѣніе этой Коллегіи, но храненіе ихъ ввѣрялось особымъ чиновникамъ; Штатсъ-Контора только предписывала о выдачи подлежащихъ суммъ и то въ предѣлахъ уставовъ и высочайше утвержденнаго генеральнаго штата.

Ревизіонъ-Коллегія являлась дополненіемъ къ обѣимъ предыдущимъ коллегіямъ и занималась повѣркою всѣхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ. Ей же принадлежалъ и судъ надъ всѣми преступленія противъ доходовъ казны. Въ концѣ каждаго года всѣ установленія, завѣдывавшія денежными суммами, представляли приходо-расходныя книги свои прежде всего въ тѣ Коллегіи и Канцеляріи, отъ которыхъ они непосредственно зависѣли, здѣсь повѣрялись предваритель-

во всѣ книги, составлялись перечневыя изъ нихъ выписки и представлялись въ Ревизіонъ-Коллегію (не позже однакожъ трехъ мѣсяцевъ по окончаніи года). Ревизіонъ-Коллегія разсматривала, всѣ ли приходы и расходы произведены были на законномъ основаніи „безъ всякаго предосужденія и убытка казнѣ“, и о всѣхъ замѣченныхъ ею погрѣшностяхъ доносила Сенату. Такимъ образомъ, Ревизіонъ-Коллегія какъ бы контролировала дѣйствія всѣхъ другихъ коллегій и равныхъ съ ними мѣстъ по крайней мѣрѣ по отношенію къ финансовому управленію. При такой обязанности Ревизіонъ-Коллегіи Петру Великому казалось неудобнымъ ея положеніе. Ему казалось неудобнымъ предоставить контроль надъ дѣйствіемъ присутственныхъ мѣстъ учрежденію, равному имъ. Онъ самъ говорилъ, что это „не разсмотря дѣла учинено было“, и почелъ за лучшее присоединить Ревизіонъ-Коллегію къ Сенату подъ именемъ Ревизіонъ-Конторы, „понеже у нея едино дѣло есть, что и Сенату дѣлать“.

Судебное управленіе и судъ вообще былъ порученъ *Юстицъ-Коллегіи*. Она завѣдывала всѣми судебными и розыскными дѣлами кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя предоставлены были вѣдѣнію другихъ коллегій. Но прямо начинались въ ней только дѣла по доносамъ фискаловъ, прочія же вносились въ нее порядкомъ апелляціоннымъ изъ губернскихъ судебныхъ мѣстъ. При самомъ первомъ образованіи Юстицъ-Коллегіи къ ней присоединены были Помѣстный приказъ и Расправная Палата. Но съ учрежденіемъ 18 января 1721 года Вотчинной Коллегіи Помѣстный Приказъ присоединенъ былъ къ этой послѣдней. Въ этомъ году, въ виду большаго скопленія дѣлъ въ Юстицъ-Коллегіи и происшедшей отъ того медленности въ ихъ производствѣ, состоявшая до той поры въ вѣдѣніи Юстицъ-Коллегіи Вотчинная Контора отдѣлена отъ нея и преобразована въ *Вотчинную Кол-*

Тип. Лашкевича, Петровка *Слад. у Карбасникова*
На рус. пр. по лекц. Пр.-Доц. Числова.

легій. Обязанность ея состояла въ разбирательствѣ всѣхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлъ.

Наконецъ, къ числу коллегіальныхъ установленій съ чисто полицейскими функціями принадлежали при первомъ образованіи коллегій Бергъ, Мануфактуръ и Коммерцъ-Коллегія.

Бергъ и Мануфактуръ Коллегіи сначала представляли одно учрежденіе, но съ 1723 года Мануфактуръ-Коллегія была отдѣлена отъ Бергъ-Коллегіи, такъ какъ стеченіе различныхъ дѣлъ въ этой послѣдней не позволяло ей обращать одинаковаго вниманія на различныя вѣтви ея управленія. Для лучшаго успѣха въ завѣдываніи фабриками и ремеслами создано особое центральное управленіе - Мануфактуръ-Коллегія. Поэтому мы разсмотримъ предметы вѣдомства ихъ отдѣльно.

Бергъ-Коллегія предшествовалъ Рудокопный Приказъ, учрежденный въ 1700 году. Бергъ-Коллегія, какъ и замѣненный ею Рудокопный Приказъ, имѣла предметомъ своимъ попеченіе о горной промышленности и управленіе всѣми дѣлами по горной части. Такъ, она отводила земли лицамъ, желавшимъ находить горные заводы, оказывала имъ всѣ зависящія отъ нея пособія, разсматривала всѣ дѣла по жалобамъ на притѣсненія въ приискеніи руды со стороны землевладѣльцевъ, объявляла во всенародное извѣстіе о способахъ лучшей разработки руды, взимала всѣ подати и пошлины съ горныхъ промышленниковъ, завѣдывала дѣлами по закупкѣ для казны разныхъ горныхъ произведеній за опредѣленную ею же цѣну; наконецъ, изслѣдовала и рѣшала всѣ дѣла о покражѣ золота и другихъ металловъ, какъ дѣла нетерпящія отлагательства.

Мануфактуръ-Коллегія по регламенту 1723 года должна была 1) *„прилѣжное о томъ стараніе имѣть, какимъ бы образомъ вновь такія и иныя курьезныя художества въ Имперіи Россійскую вводить, а особливо такія, для которыхъ матеріалы въ Россійской Имперіи найтися мо-*

гуть"; 2) привлекать въ Россію иностранныхъ фабрикантовъ, предоставляя имъ равныя права и преимущества, но при этомъ Мануфактуръ-Коллегія должна была выговаривать у иностранныхъ фабрикантовъ, чтобы они имѣли у себя нѣсколько учениковъ изъ русскихъ и обучали бы ихъ своему мастерству; 3) Мануфактуръ-Коллегія должна была заботиться о поддержаніи въ добромъ порядкѣ фабрикъ и мануфактуръ, или посредствомъ мѣръ понудительныхъ, или же посредствомъ пособій капиталами; наконецъ, въ 4) она должна была чинить судъ и расправу надъ всѣми заводчиками и ремесленниками во всѣхъ ихъ дѣлахъ, кромѣ государственныхъ и уголовныхъ.

Дѣятельность *Коммерцъ-Коллегіи* направлена была, по регламенту, преимущественно на оживленіе торговли заграничной и, въ особенности, морской. Далѣе, Коллегія Коммерціи, какъ ее иначе называли, заботилась также и о томъ, чтобы товары наши продавались заграницей болѣе на деньги, чѣмъ вымѣнивались на другіе товары. На ряду съ заботами о внѣшней торговлѣ, ей предоставлены были заботы и по торговлѣ внутренней, для чего ей предписывалось, какъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, имѣть попеченіе объ установленіи гильдій, объ устройствѣ магистратовъ, объ учрежденіи ярмарокъ, рынковъ, доброй полиціи и вообще обо всемъ томъ, что можетъ споспѣшествовать выгодамъ торговли и купеческаго сословія.

Изъ разсмотрѣнія предметовъ вѣдомства всѣхъ Петровскихъ коллегій оказывается, что съ ихъ учрежденіемъ вводится болѣе, чѣмъ прежде, правильности и порядка въ распредѣленіе дѣлъ между отдѣльными установленіями. Но и при Петрѣ судъ и управленіе не были еще совершенно отдѣлены. Почти всѣ коллегіи не только управляли данными дѣлами, но и производили судъ надъ тѣми людьми, которыхъ они вѣдали.

Такимъ образомъ, хотя система приказовъ нѣсколько

упрощена въ системѣ коллегій, однако остается еще весьма сложной.

При преемникахъ Петра до Екатерины II не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій въ коллегіальномъ управленіи, хотя частичныя измѣненія и производились, именно, отдѣльныя коллегіи то закрывались, то вновь отдѣлялись. Изъ этихъ частичныхъ измѣненій заслуживаетъ упоминанія слѣдующее измѣненіе въ составѣ коллегій: въ 1726 году число членовъ въ послѣднихъ уменьшилось до шести человѣкъ, именно, число совѣтниковъ и ассесоровъ уменьшено въ каждой коллегіи до двухъ. Но и изъ этихъ шести человѣкъ присутствовала только половина, другая же половина считалась въ отпуску, чередуясь погодно. Но какъ это, такъ и другія преобразованія не имѣли никакого значенія для исторіи развитія или паденія коллегіальной системы. Коренное измѣненіе происходитъ лишь въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

б) *Коллегіи при Императрицѣ Екатеринѣ II.* Въ 1775 году издается „Учрежденіе для управленія губерній Россійской Имперіи“ которымъ реорганизуется совершенно мѣстное управленіе. Въ губерніяхъ вводятся различныя правленія, палаты и т. п. установленія съ коллегіальнымъ составомъ. Эти правленія и палаты суть ничто иное, какъ коллегіи, перенесенныя изъ центра въ губерніи. Общей цѣлью учрежденія о губерніяхъ является, такимъ образомъ, децентрализація и коллегіи мало-по-малу упраздняются. Впрочемъ, до 1779 года мы не видимъ еще уничтоженія коллегій: онѣ продолжаютъ существовать, но лишь для окончанія накопившихся въ нихъ дѣлъ. Въ этомъ году закрывается Мануфактуръ-Коллегія, такъ какъ, по мнѣнію Императрицы, „собственная каждаго польза есть лучшее и надежнѣйшее поощреніе“ и, слѣдовательно, дѣятельность Мануфактуръ-Коллегіи является излишней: достаточно надзора за фабриками, заводами

и ремеслами и надзоръ этотъ поручается губернскому начальству. Въ 1781 году упраздняется сперва Ревизіонъ, а затѣмъ и Штатсъ-Конторъ Коллегія. Дѣла Ревизіонъ-Коллегіи входятъ въ кругъ вѣдомства Казенной палаты въ губерніи. Въ вѣдѣніе этой послѣдней поступили сверхъ того, 1) горныя дѣла, и Бергъ-Коллегія въ 1783 году была закрыта, и 2) дѣла, предоставленныя прежде Камеръ-Коллегіи, которая упразднена въ 1785 году. Послѣдними коллегіями, подлежавшими закрытію, были Юстицъ и Вотчинная. Они прекратили свое существованіе въ 1786 году. Юстицъ-Коллегія перенесена въ губерніи въ видѣ Уголовныхъ и Гражданскихъ Палатъ, а дѣла Вотчинной Коллегіи сданы въ архивъ, получившій названіе Государственнаго Архива Вотчинныхъ Дѣлъ.

Остальныя Коллегіи, т. е., Иностранныхъ Дѣлъ, Военная, Адмиралтейская и Коммерціи остаются нетронутыми до учрежденія министерствъ. Къ нимъ присоединяется вновь образованная Медицинская Коллегія.

Въ концѣ царствованія Екатерины центральное управленіе, какъ мы уже знаемъ, проникается личнымъ началомъ: появляются во главѣ разныхъ частей управленія довѣренныя отъ верховной власти лица, передъ ней одной отвѣтственныя, т.е. иначе министры, хотя это названіе и не употребляется. Коллегіальное устройство исчезаетъ безслѣдно. Императоръ Павелъ I, правда, возстановляетъ коллегіи, но не надолго. При немъ личное начало еще болѣе усиливается. Планъ Екатерины завершается имми. Александромъ I чрезъ учрежденіе министерствъ въ 1802 г. предварительно въ видѣ, такъ сказать, опыта, а въ 1811 году по плану Сперанскаго окончательно.

§7) Областныя установленія.*)

а) Областныя установленія по законодательству Петра Великаго. Въ началѣ своего царствованія Петръ Великій оставилъ мѣстное управленіе Россіи въ прежнемъ положеніи: по прежнему воеводы съ „товарищи" чинили судъ по дѣламъ гражданскимъ, по прежнему они вѣдали полицію и финансы, на прежнемъ основаніи губные старосты судили дѣла уголовныя. Только торгово-промышленный классъ въ 1699 году, какъ было указано при изученіи состоянія городскихъ обывателей, получилъ особую организацію и былъ изъятъ изъ-подъ власти воеводъ; да въ 1702 году уничтожены губные старосты и уголовный судъ переданъ въ руки воеводъ, съ которыми приказано „вѣдать всякія дѣла дворянамъ - тѣхъ городовъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, добрымъ и знатнымъ людямъ, по выбору тѣхъ городовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ" (Полн. Собр. Зак. N 1900), т.е. выборнымъ дворянамъ, получившимъ впослѣдствіи названіе ландратовъ, или земскихъ совѣтниковъ. Этимъ пока и ограничились измѣненія, введенныя въ областное управленіе; все остальное оставалось по старому до 1708 года, поворотнаго въ исторіи нашихъ мѣстныхъ установленій.

Организація арміи на новыхъ началахъ, созданіе флота, война съ Швеціей вызывали большія издержки, требовали новыхъ налоговъ, и Петру Великому необходима была сильная власть на мѣстахъ, которая, являясь лично отвѣтственной предъ верховной властью, собирала бы эти налоги и расходывала ихъ на мѣстѣ по указанію, равно какъ, осуществляя различныя порученія, могла бы дѣйствовать быстрѣе и энергичнѣе приказовъ и воеводъ. Но чтобы создать такую власть, необходимо было прежде всего покончить съ разнообразіемъ областныхъ единицъ, развивавшихся истори-

*) См. Мрочекъ-Дроздовскаго - *„Областное управленіе Россіи XVIII вѣка,"* Лохвицкаго: *„Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія"*

чески, разнообразіемъ, вносившимъ въ сферу областнаго управленія много неопредѣленности, мѣшавшимъ правильнымъ сношеніямъ центральной власти съ мѣстными установленіями и затруднявшимъ надзоръ за ихъ дѣйствіями. Итакъ, потребность въ сильной, энергичной и отвѣтственной власти на мѣстахъ и необходимость для ея созданія измѣнить прежнюю бытовую область въ искусственную, пріуроченную къ цѣлямъ правительства, - вотъ главныя причины, приведшія къ административному раздѣленію Россіи на новыхъ началахъ и къ реформамъ мѣстныхъ установленій.

Въ дѣятельности Петра въ этомъ отношеніи можно различить два періода. Первый начинается съ 1708 года и представляетъ собою переходную эпоху въ сферѣ областнаго управленія, когда приводятся постепенно въ порядокъ начала, выработанныя въ теченіе XVII вѣка; второй открывается въ 1719 году, когда созданная въ первый періодъ система управленія видоизмѣняется.

18 декабря 1708 года былъ изданъ именной указъ, въ которомъ говорится, что „Великій Государь указалъ въ своемъ Великомъ государствѣ для всенародной пользы учинить 8 *губерній* и къ нимъ росписать города". Первое мѣсто въ перечисленіи новыхъ административныхъ единицъ отведено Московской губерніи съ 39 городами; второе мѣсто занимаетъ Ингерманландская (съ 1710 года - Санктпетербургская), образованная еще въ 1706 году путемъ присоединенія къ завоеваннымъ ранѣе Лифляндіи, Кореліи, Ингерманландіи и др. русскихъ областей: Новгорода, Пскова, Великихъ Лукъ и др.; къ ней приписано 29 городовъ, кромѣ С.-Петербурга. Далѣе слѣдуютъ Кіевская (56 городовъ), Смоленская (27), Архангелогородская (20), Казанская (71), Азовская (52), и Сибирская (30 городовъ) (Полн. Собр. Зак. № 2218). Однимъ изъ основаній приписки того или другаго города къ назначенному центру послужила большая или

меньшая близость перваго къ последнему, отсюда неравномерность въ количестве городовъ по губерніямъ, неравномерность последнихъ по пространству и механическое соединеніе местностей, не имевшихъ ничего общаго между собою ни въ историческомъ, ни въ этнографическомъ отношеніи. Дальнейшимъ подразделеніемъ губерніи являлся *уездъ*, тянувшій въ административномъ отношеніи къ приписанному къ губерніи городу, такъ что каждый городъ имеетъ свой районъ, причемъ губернскій городъ, кроме значенія общаго центра для всей области, имеетъ значеніе центра частнаго по отношенію къ своему спеціальному району (уезду). Въ виду того, что некоторыя губерніи были очень велики объему, между губерніей и уездомъ необходима была посредствующая единица, и такой единицей явилась *провинція*, образовавшаяся въ эту первую эпоху, по всей вероятности, административнымъ порядкомъ, такъ какъ законодательнымъ путемъ деленіе губерній на провинціи состоялось только въ 1719 году. Наконецъ, въ 1710 году введено новое областное деленіе, по значенію равное уезду: это такъ называемыя *доли*, изъ которыхъ каждая имела 5536 дворовъ. Это разделеніе губерній на доли имело сперва характеръ деленія спеціальнаго, установленнаго для целей военныхъ (наборъ рекрутовъ) и финансовыхъ (сборъ податей), но впоследствіи изъ него думали сделать общее деленіе (Полн. Собр. Закон. N 2305).

Во главе губерніи стояли правители, назначавшіеся, большею частью, именными указами и называвшіеся вообще губернаторами, а въ частности или генералъ-губернаторами, если управляли губерніями, бывшими на военномъ положеніи (С.-Петербургской и Азовской), или вице-губернаторами, каковы начальники Архангелогородской губерніи. Но эти названія ничего не прибавляли и не убавляли въ ихъ власти: генералъ-губернаторы и вице-губернаторы были начальниками своихъ губерній съ

такой же степенью власти, съ какой во всѣхъ другихъ были губернаторы.

А власть эта была всеобъемлющей, въ особенности со времени учрежденія Сената. Какъ въ рукахъ Сената было все по отношенію къ общегосударственнаго управленію, такъ и въ рукахъ губернатора, представителя Сената въ области, сосредоточивалось все относительно мѣстнаго управленія. Онъ былъ и судьей, и администраторомъ, и въ этомъ послѣднемъ качествѣ вѣдалъ всѣ дѣла по военному и финансовому управленію, имѣлъ попеченіе о различныхъ сторонахъ народнаго благосостоянія, осуществлялъ функціи по полиціи безопасности. Центральная власть сносилась, за немногими исключеніями, непосредственно съ губернаторомъ; передъ нею онъ былъ отвѣтственъ по всѣмъ вопросамъ областнаго управленія. Это ставило въ зависимость отъ губернатора прочихъ областныхъ правителей, хотя отношенія его къ этимъ послѣднимъ были въ эту эпоху въ общемъ неопредѣленны. Такъ, эти правители иногда сносились съ центральною властью непосредственно, равномѣрно, и отъ нея непосредственно же получали указы, и, слѣдовательно, разсматривались ею, какъ власти, равныя губернатору. Впрочемъ, съ учрежденіемъ Сената, когда централизація дѣлаетъ замѣтные успѣхи, эта неопредѣленность въ отношеніяхъ власти губернской и уѣздной мало-по-малу исчезаетъ: губернатору все болѣе и болѣе подчиняются не только общественныя установленія, но и второстепенные областные правители.

Къ числу этихъ правителей, управлявшихъ извѣстною частью губерній - уѣздомъ, провинціей, долей, - принадлежали *вице-губернаторы, оберъ-коменданты, коменданты, ландраты и ландрихтеры.*

Вице-губернаторы, какъ второстепенные правители, являлись или помощниками губернатора, т.е., состоя при немъ, вѣдали разные вопросы общаго губернскаго управленія, или же второстепенными правителями въ

собственномъ смыслѣ, управлявшими провинціей или уѣздомъ на общемъ съ губернаторами основаніи. Впрочемъ, вице-губернаторы существовали не во всѣхъ губерніяхъ, а тамъ, гдѣ они были, они чаще являлись въ качествѣ помощниковъ губернатора, чѣмъ самостоятельными правителями той или другой части губерніи; слѣдовательно, институтъ вице-губернаторовъ въ это время не былъ еще достаточно опредѣленъ.

Оберъ-коменданты и коменданты были начальниками первые, — большею частью, провинцій, вторые — уѣздовъ и командирами мѣстныхъ гарнизоновъ. Оберъ-коменданты были, конечно, старшими, хотя отношенія между этими должностями выяснены въ указахъ вообще недостаточно. Какъ начальники гарнизоновъ, эти областные правители являлись, главнымъ образомъ, военными администраторами, какъ чиновники гражданскаго управленія, они несли общія правительственныя обязанности, т.е. были администраторами и судьями ввѣренной имъ части губерніи.

Ландраты, или земскіе совѣтники, представляли собою выборныхъ изъ дворянъ чиновниковъ, утверждавшихся въ должности правительствомъ, а иногда и прямо имъ назначавшихся. Выше было сказано, что уничтоживъ губныя учрежденія, Петръ Великій передалъ дѣла послѣднихъ воеводамъ, которые должны были вѣдать ихъ при участіи выборныхъ изъ дворянъ. При учрежденіи губерній въ 1708 г., земскій элементъ былъ забытъ въ мѣстномъ управленіи и вновь организованъ лишь по указу 1713 года по образцамъ нѣмецкимъ. Стремясь о введеніи повсюду коллегіальныхъ формъ съ цѣлью ограничить единоличный произволъ правителей, Петръ повелѣлъ этимъ указомъ учинить *ландратовъ* въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, въ меньшихъ по 8, и составить изъ нихъ ландратскій совѣтъ для обсужденія всѣхъ вопросовъ по областному управленію вмѣстѣ съ губернаторомъ, который долженъ быть въ этомъ совѣтѣ „не яко властитель, но яко президентъ", пользу-

ясь лишь по отношенію къ остальнымъ членамъ преимуществомъ двухъ голосовъ (Полн. Собр. Зак. N 2673). Но, являясь на первыхъ порахъ губернаторскими совѣтниками, ландраты скоро стали правителями тѣхъ долъ, на которыя подѣлены были въ 1710 году уѣзды. Именно, въ 1715 году оберъ-коменданты и коменданты уничтожены и замѣнены ландратами, изъ которыхъ каждый правилъ въ провинціи и уѣздѣ своею долей на общемъ основаніи, т. е. былъ судьей и администраторомъ и въ качествѣ таковаго подлежалъ надзору губернатора; земскій элементъ перешелъ, такимъ образомъ въ бюрократическій.

Ландрихтеры, или *земскіе судьи*, были также какъ и ландраты или чиновниками по назначенію, или правительственными чиновниками по выбору общества. Должность эта, заимствованная изъ Швеціи, являлась какъ показываетъ названіе, судебной по преимуществу, но не исключительно, такъ какъ въ этотъ періодъ полнаго еще смѣшенія судебныхъ и административныхъ функцій ландрихтерамъ поручались разныя дѣла, предоставлялись различныя полномочія. Такъ напр., ландрихтеры управляли иногда провинціями на общемъ основаніи, иногда же на нихъ возлагались такія спеціальныя порученія, какъ проводы губернскихъ партій рабочихъ на тульскіе заводы (Полн. Собр. Зак. N 2806).

Областныя установленія въ кругѣ ввѣренныхъ имъ задачъ дѣйствовали подъ верховнымъ надзоромъ Сената. Для этой цѣли при немъ состояли комиссары отъ губерній для сношенія съ послѣдними Сената, и оберъ-фискалъ, подъ начальствомъ котораго должны были осуществлять функціи тайнаго надзора на мѣстахъ провинціалъ-фискалы и городовые фискалы, назначавшіеся изъ мѣстныхъ служилыхъ людей или избиравшіеся изъ купцовъ. О всѣхъ этихъ органахъ было сказано въ своемъ мѣстѣ.

Такова система мѣстнаго управленія перваго періода учрежденія губерній. Это не болѣе, какъ по-

пытка измѣнить бытовую область въ административную, замѣнить областныя установленія XVII вѣка губернскимъ управленіемъ, попытка во многомъ неудачная, породившая на первыхъ порахъ лишь одинъ хаосъ и неопредѣленность. Предстояла еще большая работа, чтобы устранить этотъ хаосъ и неопредѣленность, превратить чисто механическую связь, въ которую были поставлены различныя по объему и значенію областныя единицы, въ стройную систему управленія. Отсюда понятны тѣ частичныя измѣненія и поправки, которыя совершаются то въ силу закона, то путемъ одной лишь практики въ теченіе всего разсматриваемаго періода, пока новыя областныя начала не выразились въ учрежденіи 1719 года, открывающаго второй періодъ въ исторіи петровскихъ областныхъ установленій.

29 мая 1719 года издается указъ, которымъ устанавливается новое дѣленіе Россіи на 11 губерній. Между губерніей и уѣздомъ оффиціально ставится посредствующая единица - провинція. Первое мѣсто въ новомъ расписаніи губерній отдается уже губерніи *С.-Петербургской* съ 12 провинціями, второе - *Московской* съ 9 провинціями; далѣе слѣдуютъ: *Архангелогородская* съ 4-мя, *Казанская* съ 4-мя, *Азовская* съ 5-ью, *Нижегородская* съ 2-мя, *Кіевская* съ 4-мя, *Астраханская* безъ провинцій, *Рижская* съ 2-мя, *Ревельская* безъ провинцій и *Сибирская* съ [illegible]-мя провинціями. По объему и названію провинціи отчасти напоминаютъ наши нынѣшнія губерніи. Такъ напр., въ С.-Петербургской губерніи между прочимъ встрѣчаются такія провинціи: С.-Петербургская, Выборгская, Новгородская, Псковская, Тверская, Ярославская; въ Московской - Московская, Костромская, Владимірская, Тульская, Калужская и т.д. (Полн. Собр. Зак. Т 3380).

Указанное раздѣленіе на губерніи совпало съ реформами въ центральномъ управленіи. Это обстоятельство не могло не повліять и на систему областного

управленія. Нѣкоторыя должности совершенно упраздняются или замѣняются новыми; правительство съ учрежденіемъ коллегій, между которыми безъ остатка распредѣляются всѣ дѣла управленія, стремится и въ области возможно правильнѣе распредѣлить дѣла, для чего судъ и финансовое управленіе выдѣляются изъ вѣдомства администраціи; это вызываетъ необходимость въ созданіи новыхъ должностей.

Во главѣ губерній по прежнему остаются *губернаторы, генералъ-губернаторы и вице-губернаторы.* Но власть этихъ главныхъ начальниковъ, за немногими исключеніями, измѣняется: изъ полныхъ хозяевъ губерній, непосредственныхъ представителей Сената, они низводятся на степень подчиненныхъ органовъ, дѣйствующихъ по предписаніямъ изъ центральныхъ мѣстъ — коллегій, которыя становятся между областью и Сенатомъ.

Для общего управленія провинціи создается новая должность *воеводы.* Воеводы въ силу инструкціи, изданной въ этомъ же 1719 году, завѣдуютъ всѣми отраслями провинціальнаго управленія. Инструкція эта предписываетъ воеводамъ: наблюдать, чтобъ шпіоны не дѣлались, чтобъ крѣпости и мѣры защиты отъ непріятеля были въ исправности; содѣйствовать расположенію полковъ, движенію войскъ, мѣрамъ полиціи противъ нарушенія правъ величества; заботиться о доходахъ государственныхъ, о переписи, о казенныхъ заводахъ, о добываніи руды, о лѣсахъ; наблюдать за всѣми чинами, въ особенности же за служащими по части обороны, чтобъ они дѣйствовали по инструкціямъ; имѣть особенное попеченіе о пользахъ и преимуществахъ церкви и о народномъ образованіи; слѣдить за дѣйствіями судовъ, устраняя волокиту и распоряжаясь приведеніемъ въ исполненіе приговоровъ; охранять права безопасности мѣстныхъ жителей, преслѣдуя гулящихъ людей и нищихъ, штрафуя подающихъ милостыню и потворствующихъ (тѣмъ тунеядцамъ); наблюдать за исправностью

дорогъ, за правильностью мѣръ, вѣсовъ, монетъ; поощрять торговлю и промыслы; назначать опеки надъ помѣщиками, доводящими до запустѣнія свои деревни (Полн. Собр. Зак. № 3294). Осуществляя такія разнообразныя обязанности, воеводы, какъ правители извѣстныхъ частей губерніи, находились, конечно, подъ надзоромъ губернатора, но объ отношеніяхъ этихъ двухъ должностей въ законѣ не говорится ничего. Воеводской инструкціей обязанъ былъ по закону (Полн. Собр. Зак. № 3386) руководствоваться и губернаторъ, т.е. онъ наравнѣ съ воеводой несъ однѣ и тѣже обязанности. Но на практикѣ губернаторъ долженъ былъ въ силу вещей сдѣлаться органомъ, направляющимъ и контролирующимъ, какъ глава губерніи, воевода же сталъ нормальнымъ типомъ управителя, вѣдающаго подъ начальствомъ губернатора всѣ вопросы мѣстной администраціи.

Къ спеціальнымъ должностямъ, учрежденнымъ въ губерніи по вѣдомству финансовому, относятся *камериры*, или надзиратели сборовъ, и *рентмейстеры*, или казначеи.

Камериръ, непосредственно подчиненный Камеръ-Коллегіи, вѣдалъ всѣ доходы и наблюдалъ за своевременнымъ и правильнымъ ихъ сборомъ. Онъ же производилъ торги по всѣмъ казеннымъ подрядамъ и откупамъ и представлялъ ихъ на утвержденіе Камеръ-Коллегіи.

Рентмейстеръ, поставленный подъ непосредственную власть Штатсъ-Конторъ-Коллегіи, завѣдывалъ пріемомъ, храненіемъ и отпускомъ денегъ, велъ приходо-расходныя книги и смотрѣлъ за всѣми провіантскими магазинами. Безъ предписанія губернатора и камерира рентмейстеръ не имѣлъ права производить денежныхъ выдачъ; слѣдовательно, находился не только подъ контролемъ губернатора, но даже и камерира. Послѣдній вмѣстѣ съ губернаторомъ или воеводой производилъ по окончаніи года ревизію всему хранившемуся у рентмейстера, который за всякую недостачу, происшедшую по его винѣ, под-

вергался наказанію, а за умышленную растрату „какъ государственные тати", лишенію чести, жизни и имѣнія своего. Рентмейстеры назначались и въ провинціи, гдѣ, исполняя прямыя свои обязанности, слѣдили, сверхъ того, подобно камерирамъ, за правильнымъ поступленіемъ доходовъ, отдавая отчеты по этимъ вопросамъ непосредственно камерирамъ. Для сбора же податей въ уѣздахъ назначались земскіе комиссары.

Земскіе комиссары, существовавшіе уже съ 1715 года также для сбора податей, выбирались изъ среды дворянъ и по вопросамъ финансоваго управленія поставлены теперь въ зависимость отъ камерировъ. Но съ уничтоженіемъ въ 1719 году ландратовъ, земскіе комиссары, кромѣ функцій финансовыхъ, несутъ обязанности по общему управленію въ уѣздѣ. Для помощи въ осуществленіи этихъ обязанностей при земскомъ комиссарѣ состоятъ нижніе комиссары, мостовые надзиратели и нѣсколько другихъ низшихъ служителей, смотря по величинѣ уѣзда.

Непосредственное завѣдываніе судомъ возлагается теперь въ главныхъ городахъ Имперіи: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Курскѣ, Ярославлѣ, Воронежѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Смоленскѣ на *надворные суды* или *гофгерихты*, назначенные чинить судъ и расправу въ своемъ округѣ по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. Низшею инстанціею по отношенію къ этимъ надворнымъ судамъ являлись *нижніе гофгерихты*, учрежденные въ главныхъ городахъ провинцій. Всякое дѣло поступало сперва въ нижній судъ и рѣшалось въ немъ, если послѣдній имѣлъ право рѣшить его, въ противномъ случаѣ, оно переносилось въ надворный судъ. Но и надворные суды не могли окончательно произносить смертныхъ приговоровъ: на это нужно было утвержденіе губернатора; если послѣдній не соглашался съ опредѣленіемъ надворнаго суда, дѣло переносилось въ Юстицъ-Коллегію. Тотъ же порядокъ соблюдался въ томъ случаѣ, когда тяжущіеся были недовольны рѣше-

или нижняго гофгерихта или надворнаго суда. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не существовало гофгериховъ, судъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ по прежнему оставался въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ; только въ помощь имъ были приданы *ассесоры* одинъ или два, смотря по надобности. Кромѣ того, въ городахъ, отдаленныхъ отъ главнаго города провинціи, назначены были для суда по искамъ, непревышавшимъ своею цѣною 20 рублей, *судные коммиссары*, по одному на каждый городъ. Ландрихтеры были упразднены.

За дѣятельностью всѣхъ перечисленныхъ должностей слѣдять, по прежнему, фискалы.

Такъ видоизмѣнилась система губернскаго управленія послѣ втораго учрежденія губерній. Если здѣсь видно развитіе началъ, положенныхъ въ основу областнаго управленія и внесеніе въ него большей стройности, то съ другой стороны, умноженіе должностей, которыя считаются теперь сотнями и тысячами, не могло не отзываться тяжело на обществѣ, поставленномъ подъ сильную административную опеку. Правда, должности эти организуются на началахъ государственныхъ: новые областные правители являются чиновниками, обязанными управлять ввѣренной имъ частью въ интересахъ государства, а не для своихъ корыстныхъ цѣлей; самая служба перестаетъ быть доходною статьей, какъ это было при системѣ воеводскаго управленія XVII вѣка, она становится обязанностью, за добросовѣстное исполненіе которой чиновникъ получаетъ опредѣленное жалованье: однако самая идея службы, какъ обязанности, осуществляемой въ интересахъ исключительно государственныхъ, туго прививается въ жизни; старинное начало кормленія еще живо въ сознаніи органовъ администраціи, и злоупотребленія, хищничество, взятки, не смотря на строгій надзоръ и жестокое преслѣдованіе, стали проявляться съ большей силой, чѣмъ прежде.

Поэтому, вскорѣ наступаетъ реакція реформамъ Петра

въ области мѣстнаго управленія Уже преемница его, Императрица Екатерина I, измѣняетъ и измѣняетъ въ существенныхъ чертахъ систему созданнаго имъ областнаго управленія Въ 1727 году издается указъ, которымъ отмѣняются многія установленія Петра Мотивомъ такой отмѣны являлось убѣжденіе, что „увеличеніе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ не токмо служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной; понеже вмѣсто того, что прежде къ одному правителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ, нынѣ къ десяти и можетъ и больше, а тѣ всѣ разные управители имѣютъ свои особливыя канцеляріи и канцелярскихъ служителей и особливый свой судъ, и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ, и всѣ тѣ управители и канцелярскіе служители *пропитанія своего хотятъ*, умалчивая о другихъ непорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей къ вящшей народной тягости ежедневно происходятъ или и происходить будутъ" (Полн. Собр. Зак. N5017). Надворные и нижніе суды, камериры, земскіе коммиссары, рентмейстеры - все это упраздняется, и, такимъ образомъ, вся власть предоставляется губернаторамъ и воеводамъ Воеводы стали разбирать всѣ судебныя дѣла, какъ гражданскія, такъ и уголовныя, воеводы стали завѣдывать сборами податей и пошлинъ, воеводы стали управлять дѣлами полицейскими, губернаторъ же, какъ и прежде, являлся главою губернскаго управленія, ограничиваясь лишь властью Императора, Сената и коллегій. Такая система оставалась почти безъ всякихъ измѣненій въ теченіе полустолѣтія, до самаго изданія *Учрежденія о губерніяхъ* 1775 года Императрицею Екатериною II.

б) *Областныя установленія по законодательству Екатерины II.* Исходя изъ того убѣжденія, что цѣлое не можетъ быть хорошо, если отдѣльныя его части будутъ

не въ исправленіи", Екатерина II считала необходимымъ произвести коренную реформу въ областномъ управленіи, что и осуществила своимъ знаменитымъ „Учрежденіемъ для управленія губерній Всероссійскія Имперіи", изданнымъ 7 ноября 1775 года. Этимъ „Учрежденіемъ" создана та система областного управленія, которая съ небольшими измѣненіями существовала до реформъ Александра II, а въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, именно, по отношенію къ губернскимъ правительственнымъ установленіямъ продолжаетъ существовать до настоящаго времени. Основнымъ принципомъ, на которомъ строится „Учрежденіе", является *децентрализація*, сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ государственнаго управленія въ центрѣ признано несостоятельнымъ для „исправленія частей", столь важнаго въ интересахъ „совершенства вѣры".

Во введеніи къ Учрежденію подробно излагаются мотивы, вызывавшіе необходимость реформы. Мотивы эти состоятъ въ слѣдующемъ: „по великой обширности губерній, оныя недостаточно снабжены, какъ правительствами, такъ и [illegible] къ управленію людьми, [illegible] и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи, [illegible] казенные доходы и [illegible] съ благочиніемъ или полиціею, и сверхъ того еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются. Происходящее отъ того неустройство весьма ощутительно: съ одной стороны, медленность, упущенія, волокиты суть естественныя послѣдствія таковаго неудобнаго и недостаточнаго положенія, ... съ другой стороны отъ медлительнаго производства возрастаютъ своевольство и ябеда обще съ другими пороками".

Для устраненія указанныхъ недостатковъ управленія были приняты слѣдующія мѣры: 1) Имперія раздѣлена на губерніи меньшія по объему, чѣмъ прежнія. Предполагалось, что губернія „дабы порядочно могла быть управляема", должна имѣть отъ 300 до 400 тысячъ жителей. Такихъ губерній образовано [illegible] 40. 2) Всѣ

судебныя и административныя дѣла раздѣлены между отдѣльными установленіями, дѣйствующими на основаніи законовъ болѣе или менѣе самостоятельно. Съ этою цѣлью коллегіи упраздняются и переносятся изъ столицъ въ губернію подъ именемъ палатъ. 3) Личный составъ мѣстной администраціи оживленъ множествомъ выборныхъ должностей отъ сословій.

Переходя къ обзору тѣхъ многочисленныхъ органовъ управленія, которые созданы Учрежденіемъ, надо имѣть въ виду, что три главныя функціи государственной дѣятельности: полиція, финансы, судъ были раздѣлены въ губерніи.

Во главѣ губерніи стоитъ *государевъ намѣстникъ, или генералъ-губернаторъ* (ст. 2), назначаемый непосредственно Императорскимъ Величествомъ (ст. 59). Намѣстникъ получилъ двоякое значеніе: одно общее, какъ органъ государственнаго надзора по всѣмъ частямъ управленія, другое — частное, какъ главный начальникъ полиціи. Въ качествѣ органа государственнаго надзора, намѣстникъ долженъ былъ: „строгое и точное взысканіе чинить со всѣхъ ему подчиненныхъ мѣстъ и людей о исполненіи законовъ и опредѣленнаго имъ званія и должностей, но безъ суда да не накажетъ никого: преступниковъ законовъ и должностей да отошлетъ, куда по узаконеніямъ слѣдуетъ для суда, ибо государевъ намѣстникъ не есть судья, но оберегатель Импер. Величества изданнаго узаконенія, ходатай за пользу общую и Государеву, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ ...“ (ст. 81 и 82). Но объявляя, что генералъ-губернаторъ не есть судья, Учрежденіе о губерніяхъ ставитъ, однако, и дѣятельность судебныхъ мѣстъ подъ его контроль, именно: „государевъ намѣстникъ долженствуетъ вступаться за всякаго, ко[illegible] дѣламъ волочатъ, и принуждать судебныя мѣ[illegible] своего намѣстничества рѣшить такое-то дѣло, но отнюдь не мѣшается въ производство онаго, ибо онъ есть“, повторяетъ Учрежденіе, „яко хозяинъ своей губерніи, а не

зудья" (ст.85). „Но еслибъ въ судебномъ мѣстѣ определено было, что несправедливо, то государевъ намѣстникъ можетъ остановить исполненіе, и доноситъ Сенату, а о времени нетерпящихъ дѣлахъ и Импер. Величеству. Сіе наипаче касается до дѣлъ уголовныхъ въ присужденіи къ отнятію у кого жизни или чести. и по такимъ дѣламъ исполненіе и вовсе быть не должно, не доносся генералъ-губернатору" (ст. 86).

Въ качествѣ главнаго начальника полиціи, намѣстникъ обязанъ „пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишества, безпутство, мотовство, тиранство и жестокости (ст.84), предупреждать могущій быть въ его намѣстничествѣ всякій недостатокъ въ нужныхъ для жизни припасахъ, какъ то въ хлѣбѣ въ соли и пр" (ст. 87).

Наконецъ, на намѣстника возлагаются нѣкоторыя обязанности по финансовому и военному управленію: „точность сборовъ и сохраненіе въ томъ порядка безотягчительнаго принадлежитъ до попеченія генералъ-губернатора и отдача рекрутъ должна быть подъ его рачительнымъ присмотромъ" (ст. 88).

При изданіи Учрежденія 1775 г. предполагалось назначать намѣстниковъ въ каждую губернію и, такимъ образомъ, отождествить послѣднюю съ намѣстничествомъ, но при введеніи его въ дѣйствіе Императрица отступила отъ этого плана. Въ росписаніи намѣстничествъ, составленномъ въ 1781 году (Полн. Собр. Зак. № 15171), назначено ихъ не 40, а только 17, причемъ нѣкоторыя губерніи совсѣмъ не получили намѣстника, другія были соединены большею частью по двѣ, но встрѣчаются намѣстничества изъ одной губерніи (Московское и Рижское) и одно намѣстничество въ 4 губерніи (отданное Потемкину). Это обстоятельство придало особый характеръ должности намѣстника: изъ нормальнаго типа высшей должности въ системѣ мѣстныхъ установленій, какъ это предполагалось Учрежденіемъ, намѣстникъ сталъ органомъ чрезвычайнымъ

связь между намѣстниками и прочими губернскими, или намѣстническими установленіями была порвана.

Для управленія и полиціи учреждено [illegible] или *губернское правленіе*, въ составъ котораго входятъ подъ предсѣдательствомъ намѣстника, правитель намѣстничества, или губернаторъ съ двумя совѣтниками.

Губернское правленіе, по опредѣленію Учрежд., есть мѣсто, которое управляетъ въ силу законовъ [illegible] Имп. Величества всею губерніею, обнародываетъ и объявляетъ повсюду въ подчиненныхъ ему областяхъ законы, указы, учрежденія, повелѣнія и приказанія Имп. [illegible] и выходящія изъ Сената и изъ прочихъ государ[illegible] на то власть имѣющихъ" (ст. 95). На губернское правленіе возложено наблюденіе за правильнымъ и точнымъ исполненіемъ закона, принятіе полицейскихъ мѣръ къ прекращенію всякаго безпорядка и всякихъ беззаконныхъ дѣйствій (ст. 96), производство исполнительныхъ дѣлъ, взысканій по обязательствамъ безспорнымъ (97), наложеніе арестовъ и понужденіе подчиненныхъ мѣстъ къ рѣшенію дѣлъ (98). Хотя губернское правленіе и состоитъ изъ нѣсколькихъ лицъ, но въ сущности оно устроено на началахъ бюрократическихъ, такъ какъ оно имѣетъ лишь совѣщательный голосъ при особѣ намѣстника, который пользуется рѣшительнымъ голосомъ.

Губернатору Учрежденіемъ дано такое значеніе, какое въ настоящее время принадлежитъ вице-губернатору [illegible] старшаго предсѣдателя правленія, исправляющаго должность намѣстника въ случаѣ его отсутствія. Это обстоятельство имѣло важное послѣдствіе при введеніи въ дѣйствіе Учрежденія. Намѣстники, какъ сказано выше, были назначены не во всѣ губерніи и губернаторы фактически стали дѣйствительными правителями послѣднихъ, получивъ то значеніе въ составѣ губернскаго правленія, какое остается за ними до сихъ поръ.

Губернскому правленію, какъ высшему органу полиціи, былъ предоставленъ надзоръ за всѣми полицейскими установленіями губерніи.

А такими установленіями являлись въ уѣздѣ - *нижній земскій судъ съ земскимъ исправникомъ, или капитаномъ* во главѣ, а въ городахъ - *городничій или комендантъ*. Надо замѣтить, что губерніи раздѣлены были Учрежденіемъ на уѣзды такъ, чтобы въ каждомъ было отъ 20 до 30 тысячъ душъ, при этомъ уѣзды получили особыя отъ городовъ установленія.

Нижній земскій судъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ земскаго исправника или капитана изъ двухъ (а иногда и трехъ) засѣдателей отъ дворянства и изъ двухъ засѣдателей нижней расправы. Земскій исправникъ и первые два засѣдателя назначались на должность по выбору дворянства съ утвержденія губернатора. На обязанность нижн. земскаго суда возложено: 1) сохраненіе въ уѣздѣ благочинія, добронравія, порядка; 2) наблюденіе за исполненіемъ законовъ обывателями уѣзда; 3) приведеніе въ исполненіе повелѣній Губернс. Правленія и рѣшеній всѣхъ судебныхъ мѣстъ; 4) надзоръ за торговлей; 5) искорененіе бродяжничества; 6) попеченіе объ исправномъ состояніи дорогъ и мостовъ (ст. 244). Сверхъ того въ особенности на *земскаго исправника* возлагалось: принятіе мѣръ противъ эпидемій и эпизоотій, предупрежденіе насилій, искорененіе скопищъ воровъ, принятіе мѣръ противъ пожаровъ и пр. (ст. 208 - 252).

Городничій назначался Сенатомъ по представленію губернскаго правленія (ст. 71) только въ тотъ городъ, гдѣ не было коменданта и осуществлялъ тѣ же полицейскія обязанности, какія возложены были на земскаго исправника въ уѣздѣ. Совѣщательнымъ органомъ при городничемъ была *Управа благочинія, введенная уставомъ благочинія 1782 г.*

Финансовое управленіе въ губерніи было поручено *Казенной палатѣ*, которая, по опредѣленію Учрежд., „ничто иное есть, какъ соединенный департаментъ Камеръ и Ревизіонъ коллегій, которому поручаются въ смотрѣніе домостроительныя и казенныя дѣла той губерніи“ (ст. 118). Казенная Палата состоитъ подъ предсѣдательствомъ

вице-губернатора изъ директора экономіи, одного совѣтника, двухъ ассессоровъ и одного губернскаго казначея (117). Предметами вѣдомства казенной палаты были дѣла по составленію вѣдомостей о числѣ народонаселенія, по приходу и расходу казенныхъ суммъ, по ревизіи счетовъ, по завѣдыванію различными доходными статьями казны (винными откупами, подрядами), по завѣдыванію губернскими зданіями и ихъ содержаніемъ (ст. 118). Въ уѣздѣ казенная палата имѣла свой особый органъ въ лицѣ уѣзднаго казначея, который завѣдывалъ пріемомъ, храненіемъ и выдачей казенныхъ суммъ (ст. 124 - 127).

Судъ по Учрежденію организованъ очень сложно. Судебныя установленія можно раздѣлить на общія и спеціальныя. Общихъ, въ свою очередь, было два типа: коронные суды и суды выборные (сословные). Каждое сословіе при этомъ получило по два суда - одинъ для уѣзда, другой для губерніи. Уѣздныя судебн. установленія были первою инстанціей, губернскіе - второй, коронные суды - третьей.

Для дворянъ установлены: *уѣздный судъ* и *верхній земскій судъ*. *Уѣздный судъ* состоитъ изъ уѣзднаго судьи и двухъ засѣдателей избираемыхъ черезъ каждые 3 года дворянствомъ и утверждаемыхъ губернаторомъ (66, 67, 196). Уѣздный судъ составлялъ низшую степень суда для дворянъ и разночинцевъ по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ (197). Но самъ собою онъ не вступался ни въ какое дѣло, а всегда не иначе, какъ по жалобѣ или иску частныхъ лицъ или по сообщенію и представленію другихъ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ и лицъ (198). Всякіе акты на недвижимое имущество, въ уѣздѣ находящееся, подлежали явкѣ въ уѣздный судъ (205). Дѣла гражданскія, непревышавшія цѣнности 25 руб., рѣшались здѣсь окончательно (201), по прочимъ гражданскимъ дѣламъ недовольные могли аппеллировать на рѣшеніе въ теченіе семи дней въ верхній земскій судъ, внеся предварительно аппелляціонныя деньги въ количествѣ 25 руб. (200). Дѣла же уголовныя, по рѣшенію ихъ въ уѣздномъ

судѣ, сами собою поступали въ верхній земскій судъ. При уѣздномъ судѣ состояло особое учрежденіе — *дворянская опека* для дворянскихъ вдовъ и малолѣтнихъ — подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства изъ уѣзднаго судьи и двухъ засѣдателей (209).

Верхній земскій судъ учреждался по одному на губернію, но дозволялось учреждать и болѣе, если обширность губерніи того требовала. Судъ раздѣлялся на два департамента - одинъ для гражданскихъ, другой - для уголовныхъ дѣлъ. Каждый изъ департаментовъ состоялъ изъ предсѣдателя, назначавшагося Императорск. Величествомъ по представленію Сената, и пяти засѣдателей, избиравшихся дворянствомъ чрезъ каждые три года. Дѣла гражданскія, не превышавшія цѣнностью 100 руб рѣшались здѣсь окончательно, прочія могли быть обжалованы въ Палату гражданскаго суда въ недѣльный срокъ со внесеніемъ 100 руб. Дѣла уголовныя подлежатъ ревизіи палатъ уголовнаго суда (164 - 193).

Для городскихъ обывателей были учреждены *городовые магистраты и губернскіе магистраты. Городовые магистраты*, возстановленные Елизаветой, оставлены и Учрежденіемъ. Они составляются изъ бургомистра и двухъ ратмановъ, выбираемыхъ городовымъ купечествомъ и мѣщанствомъ чрезъ каждые три года. Дѣла, подсудныя городовымъ магистратамъ и порядокъ обжалованія ихъ рѣшеній въ губернские магистраты тѣ же, что и въ уѣздныхъ судахъ. Точно также, какъ при уѣздныхъ судахъ состояли дворянскія опеки, при городовыхъ магистратахъ учреждены *сиротские суды* для купеческихъ и мѣщанскихъ вдовъ и малолѣтнихъ сиротъ подъ предсѣдательствомъ городского головы изъ двухъ членовъ магистрата и городского старосты (279 - 293).

Губернскіе магистраты являлись второй инстанціей суда надъ городскими обывателями. Ихъ раздѣленіе на департаменты, дѣла имъ подвѣдомственныя, порядокъ обжалованія ихъ рѣшеній, такіе же, какъ и въ верхнихъ земскихъ судахъ. Въ составъ губернскихъ магистратовъ

входили председатель, назначаемый правительствомъ, и 3 засѣдатели, выбираемые изъ купцовъ и мѣщанъ губернскаго города чрезъ каждые три года (306 - 334)

На тѣхъ же самыхъ основаніяхъ въ городахъ и округахъ, гдѣ жительствовали однодворцы, прежнихъ службъ служилые люди, крестьяне государственные, дворцовые, экономическіе и ямщики, учреждены для нихъ суды подъ названіемъ *нижнихъ расправъ*, гдѣ засѣдали расправный судья, опредѣлявшійся губернскимъ правленіемъ изъ чиновниковъ и 4 засѣдатели, избиравшіеся сельскими обывателями изъ дворянъ, разночинцовъ, или же изъ „беспорочныхъ“ поселянъ (335 - 350). Высшей инстанціей по отношенію къ нижнимъ расправамъ были *верхнія расправы*, состоявшія изъ двухъ департаментовъ, изъ которыхъ въ каждомъ засѣдали председатель, назначавшійся правительствомъ и 5 засѣдателей, избиравшихся поселянами тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ нижнія расправы (350-377).

Коронными судами, представлявшими третью инстанцію, являлись *палата уголовнаго* и *палата гражданскаго суда*, состоявшія каждая изъ председателя, двухъ совѣтниковъ и двухъ ассессоровъ, назначавшихся правительствомъ.

Палата уголовнаго суда, по опредѣленію Учрежденія, „ни что иное есть, какъ Юстицъ Коллегіи департаментъ, которому поручаются особенно уголовныя дѣла и слѣдственныя дѣла въ преступленіи должностей въ той губерніи (106). Въ палату уголовнаго суда вносятся прямо на ревизію палату уголовнаго суда вносятся прямо на ревизію изъ верхняго земскаго суда, губернскаго магистрата и верхней расправы (112) дѣла, кои подвергаютъ обвиняемаго лишенію жизни или чести" (107)

Палата гражданскаго суда, по опредѣленію Учрежденія, ни что иное есть, какъ соединенный департаментъ Юстицъ и Вотчинной Коллегіи, которому поручается аппелляція для ревизіи гражданскихъ дѣлъ на верхній земскій судъ, губернскій магистратъ и верхнюю расправу той губерніи" (115)

Къ спеціальнымъ судамъ относились въ столицахъ *нижніе и верхніе надворные суды. Эти суды вѣдали, какъ*

уголовныя, такъ и гражданскія дѣла надъ чиновниками и военными, временно пребывающими въ столицахъ, а также тѣхъ разночинцевъ, которые не подлежали ни одному изъ сословныхъ судовъ. Организація ихъ одинакова со всѣми сословными судами (488 - 491).

Кромѣ того, въ каждой губерніи были учреждены особые *совѣстные суды*. Совѣстный судъ былъ дѣломъ совершенно новымъ не только для губерніи, но и для страны. Этотъ судъ предназначался для лицъ всѣхъ сословій, а потому и членами его были выборные отъ всѣхъ сословій по два, причемъ, присутствіе его слагалось каждый разъ подъ предсѣдательствомъ совѣстнаго судьи и двухъ членовъ отъ того сословія, къ которому принадлежалъ обвиняемый. Мотивомъ учрежденія этого суда выставляется желаніе „подать руку помощи страждущимъ иногда болѣе по несчастливому какому ни на есть приключенію, либо по стеченію различныхъ обстоятельствъ, отягощающихъ судьбу его выше мѣры имъ содѣяннаго". Къ предметамъ вѣдомства совѣстнаго суда относятся „преступленія, учиненныя безумнымъ или малолѣтнимъ, дѣла колдуновъ, или колдовства, поелику въ оныхъ заключается глупость, обманъ или невѣжество", спорныя дѣла между родителями и дѣтьми объ имуществѣ, примирительное разбирательство по гражданскимъ дѣламъ въ качествѣ третейскаго суда и т.п. Въ числѣ функцій совѣстнаго суда была одна довольно замѣчательная, именно, въ совѣстный судъ дозволялось приносить жалобы на незаконныя заключенія въ тюрьму; всякій, содержавшійся въ тюрьмѣ безъ объявленія причинъ болѣе трехъ дней, могъ жаловаться въ совѣстный судъ; послѣдній немедленно посылалъ повелѣніе, чтобы содержащійся подъ стражей, если онъ только обвинялся не по оскорбленію Величества, не по измѣнѣ, убійству, воровству или разбою, былъ присланъ въ совѣстный судъ вмѣстѣ съ показаніемъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ содержится подъ стражей. Если жалоба оказывалась основательной, то совѣстный судъ могъ освободить его на поруки (395 - 403). Въ такомъ видѣ и съ тою же ком-

веденіею совѣстные суды продолжали существовать до царствованія Имп. Александра II.

Столь же новымъ явленіемъ, какъ и совѣстный судъ, былъ *Приказъ общественнаго призрѣнія.* Установленіе это имѣло весьма разнообразный составъ и назначеніе. Подъ предсѣдательствомъ губернатора въ немъ засѣдали по два [illegible] отъ верхняго земскаго суда, отъ губерн-ска[illegible] и верхней расправы; сверхъ того при-казу дозволялось приглашать въ засѣданіе уѣзднаго предводителя дворянства и городскаго голову. Приказу поручается попеченіе о народныхъ школахъ, установле-ніе сиротскихъ домовъ, госпиталей или больницъ, богадѣленъ, дома для неизлѣчимыхъ больныхъ, дома для сума-сшедшихъ, работныхъ и смирительныхъ домовъ (380) и над-зоръ надъ всѣми этими установленіями; на всѣ эти об-ширныя [illegible] дано было каждому приказу по 15000, при-чемъ дозволено отдавать эти деньги подъ имѣнія за %, вслѣдствіе [illegible] приказы общественнаго призрѣнія явились впослѣдствіи и кредитными установленіями (378 - 394). Приказы существовали до земской рефор-мы Александра II, когда ихъ функціи, кромѣ завѣдыванія „исправительными заведеніями" переданы земскимъ уста-новленіямъ.

Само собою разумѣется, что при такой массѣ должно-стей необходимъ былъ надзоръ за ними и этотъ надзоръ осуществлялся лицами прокуратуры. Прокуратура, учре-жденіе Петра Великаго, которое послѣ него какъ то со-всѣмъ исчезаетъ безъ всякаго о томъ указа, была возста-новлена Екатериной II, которая, перенося коллегіи на мѣста подъ именемъ палатъ, развиваетъ и прокуратуру, соотвѣтственно тѣмъ инстанціямъ, какія учреждались на мѣстахъ. Въ губерніи былъ назначенъ прокуроръ, какъ начальникъ всей губернской прокуратуры и какъ спеці-альный прокуроръ при губернскомъ правленіи [illegible] палатахъ ему [illegible] были помощники [illegible] губернскимъ стряп[illegible] по дѣламъ уголовнымъ, другой [illegible] дѣ-ламъ казеннымъ. Въ каждомъ изъ трехъ верхнихъ судовъ

состояли прокуроры и при нихъ по 2 стряпчихъ. Наконецъ, въ уѣздѣ находился одинъ уѣздный стряпчій. Общая обязанность лицъ прокурорскаго надзора опредѣлена Уч. такъ: „они смотрятъ и бдѣніе имѣютъ о сохраненіи вездѣ всякаго порядка, закономъ опредѣленнаго, и въ производствѣ и отправленіи самыхъ дѣлъ. Они сохраняютъ цѣлость власти, установленій и интереса Имп. Вел.; наблюдаютъ, чтобъ запрещенныхъ сборовъ съ народа никто не собиралъ, и долгъ имѣютъ истреблять повсюду злокоренныя взятки" (404). Но такъ какъ всѣ эти дѣла были поручены и государеву намѣстнику, да притомъ же прокуроръ о замѣченныхъ злоупотребленіяхъ доносилъ не генералъ-прокурору, а губернскому правленію, слѣдовательно, прямо былъ подчиненъ губернской власти, то, само собой понятно, прокуратура не могла получить въ то время достаточнаго развитія и принести существенную пользу.

Таковa была въ общихъ чертахъ система екатерининскаго областного управленія. Отдѣленіе судебной власти отъ административной, введеніе выборнаго элемента въ установленія судебныя, коллегіальность установленій — вотъ тѣ основанія, на которыхъ построена эта система. Главными недостатками ея можно считать сложность, въ особенности, въ области судоустройства, и узко-сословный строй, въ которомъ брало перевѣсъ одно сословіе — дворянское.

При преемникахъ Екатерины вносятся частичныя измѣненія въ областное управленіе, система, созданная ею, въ общихъ своихъ основаніяхъ остается безъ измѣненія до реформъ Имп. Александра II.

Такъ, сложная организація судебныхъ мѣстъ была упрощена Имп. Павломъ: именно, упразднены верхній земскій судъ, губернскій магистратъ и обѣ расправы, а палаты гражданскаго и уголовнаго суда соединены подъ именемъ судебныхъ палатъ. Впослѣдствіи, при Импер. Александрѣ I палаты опять раздѣлены, но въ составъ ихъ вводятся выборные отъ дворянъ. Что же касается сословныхъ

судовъ, то измѣненія, произведенныя Им. Павломъ, удержаны и его преемникомъ, только въ дворянскіе суды, куда должны были теперь обращаться крестьяне, введены выборные отъ этого сословія въ качествѣ засѣдателей. Далѣе, при Им. Александрѣ I было принято за общее правило поручать управленіе губерніями губернаторамъ, а генералъ-губернаторовъ назначать въ такія мѣстности, которыя находятся въ исключительныхъ условіяхъ. При Им. Николаѣ I издана общая инструкція генералъ-губернаторамъ, по которой послѣдній, какъ лицо, облеченное особымъ довѣріемъ государя и посвященное во всѣ планы и виды высшаго правительства, долженъ направлять дѣятельность всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстъ и лицъ сообразно съ этими видами, быть проводникомъ высшихъ предначертаній. Наконецъ, съ учрежденіемъ Министерствъ при Им. Александрѣ I ограничивается и компетенція губернскихъ установленій. Въ силу децентрализаціи вся администрація въ обширномъ смыслѣ, т.е. полиція, финансы, забота о благоустройствѣ и благосостояніи принадлежала вполнѣ губернскимъ установленіямъ подъ слабымъ надзоромъ Сената. Теперь всѣ эти задачи сдѣлались центральными и чѣмъ болѣе развивались министерства, тѣмъ все больше и больше суживался кругъ дѣлъ, подлежавшихъ окончательному рѣшенію губернскихъ установленій, самая связь между ними становилась слабѣе и они постепенно превращались въ мѣстные органы отдѣльныхъ министерствъ.

Конецъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

